

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ им. С.И.ВАВИЛОВА

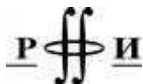
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ФИЗИКИ И МЕХАНИКИ 2011

Ответственный редактор
доктор физико-математических наук
Вл.П. ВИЗГИН

Москва
Физматлит
2011

УДК 530+531
ББК 223г
И 88

Издание осуществлено при поддержке
Российского фонда фундаментальных
исследований по проекту 11-06-07072д

Издание основано в 1985 г.

Редакционная коллегия:

доктор физико-математических наук Вл.П. ВИЗГИН (председатель),
кандидат физико-математических наук Н.В. ВДОВИЧЕНКО
(заместитель председателя),
кандидат физико-математических наук К.А. ТОМИЛИН
(ученый секретарь),
член-корреспондент РАН Л.И. ПОНОМАРЕВ,
доктор физико-математических наук Б.М. БОЛОТОВСКИЙ,
доктор физико-математических наук А.В. КЕССЕНИХ,
доктор физико-математических наук Г.К. МИХАЙЛОВ

Редактор-составитель:

кандидат физико-математических наук Н.В. ВДОВИЧЕНКО

Исследования по истории физики и механики. 2011 / Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН: отв. ред. Вл.П. Визгин. — М.: Физматлит, 2011. — 384 с. — ISBN 978-5-94052-216-4 (в пер.)

В сборник входят материалы, посвященные 100-летию юбилеям со дня рождения одного из основателей этого издания, А.Т. Григорьяна, и известного английского физика Дэвида Шёнберга; краткое жизнеописание и анализ творчества знаменитого французского физика Пьера Кюри (в связи с его 150-летием) и воспоминания Б.М. Болотовского о В.Л. Гинзбурге, написанные к 95-летию со дня его рождения. Раздел отечественной истории науки обращается к именам репрессированного украинского физика-теоретика Л.Я. Штрума и замечательного теоретика, недавно ушедшего из жизни, Ю.В. Гапонова. Сюда же входит история возникновения в Дубне релятивистской ядерной физики. Кроме того, в сборнике представлена история развития некоторых физических идей, связанных с тепловыми явлениями, и творчества французского физика Пьера-Жюли де Жена. Мемориальный раздел посвящен памяти умершего в прошлом году ответственного редактора сборника Г.М. Идлиса.

Для специалистов в области физики, механики, истории науки и вообще достаточно широкого круга читателей, интересующихся историей науки.

Historical studies in physics and mechanics. 2011 / Institute for the History of Science and Technology of the RAS: ed. by Vl.P. Vizgin. — M.: Fizmatlit, 2011. — 384 p. — ISBN 978-5-94052-216-4 (in cloth.)

The collection includes the materials devoted to centenaries of one of this edition founders A.T. Grigorjan and known English physicist David Shoenberg; the brief biography and the analysis of creativity of famous French physicist Pierre Curie (to his 150 anniversary) and B.M. Bolotovskiy's recollections on Vitaliy Ginzburg, written to the 95 anniversary from the date of his birth. The section of domestic history of science addresses to names of Ukrainian physicist-theorist L.J. Shtrum which was subjected to repression in 1937, and the remarkable theorist who has recently died, Ju.V. Gaponov. The history of the relativistic nuclear physics foundation in Dubna that is a new direction in physical researches is presented. Besides in the collection the history of development of some physical ideas connected with heat phenomena, and creativity of the French physicist Pierre-Gilles de Gennes are presented. The memorial section is devoted to the editor-in-chief of the collection memory G.M. Idlis who died last year.

The collection might be of interest for physicists, mathematicians as well as for those who are working in the history of science.

© Ин-т истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН, 2011

© Издательство физико-математической
литературы (оформление), 2011

ISBN 978-5-94052-216-4

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	7
--------------------------	---

I. ИССЛЕДОВАНИЯ, ВОСПОМИНАНИЯ, РАЗМЫШЛЕНИЯ

А.С. Сонин

Пьер Кюри и физика кристаллов	9
---	---

И.А. Тюлина, В.Н. Чиненова

К столетию со дня рождения Ашота Тиграновича Григорьяна (1910–1997)	38
--	----

М.И. Каганов

Professor David Shoenberg — Давид Исаакович Шёнберг (К 100-летию со дня рождения: из воспоминаний)	44
---	----

Б.М. Болотовский

Воспоминания о В.Л. Гинзбурге	74
---	----

II. НЕКОТОРЫЕ ГЛАВЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ НАУКИ

В.С. Савчук, Е.А. Щербак

Лев Яковлевич Штрум — отечественный физик-теоретик новой волны: мировоззрение ученого и идеи современной физики	141
---	-----

А.В. Кессених, С.В. Семенов

Юрий Владимирович Гапонов — ученый и гражданин . .	166
--	-----

Л.Л. Зиновьева

Как родилась релятивистская ядерная физика	177
--	-----

III. ИЗБРАННЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ФИЗИКИ

В.А. Ерошенко

Механический эквивалент теплоты. Об «анатомии»
и фундаментальности экспериментов Джоуля 199

В.Х. Козловский

Развитие молекулярно-динамических методик расчета
тепловых свойств веществ и их приложений
к формулировке уравнений состояния жидких
и твердых тел 231

А.А. Сонин

Пьер-Жиль де Жен и жидкие кристаллы 267

IV. ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Г.М. Идлис

К русскоязычному переизданию фундаментальной
работы Рудольфа Штейнера «Естественнонаучные
сочинения Гёте» 301

Л.М. Гиндилис

Григорий Моисеевич Идлис — человек, ученый,
мыслитель (воспоминания о старшем товарище) 318

Вл.П. Визгин

Г.М. Идлис и теория относительности 331

П.Н. Антонюк

От теории осколков к строению Вселенной... 354

Я.И. Грановский

Мой друг Гриша 357

И.Л. Зильберберг

Дядя Гриша 365

Аннотации 371

Abstracts 377

CONTENTS

From the editorial board	7
------------------------------------	---

I. RESEARCHES, MEMOIRS, REFLECTIONS

A.S. Sonin

Pierre Curie and physics of crystals	9
--	---

I.A. Tjulina, V.N. Chinenova

To the centennial A.T. Grigorjan's birth (1910–1997) . . .	38
--	----

M.I. Kaganov

Professor David Shoenberg — David Isaakovich Shoenberg (To the centenary of his birth: from the memoirs)	44
---	----

B.M. Bolotovskiy

Reminiscences about Vitaliy Ginzburg	74
--	----

II. FROM THE RUSSIAN HISTORY OF SCIENCE

V.S. Savchuk, E.A. Scherbak

Lev Yacovlevich Shtrum — domestic physicist-theorist of new wave: world outlook of scientist and modern physics ideas	141
---	-----

A.V. Kessenih, S.V. Semenov

Jury Vladimirovich Gaponov as a scientist and a freeman	166
--	-----

L.L. Zinovjeva

How relativistic nuclear physics came into the world	177
--	-----

III. THE SELECTED QUESTIONS OF HISTORY OF PHYSICS

V. A. Eroshenko

Mechanical equivalent of heat. On the «anatomy»
and fundamentality of Joule's experiments 199

V.Kh. Kozlovsky

Development of molecular dynamical methods of calculation
in heat phenomena studies with application to the
formulation of state equations for fluid and solid corps . . 231

A.A. Sonin

Pierre-Gilles de Gennes and liquid crystals 267

IV. IN MEMORIAM

G.M. Idlis

To reprinting in Russian of Rudolf Steiner's fundamental
work «Goethe's science compositions» (*the last work*) 301

L.M.Gindilis

Grigory Moiseevich Idlis as a person, a scientist, a thinker
(reminiscences on the senior colleague) 318

Vl.P. Vizgin

G.M. Idlis and the theory of relativity 331

P.N. Antonjuk

From the fragments theory to a structure
of the Universe... 354

J.I. Granovsky

My friend Grisha 357

I.L. Zilberberg

Uncle Grisha 365

Abstracts 377

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Предлагаемый Вашему вниманию выпуск сборника по традиции состоит из 4-х разделов. Первый, юбилейный, раздел делится на две части — биографически-исследовательскую и «свидетельства очевидцев». В первую входят две статьи: А.С. Сони́на — к 150-летию знаменитого французского физика, лауреата Нобелевской премии за 1903 год, Пьера Кюри; и И.А. Тюлиной и В.Н. Чиненовой, посвящённой 100-летию со дня рождения одного из организаторов этого сборника Ашота Тиграновича Григорьяна, первым ответственным редактором которого он и был. Вторую часть составляют воспоминания М.И. Каганова об известном английском физике из Кембриджа Дэвиде Шёнберге (в связи с его 100-летьем) и Б.М. Болотовского о Виталии Лазаревиче Гинзбурге — разных интересных эпизодах, связанных с его именем, общей атмосфере в Теоретическом отделе ФИАН и подробностях жизни второй половины прошлого века.

Во второй раздел «Некоторые главы отечественной истории науки» вошли три работы. В одной из них наши украинские коллеги В.С. Савчук и Е.А. Щербак обратились к имени известного в 1930-е годы физика-теоретика Льва Яковлевича Штрума, который сотрудничал с Я.И. Френкелем, Л.Д. Ландау, Г.А. Гамовым и другими теоретиками того времени и внёс значительный вклад в развитие и продвижение в России специальной теории относительности, ядерной физики и квантовой теории излучения. В 1936 г. он был арестован, расстрелян, и имя его было прочно забыто. Статья в сборнике — попытка хотя бы частичного восстановления справедливости.

Другой светлой личности, тоже теоретика, неоднократно выступавшему на наших семинарах, Юрию Владимировичу Гапонову посвящена вторая статья этого раздела. В ней на примере этой замечательной фигуры научного сообщества 1950–1960-х и последующих лет показана роль физического факультета Московского государственного университета (физфака МГУ) в формировании и функционировании научного сообщества физиков СССР в эти годы. А вот в третьей статье рассказано о зарождении и развитии нового направления в ядерных исследованиях в Дубне — о релятивистской ядерной физике (Л.Л. Зиновьева).

В третьем разделе две статьи связаны с фундаментальными проблемами физики — анализом экспериментов Джоуля по определению механического эквивалента теплоты (В.А. Ерошенко) и развитием молекулярно-динамических методик расчёта тепловых свойств веществ (В.Х. Козловский). И большая работа, посвящённая теории жидких кристаллов и одному из её создателей, французскому физика, лауреату Нобелевской премии за 1991 г. Пьеру-Жилью де Жену (А.А. Сонин).

И, наконец, мемориальный раздел. В прошлом (2010) году в одночасье скончался ответственный редактор нашего сборника, руководитель Отдела истории физико-математических наук Института истории естествознания и техники РАН Григорий Моисеевич Идлис. В июне 2010 г. мы провели большой семинар его памяти и теперь хотели бы поделиться своими воспоминаниями о нём. Свои достижения в научной и поэтической форме Г.М. представил в книге «В поисках истины». И поскольку никто не сделает этого лучше него, мы решили ограничиться анализом только некоторых из множества занимавших его вопросов и воспоминаниями друзей. У Г.М. было правило — «ни одного сборника без своего персонального вклада», и придерживался он его неукоснительно. В память об этом мы публикуем его самую последнюю законченную работу, посвящённую естественнонаучным изысканиям Гёте и Рудольфа Штайнера, теме, с которой были связаны последние годы его работы. Многое осталось незавершённым.

Редколлегия признательна своим авторам и всем, кто принимал участие в создании этого тома.

І. ИССЛЕДОВАНИЯ, ВОСПОМИНАНИЯ, РАЗМЫШЛЕНИЯ

А.С.СОНИН

*Институт элементоорганических соединений
им. А.Н.Несмеянова РАН*

ПЬЕР КЮРИ И ФИЗИКА КРИСТАЛЛОВ

Введение

Исполнилось 150 лет со дня рождения Пьера Кюри, выдающегося французского физика. Многие ученые, и даже физики, связывают его имя только с исследованиями радиоактивности и открытием новых химических элементов — радия и полония, за которые он и его жена Мария Кюри были удостоены Нобелевской премии в 1903 г. Однако научные достижения Пьера Кюри гораздо шире. Он внес огромный вклад в физику кристаллов как своими блестящими экспериментальными работами, так и глубокими исследованиями в области симметрии и ее применения в физике.

Пьер Кюри родился 15 мая 1859 г. в Париже в семье врача Эжена Кюри и его жены Клер Депулли. Пьер был вторым ребенком в семье — тремя годами раньше родился его брат Жак. Как пишет в своих воспоминаниях Мария Кюри, «условия, в которых росли Жак и Пьер Кюри, были скромными и далеко не беззаботными; и все же в семье царила атмосфера нежной привязанности и любви» [1].

Пьер Кюри никогда не посещал ни начальной школы, ни

Р. Сони

Пьер Кюри (1859–1906)

гимназии. Начальное образование он получил дома, занимаясь с родителями и иногда с братом, который некоторое время учился в лицее. Причину такого положения проясняет Мария Кюри: «Особенности ума Пьера Кюри были совсем не таковы, чтобы быстро усваивать школьную программу. Его мечтательный ум не подчинялся регламентации умственных усилий, налагаемых школой. Трудности, которые он испытывал от режима школы, обычно приписывались медлительности ума. Сам он считал, что у него неповоротливый ум, и часто это высказывал. Однако я полагаю, что эта характеристика не совсем ~~о~~верна: мне скорее кажется, что уже в юные годы ему было свойственно, задумавшись над каким-нибудь вопросом, с такой силой сосредоточивать на нем свои мысли, добываясь полной ясности, что никакие внешние обстоятельства не могли прервать или изменить хода его размышлений. Ясно, что от ума такого рода можно много ожидать в будущем» [1].

Когда Пьеру исполнилось 14 лет, он попал в руки прекрасного педагога А. Базилю, который обучал его элементарной и высшей математике. Как выяснилось, Пьер обладал замечательными способностями к математике, особенно к геометрии, что говорило о большой силе пространственного воображения. Благодаря занятиям с Базилем, Пьер Кюри уже в 16 лет получил степень бакалавра наук, а в 18 лет стал лицензиатом по физике. Он слушал лекции и проходил практические занятия в Сорбонне и одновременно работал лаборантом в лаборатории Дезена на факультете точных наук Парижского университета, где вел практикум по физике. Работа лаборантом не позволила Пьеру закончить полный курс университета.

Тем не менее, уже в этом юном возрасте Пьер Кюри начал заниматься научной работой. Вместе с Дезеном он выполнил исследование, опубликованное в 1880 г., по определению длин волн теплового (инфракрасного) излучения с помощью термостолбика и решетки из металлических проволочек. Этот метод — тогда новый — до сих пор применяется в подобных исследованиях.

В 1878 г. Пьер начал совместную работу с братом Жаком по физике кристаллов в лаборатории Ж. Фриделя в минералогической лаборатории Сорбонны. Эта работа увенчалась открытием прямого пьезоэлектрического эффекта (подробнее см. ниже).

Эта работа закончилась в 1883 г., когда Жак переехал в Монпелье, где стал руководителем практических работ по минералогии в университете. В этом же году Пьер был назначен руководителем практических работ и по физике в только что открытой Школе промышленной физики и химии при Парижском муниципалитете. В этот период он занялся вопросами симметрии, результатом которых явились две большие статьи 1884 г., и небольшой, но очень важной работы по росту кристаллов (1885 г.).

В 80-е годы во время каникул, когда Жак приезжал в Париж, они с Пьером возобновили совместные работы по пьезоэлектричеству, которые увенчались открытием обратного пьезоэффекта. В эти же годы Пьер Кюри возобновил свои исследования по симметрии (подробнее см. ниже).

В 1891 г. Пьер Кюри начал исследования по магнетизму. Эти классические исследования он завершил в 1895 г., и они явились основой его докторской диссертации, защищенной на факультете естествознания Парижского университета (см. подробнее ниже).

В 1895 г. Пьер Кюри женился на Марии Склодовской, и в 1897 г. началась их совместная работа по изучению радиоактивности. В 1898 г. они сообщили об открытии полония и радия. За эти работы в 1903 г. Пьеру и Марии Кюри была присуждена Нобелевская премия. В 1905 г. Пьер Кюри был избран в Парижскую Академию наук. В это время для Пьера Кюри была специально открыта новая кафедра в Сорбонне, где предполагалась лаборатория, руководителем которой была утверждена Мария Кюри.

Совместная работа супругов продолжалась до 19 апреля 1906 г., когда Пьер Кюри, переходя улицу Дофины, попал под колеса быстро едущего тяжело груженого фургона. Рана на голове оказалась смертельной.

Симметрия

Все работы Пьера Кюри по физике кристаллов пронизаны одной общей идеей и группируются вокруг одного общего принципа — принципа симметрии.

Первые его работы [2,3] 1884 г. посвящены важнейшей проблеме науки о кристаллах — выводу всех возможных в природе групп кристаллов, которые отличались бы друг от друга комбинацией элементов симметрии и при этом не противоречили бы существованию в них пространственной

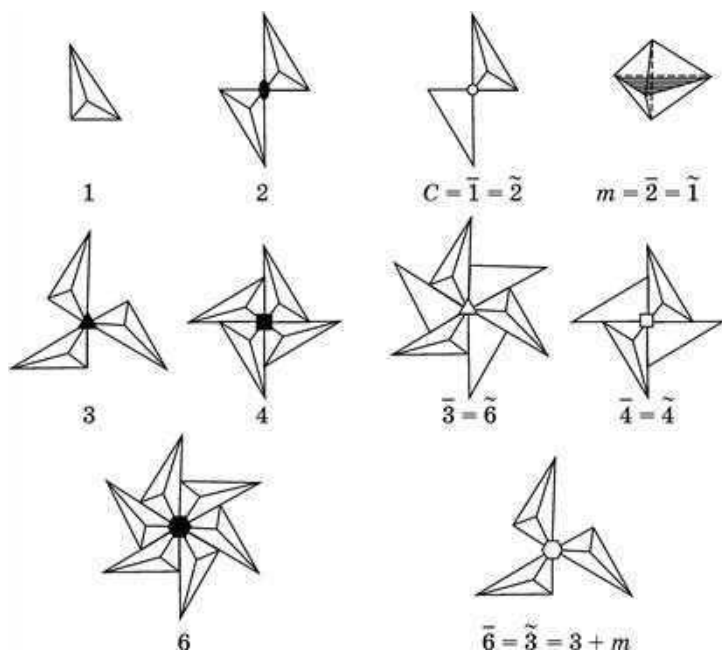

Рис. 1

решетки. Элементы симметрии кристаллов были открыты при анализе внешней формы кристаллов — это центр симметрии, плоскость симметрии и оси симметрии. Последних насчитывалось всего восемь — пять простых и три комбинированные. Таким образом, задача о выводе всех возможных групп кристаллов сводится к поиску различных неповторяющихся комбинаций элементов симметрии (групп симметрии). При этом необходимо учитывать, что одновременное действие нескольких элементов симметрии приводит к порождению в кристаллах дополнительных элементов симметрии. Кроме того, комбинированные оси симметрии, как оказалось, можно вводить разным способом и это также необходимо учитывать.

Все как будто просто, но наука шла к выводу возможных групп симметрии тернистым путем. Первым в 1830 г. сделал попытку и, как не странно, сразу удачную, немецкий ученый Иоганн Гессель. Но он опубликовал свой вывод в виде специального раздела «Физического словаря» некоего Гелера, который никто из серьезных ученых не заметил. Гессель насчитал 36 групп симметрии кристаллов, но 4 из

них оказались идентичными с ранее приведенными и, следовательно, число групп равно 32.

В 1849 г. французский кристаллограф Огюст Браве, ничего не зная о работе Гесселя, опубликовал свой вывод. Но он нашел только 23 группы симметрии, потому что, как мы сейчас знаем, не учел сложные оси симметрии.

В 1867 г. свой вывод, и тоже правильный, опубликовал русский артиллерийский генерал кристаллограф-любитель Аксель Гадолин. Он ничего не знал о работе Гесселя, но, как и тот, пользовался при выводе сложными инверсионными осями, которые представляют собой комбинацию простой поворотной оси и центра симметрии.

Вот теперь настала очередь Кюри. Он ничего не знал о работах Гесселя и Гадолина, но считал, что Браве пропустил несколько групп симметрии. Кюри подошел к выводу с самых общих позиций — подошел как математик и физик. Он рассматривал произвольную систему точек, но не просто точек в математическом смысле, а точек, наделенных физическими свойствами: «Точки могут быть наделены свойствами, не связанными с представлениями о направлении, такими как плотность, температура; либо связанными со свойствами, определения которых содержит разного рода представления о сторонности и о направленности (такие, как скорость, силы, напряженности электрического или магнитного полей, интенсивности вращательной способности и т. д.)» [2, с. 50]

Кюри рассмотрел упорядоченность таких систем. Упорядоченность проявляется двумя способами — повторяемостью и симметрией. Эта упорядоченность выявляется с помощью геометрических образов, таких как точки и оси повторяемости. Что касается осей, то Кюри и здесь подходил как физик — он различал *односторонние* оси и *двусторонние*. У односторонней оси ее направления и концы обладают разными физическими свойствами, а двусторонние оси — это оси с двумя одинаковыми направлениями и концами. Например, ось перпендикулярная плоскости симметрии всегда является двусторонней осью, а система точек с одной-единственной осью симметрии всегда есть односторонняя ось. Соображения Кюри здесь понятны: кристаллы с единственными осями являются пьезоэлектриками и при нагревании на концах осей образуются электрические заряды *разного знака*.

Рассматривая повторяемость системы точек, Кюри не налагает никаких ограничений на порядок осей — они могут

быть любыми вплоть до оси *бесконечного порядка*. В результате он выделил пять систем по типу повторяемости: сферическая система (пример — сфера), сфероэдрическая система (примеры — правильный тетраэдр, куб, октаэдр), система с главными осями (пример — прямоугольный параллелепипед), система с одной осью (пример — кристаллическая форма турмалина) и система без повторяемости (естественно, без примеров).

Вторая работа Кюри была специально посвящена симметрии системы точек [3]. Он определяет ее так: «Две системы, симметричные одна другой, суть две различные системы, образованные точками, которые попарно соответствуют друг другу и в которых соответствующие величины, свойства и относительные расположения частей одинаковы, если только определять все то, что имеет в каждой системе некоторые направления, с помощью ориентирующих реперов, взятых в самих системах (не пользуясь при этом словами: правый, левый, прямое направление, обратное направление)» [3, с. 67]. Затем Кюри определяет *симметрические преобразования*, с помощью которых и выявляется симметрия. Этим преобразованиям соответствуют элементы симметрии: плоскость простой симметрии, плоскость перемежающейся симметрии с полюсом q -го порядка, центр симметрии, плоскость простой поступательной симметрии, плоскость перемежающейся поступательной симметрии (q — произвольное целое число).

Здесь мы встречаемся с нетривиальным подходом к элементам симметрии. Во-первых, среди них отсутствуют оси симметрии. Почему — будет ясно из определения новых элементов симметрии — *плоскостей перемежающейся симметрии с полюсами q* .

Плоскость перемежающейся симметрии с полюсом q — это плоскость перпендикулярная некоей оси симметрии (ее Кюри и обозначил как полюс q , где q — порядок оси) и действует она вместе с этой осью. Поясним это подробнее (рис. 2). Пусть имеется ось симметрии, например, второго порядка ($q = 2$) и перпендикулярная ей плоскость симметрии (m). Возьмем произвольную точку A и последовательно подействуем на нее данными элементами симметрии для получения симметричной ей точки. Ось 2 повернет точку A на 180° , и мы получим точку A_1 . Теперь отразим эту точку в плоскости симметрии m , опустив из этой точки на плоскость перпендикуляр, затем продолжим его за плоскостью на расстояние, равное расстоянию от точки A_1 до плоскости.

На конце этой продолженной прямой и будет симметричная точка A_2 . Тогда точки A и A_2 будут симметричны относительно плоскости перемежающейся симметрии с полюсом 2. Но заметим, что вместо показанного сложного симметрического преобразования, как видно из рис. 2, точку A_2 можно получить просто отразив точку A в центре симметрии! А это означает, что плоскость перемежающейся симметрии с полюсом 2 эквивалентна просто центру симметрии. Но другие плоскости перемежающейся симметрии с полюсами 3, 4 и 6 не сводятся к простым элементам симметрии, но они по симметрическим преобразованиям эквивалентны инверсионным осям, введенным Гесселем (см. рис. 1). Это дало основание называть плоскости перемежающейся симметрии с полюсами q *зеркальными осями симметрии*. Заметим также здесь, что не следует думать, что в кристаллах с зеркальными осями симметрии присутствуют отдельно оси порядка q и отдельно плоскости симметрии.

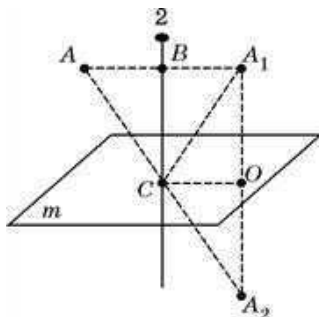

Рис. 2

Используя эти элементы симметрии Кюри рассмотрел все возможные их комбинации. Таких групп для неограниченных систем точек бесконечное число. Для ограниченных систем точек таких групп оказалось 24. Но, пишет в заключение Кюри, «если стать на кристаллографическую точку зрения, когда не могут существовать оси 5-го порядка и оси порядка выше 6-го, то *внешние формы* могут быть включены только в 15 из этих типов. Если q равно 2, 3, 4 или 6, то есть основание учитывать различие между двусторонними главными осями q -го порядка и простыми; таким путем мы приходим к 36 различным видам внешней формы кристаллов. Однако рассмотрение внутреннего строения кристаллических тел, которое мы не можем здесь излагать, показало бы нам, что в таких телах могут существовать только плоскости перемежающейся симметрии с полюсами 2-го или 3-го порядков; 4 из предыдущих видов оказываются поэтому также невозможными, и число возможных видов внешней формы кристаллов окончательно сводится к 32 видам, образующих 11 групп, если соединить вместе виды, имеющие те же повторяемости» [3, с. 92].

Интересно примечание Кюри к этой статье. Он возвращается к вопросу о симметрии точек, которым можно приписать определенные физические свойства. «Такие свойства характеризуются теми действиями, которые оно производит, или теми причинами, которые его вызвали, — писал Кюри. — Для того чтобы фигура правильно изображала свойство в некоторой точке, нужно, чтобы она обнаруживала те же элементы повторяемости и симметрии, что и вся совокупность действий, производимых этим свойством, или лучше сказать, что и совокупность причин, вызывающих возникновение этого свойства в рассматриваемой точке» [3, с. 94]. То есть для выявления симметрии таких систем точек необходимо тогда их физически условно представить некими геометрическими фигурами, симметрия которых соответствует симметрии этих физических свойств.

Силу, скорость, напряженность электрического поля необходимо представлять «осью изотропии (осью бесконечного порядка ∞ . — А.С.), через которую проходит бесконечное число плоскостей симметрии» [3, с. 94]. Но, пишет Кюри, большой ошибкой было бы так представлять магнитное поле, поскольку оно порождается круговым током. Поэтому «магнитное поле обладает осью изотропии с перпендикулярной плоскостью симметрии и центром симметрии» [3, с. 94].

Идею о распространении понятия симметрии, широко используемое в кристаллографии, на физические явления Кюри развил в специальной статье «О симметрии в физических явлениях: симметрия электрического и магнитного полей» [4]. Она вышла в 1894 г., когда Кюри занимал должность руководителя практических работ в Школе промышленной физики и химии.

Прежде всего необходимо было определить, что подразумевается под симметрией физического явления. Кюри дал такое определение: «Характеристическая симметрия некоторого явления есть максимальная симметрия, совместимая с существующим явлением. Явление может существовать в среде, обладающей своей характеристической симметрией или симметрией одной из подгрупп его характеристической симметрии. Иными словами, некоторые элементы симметрии могут сосуществовать с некоторыми явлениями, но это не обязательно. Необходимо, чтобы некоторые элементы симметрии отсутствовали. Это и есть та диссимметрия, которая создает явление» [4, с. 101].

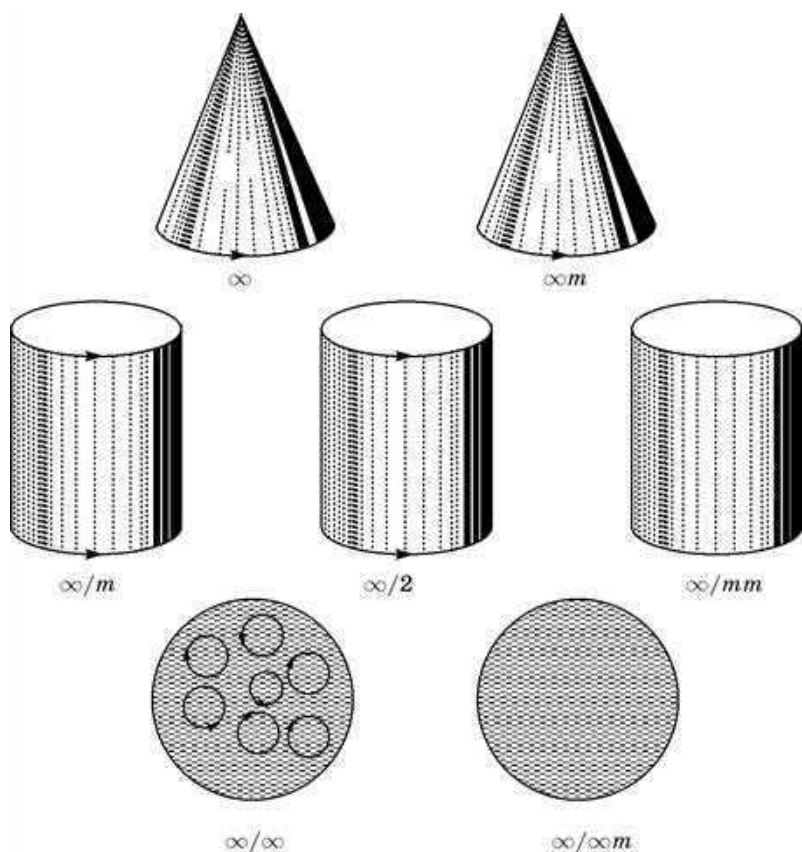

Рис. 3

Здесь есть два ключевых понятия — характеристическая симметрия и диссимметрия. Рассмотрим вначале первое.

Как мы видели выше, Кюри вывел все возможные группы симметрии не налагая ограничений на порядок осей симметрии. Любая из этих групп может описывать характеристическую симметрию физических явлений. Однако особый интерес представляют *предельные группы симметрии*. Это группы, которые получаются в пределе точечных групп симметрии кристаллов всех систем при стремлении их осей к осям бесконечного порядка. Приведем пример: возьмем включающую группы только с осями симметрии. Это будут группы, содержащие ось первого порядка (1), ось второго порядка (2), ось третьего порядка (3), ось четвертого порядка (4) и т. д. В пределе получим группу симметрии, содер-

жащую ось бесконечного порядка (∞). В системе, содержащей ось и перпендикулярную плоскость симметрии, как легко сообразить, предельной группой будет группа, содержащая ось бесконечного порядка и плоскость симметрии перпендикулярную этой оси (∞/m). Действуя таким образом, легко получить все предельные точечные группы симметрии — их всего 7. Их легко запомнить по их геометрическим образам, как это сделал академик А.В. Шубников [5].

Первая предельная группа ∞ представлена вращающимся конусом. Ось бесконечного порядка проходит вдоль оси конуса. То, что конус вращается, снимает вопрос о наличии у него продольных плоскостей симметрии. Эта группа является *полярной группой*, потому что ось ∞ является *полярной*, так как ее концы отличаются друг от друга в том смысле, что не могут быть совмещены никакими симметрическими преобразованиями. Кроме того, эта группа *энантиоморфна*, так как конус может вращаться как в одну, так и в другую сторону. Поэтому один из вращающихся конусов, не важно какой, может быть условно назван *правым*, а вращающейся в противоположную сторону — *левым*.

Покоящийся конус представляет группу ∞t . Эта фигура *полярна* и, следовательно, группа ∞t тоже *полярна*. Полярная ось бесконечного порядка направлена по оси конуса. Параллельно ей располагается бесконечное число плоскостей симметрии, пересекающихся по этой оси. Это приводит к тому, что группа ∞t не энантиоморфна.

Предельная группа ∞/m реализуется в материальной фигуре — вращающемся цилиндре. Ось бесконечного порядка расположена по оси цилиндра. Плоскости симметрии, параллельные этой оси, отсутствуют в силу вращения цилиндра. Но есть перпендикулярная плоскость симметрии, на пересечении которой с осью ∞ возникает центр симметрии C . Наличие плоскости и центра симметрии делает эту фигуру *неполярной*, но *энантиоморфной*, так как цилиндр может вращаться как вправо, так и влево. Такую группу будем называть *аксиальной* и соответственно ось ∞ этой группы — *аксиальной осью*. Ее концы можно условно определить как северный и южный.

Скрученный цилиндр представляет группу $\infty/2$. В этой фигуре перпендикулярно оси ∞ , которая проходит по оси цилиндра, располагается бесконечное количество осей 2. Параллельные оси ∞ плоскости симметрии отсутствуют в силу скрученности цилиндра. Эта группа тоже *аксиальная*.

Группа ∞/m представлена покоящимся цилиндром. В нем по оси цилиндра проходит ось ∞ , параллельно ей возникает бесконечное число плоскостей симметрии, а перпендикулярно — еще одна плоскость симметрии. На пересечении плоскостей возникает бесконечное количество осей 2, а на пересечении оси ∞ и перпендикулярной плоскости симметрии — центр симметрии С.

И, наконец, две *шаровые* предельные группы. Первая — ∞/∞ — представляет собой шар, изготовленный из оптически активного вещества, вращающего плоскость поляризации света. Его элементы симметрии — бесконечное количество осей ∞ , пересекающихся в центре шара. Но эти оси особенные — они закручены как винты, что исключает наличие любых других элементов симметрии.

Второй шар изготовлен из изотропного вещества и его элементами симметрии являются бесконечное количество осей ∞ , пересекающихся в центре шара, бесконечное число плоскостей симметрии, проходящих через эти оси, и центр симметрии. Эта группа обозначается $\infty/\infty t$.

В связи с введением предельных групп симметрии важным является понятие о *подгруппах* точечных групп симметрии. Как известно, *подгруппой точечной группы называется точечная группа симметрии, все элементы симметрии которой содержатся в исходной группе симметрии*.

В соответствии с этим определением все точечные группы симметрии пространственных фигур, как ясно из предыдущего определения, являются подгруппами своих предельных групп, к которым они стремятся при увеличении порядка осей симметрии. Но и сами предельные группы связаны между собой отношениями группы и подгруппы. Эти отношения схематически показаны на рис. 4.

Наивысшей группой здесь является предельная группа $\infty/\infty t$. Ее первыми подгруппами являются группы ∞/∞ и ∞/m . Общей их подгруппой является группа $\infty/2$, а ее подгруппой будет группа ∞ . У группы ∞/m две подгруппы — ∞t и ∞/m . И эти группы имеют общую подгруппу ∞ .

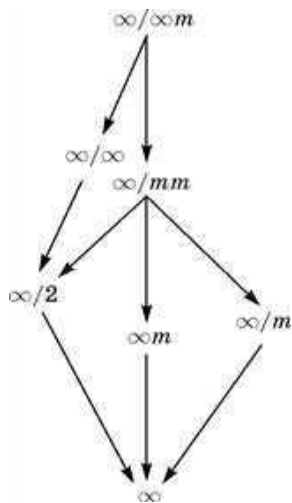

Рис. 4

Используя эти предельные группы, Кюри определяет характеристическую симметрию некоторых физических явлений. Поле тяготения, электрическое поле, сила, скорость имеют характеристическую симметрию ∞t . Такую же симметрию имеет и электрическая поляризация, а поэтому кристаллы, в которых наблюдается пьезоэлектрический эффект, по своей симметрии должны принадлежать к подгруппам группы ∞t , что и демонстрирует кристалл классического пьезоэлектрика турмалина — его симметрия $3m$.

Характеристическая симметрия магнитного поля, как доказал Кюри, описывается группой ∞/m . Как мы уже говорили выше, основанием для этого Кюри считал, что магнитное поле обусловлено круговым током.

Теперь поясним, что понимал Кюри под термином *диссимметрия*. Сам термин диссимметрия ввел в науку Л. Пастер. Он понимал под диссимметрией свойство фигур не совмещаться друг на друга простым наложением, как правая рука человека не совмещается с левой простым наложением. Кюри понимал диссимметрию гораздо шире — *как совокупность всех отсутствующих элементов симметрии*.

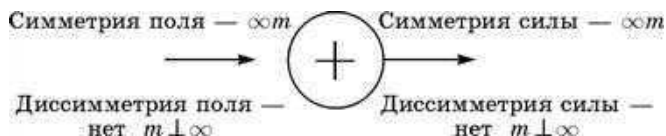

Рис. 5

Как мы уже цитировали выше, «это и есть та диссимметрия, которая создает явление».

«Диссимметрия действия должна обнаруживаться в причинах, ее породивших», — пишет Кюри и приводит пример. Пусть в пространстве имеется некая заряженная проводящая сфера (рис. 5). Вдруг какая-то причина возбуждает вокруг нее электрическое поле. Тогда на сферу будет действовать сила в направлении поля. Так как сила не обладает плоскостью симметрии перпендикулярной ее направлению, то система и поле тоже не должны обладать этим элементом симметрии. Но сфера имеет бесконечное число осей бесконечного порядка. Тогда «диссимметрия, о которой идет речь, обуславливается, следовательно, электрическим полем», — заключает Кюри.

«Когда два явления разной природы налагаются в одной и той же среде, то их диссимметрии складываются».

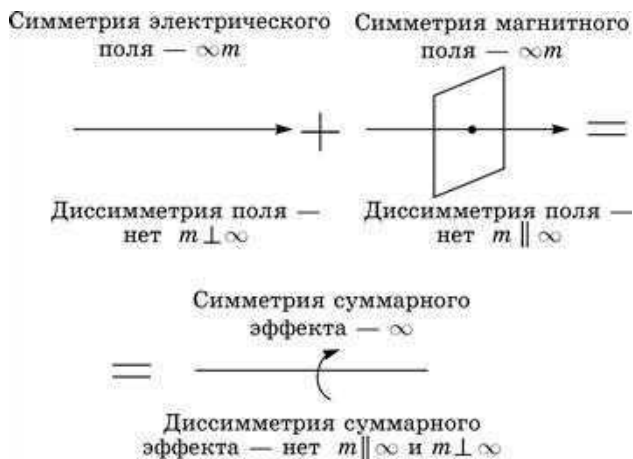

Рис. 6

Кюри приводит в качестве примера, подтверждающего это положение, опыты Видемана. Если магнитное и электрическое поле наложены друг на друга в одном направлении, то наличие электрического поля несовместимо с существованием центра и плоскости симметрии, перпендикулярной к оси симметрии, а наличие магнитного поля сделало бы неизбежным исчезновение плоскости симметрии, проходящей через ось симметрии (рис. 6). Сложение этих диссимметрий приводит к тому, что суммарно остается только ось бесконечного порядка. Вдоль этой оси может возникнуть кручение, что и подтверждает опыт Видемана. Он намагнитил проволоку в направлении ее длины и когда пропустил по ней ток, то обнаружил, что она закручивается. И, наоборот, когда он намагнитил проволоку и ее закрутил, то в замкнутом контуре появился ток. И еще, железная закрученная проволока, по которой протекает ток, намагничивается.

Отсутствующих элементов симметрии в каждой группе множество и поэтому работать с ними неудобно. В связи с этим Кюри предлагает использовать при конкретных рассмотрениях физических явлений только присутствующие в группах элементы симметрии. В таком контексте основные положения симметричного рассмотрения физических явлений, известные теперь как *принцип Кюри*, сформулировала Мария Кюри в своей книге [1]:

«Когда определенные причины порождают известные следствия, элементы симметрии причины должны содержаться в порожденных следствиях.

Когда известные следствия обнаруживают известную диссимметрию, эта последняя должна содержаться в причинах, породивших эти следствия.

Положения, обратные двум предыдущим, неправильны, по крайней мере, на практике, т. е. следствия могут быть симметричнее вызывающих их причин» [1, с. 22].

Легко понять, что приведенные выше примеры хорошо иллюстрируют эти положения Кюри. Действительно, в случае ситуации, показанной на рис. 5, из групп $\infty/\infty t$ и ∞t отбираем общие элементы симметрии при условии совмещения осей ∞ . Общим элементом симметрии остается ∞t . В ситуации, показанной на рис. 6, отбираем общие элементы симметрии групп ∞t и ∞/t при совмещении осей ∞ . Останется только ось ∞ .

Рассмотрим теперь третье положение Кюри. Принцип Кюри можно иллюстрировать следующей схемой (рис. 7а): Если группу симметрии кристалла до воздействия обозна-

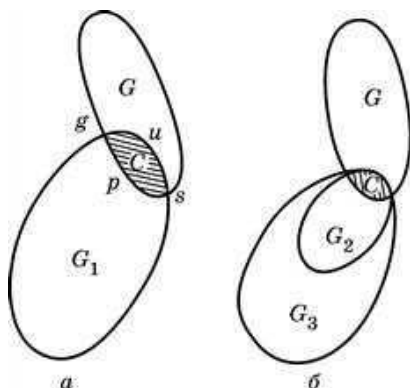

Рис. 7

чить G , а группу симметрии причины — как G_1 , то группа симметрии следствия C , т. е. группа симметрии кристалла после воздействия, будет определяться их пересечением по границе g, p, u, s . Группа симметрии C получается однозначно. Но если известна группа симметрии кристалла до воздействия G и симметрия следствия C , то с помощью принципа Кюри невозможно установить группу причины (рис. 7б). Она может быть как группой G_2 , так и группой G_3 .

Свою статью Кюри закончил следующими обобщающими выводами: «Итак, характеристическая симметрия явления имеет бесспорный интерес. Мы видим, что с точки зрения

применений из рассмотрения симметрии можно вывести заключения двух родов:

Заключения первого рода — основательные, но негативные, соответствующие неопровержимо верному положению: *нет действия без причины*. Действия — это явления, для возникновения которых всегда необходима некоторая диссимметрия. Если этой диссимметрии нет, то явление невозможно. Это часто предохраняет нас от заблуждений в поисках невозможных явлений.

Рассмотрение симметрии позволяет нам также сформулировать другого рода заключения, которые хотя и имеют позитивный характер, но не обладают той же степенью достоверности, что и заключения негативного характера. Они соответствуют положению: *нет причин без действия*. Действия — это явления, которые могут возникать в среде, обладающей некоторой диссимметрией; здесь мы имеем ценные указания, способствующие открытию новых явлений, но их предсказания не столь точны, как предсказания термодинамики. Мы не имеем никакого представления о порядке величин предсказываемых явлений; мы имеем только некоторое несовершенное представление об их природе. Это последнее замечание показывает, что следует остерегаться делать окончательные выводы из отрицательного опыта» [4, с. 113].

Если перевести эти выводы на более точный физический язык, то первое заключение можно назвать *необходимыми* условиями, а второе — *достаточными*. Так, для того чтобы кристалл мог обладать пьезоэлектрическим эффектом, необходимо, чтобы он не имел центра симметрии (*необходимое условие*). Поэтому, если в кристалле есть центр симметрии, он не может обладать пьезоэффектом (первое заключение Кюри). Однако в нецентросимметричном кристалле пьезоэффекта может и не быть, в силу особенностей внутреннего строения, — второе заключение Кюри. В данном случае отсутствие центра симметрии есть только *достаточное*, но не *необходимое условие*.

Пьезоэлектрический эффект

В 1880 г. в журнале Парижской Академии наук *Compt. Rend.* и одновременно в Бюллетене Французского минералогического общества была опубликована небольшая заметка Жака и Пьера Кюри «Образование полярного электриче-

ства под действием давления в гемиидрических кристаллах с косыми гранями» [5]. В этой статье сообщалось об открытии нового эффекта в кристаллах — *пьезоэлектрического эффекта*. Авторы этого выдающегося открытия были очень молоды — Жаку Кюри было 24 года, а Пьеру Кюри всего 21 год.

Заметим здесь, что иногда в литературе открытие пьезоэффекта приписывается французскому кристаллографу Р. Ж. Гаюи, который еще в 1817 г. наблюдал электризацию кристаллов под давлением. Однако он работал с кристаллами кальцита, а они обладают центром симметрии и поэтому не могут быть пьезоэлектриками. По-видимому, Гаюи наблюдал электрострикцию, вторичный эффект, который может иметь место в кристаллах всех групп симметрии.

Открытие пьезоэффекта братьями Кюри не было случайным. Как пишет Мария Кюри, «к нему привели размышления о симметрии кристаллического вещества, позволившие братьям предвидеть возможность такой поляризации» [1, с. 17].

В своей статье братья Кюри пишут, что они отталкивались от *пироэлектрического эффекта*. Этот эффект состоит в следующем. При нагревании кристаллов с одной осью симметрии на противоположных концах этих осей возникают электрические заряды противоположного знака (рис. 8). Пьер Кюри видел задачу так: какая, кроме температуры, дисимметрия может привести к возникновению электрической поляризации? Тривиальное решение лежит на поверхности — необходимо приложить к кристаллу электрическое поле, тогда его симметрия понизится до полярной группы и может возникнуть поляризация. Но Пьер Кюри нашел оригинальное решение. В кристаллах, принадлежащих к полярным группам, отсутствует центр симметрии. Это уже одно из условий возникновения поляризации. Поэтому нуж-

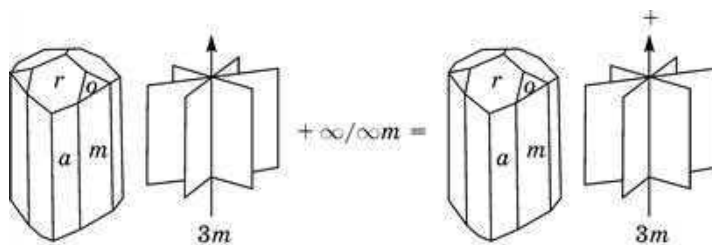

Рис. 8

но взять кристалл без центра симметрии и использовать диссимметрию, которая приведет к понижению его симметрии до полярной группы. Такой диссимметрией может быть давление.

Если взять кристалл кварца (гексагональная система группа симметрии 32 — ось 3 и перпендикулярно ей три оси 2) и наложить на него деформацию, имеющую характеристическую симметрию ∞/m , так, чтобы ее ось ∞ совпала с осью 2 кристалла, то его симметрия понизится, в соответствии с принципом Кюри, до полярной группы 2 , которая совместима с возникновением поляризации (рис. 9).

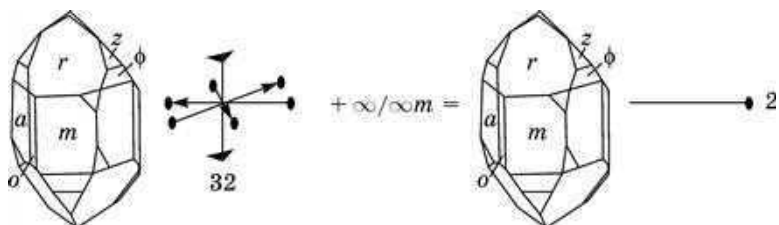

Рис. 9

Эксперимент ставился следующим образом. Из кристалла кварца (и других кристаллов, см. ниже) вырезалась пластинка перпендикулярная оси 2 . Ее большие грани покрывались электродами — листочками оловянной фольги, наружные поверхности которых изолировались пластинками каучука. Электроды присоединялись к электromетру Томсона. Смонтированный таким образом образец зажимался в тиски. При сжатии на электродах фиксировался электрический заряд.

Кроме кварца были исследованы другие кристаллы: кубические — цинковая обманка (группа $43m$), хлорат натрия (группа 23), гексагональные — турмалин (группа $3m$), ромбические — каламин (группа mm), топаз (группа mmm), сегнетова соль (группа симметрии 222), моноклинные — винная кислота (группа симметрии 2). Среди них оказался centrosymmetric кристалл топаз, но о нем конкретно братья Кюри ничего не сообщили.

Особо они отметили связь пьезоэлектрической и пироэлектрической поляризациями. Они исследовали пироэлектрический эффект по методике Фриделя у всех перечисленных выше кристаллов и у всех обнаружили пироэлектрическую поляризацию. Это совсем не странно, хотя среди этих кристаллов пироэлектриками являются только турмалин и винная

кислота. Дело в том, что методика Фриделя очень несовершенна — к пластинке исследуемого кристалла прикладывалась нагретая латунная полусфера, которая не обеспечивала равномерное нагревание, а давала большие градиенты температур. В результате у непирозлектрических кристаллов такое нагревание приводило к неоднородной деформации, понижению симметрии и вторичному, так называемому *морфическому*, пирозффекту. Через три года это признали сами Ч. Фридель и Ж. Кюри.

Тем не менее, прямой пьезоэлектрический эффект, когда деформация вызывает электрическую поляризацию, был открыт: «Какова бы ни была причина, всякий раз, когда гемиедрический непроводящий кристалл с косыми гранями, сжимается, возникает электрическая поляризация определенного направления; всякий раз, когда этот кристалл растягивается, выделение электричества происходит в противоположном направлении» [5, с. 10].

В этом же году братья Кюри опубликовали в *Comp. Rend.* [6] более подробную заметку, цель которой заключалась в нахождении связи между полярностью пьезоэлектрической поляризации с положением граней простых форм изученных кристаллов. Они нашли, что «конец оси полярного электричества, оканчивающийся гемиедрическими гранями, образующими с этой осью более острые углы, при сжатии заряжается положительно, а при растяжении — отрицательно; другой конец, у которого гемиедрические грани отсутствуют или же они оканчиваются либо основанием, либо гемиедрическими гранями, образующими с осью более тупые углы, заряжается положительно при растяжении и отрицательно при сжатии» [6, с. 14].

В 1981 г. братья Кюри опубликовали в *Comp. Rend.* еще три заметки [7–9], две из которых были посвящены исследованию пьезоэффекта турмалина, а одна — использованию кристаллов кварца как источника постоянного напряжения.

В последних трех работах сообщалось об открытии в 1881 г. обратного пьезоэлектрического эффекта — возникновение деформации кристаллов под действием электрического поля [10–12]. Основанием для постановки экспериментов послужила статья Ж. Липпмана, в которой он предсказал существование обратного пьезоэлектрического эффекта исходя из закона сохранения энергии.

Прежде всего Жак и Пьер Кюри оценили возможные изменения размеров кристалла кварца при деформации, исхо-

для из известной величины пьезоэлектрического заряда. Если q — заряд, возникающий под действием силы f , то можно считать, что

$$q = Kf,$$

где K — пьезоэлектрическая постоянная.

Из предыдущих измерений братья Кюри нашли, что $K = 6,32 \cdot 10^{-8}$. Если расширение образца равно δ под действием электрического напряжения V , то

$$\delta = KV = 6,32 \cdot 10^{-8} V.$$

Оказалось, что для доступных напряжений δ очень мало, порядка $1/100$ мкм. Такие малые деформации очень трудно измерить оптическими методами. Поэтому братья Кюри придумали другой оригинальный метод, суть которого состоит в следующем: исследованный образец закрепляется между неподвижными опорами и, деформируясь, давит на эти опоры. Давление измеряется с помощью чувствительного монотра, в качестве которого используется тот же пьезоэлектрический кварц.

Установка представляла собой пресс из двух массивных бронзовых плит, соединенных тремя колонками (рис. 10). Между двумя плитами с помощью гаек сжимались два практически одинаковых образца. Нижний образец предназначен для измерения давления (монотра). Он представлял собой три кварцевые пластинки a , b и c , разделенные металлическими электродами, соединенными с электромет-

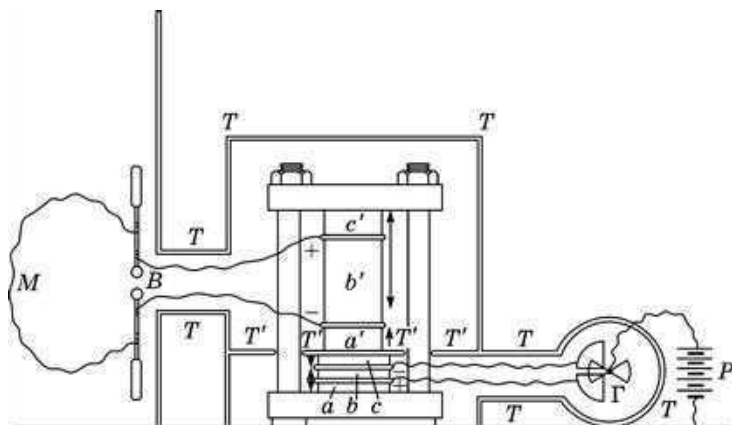

Рис. 10

ром (Г). Эти пластинки вырезаны перпендикулярно электрической оси (оси 2).

Верхний образец тоже состоял из трех кварцевых пластинок a' , b' и c' , две промежуточные пластинки соединены с электрофорной машиной Гольца (М). Если зарядить промежуточные пластинки, то все три пластинки, в результате обратного пьезоэлектрического эффекта, будут стремиться вызвать растяжение. Когда пресс зажат, эти деформации будут оказывать давление на бронзовые плиты, что фиксирует пьезоэлектрический манометр.

Все части установки были тщательно изолированы друг от друга металлическими экранами (Т).

Конечно, братья Кюри на этой установке не смогли получить количественных соотношений между приложенным напряжением и деформацией кристалла. Но качественно картина предельно ясна. Так, если разность потенциалов, приложенная к кварцевым пластинам, V , то отклонение электрометра, пропорциональное деформации, Δ условных единиц, и мерой обратного пьезоэлектрического эффекта служит их отношение Δ/V . Так, если отклонение стрелки электрометрии 105, а разность потенциалов 65, то $\Delta/V = 1,60$.

Братья Кюри проделали еще два опыта. В первом из них тонкая кварцевая пластинка ($Q-Q$), электрическая ось которой перпендикулярна ее длине, устанавливалась вертикально в рычажном механизме ($A-B-D$). Грани, перпендикулярные электрической оси пластинки, покрывались оловянной фольгой, присоединенной к машине Гольца (М). Верхняя

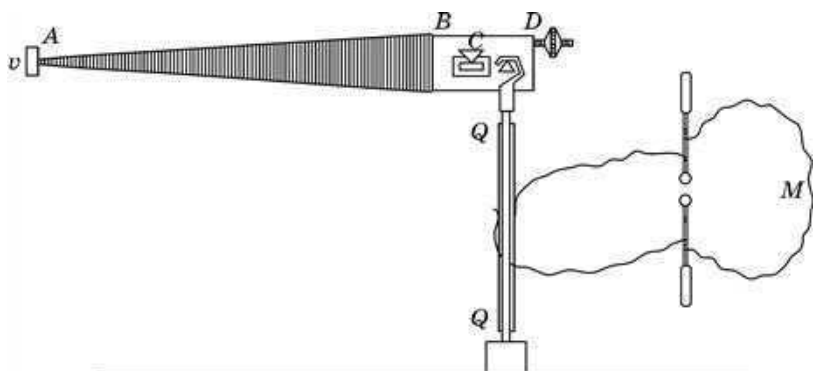

Рис. 11

часть пластинки была присоединена к рычагу, на конце которого находилась стеклянная пластинка (v), а на ней приклеена паутинка. Паутинку рассматривали в микроскоп, и она служила меткой деформации (рис. 11). Этот опыт тоже четко зафиксировал обратный пьезоэлектрический эффект и дал возможность оценить деформацию кварца: при разности потенциалов 56,2 эл.-ст. ед. пластина расширилась на 0,00050 мм, или 5 мкм.

Еще один опыт, давший повышенную чувствительность, был поставлен с двумя склеенными кварцевыми пластинками. Они были вырезаны так, что их длина была перпендикулярна электрической оси (оси 2). Затем они были склеены так, что их электрические оси были направлены в противоположные стороны. Если теперь к бипластинке приложить разность потенциалов, то тогда одна из них будет стремиться удлиниться, а другая сократиться. Так как пластинки склеены, это приведет к изгибу бипластинки, причем выпуклость будет находиться со стороны удлиняющейся пластинки.

В эксперименте один конец бипластинки был закреплен, а изгиб наблюдался в микроскоп. Этот опыт также подтвердил существование обратного пьезоэлектрического эффекта.

Интересно, что в этой статье предложено использовать такую бипластинку в качестве чувствительного электрометра.

Пьер Кюри пьезоэлектричеством больше не занимался, а Жак Кюри включил исследования пьезоэлектрического эффекта в свою диссертацию «Изучение диэлектрической постоянной и проводимости кристаллических тел», защищенную в 1888 г.

Рост кристаллов

Маленькая (в оригинале 6 страниц) работа Пьера Кюри «Об образовании кристаллов и о капиллярных постоянных их различных граней» [13] — это все, что он успел сделать в этой области. Но она является большим вкладом в теорию образования кристаллов.

Исходная посылка этой работы — небольшая заметка Гаусса 1830 г., в которой тот рассматривал теорию явлений капиллярности в жидкостях. Гаусс показал, что работа, производимая капиллярными силами, зависит как от объема жидкости, так и от ее поверхности.

Кюри использовал такой подход для рассмотрения капиллярных постоянных (поверхностной энергии) твердых тел.

Их внутренняя энергия элементов объема, достаточно удаленных от поверхности, будет постоянной, поскольку зависит только от объема. В то же время внутренняя энергия тонкого слоя у поверхности будет совсем другая и будет зависеть только от поверхности. Поэтому форма твердого тела будет определяться минимумом поверхностной энергии.

Кюри сформулировал этот закон так: «Если несколько поверхностей раздела S_1, S_2, S_3 с капиллярными постоянными A_1, A_2, A_3 ограничивают тело, то его устойчивой формой будет та, которая дает минимум величины $A_1S_1 + A_2S_2 + A_3S_3$ » [13, с. 115].

Этот закон, считает Кюри, определяет формы растущего кристалла в маточном растворе. Для доказательства он рассматривает три примера.

Первый пример — кристалл в маточном растворе принял форму куба. Спрашивается: каково будет отношение стороны основания x к высоте y , которое бы характеризовало наиболее устойчивую форму? Если A и B — капиллярные постоянные боковых граней и основания соответственно, то общая энергия для устойчивой формы

$$E = 4xyA + 2x^2B$$

должна быть минимальной. Решая это уравнение, на минимум получим, что $x/y = A/B$, так как тогда $d^2E/dx^2 = 12B > 0$. Таким же образом Кюри рассмотрел форму кубооктаэдра.

Еще один пример — в растворе находятся несколько кристаллов, обладающих устойчивой формой, что с ними будет происходить? — спрашивает Кюри. И отвечает: «совокупность кристаллов будет иметь минимальную энергию, когда их полная поверхность будет наименьшей; другими словами, когда все эти кристаллы соединятся в один» [13, с. 116]. Этот вывод полностью соответствует наблюдаемым явлениям — как известно, в маточном растворе большой кристалл поглощает маленькие.

Кюри понимал, что это рассмотрение основано на самых общих принципах и не дает никаких точных знаний о механизме образования кристаллов. Но, подчеркивал Кюри: «всякая частная физическая теория, которая будет иметь целью объяснить этот механизм, прежде всего не должна будет находиться в противоречии с этой более общей теорией» [13, с. 117].

Магнетизм

На первый взгляд кажется, что работы по магнетизму стоят в стороне от главных научных интересов Пьера Кюри. На самом деле это не так — Пьер Кюри, как мы видели выше, еще в своих работах о симметрии физических явлений особое внимание уделял симметрии магнитного и электрического полей и влиянию этих полей на свойства кристаллов. Так, в работе [4] он отмечает, что «магнитно-поляризованное тело обладает такой же симметрией, что и магнитное поле. Большое число кристаллов характеризуется группами симметрии, которые представляют собой подгруппы магнитной симметрии, такие, например, как кристаллы апатита, гипса, хлористого железа, роговой обманки. Могло бы случиться, что эти кристаллы намагничивались естественным путем благодаря своему строению; я безуспешно пытался обнаружить такое намагничивание на опыте» [4, с. 106–107]. Это свидетельствует о большом интересе Кюри к магнитным свойствам кристаллов и о его большой, но, по-видимому, неудачной попытке обнаружить намагниченность этих кристаллов.

Всего Кюри опубликовал восемь работ по магнетизму и написал и защитил по этой теме диссертацию. В ее основе лежит большая работа «Магнитные свойства тел при разных температурах» [14], в которой собраны практически все исследования Кюри по магнетизму.

Цель работы состояла в следующем: выяснить, чем отличаются по своей природе диамагнетики, слабомагнитные вещества (парамагнетики) и ферромагнетики. «Я полагаю, — писал Кюри, — что для разрешения этой проблемы надо изучить магнитные свойства различных тел при сколь угодно разных значениях температуры, давления и интенсивности магнитного поля. В этой работе я предполагаю изменять температуру в очень широких пределах; мне удалось исследовать некоторые тела от комнатной температуры и до 1370 К» [14, с. 122].

Экспериментальная установка показана на рис. 12. Она состояла из крутильных весов, на которых в ампуле помещалось исследуемое вещество. Ампула с веществом находилась в неоднородном магнитном поле. Сила, с которой поле действует на вещество, зависит от магнитной восприимчивости, которую Кюри обозначил буквой K , но мы использу-

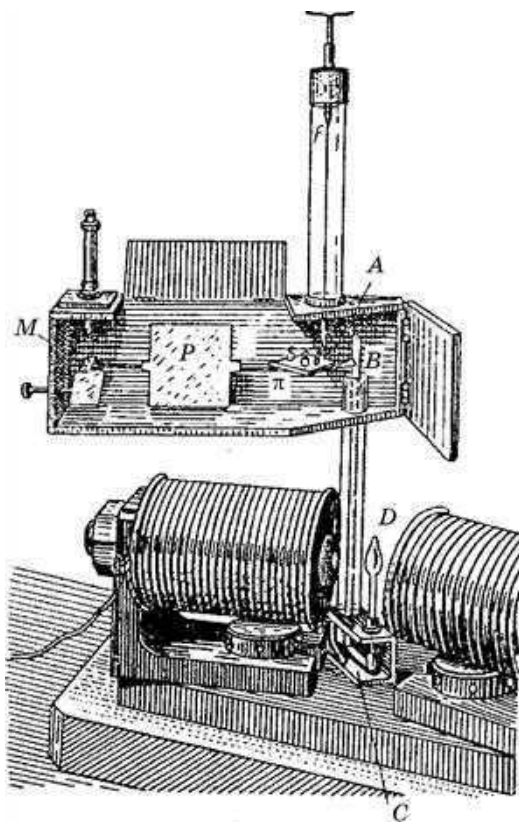

Рис. 12

ем современное обозначение χ :

$$F_x = \chi m H (dH/dx),$$

где m — масса образца, H — напряженность магнитного поля.

Легко понять, что сила F измерялась с помощью крутильных весов, а градиент магнитного поля определялся перемещением ампулы в разные положения относительно магнитного поля.

Кюри измерил температурную зависимость магнитной проницаемости более двадцати веществ, включая кислород, воздух, воду и другие вещества. В результате он нашел, что магнитные восприимчивости всех диамагнитных веществ, за исключением висмута, не зависят от температуры. Что же касается парамагнитных веществ, то их магнитная восприимчивость уменьшается с температурой, причем темпе-

ратурный коэффициент оказался примерно одинаковый для разных веществ. На рис. 13 приведена температурная зависимость магнитной восприимчивости кислорода. В интервале температур 20–450 °С она описывается следующим выражением:

$$\chi \cdot 10^6 = 33700/T.$$

Аналогичная зависимость найдена для воздуха

$$\chi \cdot 10^6 = 7830/T,$$

палладия

$$\chi \cdot 10^6 = 1520/T$$

и других парамагнитных веществ.

Эти данные указывали на существование общего закона изменения диамагнитной восприимчивости парамагнетиков. Кюри сформулирует его очень осторожно: «Наиболее часто удельная восприимчивость меняется просто обратно пропорционально абсолютной температуре. Таково, по крайней мере, первое приближение того, что происходит с кислородом, с палладием, с магнитными солями в растворе и в сухом виде. Разница в действии температуры на восприимчивость магнитных (парамагнитных. — А.С.) и диамагнитных тел совершенно резка, и эти результаты говорят в пользу

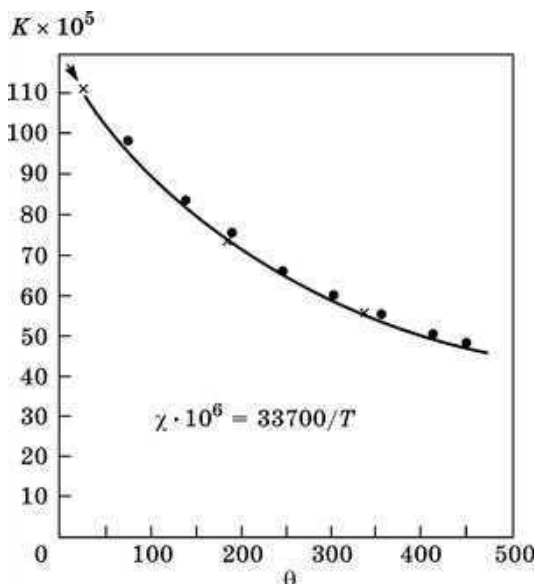

Рис. 13

тех теорий, которые приписывают магнетизм и диамагнетизм различным по природе причинам» [14, с. 191], и добавляет в примечании: «Если эти причины разной природы накладываются друг на друга в одном и том же теле, то можно предполагать найти закон изменения с температурой в виде

$$\chi_t = (A/T) - \chi_1,$$

где A и χ_1 суть две константы, причем χ_1 характеризует в общем неизменные диамагнитные свойства» [14, с. 191–192].

Так родился закон Кюри, переоткрытый в 1907 г. Вейссом.

Но это не все. Изучение ферромагнитных веществ привело Кюри к еще одному открытию — оказалось, что при достаточно высоких температурах ферромагнитные вещества становятся парамагнитными и их магнитная восприимчивость ведет себя так, как обычные парамагнетики. Для железа эта температура равна 760 °С. Выше этой температуры магнитная восприимчивость железа изменяется по закону

$$\chi = 34000/T.$$

Это ясно указывало на фазовый переход из ферромагнитного состояния в парамагнитное. «Всякое ферромагнитное тело при нагревании испытывает непрерывное превращение и приобретает свойства слабомагнитного тела», — писал Кюри и добавлял: «Таким образом, представляется вероятным, что при повышении температуры закон обратной пропорциональности абсолютной температуре есть предельный закон, к которому стремится закон изменения удельного коэффициента намагниченности ферромагнитных тел, когда их температура достаточно далека от температуры превращения» [14, с. 192].

Вот почему теперь температура фазового перехода из ферромагнитного состояния в парамагнитное называется точкой Кюри.

Заключение

Пьер Кюри прожил 47 лет, из них занимался наукой всего 26 лет. И за это время он сделал такое количество выдающихся работ, которое тогда, да и сейчас, по силам только большому коллективу ученых. Но, самое главное, его рабо-

ты оказали существенное влияние на дальнейший прогресс физики кристаллов.

Его работы по кристаллографии (вывод групп повторяемости и симметрии) были совершенно оригинальными: он ввел в рассмотрение новый сложный элемент симметрии — зеркально-поворотную ось, сочетающую два элемента симметрии: совмещение при вращении и совмещение при отражении. Он вывел все типы групп повторяемости и симметрии систем точек, не накладывая ограничений на порядок осей симметрии. Тем самым Кюри ввел в кристаллографию предельные для каждого типа групп симметрии группы с осями бесконечного порядка. Выбрав из бесконечного числа групп только группы с элементами симметрии совместимыми с пространственной решеткой, он получил все группы симметрии кристаллов.

Такой подход к симметрии кристаллов продолжили русские кристаллографы Г.В.Вульф и его ученик А.В.Шубников. Более того, Вульф в 1897 г. показал, что можно вывести все возможные группы симметрии кристаллов, используя только один элемент симметрии — плоскость симметрии. Этот подход стал традиционным для отечественных кристаллографов.

Кюри впервые ввел в физику понятия симметрии и диссимметрии. Он показал, какую симметрию можно приписать физическим явлениям и как обнаружить изменение симметрии физических объектов при воздействии на них сил и полей. В кристаллофизике этот подход успешно развивал Шубников в 40–60-е годы прошлого века. Он распространил понятие симметрии на математические величины — скаляры, псевдоскаляры, полярные и аксиальные векторы и тензоры разных рангов. Шубников уточнил принцип Кюри, который в современной формулировке теперь звучит так: «Точечная группа симметрии кристаллов в поле физического воздействия есть общая высшая подгруппа групп симметрии кристалла до воздействия и группы симметрии физического воздействия при заданной взаимной ориентации обеих групп». В то же время метод симметрии в самом широком смысле (не только пространственная симметрия) сейчас стал одним из действенных методов теоретической физики.

Открытие прямого и обратного пьезоэлектрического эффекта — это выдающееся достижение. Основываясь на этих работах братьев Кюри, феноменологическую теорию пьезо-

эффекта разработал немецкий физик В. Фойгт в 1910 г. Вскоре пьезоэффект стал широко использоваться в гидролокации и в радиотехнике.

Маленькая заметка о капиллярных постоянных (поверхностной энергии) дала начало огромному числу работ по теории роста кристаллов, первой из которых стала работа того же Вульфа. Сейчас главное внимание сосредоточено на разработке молекулярных теорий роста кристаллов, но, как писал Кюри, все эти теории «прежде всего не должны будут находиться в противоречии с этой более общей теорией».

Наконец, работы по магнетизму. Они дали толчок работам П. Ланжевена по теории диамагнетизма и парамагнетизма, а затем большой серии исследований П. Вейсса по ферромагнитным веществам. Все эти выдающиеся исследования непосредственно основывались на работах Кюри.

Закончу этот краткий обзор словами А.В. Шубникова: «Между тем, эти исследования, если бы они были продолжены Пьером Кюри, могли бы, вероятно, иметь для развития естествознания в целом немногим меньшее значение, чем работы по радиоактивности для развития физики и химии» [15, с. 591].

Литература

1. Кюри М. Пьер Кюри / В кн.: Мария Кюри, Пьер Кюри. — М.: Наука, 1968.
2. Кюри П. О вопросах упорядоченности: повторяемость / См. в сб.: П. Кюри. Избранные труды. — М.-Л.: Наука, 1966. С. 50–65.
3. Кюри П. О симметрии / Там же. С. 66–94.
4. Кюри П. О симметрии в физических явлениях: симметрия электрического и магнитного полей / Там же. С. 95–113.
5. Кюри П. Образование полярного электричества под действием давления в гемиздрических кристаллах с косыми гранями / Там же. С. 9–10.
6. Кюри П. О полярном электричестве в гемиздрических кристаллах с косыми гранями / Там же. 6. С. 11–14.
7. Кюри П. Законы выделения электричества в турмалине под действием давления / Там же. С. 15–16.
8. Кюри П. Об электрических явлениях в турмалине и в гемиздрических кристаллах с косыми гранями / Там же. С. 17–20.
9. Кюри П. Гемиздрические кристаллы с косыми гранями как постоянные источники электричества / Там же. С. 21–23.
10. Кюри П. Сжатия и расширения, производимые электрическим напряжением в гемиздрических кристаллах с косыми гранями / Там же. С. 24–26.

11. *Кюри П.* Электрические деформации кварца / Там же. С. 27–29.
12. *Кюри П.* Электрическое растяжение кварца / Там же. С. 30–46.
13. *Кюри П.* Об образовании кристаллов и о капиллярных постоянных их различных граней / Там же. С. 114–117.
14. *Кюри П.* Магнитные свойства тел при разных температурах / Там же. С. 121–195.
15. *Шубников А.В.* О работах Пьера Кюри в области симметрии // УФН. 1956. 59. Вып. 4. С. 591–602.

И.А. ТЮЛИНА, В.Н. ЧИНЕНОВА

*МГУ им. М.В. Ломоносова
механико-математический факультет*

**К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АШОТА ТИГРАНОВИЧА ГРИГОРЬЯНА
(1910–1997)**

Ашот Тигранович Григорьян родился 21 марта 1910 г. в селе Пери Мартунинского района в Нагорном Карабахе (Азербайджанской ССР) в семье бурового мастера, там же окончил школу, получив среднее образование. Вот как вспоминает эти годы со слов А.Т. Григорьяна его коллега по ИИЕТ РАН Б.А. Розенфельд: «...он рассказывал мне, что пришел из своей деревни учиться в Баку босиком и явился в армянскую школу. Дело было во время НЭПа, и ученики этой школы, дети богатых бакинских армян, высмеяли голодранца. Тогда Ашот пошел к редактору армянской газеты Исаю Довлатову, и тот приказал директору школы обути и принять мальчика. Ашот с блеском окончил эту школу и поступил на мехмат Московского университета» [1]. Итак, в 1930 г. А.Т. Григорьян приехал в Москву и поступил на физико-математический факультет Московского университета.

В 1932 г. под руководством профессора кафедры теоретической механики А.И. Варьяша на факультете работал семинар по истории и философии механики, привлечший большое внимание преподавателей, аспирантов и студентов-механиков. Кроме того, в 1933 г. в университете был организован семинар по истории математики, на котором рассматривались и проблемы истории механики. В том же году факультет был преобразован в механико-математический, состоящий из трех отделений: математического, отделения механики и астрономического (вместе с Институтом им. П.К. Штернберга).

В 1935 г. А.Т. Григорьян окончил мехмат (отделение механики), его научным руководителем был профессор А.И. Варьяш¹. Дипломная работа А.Т. Григорьяна была посвящена развитию вариационных принципов механики. Защита дипломной работы была успешной, и та же тема позже была развита А.Т. Григорьяном в его кандидатской диссертации.

После окончания университета в 1935 г. «его назначили наркомом (министром) просвещения Азербайджана. На этом посту он пробыл недолго, так как попытался заменить бездеятельных азербайджанских начальников на их

деятельных заместителей — русских и армян. Это не понравилось Председателю Совнаркома, которым тогда был тесть Гусейнова Буньят-заде, и Ашоту Тиграновичу пришлось вернуться в Москву» [1. С. 100].

Григорьян работал в аппарате Народного комиссариата просвещения (в секторе нерусских школ и в комиссии по переводу письменности народов СССР с латинского алфавита на русский) и преподавал механику в Московском полиграфическом и заочном Политехническом институтах.²

В первые годы войны А.Т. Григорьян добровольно вступил в ряды Советской армии. Одно время он был начальником политотдела тыла Брянского фронта (в штабе маршала Рокоссовского и в штабе авиации). К концу войны имел следующие награды: Орден Отечественной войны 1-й степени, Орден Красной Звезды и четырнадцать медалей. В 1946 г., после демобилизации в звании подполковника, А.Т. вернулся на прежнюю работу в преобразованное Министерство высшего образования (Азербайджана), а в 1950 г. стал помощником министра высшего образования СССР и до 1951 г. работал заместителем начальника Главного управления

А.Т. Григорьян

¹ Заметим, что профессор А.И. Варьяш окончил Будапештский университет и эмигрировал в СССР в 1922 г.

² Преподавательская деятельность Григорьяна в этих институтах велась на протяжении 30 лет.

университетов. В 1950–1954 гг. Ашот Тигранович по совместительству работал в Управлении капитального строительства нового здания МГУ на Ленинских горах, по линии механико-математического факультета.

В 1951 г. А.Т. защитил в Ленинградском университете диссертацию на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук на тему «Роль русских ученых в развитии вариационных принципов механики», а в 1954 г. перешел на работу в Институт истории естествознания и техники АН СССР в качестве ученого секретаря. Затем с 1955 г. более 30 лет возглавлял разные подразделения института по истории физико-математических наук — сначала сектор истории физико-математических наук, затем сектор по истории механики и математики и после этого сектор по истории физики, механики и астрономии. С Институтом связана вся его научная деятельность.

К 1962 г. А.Т. Григорьян опубликовал свыше 60 научных статей и 3 монографии: «М.В. Остроградский — выдающийся русский ученый» (1953), «Михаил Васильевич Остроградский [Математик. 1801–1862]» (1961) и «Очерки по истории механики в России» (1961). За цикл работ по истории механики в России ему была присуждена ученая степень доктора физико-математических наук. Ученое звание профессора Григорьяну было присвоено еще в 1956 г.

С 1960 г. А.Т. Григорьян — член-корреспондент Международной академии истории науки, в 1963 г. он был избран ее действительным членом, а затем вошел и в руководящий состав Международного Союза истории и философии науки, где занимал различные должности вплоть до президента этой организации (1977)³. Григорьян был иностранным членом Испанской академии наук. В Советском национальном объединении истории и философии естествознания и техники с 1967 г. по его инициативе была организована секция истории механики, которую возглавил академик АН СССР А.Ю. Ишлинский.

К 1981 г. А.Т. Григорьян опубликовал 277 статей и 16 книг по истории механики, в том числе монографию «Очерки истории механики в России» (М.: Изд-во АН СССР, 1961), которая до сих пор является почти единственным обобщающим очерком по вопросам истории отечественной механики.

³ В 1977 г. на XV Международном конгрессе в Эдинбурге был избран президентом этого Союза.

В этой монографии он дал систематический обзор отечественной механики в целом, от основания Академии наук в 1725 г. до середины прошлого столетия, рассмотрел развитие механики в России (291 стр.) во взаимосвязи с общим развитием естествознания и техники. Круг исследованных в книге проблем весьма велик: он включает преподавание механики в университетах и высшей технической школе, основную учебную литературу, теоретические исследования во всех основных направлениях, вплоть до баллистики, теории корабля, сопротивления материалов, гидравлики и теории авиации. В последней (25-й) главе охарактеризованы основные направления развития механики в советский период. В сокращенном варианте эта книга была переиздана в 1967 и 1978 гг.

Киевский профессор Борис Наумович Фрадлин в соавторстве с А.Т. Григорьяном опубликовал книжку «Механика в СССР» (М.: Наука, 1977). Ряд монографий А.Т. Григорьяна (некоторые написаны в соавторстве) посвящены научным биографиям выдающихся ученых: например, книги «М.В. Остроградский — выдающийся русский ученый» (1953), расширенное второе издание — в 1961 г.; «Генрих Герц. 1857–1894» (совместно с А.Н. Вяльцевым, 1968), «Даниил Бернулли. 1700–1782» (совместно с Б.Д. Ковалевым, 1981).

А.Т. Григорьян входил в творческий коллектив по составлению и общему редактированию нескольких коллективных монографий, таких как «История механики (с древнейших времен до конца XVIII в.)» (1971) и «История механики (с конца XVIII до середины XX в.)» (1972). Его активным соредактором был профессор И.Б. Погребынский. Сотрудничество с этим квалифицированным механиком и математиком, выдающимся историком науки было весьма плодотворным для Ашота Тиграновича. Совместные работы с Л.С. Полаком, А.А. Космодемьянским, А.П. Юшкевичем, Б.Н. Фрадлиним, В.П. Зубовым расширяли круг исследований А.Т. Григорьяна.

В эти годы издавались сочинения классиков механики, каждое из которых, способствуя разработке актуальных проблем современной механики, немало дает и для истории науки. В подготовке этих трудов в качестве редакторов и комментаторов наряду с такими выдающимися учеными, как И.А. Артоболевский, А.Н. Боголюбов, В.В. Голубев, А.А. Дородницын, А.А. Ильшин, А.Ю. Ишлинский, Н.И. Идель-

сон, М.В. Келдыш, И.Б. Погребысский, В.В. Румянцев, Л.И. Седов, В.И. Смирнов, С.А. Христианович и другие, участвовал и А.Т. Григорьян.

В марте 1980 г. А.Т. Григорьяну исполнилось 70 лет, из них 45 лет научно-педагогической деятельности. Тогда же по его инициативе было начато издание сборника исследований по истории механики — «Исследования по истории механики» (1981). В конце первого выпуска был опубликован список книг и статей, принадлежащих юбиляру. Список содержит 16 наименований монографий, из них шесть переизданий, и 277 наименований статей. Многие из этих работ созданы в соавторстве с другими учеными, некоторые на иностранных языках; им написаны биографии многих русских ученых не только для БСЭ, но и для опубликованного в США биографического словаря ученых в 15 томах (под редакцией проф. Ч. Гиллиспи), для биографического словаря ученых в 6 томах, изданного в Италии в издательстве А. Мондадори.

В 1983 г. вышла вторая книга серии «Исследования по истории механики», где был помещен обширный очерк «Научная, научно-организационная и общественная деятельность академика Александра Юльевича Ишлинского. К 70-летию со дня рождения» с портретом юбиляра. Составители названного очерка — А.Т. Григорьян и М.Е. Тимченко.

Заметим, история науки занимала в творчестве Александра Юльевича особое место. Человек высокой культуры, он проявлял к этой дисциплине искренний и глубокий интерес. Вполне возможно, что этому способствовал и тот факт, что один из близких друзей его университетской юности⁴ Ашот Тигранович Григорьян стал известным историком механики и заведовал соответствующим сектором в Институте истории естествознания и техники АН СССР. А.Т. Григорьян постоянно советовался с Александром Юльевичем по всем принципиальным вопросам, связанным с деятельностью тогдашнего сектора истории механики, и когда организовывался ежегодник «Исследования по истории механики», А.Ю. Ишлинский согласился стать членом его редколлегии.

С 1985 г. серия была расширена и переименована: «Исследования по истории физики и механики». В ходе социального регресса («Перестройки») выпуски этой серии из

⁴ А.Ю. Ишлинский (1913–2003) в 1931 г. поступил на физико-математический факультет в МГУ сразу на второй курс.

ежегодных стали более редкими: 1986, 1988, 1990, 1993–1994, 1998–1999. В XXI веке выпуск продолжен, но истории механики там становится, к сожалению, все меньше.

Более четверти века А.Т. Григорьян являлся бессменным председателем Специализированного ученого совета по защите диссертаций по истории физико-математических наук. Очень многим молодым ученым он дал путевку в науку.

А.Т. Григорьян был видным исследователем и организатором разработок по истории механики; имя его известно и в международных организациях историков и философов научного естествознания. Регулярное сотрудничество советских и зарубежных ученых имело место и на различных международных конгрессах, симпозиумах, двусторонних встречах. Он многократно выезжал в заграничные командировки в качестве главы советской делегации ученых, участвовал в работе большинства международных конгрессов по истории науки и, в частности, был одним из организаторов XII (Московского) международного конгресса. Был членом редколлегии нескольких иностранных и отечественных журналов и монографий.

Ашот Тигранович Григорьян скончался 14 июня 1997 г.

Мы отдаем дань памяти этому энергичному и доброжелательному человеку.

Литература

1. Розенфельд Б.А. Воспоминания. (Баку 1950–1955). <http://www.ourbaku.com>
2. Григорьян А.Т. Механика от античности до наших дней. — М.: Наука, 1971.
3. Григорьян А.Т. Очерки по истории механики в России. — М.: Изд-во АН СССР, 1961.
4. Григорьян А.Т. История механики (с древнейших времен до конца XVIII в.). — М.-Л.: Наука, 1972.
5. Григорьян А.Т. История механики (с конца XVIII до середины XX в.). — М.-Л.: Наука, 1973.

М.И. КАГАНОВ¹

**PROFESSOR DAVID SHOENBERG —
ДАВИД ИСААКОВИЧ ШЁНБЕРГ
(К 100-летию со дня рождения: из воспоминаний)**

Две неожиданные встречи

Было это в 60-х годах прошлого века. Точнее не помню. Да это и не столь существенно. Я имел возможность отдохнуть в сентябре, а не в июле-августе, как обычно. Это дало возможность провести отпуск вместе со своим близким другом — строителем (строители в СССР обычно отдыхали в сентябре). Мы спланировали кавказскую программу: пребывание в горах, а потом на берегу Черного моря, предполагалась и поездка в Армению (в сентябре в Ереване проходила какая-то конференция, участником которой я был).

По нашему плану удовольствия должны были начаться с Иткола, под Эльбрусом, где в одном из туристических отелей удалось забронировать номер. Но добраться туда было непросто. Мы избрали такой маршрут: до Минеральных вод — самолетом, а в Иткол — автобусом. То ли не было удобного рейса, то ли произошла задержка с вылетом из Харькова, но в Минеральные воды мы прилетели вечером. В это время суток никакие автобусы не ходили, ждать надо было до утра. Сделав безуспешную попытку устроиться в гостинице, бродили по зданию аэропорта в надежде найти место, где удастся хоть немного подремать. Аэропорт был забит людьми. Погода не позволяла самолетам перелетать через Кавказский хребет, самолеты с пассажирами принуждены были проводить ночь в Минеральных водах. Мест не хватало не только в гостинице, но и в зале ожидания. Он был переполнен.

¹ 175 Doty Street, Waltham, MA-02452, USA.
E-mail: kaganov@gmail.com

На рассвете, поднявшись с трудом найденного стула, на котором продремал несколько часов, в мятой одежде, небритый и даже немытый, пошел бродить по аэропорту. Среди толпы мало отличающихся от меня людей неожиданно взгляд задержался на немолодом мужчине, резко выделяющимся своей внешностью: отутюженный светлый костюм, сверкающая белая рубашка, хорошо вывязанный галстук, бритое и какое-то удивительно чистое лицо. Разглядывая, узнавал. Да ведь это Шёнберг, с которым незадолго до того встречались и беседовали в Москве.

Давид Исаакович, как мы, разговаривая по-русски, называли его, рассказал, что летит по приглашению Элевтера Луарсабовича Андроникашвили в Тбилиси, их самолет из-за погоды приземлился в Минеральных водах, ему, как иностранному туристу, предоставили место в гостинице. «А теперь, — добавил он, — хочу послать из такого экзотического места открытку домой». Нашли почту, послали открытку. Поговорили еще немного, пожелали друг другу счастливого пути и разошлись.

С Дэвидом Шёнбергом встречался я несколько раз, беседы были более содержательные, чем в аэропорту у подножия Кавказского хребта. Но наиболее отчетливо в памяти сохранился именно этот образ, увиденный рано утром и так разительно отличающийся от окружающих².

* * *

Другая неожиданная встреча произошла в абсолютно иной обстановке, лет на 10 позднее. Эрик Фосет организовал конференцию в Торонто (Канада) по физике металлов. Первый раз я перелетел через Атлантику. Волнуюсь не только потому, что впервые в Новом свете. Должен делать доклад по-английски, что мне, скажем мягко, нелегко. Очень надеюсь на помощь своего коллеги и друга Роберта Георгиевича Архипова, Роба. Заседание, где должен докладывать, не в первый день. Немного освоился. Выйдя к доске, оглядываю аудиторию. На балконе вижу заметившего мой взгляд и улыбающегося мне Дэвида Шёнберга. Я не знал, что он в Торонто. Докладывая, понимаю, что он внимательно слушает. Конечно, приятно. После окончания доклада встрети-

² Знаю, что и Д.И. запомнил эту встречу: см. в Приложениях письмо Давида Исааковича ко мне.

лись, и Дэвид сказал: «Рад, что справились. Зная о Ваших языковых затруднениях, пришел *сегодня*, чтобы иметь возможность Вам помочь». Растроганно поблагодарил. К счастью, благодаря Робу, помощь Давида Исааковича не понадобилась.

После заседания мы погуляли по кампусу, и Шёнберг рассказал, что проводит в Торонто свой саббатикал год в одном из университетов близ Торонто, причем его обязанности сводятся к тому, что он должен обедать в университетской столовой. Дело в том, что встречи во время обеда заметно облегчают сотрудникам университета общение с визит-профессором. «Сотрудникам повезло», — подумал я.

Когда вспомнил о своей встрече с Шёнбергом в Торонто, то мелькнула мысль, не принимал ли Шёнберг участие в организации действия в защиту Юрия Орлова, которая проводилась во время конференции. Были выставлены портрет Орлова, его краткая биография и обращение к советским властям с требованием освободить узника совести из-под стражи. К участникам конференции обращались с просьбой подписать обращение. Когда буквально все это было выставлено — при открытии конференции, во время или после посещения конференции Дэвидом Шёнбергом, — не помню. Но что я хорошо помню, так это то, как относился сэр Шёнберг к тому, что происходило в Советском Союзе. Уверен, мои предположения об его участии в защите Орлова не лишены основания.

Встреча, которая не состоялась

Я получил приглашение посетить несколько английских университетов. Приглашение организовал Джон Займан (J.M. Ziman) — профессор Бристольского университета, автор известных учебников и монографий, главным образом по квантовой теории твердого тела. Его книги издавались в Советском Союзе. Одна из монографий вышла в переводе под моей редакцией.

Буквально, не по публикациям, с Займаном я познакомился, когда мы оба были лекторами на популярной ежегодной зимней школе по теоретической физике в Карпаче. Карпач — лыжный курорт на границе между Польшей и Чехословакией. Традиционно организаторами Школы были теоретики Вроцлавского университета. Вроцлавский университет теперь носит имя Макса Борна. Школа в годы суще-

ствования железного занавеса играла для нас, советских физиков-теоретиков, важную роль: в Карпаче возникали знакомства, завязывались научные контакты между живущими по разные стороны злополучного железного занавеса физиками-теоретиками, которые потом поддерживались многие годы. Хочется думать, что западные физики тоже ценили присутствие в Карпаче физиков из Советского Союза.

Займан неплохо знал наши работы по электронной теории металлов. Его собственные интересы в то время сосредоточились на истории физики. Истории была посвящена и его лекция на Школе. После лекции Займан пригласил меня поговорить «не о физике», как сказал он.

Разговор с Займаном хорошо запомнился. Не потому, что высказывались какие-то особенно глубокие мысли, а по тому результату, к какому он привел. Это, во-первых. Во-вторых, запомнилось, как «искусно мы преодолели» возможность нежелательных слушателей. О преодолении языкового барьера я уже не говорю: переводил нас друг другу, в обе стороны, мой тогда близкий приятель — польский физик-теоретик Яцек Ковальский. Теперь он профессор одного из университетов в США, а, возможно, вышел на пенсию. Давно с ним не общался.

Сейчас трудно себе представить, сколь мы были уверены, что буквально при каждой группе ученых, выезжающих в командировку за рубеж, есть соглашения, в обязанности которого входит следить и доносить³.

Была прекрасная погода. По территории Туристической базы университета, где жило большинство участников Школы, ходили группы слушателей и лекторов. Мы выбрали более или менее уединенную аллею и решили ходить по ней, беседуя. Оказалось, непросто совмещать прогулку с переводом. Остановились. Продолжили разговор, вскорости забыв, что решили уединиться. Займан хотел из первых рук узнать положение научных работников-евреев в СССР, более всего интересуясь положением отказников. Я постарался подробно рассказать ему то, что знал. В то время у меня и мыслей не было об эмиграции. И я знал, что многие евреи, как и я, ощущающие, кто на себе, кто на коллегах, кто на своих детях или близких, несправедливость государственной национальной политики, все же не думают об отъезде из

³ Кто не верит, перечитайте «1984» Джорджа Оруэлла.

СССР. Ответив на вопросы Займана, перешел к положению евреев, которые не собираются эмигрировать. По-настоящему положение дел я знал лишь в учебных заведениях и научных институтах. Считал и считаю, что реальные условия в учреждении (при явном и несомненном государственном антисемитизме) во многом зависели от обстановки в учреждении, а главным образом от его руководителя. Об этом убедительно свидетельствовали существующие различия между положением дел в разных учреждениях. Кроме того, мне было известно, что собственный антисемитизм некоторые руководители учреждений «прикрывали» государственным.

Так как руководители нередко выезжали за рубеж в командировки, то (по моей мысли) необходимо было сделать так, чтобы их иностранные коллеги знали, какой позиции придерживаются приезжающие к ним, а сторонники дискриминации чувствовали себя неуютно «в гостях».

Мне показалось, Займана заинтересовало сказанное мною, а некоторые из тех, кто в то время гулял по территории (как члены нашей делегации, так и других), сказали, что с интересом слушали наш разговор... Конспираторы...

Во время разговора Займан спросил, хочу ли я побывать в Англии. Он знал, что в Англии я не был. Я ответил: «Конечно!» Вскоре я получил приглашение быть гостем нескольких английских университетов. В приглашении говорилось, что в каждом из университетов предусмотрена помощь в языковом общении. Был не просто обрадован, а растроган.

Получив приглашение, начал оформлять поездку.

Но... На вторжение советских войск в Афганистан английские ученые отреагировали нежеланием общаться со своими советскими коллегами. Понял, что моя поездка не состоится. Неожиданно мне привезли письмо Шёнберга, в котором он уведомил меня, что бойкот на меня не распространяется, и меня будут рады видеть как в Кембридже, так и в других университетах, которые перечислены в приглашении Займана. Отнес письмо чиновнику Иностранного отдела Президиума Академии наук, который занимался оформлением моей поездки. Мне показалось, что он письму обрадовался. Возможно, воспринял как прорыв блокады. Конечно, никуда я не поехал. Не встретился с Дэвидом Шёнбергом. Так никогда и не был в Англии.

Поздравление

2000-й год. Завершается XX век, а с ним и тысячелетие. В Кембридже отмечают 90-летие Дэвида Шёнберга. Календарь настраивает на торжественный тон. Юбилей воспринимается, как нечто символическое, как одно из событий смены эпох. Это нашло отражение в моем письме к юбиляру. Воспризываю его здесь полностью, хотя с грустью понимаю: ряд строк полагалось бы опустить, они сейчас неуместны. Рука не поднимается вычеркнуть их.

«Дорогой и глубокоуважаемый Давид Исаакович!

Вот-вот мы вступим в новое тысячелетие. Ваш юбилей для меня, как и для многих физиков, — первый праздник в календаре нового тысячелетия. Есть в этом нечто символическое.

Среди несомненных достижений уходящего века одно из впечатляющих — безликие металлы, выделенные из других тел лишь проводимостью⁴, превратились в набор различных объектов с разительно отличающимися поверхностями Ферми. Казалось бы, созданные природой с эстетическими целями, вычурные поверхности Ферми служат визитными карточками металлов. Без знания их структуры пытаться понять свойства металлов бессмысленно — особенно в магнитном поле.

Усилиями целого ряда физиков уникальное, как думалось, свойство висмута — осцилляционная зависимость его электронных характеристик от магнитного поля — превратилось в надежный метод расшифровки электронного энергетического спектра металлов. В этой области Ваши заслуги особенно велики. Я как один из участников построения (под руководством Ильи Лифшица) электронной теории металлов, использующей повехность Ферми сложной формы как исходную “точку” для выяснения тонких особенностей многих свойств металлов, особенно отчетливо ощущаю, как много Вы сделали для создания современной физики металлов. Ваша роль общеизвестна и общепризнана.

Мы всегда знали, что результаты, получаемые Вами, Вашими учениками и Вашими коллегами, аб-

⁴ Не хочу изменять написанное 10 лет назад. Но сейчас мне не понравились слова «безликие металлы, выделенные из других тел лишь проводимостью», как бы перечеркивающие достижения металлофизики. (Прим. автора, июнь 2010 г.)

совершенно надежны и их можно использовать, не боясь разочарования. Само существование Мондовской лаборатории, истинной Мекки современной электронной физики металлов, служило нам важной поддержкой. Приятно было сознавать, что мы все заняты общим делом.

Оглядываясь на прошедшие годы, испытываю некую грусть. Встречаться с Вами было не только полезно, но и приятно, а грустно потому, что встреч было мало и они были кратки.

Хочу напомнить Вам одно Ваше высказывание. Оно произвело на меня сильное впечатление.

Дело происходило в кабинете Петра Леонидовича Капицы в Институте физических проблем (ИФП), где Вы рассказали присутствующим одну из последних своих работ. Многие из нас радовались, что Вам удалось измерить анизотропию поверхности Ферми натрия (надеюсь, я не ошибаюсь⁵). Капица со свойственной ему шутливой грубоватостью спросил, примерно, так: “Зачем было так стараться? Ведь анизотропия очень мала”. И Вы спокойно ответили: “Очень интересно! Хочется знать, какова она буквально”.

Интересно! Интересно Вам и другим! Это замечательный стимул.

Рад за Вас: многие годы жизни Вы посвятили интересному и, совершенно очевидно, важному делу. И достигли замечательных результатов.

Желаю Вам встретить юбилей в добром здравии, получить удовольствие от поздравлений, к которым искренне присоединяюсь.

С глубоким уважением (подпись)

Belmont, MA, USA, декабрь, 2000 г.»

Перечитав написанное десять лет назад письмо, я с улыбкой подумал: все годы после выхода на пенсию и отъезда из России я жил в городке под Бостоном, который носит имя Шёнберга. Действительно, *Schoenberg* по-немецки и *Belmont* по-французски — *красивая гора*. Городок моего проживания напоминает мне о Давиде Шёнберге, знакомство и общение с которым — одна из несомненных удач моей биографии⁶.

⁵ Выяснилось, что ошибся. Речь шла о калии. См. статью Д. Шёнберга в сборнике «Капица, Тамм, Семенов в очерках и письмах». — М.: Вагриус; Природа, 1998. С. 74.

⁶ С этого, 2010-го, года живу в соседнем городке Waltham'е. (Прим. автора, сентябрь 2010 г.)

Знакомство

Всю жизнь я легко заводил знакомства. После окончания университета круг моих знакомых быстро расширился. К непосредственным знакомствам на месте работы, на семинарах и конференциях, во время командировок следует добавить, говоря сегодняшним языком, виртуальные знакомства: по статьям, упоминаниям в обзорах, монографиях и даже учебниках. Когда я познакомился с Шёнбергом? Не когда *мы познакомились*, а когда *я познакомился*, т.е. узнал о Шёнберге. И в каком контексте?

На эти вопросы не так просто ответить.

Еще до войны, со старших классов школы я об УФТИ⁷ был наслышан. И многие мои сверстники, интересующиеся физикой, тоже. Мое знание об УФТИ включало не только знание успехов первых лет существования института, но и трагедию периода Большого террора. Хотя очень неполно. Но судьбу Ландау знал. Знал даже, что удивительно «своевременно» Ландау получил приглашение Капицы возглавить теоретический отдел в созданном им Институте физических проблем (ИФП), и это позволило ему «сбежать» из Харькова в Москву. Знал, что начало деятельности Ландау в новом для него институте, в ИФП, было блестящим. Появились новые важные работы, но не только. Установились тесные, дружеские и взаимно полезные отношения с физиками-экспериментаторами, возник и начал регулярно работать знаменитый ландауский теоретический семинар. Знал, что семинар посещали многие физики-теоретики из различных научных учреждений не только Москвы... Знал и об аресте Ландау, о годе страданий в тюрьме и об удивительном освобождении заботами Капицы.

Боюсь, я несколько преувеличил то, что знал я — школьник, и тем самым уменьшил то, что узнал, вернувшись в Харьков после войны. Отец с 1939 г. преподавал в Харьковском университете. Преподавал и во время эвакуации, в Кзыл-Орде в Объединенном Украинском университете. Объединились Киевский и Харьковский университеты. Среди тех, с кем родители подружились в эвакуации, были и уфтийцы.

Прочсть о трагедии 30-х годов было негде, но о ней *говорили*... И то не всегда, не все и не со всеми.

⁷ УФТИ — Физико-технический институт Академии наук УССР в Харькове.

В послевоенные годы студентом, а возможно, когда я уже был сотрудником УФТИ, я узнал о существовании эффектов де Гааза-ван Альфена (dHvA) и Шубникова-де Гааза.

Постепенно узнал значительно подробнее происходившее в УФТИ в 30-е годы. Узнал, кто был расстрелян, кто спасся, доходили слухи, кто как себя вел. Узнавалось все медленно и постепенно. До сих пор меня удивляет, что тема «довоенного УФТИ» в разговорах со старыми сотрудниками, как правило, не оборачивалась трагической стороной, а, скорее, ностальгической. Даже после 1956 г. В чем причина?

У разных людей были разные причины не говорить о прошлом: некоторых сдерживал страх, недоверие к собеседнику, но иногда, мне кажется, страх уступал место «правилам приличия». По существу, до перестройки о репрессиях не полагалось говорить, даже упоминать их. Вызывало грустную улыбку, сколько деятелей умерло, согласно официальным биографиям, в 1937–38 гг. по «естественной» причине. Кроме того, не стоит забывать, что отнюдь не все репрессированные вернулись на страницы открытых изданий. У некоторых из переживших годы террора возникало искреннее желание попросту забыть тяжелые переживания. Но были среди моих коллег по послевоенному УФТИ и те, кому было что скрывать. И их имена я узнал после поступления в УФТИ. Не сразу, конечно. Не помню точно, когда узнал о расстреле замечательного физика Льва Васильевича Шубникова⁸, того самого, который вместе с Вандером Иоханнесом де Гаазом открыл эффект, вошедший в историю физики под их именами, — эффект Шубникова-де Гааза — немонотонную зависимость сопротивления металлов от магнитного

⁸ На одной из первых послевоенных конференций по физике низких температур я познакомился с Ольгой Николаевной Трапезниковой. Меня приятно поразило не только ее обаяние, но и необычно теплое, трогательное отношение к ней физиков старшего поколения. Лишь потом я узнал, что О.Н. — вдова Л.В. Шубникова.

Приведу отрывок из «Дела УФТИ» (Павленко Ю.В., Раниук Ю.Н., Храмов Ю.А. «Дело» УФТИ. 1935–1938. — Киев: «Феникс» УАННП, 1998. 324 с.):

«Его [Шубникова] арестовали в то время, когда его жена Ольга Николаевна Трапезникова была на последнем месяце беременности. ... жена прославленного уфтинского стеклодува Егора Васильевича Петушкова Елена Адамовна ... припоминает, что Шубникова из тюрьмы привозили на “черном вороне” в родильный дом на свидание с женой и новорожденным сыном, которого он еще не видел. Об этом Елене Адамовне рассказала сама Ольга Николаевна». Не здесь

поля при низких температурах. Потом ее называли осцилляционной зависимостью или просто осцилляциями, как и в случае эффекта де Гааза–ван Альфена.

Лев Васильевич Шубников создал в УФТИ Криогенную лабораторию и руководил ею до ареста. Она была первой криогенной лабораторией в Советском Союзе.

Шубников и Ландау дружили. Их дружба была полезной и эффективной: друг друга они питали идеями. За несколько лет в Криогенной лаборатории был получен ряд фундаментальных результатов.

В послевоенные годы в Харьковском университете, где я учился в 1946–49 гг. после демобилизации, теорфизическое образование было осознанно ориентировано на Курс Ландау и Лифшица, а события, происходившие в ИФП (семинары, доклады, новые работы), становились известными нам фактически сразу: наши учителя Илья Михайлович Лифшиц и Александр Ильич Ахиезер бывали в ИФП регулярно, были обязательными посетителями и участниками семинара Ландау и многих заседаний семинара Капицы. Свои впечатления они не скрывали от нас, своих учеников — ни тогда, когда мы были студентами, ни позже, когда стали их сотрудниками. Рассказывая, упоминали оценки Ландау, Капицы как советских работ, так и работ зарубежных физиков. Мы хорошо понимали, что благодаря Лифшицу и Ахиезеру мы не отчуждены от настоящей физики, не замкнуты в пределах своего города. Более того, в те годы мы чувствовали себя принадлежащими той же настоящей физике, которой заняты в лучших лабораториях мира. Но, как и подавляющее большинство физиков, не выезжая за границу, с интересующими нас работами *мы* знакомились лишь по

ли скрывается объяснение того, каким бесчеловечным путем чекистам удалось заставить Льва Васильевича подписать сочиненные ими показания? Нет сомнения, что меры воздействия на Шубникова чекисты подобрали очень действенные и пригрозили ему, как это было у них заведено, жену арестовать, а ребенка поместить в детский дом под вымышленным именем с тем, чтобы никто не мог его найти и чтобы он сам не знал, кто его родители.

Ольга Николаевна Трапезникова отказалась публично судить своего мужа и отречься от него. Поэтому она была вынуждена оставить квартиру и работу в УФТИ и с помощью друзей перебраться в Ленинград, где умерла в 1997 г.» [Цитирую по Википедии].

Через месяц после ареста Л.В. был переведен из Харькова в Москву на Лубянку и сразу после окончания следствия, 28 ноября 1937 г., расстрелян.

публикациям в ведущих физических журналах. «Мы» относится и к нашим учителям.

Постепенно у меня складывалась более или менее правильная картина создания ИФП, хотя до подробных публикаций было еще очень далеко. Стало понятно, сколь необычно для советского человека вел себя Петр Леонидович Капица, какую роль играла Мондовская лаборатория, лично Резерфорд. Все было очень интересно. Заинтересовало меня и упоминание о Дэвиде Шёнберге — ученике П.Л., не успевшем закончить свое исследование поведения висмута в магнитном поле до того, как его руководителю не разрешили вернуться в Кембридж. Прежде всего заинтересовал факт приезда иностранного физика в Москву в 30-е годы. Казалось бы, не самое удобное время выбрал он. Но не только это заинтересовало. Дэвид Шёнберг, как оказалось, сотрудничал с Ландау, пользовался его советами. Липа Натанович Розенцвейг, прекрасный физик-теоретик, ученик Ильи Михайловича Лифшица, мой близкий друг, будучи знатоком физической литературы (он много лет консультировал библиотечных работников УФТИ), показал мне статью Дэвида Шёнберга об исследовании эффекта де Гааза–ван Альфена в металлах типа висмута⁹. Статью он мне показал не только для того, чтобы я познакомился с ее содержанием. Липа, обратив мое внимание, что в статье есть приложение — теория эффекта де Гааза–ван Альфена, автором которой значится Ландау, подчеркнул, что Ландау, когда статья отправлялась в редакцию, сидел в тюрьме и опубликовать свою теорию в одном из советских журналов не мог. К этой публикации я еще вернусь. Теперь прекращу свои попытки вспомнить и изложить хронологически разные этапы знакомства с Дэвидом Шёнбергом. Добавлю только несколько слов.

Электронная теория металлов стала одной из главных тем моей научной работы. Я много общался с сотрудниками Лаборатории низких температур УФТИ. Ею (тогда уже многие годы) руководил Борис Георгиевич Лазарев. Она унаследовала некоторые темы, которые разрабатывались Л.В. Шубниковым и его сотрудниками. Продолжалось и исследование эффекта Шубникова–де Гааза. В Лаборатории низких температур существовала небольшая группа сотрудников, инте-

⁹ *Shoenberg D. Magnetic properties of bismuth: III. Further measurements on the de Haas–van Alphen effect // Proc. Roy. Soc. 1939. V.A170. P. 363.*

ресы которой были сосредоточены на исследовании эффекта Шубникова–де Гааза. Руководил исследованиями Борис Иеремиевич Веркин. Осцилляционные явления в металлах в магнитном поле при низких температурах стали предметом его докторской диссертации.

В послевоенные годы было понято, что осцилляционные эффекты должны наблюдаться во всех металлах. В конце 40-х–начале 50-х годов в работе группы Веркина ощущалось соревнование с Мондовской лабораторией: кто раньше внесет тот или иной металл в список осциллирующих. На семинарах Борис Георгиевич нередко упоминал о конкуренции, особенно, если Харьков опережал Кембридж.

Итак, фамилия Шёнберга упоминалась часто. Меня она привлекала еще и совсем по другому поводу. Я был знаком с харьковским семейством Шёнбергов, в котором была очень красивая дочь — студентка; я бывал у них в гостях. Зная, что родители Дэвида Шёнберга — выходцы из России, подозревал родство харьковских и кембриджских Шёнбергов. Хотя родственников за границей не афишировали, а скорее, их скрывали, не постеснялся спросить у своих знакомых Шёнбергов. Мое подозрение подтвердилось: кембриджские и харьковские Шёнберги оказались в родстве. Когда я фактически познакомился с Дэвидом, выяснилось, что он у своих родственников бывал.

Хорошо запомнился разговор с Дэвидом Шёнбергом, который происходил во дворе Института физических проблем. Наверное, это было в 1956 г., когда Шёнберг впервые после конца 30-х годов приехал в Москву. Я хотел обсудить с Дэвидом Шёнбергом возможность наблюдения изменения химического потенциала электронов в магнитном поле. Мне казалось, что для этого можно воспользоваться измерением работы выхода, а также эмиссионными явлениями. Меня поддержали тогда И.М. Лифшиц и К.Д. Синельников. Небольшую заметку на эту тему мы опубликовали в ЖЭТФе (32, 605–607, 1957). Скорее всего, с собой у меня был машинописный текст заметки. Помню: даю посмотреть своему собеседнику текст. Шёнберг к нашей идее отнесся очень прохладно. Через несколько десятков лет попытка измерить осцилляции работы выхода привела к неудаче, а сама идея подверглась критике. Я, когда шли дискуссии на эту тему, вспомнил свой разговор с Д. Шёнбергом. Похоже, он интуитивно понимал, что из нашей идеи ничего не последует...

Несколько раз слушал выступления Дэвида Шёнберга. И тогда, когда он докладывал новые результаты своих исследований, и тогда, когда выступал с воспоминаниями. Особенно запомнилось выступление на торжественном собрании в честь 100-летия Петра Леонидовича Капицы в июле 1994 г., в Москве, в Колонном зале Дома Союзов. В конце того же 1994 г. я переехал на постоянное место жительства в Соединенные Штаты. Вспоминая прошедший год, написал о Днях Капицы для русскоязычного журнала «Вестник», выходившего в Балтиморе (штат Мериленд). К сожалению, в статье только констатация:

«По-русски, с едва заметным акцентом, о Капице в Кембридже рассказал профессор Дэвид Шёнберг — ученик Петра Леонидовича, начавший у него работать в Англии, а потом в Москве, когда Капице не дали возможности вернуться в Кембридж и продолжить свою успешную работу в специально для него созданной лаборатории». О чем говорил Шёнберг в своем выступлении, дает представление его статья «Кембриджские годы», опубликованная в сборнике «Капица, Тамм, Семенов в очерках и письмах» (М.: Вагриус; Природа, 1998). Уместно отметить, что в книге В.Д. Есакова и П.Е. Рубинина «Капица, Кремль и наука» авторы пишут:

«За рубежом лучшая научная биография Капицы была написана его первым аспирантом в Мондовской лаборатории (Кембридж), членом Лондонского Королевского общества Дэвидом Шёнбергом. Она была опубликована в сборнике некрологов членов Королевского общества в 1985 г.» (с. 22).

Оценке можно верить. Лучше, чем Павел Евгеньевич Рубинин, никто не знал жизнь Капицы и всю литературу о нем.

Вот еще одна «находка» из этой же книги. На с. 532–536 опубликована агентурная записка, датированная 19 марта 1937 г. Автор — некто, кто скрыт под псевдонимом «Химик». Записка направлена народному комиссару внутренних дел СССР, генеральному комиссару государственной безопасности тов. Ежову (таков его полный титул). В записке сказано: «... с полной очевидностью следует, что КАПИЦА — специальный агент английской разведки». Одним из доказательств служат частые приезды к Капице Шёнберга. Автор записки считает, что Шёнберг привозил Капице из Англии шпионские инструкции от своего отца. Отец Дэвида — в то время директор по научным исследованиям компании Electric & Musical Ltd (!).

Де Гааз–ван Альфен эффект

В 1979 г. в УФН был опубликован обзор «Электронная теория металлов и геометрия»¹⁰ — последняя работа, выполненная мною под руководством и при непосредственным участии Ильи Михайловича Лифшица. Обзор имеет свою историю. В конце 70-х годов внимание Ильи Михайловича уже не было приковано к электронной теории металлов. Илья Михайлович главное внимание уделял тогда теории неупорядоченных систем и теории биополимеров. Я ревновал. Меня-то по-прежнему интересовала электронная теория металлов, и особенно все, что связано с геометрией ферми-поверхностей.

Мне повезло. В Кембридже готовились издать сборник статей в связи с уходом на пенсию Дэвида Шёнберга. Илью Михайловича попросили в этот сборник написать статью. Илья Михайлович с Дэвидом Шёнбергом, естественно, был хорошо знаком и относился к нему с большим уважением, высоко ценил его многолетние и успешные исследования эффекта де Гааза–ван Альфена. Как известно, теорию магнитных осцилляционных явлений в металлах, свободную от каких-либо предположений о структуре электронного спектра металлов и тем самым пригодную для восстановления формы поверхностей Ферми по экспериментальным данным, построили Илья Михайлович совместно с Арнольдом Марковичем Косевичем, а также Ларс Онсагер (см. ниже). Дэвиду Шёнбергу, несомненно, принадлежит приоритет в использовании осцилляционных явлений для выяснения формы поверхностей Ферми металлов. Шёнберг весьма ценил работу Лифшица и Косевича. Основной результат теории — формулу, выражающую зависимость осциллирующей части магнитного момента от магнитного поля, которой Шёнберг постоянно пользовался в своих работах, он называл ЛК-формулой по первым буквам фамилий авторов, Лифшица и Косевича.

Отказаться от участия в издании в честь Д. Шёнберга Илья Михайлович не мог и, насколько помню, не хотел. Илья Михайлович предложил мне быть его соавтором. Как всегда, совместная работа с Ильей Михайловичем доставила

¹⁰ Каганов М.И., Лифшиц И.М. // УФН. 1979. 129. Вып. 3. С. 487–529. Раздел «Физика наших дней».

мне большое удовольствие. Обзор был написан по-русски, переводили его в Англии¹¹. Наш обзор открывал сборник. В несколько отличном виде мы опубликовали его в УФН¹².

Писался обзор, как все, что мы писали, вместе: вместе отбирали материал, все серьезно обсуждали, выбирали манеру изложения. Все было, как всегда. Было, пожалуй, одно отличие: у моего учителя-соавтора не возникло ни одной новой темы. Раньше такого никогда не было. Для Ильи Михайловича геометризация электронной теории металлов уже была *историей*. Наш взгляд на нее мы и изложили. Именно *наш*. Недаром статья в сборнике (сноска¹¹) имеет иронический эпиграф — цитату из пьесы Бернарда Шоу «Ученик дьявола». Вопрос: «А что же скажет история?» И ответ: «История, как всегда, соврет». Но мы, естественно, пытались писать правду — так, как ее себе представляли.

Похоже, наше описание событий не было слишком субъективным. От редактора сборника И.М. Темплтона мы получили письмо, в котором он благодарил за статью. Письмо содержало одно замечание, связанное с нашим личным ракурсом при взгляде на описываемые события. Так как в Харькове экспериментаторы исследовали эффект Шубникова-де Гааза, а не эффект де Гааза-ван Альфена, то мы ошибочно отметили, что большая часть сведений о поверхностях Ферми металлов получена на основании исследования осцилляций сопротивления. И.М. Темплтон прямо написал, что наша точка зрения неверна, что она сложилась под влиянием харьковчан, а в действительности большинство поверхностей Ферми расшифровано с помощью эффекта де Гааза-ван Альфена. Естественно, мы исправили ошибку в обоих изданиях. Особенно неуместна такая ошибка была бы в сборнике в честь Дэвида Шёнберга.

Институт физических проблем, в котором Шёнберг завершил исследование осцилляций магнитной восприимчивости висмута в 1939 г. и который после войны посещал, был инициатором перевода на русский язык фундаментальной монографии «Magnetic oscillations in metals», изданной в Кембридже в 1984 г. Перевели книгу Д.Ю. Шарвин и

¹¹ Сборник: «Electrons at the Fermi Surface». Edited by M. Springford. Cambridge University Press, October 2, 1980 (благодарю Д. Хмельницкого, который снабдил меня библиографической справкой).

¹² В УФН нет ссылки на издание 11. Обзор в УФН опубликован раньше, чем вышел сборник.

В.С. Эдельман. Я был редактором перевода и, как таковой, написал предисловие к русскому изданию монографии¹³. Предисловие автору понравилось. Он тепло поблагодарил меня за него.

Дэвид Шёнберг был интеллигентом старой формации. Неизменно отвечал на письма. Если задерживался с ответом, извинялся. Извинялся и за то, что его почерк трудно разобрать. И при этом старомодно всегда личные письма писал от руки.

Работая над монографией, Дэвид Шёнберг изредка обращался с вопросами к теоретикам. Когда работа автора над монографией завершалась, Ильи Лифшица уже не было в живых. Первое письмо Шёнберга с конкретным вопросом я получил из рук Евгения Михайловича Лифшица, который не хотел отвлекаться, так как в это время был занят переизданием очередного тома Курса Ландау–Лифшица — «Гидродинамика». Вопрос относился, если я не путаю, к диамагнетизму Ландау. Е.М. попросил меня ответить Шёнбергу. Я ответил и после этого получил еще несколько писем с вопросами. Несомненно, автор старался добиться абсолютной ясности изложения и точности. Не углубляясь в тонкости расчета, это совсем не просто.

Надо признать, Дэвиду Шёнбергу удалось написать книгу, весьма полезную физикам, исследующим свойства металлов, но не только металлов, а и других в то время нетрадиционных объектов — объектов, которых не было у криогенистов, когда началось выяснение, что собой представляют поверхности Ферми металлов. Теперь бы их назвали наноструктурами.

Одна из особенностей монографии Д. Шёнберга «Магнитные осцилляции в металлах» состоит в том, что автор как бы впускает читателя в свою лабораторию. Вот как об этом сказано мною в предисловии к переводу книги Шёнберга:

«... книга учит, как ставить эксперимент, как из эксперимента извлекать надежные данные, учит самой *сутью де-*

Дэвид Шёнберг

¹³ Шёнберг Д. Магнитные осцилляции в металлах / Пер. с англ. В.С. Эдельмана, Д.Ю. Шарвина; ред. М.И. Каганов. — М.: Мир.

тельности физика-экспериментатора. Давно замечено, что лучше учить не логике, а геометрии. Обучающийся при этом учится мыслить логически. Лучший способ научить физическому эксперименту — это подробно ознакомить с конкретным достаточно сложным современным экспериментом. Д. Шёнберг впускает читателя в свою лабораторию, знакомит его с такими подробностями, которые часто остаются за пределами статьи» (с. 7).

Следует подчеркнуть: будучи прекрасным экспериментатором, Шёнберг «тянулся» к теоретической физике. Капица, когда Шёнберг был его аспирантом, считал даже, что слишком. В одном из писем из Москвы в то время, когда Капицу задержали в СССР и не разрешили вернуться в Англию, он продолжал чувствовать свою ответственность руководителя, просит Резерфорда¹⁴ «сказать Шёнбергу, что эксперимент важнее теории» («Капица, Кремль и наука», с. 60).

Убежден, что каждый, кто встречался с Дэвидом Шёнбергом, ощущал его доброжелательность. Она не была показной. Доброжелательность проявилась и в его монографии «Магнитные осцилляции в металлах». Я это отметил:

«Физика, как любая наука, не есть лишь набор фактов, теорий, кривых и формул. Физику делают физики. Они вкладывают свою душу в то, что потом становится фактами, теориями, кривыми и формулами. Они ревниво относятся к своим результатам. Иногда их переоценивают. Или недооценивают результаты своих коллег. Ведь свой результат они «пережили», а с чужим лишь ознакомились. Отсюда — сравнительно частые конфликты между учеными, приоритетные споры — все, что, к сожалению, сопровождает, а иногда и отравляет жизнь ученых...» В своей монографии «автор бережно цитирует своих коллег, отдавая дань их заслугам, уважительно описывает улучшения, внесенные в исследования его более молодыми коллегами, благодарит тех, кто хоть чем-то помог ему. Можно сказать, не преувеличивая: книга Д. Шёнберга может служить примером этики в научном общении» (там же).

¹⁴ Официальным руководителем аспиранта Дэвида Шёнберга после возвращения Капицы в Англию стал Резерфорд. Над столом Дэвида Исааковича висели три портрета: Капицы, Резерфорда и Кокрофта. Висят они до сих пор. Один из аспирантов сидит за этим столом. Я благодарен Д. Хмельницкому, который сообщил мне об этом.

Непростая история

В 2005 г. исполнилось 75 лет после публикации работы Л.Д. Ландау «Диамагнетизм электронного газа»¹⁵ и 50 лет после публикации работы И.М. Лифшица и А.М. Косевича «К теории магнитной восприимчивости металлов при низких температурах»¹⁶. Таким образом, 2005 г. оказался дважды юбилейным годом в истории создания теории осцилляционных явлений в металлах. Показалось своевременным описать эту непростую историю. Не претендуя на исчерпывающее историко-научное исследование, я написал статью об истории создания теории осцилляционных явлений и назвал ее «Непростая история». Опубликована она журналом «Физика низких температур» отдельным оттиском в виде приложения к 32-му тому (2006 г.). Кроме того, эта статья опубликована в ежегодном сборнике «Исследования по истории физики и механики. 2006» Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (М.: Наука, 2007. С. 148–198).

Предсказание диамагнетизма и осцилляционных явлений, их обнаружение, построение полной теории и использование экспериментальных данных в целях изучения электронного энергетического спектра проводников — глава электронной физики металлов. Эта часть физики металлов особенно нуждалась в достаточно общей теории, чтобы ее можно было надежно использовать в спектроскопических целях. Условно историю можно уложить в 25 лет. Начало положила работа Л.Д. Ландау (1930 г.), а завершилась история, *в какой-то мере*, работой И.М. Лифшица и А.М. Косевича (1955 г.). Слова *в какой-то мере* подчеркивают, что теоретические исследования осцилляционных явлений после работы Лифшица и Косевича не оборвались. Многие интересные и красивые явления, открытые после работы И.М. Лифшица и А.М. Косевича, во второй половине XX века были объяснены, что потребовало дальнейшего существенного развития теории.

История создания современной физики металлов непростая. Прежде всего биографиями ее создателей: бегство некоторых из фашистской Германии, расстрел и аресты ряда

¹⁵ Landau L.D. Diamagnetismus der Metalle // Z. Phys. 1930. Bd. 64. S. 629–637. Перевод: Ландау Л.Д. Собр. тр. Т.1. — М.: Наука, 1969. С. 47–55.

¹⁶ Лифшиц И.М., Косевич А.М. // ЖЭТФ. 1955. Т. 29. С. 730–742.

советских ученых. Но происходили и менее драматические события. В частности, обязанные пресловутому железному занавесу. Отсутствие контактов между советскими физиками и их зарубежными коллегами привело к тому, что важнейшее соображение, послужившее основой теории осцилляционных явлений, — условие квантования движения электрона проводимости со сложным законом дисперсии в магнитном поле — независимо и почти одновременно было высказано двумя физиками-теоретиками Ильей Лифшицем (1950 г.) и Ларсом Онсагером (1952 г.). Условие квантования, а в дальнейшем — полная теория эффекта де Гааза–ван Альфена (см. работу И.М. Лифшица и А.М. Косевича 1955 г.) потребовали геометрических образов для выяснения своей природы. Появившись впервые при создании теории осцилляционных явлений, геометрические образы позволили в дальнейшем построить теорию разнообразных явлений в металлах. Особенно важны геометрические образы при рассмотрении свойств металлов в магнитном поле. Но не только. Современную электронную теорию металлов невозможно себе представить без разнообразных геометрических образов.

В «Непростой истории» есть раздел об упоминавшейся выше публикации теории $dNvA$ Ландау в работе Д. Шёнберга. Уместно этот раздел воспроизвести. Но начнем с цитаты из работы Ландау 1930 г. «Диамagnetизм электронного газа» (см.¹⁵). Записав условие применимости теории диамagnetизма в виде неравенства (32): $\mu H \ll kT$, Ландау утверждает: «Условие (32) перестает выполняться при очень низких температурах и в сильных полях. В этом последнем случае могла бы возникнуть сложная нелинейная зависимость магнитного момента от поля, которая *к тому же имела бы сильную периодичность по полю*. Однако именно благодаря периодичности [внимание!] *наблюдение нелинейных явлений вряд ли возможно экспериментально*, поскольку из-за неоднородности реальных полей всегда будет происходить усреднение» [вставка и курсив мой. — М.К.].

Теперь приведем (с купюрами) интересующий нас раздел из «Непростой истории». Назван он так: «Эффект де Гааза–ван Альфена у электронов с квадратичным законом дисперсии».

Далее:

«В “Курсе теоретической физики” Ландау и Лифшица теория эффекта де Гааза–ван Альфена изложена дважды — в обеих частях Статистической физики (в первой части [том V, § 60] и во второй [том IX, § 63]). В первой части выведе-

на формула осцилляционной зависимости магнитного момента газа свободных электронов в магнитном поле, а во второй части изложена теория эффекта де Гааза–ван Альфена металлов, у которых электроны проводимости — квазичастицы-фермионы, закон дисперсии которых произволен.

В первой части после получения выражения для осциллирующей части магнитного момента свободного газа электронов стоит: (*Л.Д. Ландау, 1939*), но после фразы «Эта функция осциллирует с большой частотой» есть подстрочное примечание: «Эффект осцилляций намагниченности был качественно предсказан *Ландау (1930)*. Это явление в металлах называют эффектом де Гааза–ван Альфена» [31. С. 205]. Качественным предсказанием эффекта осцилляций авторы считают приведенную выше фразу из статьи Ландау «Диамagnetизм электронов» [здесь ¹⁵].

В Собрании трудов Л.Д. Ландау (1969 г.) упоминается лишь одна работа, датированная 1939 г.: «Об эффекте де Гааза–ван Альфена» (с. 317). В примечании к названию статьи указано: «Приложение к статье Д. Шёнберга, *Proc. Roy. Soc. A170, 363 (1939)*».

Статья в Собрании трудов начинается следующей фразой: «Для получения формулы для магнитной восприимчивости при низких температурах (в изотропном случае) мы начнем с уравнений (17) и (18) работы Блэкмана [1]...» В списке литературы стоит: «[1] *Blasman, Proc. Roy. Soc. A166, 1 (1938)*». И кончается текст упоминанием статьи Блэкмана: «Переход к анизотропному случаю производится аналогично тому, как это сделано в статье Блэкмана...» [2. С. 319].

Автор текста Приложения Рудольф Пайерлс. Блэкман — его ученик. В книге Пайерлса «Сюрпризы в теоретической физике»¹⁷, в которой кратко изложена теория эффекта де Гааза–ван Альфена [в §4.4], есть историческая справка. Приведу ее полностью: «Осцилляторное поведение было отмечено Ландау в его первой работе по диамagnetизму, но он считал, что на практике эти осцилляции не наблюдаемы. Поэтому открытие осцилляций в *Bi* де Гаазом и ван Альфеном показалось совершенно таинственным. Затем автор этой книги [Р. Пайерлс], *пропустив или забыв замечание Ландау* [курсив мой. — *М.К.*], предложил квантование орбиты как источник эффекта и проиллюстрировал это грубыми

¹⁷ *Peierls R.E. Surprises in theoretical physics. Princeton: Princeton University Press, 1979. Русский перевод.: Пайерлс Р. Сюрпризы в теоретической физике /Ред. М.И. Каганов. — М.: Наука, 1988. 176 с.*

численными расчетами, которые позднее были продолжены Блэкманом. *Использование формулы суммирования Пуассона было предложено Ландау* [курсив мой. — М.К.]. Более полное изложение вопроса см. в книге Д. Шёнберга [33]» [здесь⁹, с. 117].

Все — правда, но не вся правда. С апреля 1938 г. до апреля 1939 г. Ландау находился под арестом. История его освобождения героическими усилиями Петра Леонидовича Капицы хорошо известна. К страданиям в застенках Лубянки невозможность опубликовать теорию эффекта де Гааза–ван Альфена для Ландау мало что добавила. Д. Шёнберг в этот злополучный год заканчивал свою работу по исследованию квантовых осцилляций в Bi в Институте физических проблем, используя знаменитый капицевский магнит. По-видимому, вместе со своими записями он вывез черновик работы Ландау. Этот черновик и лег в основу Приложения к статье Шёнберга.

И еще одно дополнение — цитата из воспоминаний Александра Ильича Ахиезера: «...я был потрясен его математическим талантом..., когда Ландау занялся теорией эффекта де Гааза–ван Альфена... Для описания этих осцилляций Ландау применил некий прием, который нам сперва не был понятен. За разъяснением я обратился к моему брату [к математику Науму Ильичу Ахиезеру. — М.К.], и он объяснил мне, что Ландау, по сути, пришел независимо к знаменитой формуле Пуассона, о которой он ничего не знал»¹⁸ [выделено мною. — М.К.]

В книгу «Сюрпризы в теоретической физике» теория эффекта де Гааза–ван Альфена попала не из-за осложнений с ее публикацией. Р. Пайерлс посчитал сюрпризом то, как легко справился Ландау с трудностью, обязанной тому, что эффект описывается функцией с существенной особенностью, для вычисления которой нельзя использовать теорию возмущений, хотя в задаче есть малый параметр. В дальнейшем использование формулы Пуассона при рассмотрении осцилляционных явлений в ферми-системах стало традиционным.

Перечитывая главу из книжки Рудольфа Пайерлса, поражаюсь скромности и чуткости автора. По сути, его усилиями не только метод расчета осцилляций, использованный Ландау, занял подобающее ему место в истории физики, но

¹⁸ Ахиезер А.И. Воспоминания о Л.Д. Ландау (к 85-летию со дня рождения) // ФНТ. 1993. Т. 19. С. 106–117. Цитирую по книге: Ахиезер А.И. Очерки и воспоминания. — Харьков: Факт, 2003. С. 48–59.

и замечание 1930 г. превратилось в *предсказание* осцилляционных явлений. Несомненно, его (и Блэкмана) «грубые численные расчеты» были необходимы Д. Шёнбергу, чтобы превратить наблюдение немонотонных зависимостей в четко выраженное явление.

Конечно, слава первооткрывателям, но что было бы с их открытиями, если бы за ними не шли последователи?! И что было бы со славой первооткрывателей, не будь последователи честны.

Я общался не только с Д. Шёнбергом, но и с Р. Пайерлсом. Пайерлс даже был у нас дома, в Москве. Общение с обоими доставило большое удовольствие. Какая-то особая интеллигентность отличала обоих. В письмах мы обсуждали некоторые возникавшие при редактировании переводов вопросы. Их замечания всегда были доброжелательными и при этом вполне четкими, разговоры с ними — искренними и доверительными. Не стоит забывать, что происходили они в достаточно жесткие времена. Не только Пайерлс, но и Шёнберг бережно относился к памяти Ландау, ценил все, сделанное им. Обидно читать в короткой биографии Дэвида Шёнберга, помещенной в биографическом справочнике «Физики»¹⁹: «Открыл эффект де Гааза–ван Альфена на многих металлах, *построил* (1939) *его теорию и использовал для определения формы и размеров поверхности Ферми металлов*» (19. С.300). Все, сказанное после запятой [и выделено мною курсивом. — М.К.], неверно. То, что построение теории эффекта де Гааза–Ван Альфена приписано Шёнбергу, объясняется просто: ведь теория Л.Д. Ландау изложена в Приложении к работе Шёнберга 1939 г. Она-то и приписана Шёнбергу. Но и конец фразы ошибочен: в 1939 г. не была еще построена теория эффекта де Гааза–Ван Альфена для металлов с поверхностями Ферми произвольной формы. В работе Ландау, помещенной в Приложении, выведены формулы, пригодные для металлов типа V_i , поверхность Ферми которой — эллипсоид или несколько эллипсоидов.

В IX томе Курса теоретической физики Л.Д. Ландау и Е.М. Лифшица («Статистическая физика», часть 2, Е.М. Лифшиц и Л.П. Питаевский) изложению теории эффекта де Гааза–ван Альфена предшествует замечание на с. 308: «Осциллирующая часть намагниченности определяется, как мы

¹⁹ Храмов Ю.А. Физики. Биографический справочник. — М.: Наука, 1983. 400 с.

увидим, лишь электронами проводимости в окрестности ферми-поверхности и может быть рассмотрена в общем виде (И.М. Лифшиц, А.М. Косевич, 1955). Именно эта часть и будет интересовать нас здесь».

Дэвид Шёнберг, как я уже отметил выше, с большим уважением относился к работам И.М. Лифшица и А.М. Косевича по теории осцилляционных явлений в металлах. Но он всегда подчеркивал, что о спектроскопических возможностях эффекта $dHvA$ (т.е. о возможности определить форму поверхности Ферми металла по периодам, частотам эффекта $dHvA$) он понял из статьи Ларса Онсагера²⁰. Хотя статья Онсагера вышла раньше фундаментальной статьи И. Лифшица и Косевича (1955 г.) и даже краткого ее изложения²¹, у Шёнберга никогда не было сомнений, что и Онсагер, и Лифшиц–Косевич работали совершенно независимо.

В 1998 г. журнал «Природа» опубликовал подборку воспоминаний об Илье Михайловиче Лифшице, приуроченных к его 80-летию (№ 5, с. 71–103). Среди них есть и воспоминания Дэвида Шёнберга «Наше сотрудничество» (с. 82–85). В них рассказано о том, как автор воспоминаний воспринимал создание теории эффекта де Гааза–ван Альфена в металлах с произвольной поверхностью Ферми Лифшицем с Косевичем и Ларсом Онсагером. Насколько я знаю, эти воспоминания были опубликованы только по-русски. У меня сохранился английский текст Воспоминаний и маленькое сопроводительное письмо мне. Оба документа я поместил в Сборнике в честь 100-летия со дня рождения Д.И. Шёнберга. Сохранил их и здесь (см. Приложения I, II). Будет полезна и статья А.Б. Пиппарда «Работы Онсагера по электронам в металлах»²². С ней я познакомился лишь тогда, когда писал эту статью.

* * *

Пока писал статью, вспоминал, мысленно общаясь с Давидом Исааковичем, с профессором Дэвидом Шёнбергом.

²⁰ *Onsager L.* Interpretation of the de Haas-van Alphen effect // *Phil. Mag. Ser. 7.* 1952. V. 43. P. 1006–1008.

²¹ *Лифшиц И.М., Косевич А.М.* К теории эффекта де Гааза–ван Альфена для частиц с произвольным законом дисперсии // *ДАН СССР.* 1954. Т. 96, № 5. С. 963–966.

²² *Pippard A.B.* Onsager's papers on electrons in metals. Comment in book: *The collected works of Lars Onsager: with commentary* / Editors P.C. Hemmer, H. Holden, S.K. Ratkje. World scientific series in 20th century physics, vol 17. — World scientific publishing, 1996.

Воспоминания доставляют радость. Одновременно испытываю грусть. Встреч было мало и они были кратки, а изменить уже ничего нельзя. Я храню извещение о траурной церемонии, подписанное детьми и внуками ушедшего. Храню память о нем.

Искренне благодарен Диме Хмельницкому. Без его участия эта статья не была бы написана. Он не только помогал мне советами, ссылками и материалами, но и, проявляя живой интерес к моим воспоминаниям, тем самым побуждал меня вспоминать и записывать свои воспоминания.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Журнал «Природа». 1998. № 5. С. 82–85.

Наше сотрудничество

Профессор Д. Шёнберг

Мондовская лаборатория Кембридж (Англия)

Илья Михайлович Лифшиц внес выдающийся вклад в развитие многих областей теоретической физики и, в частности, в решение различных проблем физики твердого тела, некоторые из них мне довелось изучать экспериментальными методами. Хотя я и был в курсе научной деятельности его старшего брата Евгения Михайловича, которого хорошо знал, с Ильей Михайловичем я встречался лишь несколько раз. Поэтому, за некоторым исключением, мои воспоминания касаются в основном наших научных контактов.

В конце 40-х–начале 50-х годов изучение эффекта де Газа–ван Альфена (осцилляции магнитного момента металла при изменении внешнего поля) вышло на новый уровень. В 1937 г. Л.Д. Ландау вывел точную формулу, описывающую этот эффект. Вскоре я получил экспериментальные результаты для висмута в Институте физпроблем в Москве, где я работал в течение года (1937–1938), которые прекрасно согласовывались с этой формулой. В соответствии с теорией Ландау, эффект де Газа–ван Альфена можно наблюдать в эксперименте только благодаря необычному электронному строению висмута (малое число электронов проводимости при очень низкой эффективной массе). Считалось, что для обычных металлов осцилляции будут слишком слабыми и очень высокой частоты, так что их нельзя зарегистрировать с помощью имевшейся в то время аппаратуры. Прорыв произошел в 1947 г., когда Ж. Маркусу удалось обнаружить этот эффект для цинка, причем характер колебаний был такой же, как у висмута. Затем интенсивные исследования были продолжены группой Б.И. Веркина и Б.Г. Лазарева (УФТИ, Харьков) и моей группой (Мондовская лаборатория, Кембридж). Этим группам

удалось наблюдать эффект де Газа–ван Альфена практически для каждого исследовавшегося поливалентного металла. Поначалу полученные результаты нас несколько озадачили, поскольку было выявлено много частных закономерностей, в том числе сложная ориентационная зависимость частот, совершенно не похожая на то, что наблюдалось для висмута. Насколько мне известно, первая попытка объяснения этих результатов — замечания Л. Онсагера (США), сделанные им в узком кругу и опубликованные в окончательном виде в 1952 г. в статье, которая впоследствии вошла в число классических работ по теорфизике. Было показано, что существует простая зависимость между частотами осцилляции и формой поверхности Ферми. Таким образом, стало ясно, что все многообразие экспериментальных данных связано с особенностями поверхностей Ферми исследованных металлов. То обстоятельство, что эти поверхности могут принимать весьма замысловатую форму, гораздо более сложную, чем эллипсоидальные поверхности Ферми висмута, в то время еще не было до конца осознано²³.

До смерти Сталина (1953) и некоторое время после личные связи между учеными из Советского Союза и их западными коллегами практически отсутствовали, но русские научные публикации до них все же доходили. Таким образом, хотя я и был хорошо знаком с экспериментальными работами моих харьковских коллег по эффекту де Газа–ван Альфена, о предпринимавшихся там еще с 1950 г. мощных усилиях по развитию теории я не знал ничего. Поэтому первые относящиеся к этой теме статьи И.М. Лифшица с соавторами (1954–1955) меня сильно удивили. Оказалось, что он не только совершенно независимым образом вывел ту же формулу, что и Онсагер, но и продвинулся дальше, получив (вместе с А.М. Косевичем) полную формулу для амплитуды колебаний и ее зависимости от температуры, поля и ориентации в случае произвольной электронной структуры. Для частного случая эллипсоидальных изоэнергетических поверхностей (как в случае висмута) их результат точным образом переходил в соответствующую формулу Ландау.

Хотя ни Онсагер, ни Лифшиц не были озабочены вопросами приоритета, интересно вспомнить последовательность событий. В некоторых более поздних публикациях Илья Михайлович приводил ссылку на свой доклад, сделанный на сессии Академии наук УССР в Киеве (1950), — насколько мне известно, он не был опубликован. Безусловно, доклад был сделан на два года раньше, чем появилась статья Онсагера, но я помню, как последний рассказывал о своих идеях в узком кругу за год или два до того. Я плохо понимал, о чем он говорил, пока во время его годичного пребывания в Мондовской лаборатории мне не уда-

²³ На эту тему см., например: *Дубовский Л.Б., Румянцев А.Ю.* Восстановление поверхности Ферми металлов и сплавов // *Природа*. 1997. № 11. С.13.

лось уговорить его написать об этом. Так появилась работа, ставшая впоследствии классической. В дальнейшем Лифшиц и Косевич вывели точную формулу для амплитуды колебаний, что существенно продвинуло решение задачи, поскольку не только позволяло более детально интерпретировать экспериментальные результаты, но и открывало возможности для постановки новых экспериментов. Тем не менее, у меня было такое чувство, что Онсагер воспринимал этот результат как очевидный, и я вспоминаю, как спустя некоторое время после его ознакомления со статьёй Лифшица и Косевича он произнес что-то вроде: «Я вижу, русские опубликовали переложение моей теории».

Почти одновременно с работой Лифшица и Косевича появилась другая важная статья — И.М. Лифшица и А.В. Погорелова, — где было показано, что форму произвольной поверхности Ферми можно рассчитать по известным значениям площадей всех экстремальных сечений. Однако теорема Лифшица–Погорелова применима при очень жестких условиях, а реальные поверхности Ферми удовлетворяют этим условиям только в редких случаях. Более того, даже если эти условия и выполняются, как в щелочных металлах, гораздо проще определять форму поверхности Ферми путем подгонки параметров в подходящем аналитическом выражении.

Впервые я встретился с Ильей Михайловичем в 1956 г. во время так называемой оттепели, которая началась после известной речи Н.С. Хрущева, где он приоткрыл некоторые ужасные стороны сталинского режима. Одним из последствий хрущевской оттепели (увы, недолгой) было то, что П.Л. Капица смог организовать в Москве Международную конференцию по магнетизму. Я был приглашен на нее. Когда я приехал в Москву, оказалось, что в гостинице, где я проживал, остановился и Илья Михайлович. Хотя сейчас я почти забыл, о чем мы тогда говорили, помню, что он оказался очень приятным собеседником: спокойным, скромным и очень приветливым.

С годами взаимодействие между Кембриджем и группой Ильи Михайловича (сначала харьковской, а затем московской) расширялось, и я привык просматривать новые номера ЖЭТФ, поскольку личные контакты по-прежнему были очень ограничены. Одна из проблем, которые мы обсуждали, имела отношение к работе Лифшица и В.Г. Песчанского. Они провели изящный анализ связи ориентационной зависимости магнесопротивления с топологией поверхности Ферми. После того как мне удалось наблюдать эффект де Гааза–ван Альфена для благородных металлов и определить их поверхности Ферми, мой студент М. Пристли сумел показать, что топология поверхности Ферми золота прекрасно согласуется с результатами Ю.П. Гайдукова по измерению магнесопротивления, интерпретированным в рамках теории Лифшица–Песчанского.

Я припоминаю две последние встречи с Ильей Михайловичем: одну — в Харькове (1966) и другую — на конференции в

Хельсинки (1975). В Харькове мне посчастливилось провести вечер у него дома и быть участником случая, показывающего его преданность основному ненаучному увлечению — собиранию марок. Я уже был наслышан об этом и уговорил Илью Михайловича показать особенно редкие марки. Я просматривал удивительно полную коллекцию, когда в соседней комнате зазвонил телефон. Он оставил меня наедине с марками, а когда, закончив телефонный разговор, вернулся, усмехнулся и сказал: «Если бы вы тоже собирали марки, я бы предпочел не отвечать на звонок».

Конференция 1975 г. в Хельсинки отличалась необычайно большим числом участников из СССР — около тридцати. Одним из них был Илья Михайлович. Мы провели довольно много времени вместе, осматривая город. Я приехал в Финляндию на своей машине и помню, как предлагал съездить посмотреть центральную часть Хельсинки. Но Илью Михайловича больше интересовали филателистические магазины, хотя имеющихся у него денег явно не хватило бы на что-либо стоящее. Он отказался посетить известный современный собор, сославшись на то, что уже видел его на своих марках. К сожалению, эта встреча с ним была последней.

Перевод сопроводительного письма Дэвида Шёнберга

29/3/96

Дорогой Мусик!

Вот мой взгляд, хотя я не рад, что так мало знал лично об И.М. Пожалуйста, чувствуйте себя вправе менять все, что захотите, но предварительно обговорите со мной любые изменения²⁴.

Всего наилучшего,

Ваш Давид

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Перевод письма Дэвида Шёнберга

17/11/01

Дорогой Мусик!

Я подумал, Вам было бы приятно узнать, что только недавно я читал книжку, которую Вы послали мне некоторое время назад²⁵, и очень был рад уз-

²⁴ Мусик — это мое детское имя, которое сохранилось за мной на всю жизнь.

По сравнению с подлинником изменено только название. Подлинник называется «Recollections of I.M. Lifshits». Была ли согласована перемена названия с автором, не помню. Судя по письму Д.Ш., я должен был это сделать.

²⁵ Речь идет о моей книге «Школа Ландау. Что я о ней думаю». — Троицк, МО: Изд-во «Тровант», 1998.

нать многое о Вашей биографии и Ваших комментариях по поводу многих вещей. Я был приятно удивлен, когда обнаружил, что могу читать и понимать Ваш русский большую часть времени, за исключением значения слова «обочина» (с. 328 и т.д.), и не мог найти его в моем словаре, — пожалуйста, дайте мне знать, чтобы я мог перечитать эту часть с большим пониманием.

Жалею, что наши встречи были так редки, хотя до сих пор помню наш длинный разговор (неразборчиво) на Минеральных водах [которые я всегда про себя называю «Чатхемский Перекресток» (около Лондона) Кавказа] в 1956-м (?), и у меня есть смутное воспоминание, что Вы тогда говорили мне, что мы могли оказаться дальними родственниками (возможно, через кузин моей матери, Раппопортов в Харькове?).

Довольно любопытно, что только после того, как я прочел Вашу книгу, я вспомнил, что Вы редактировали русский перевод моей книги «Магнетические осцилляции в металлах». Когда я снял ее с полки, то был рад перечитать Ваше лестное предисловие и начал местами перечитывать эту книгу по-русски. Я думал, что совсем утратил понимание физики, но обнаружил, что могу все еще понимать собственную работу и был поражен, что когда-либо мог ее написать!

Как Вы приживаетесь в Бостоне?

Надеюсь, что все ужасные события в США не затронули Вас слишком сильно. Если иногда видите Якова Альперта, пожалуйста, поприветствуйте его от меня — мне было жаль, что я не смог приехать на празднование его девяностолетия. Надеюсь, что у Вас когда-нибудь появится возможность приехать в Англию — было бы хорошо встретиться снова!

С наилучшими пожеланиями

Ваш Давид

Мой ответ

Belmont²⁶, MA, USA
3/12/01

Дорогой и глубокоуважаемый Давид Исаакович!
Очень обрадовался, получив Ваше письмо от 17/11. Спасибо!

Мне доставило удовольствие воспоминание о моем участии в издании Вашей книги по-русски. И те-

²⁶ Последнее время мы (моя жена и я) живем в доме дочери в другом городе, в Waltham'e, он, как и Belmont, расположен в пределах Большого Бостона. (Прим. автора, октябрь 2010 г.)

перь, по прошествии многих лет, очень высоко оцениваю и Вашу книгу, и Вашу роль в создании современных представлений о металлах.

Конечно, не могу не радоваться тому, что Вы прочли мою книгу «Школа Ландау...». Евгений Михайлович Лифшиц когда-то сказал: «Сейчас легче написать статью, чем заставить кого-либо ее прочесть». Это — статью, а книгу — тем более...

Название одного очерка «Пикник на обочине», как сказано в тексте, взято по названию романа (м.б., повести) братьев Стругацких. Фильм по этому произведению назывался «Сталкер». По-английски роман Стругацких называется «*Roadside picnic*». Моя внучка, хорошо знающая английский, говорит, что *Roadside* точно по смыслу соответствует русскому слову *обочина*.

Недавно я прочитал переведенную на русский язык книгу Харди «Апология математика» с предисловием Сноу. Очень много хороших слов сказано о Вашем Кембридже. А когда получил и прочел Ваше письмо, подумал, что, возьмись писатель типа Сноу описать историю квантовых осцилляций с судьбами тех, кто эту историю делал, какой увлекательный роман мог бы получиться...

Мы (моя жена и я) переехали в Бостон (Бельмонт — часть Большого Бостона) более семи лет назад (в сентябре 1994 г.). Переехали вслед за младшей дочерью и ее семьей. К сожалению, старшая дочь и вся ее семья переехать не решились и остались в Москве (точнее, часть в Москве, а часть под Москвой). Грустно, что приходится жить далеко друг от друга. К счастью, времена переменились, и нам удастся видеться. Последние годы я никуда не езжу, но «москвичи» бывают у нас. Этой осенью даже террористические акты не испугали, и у нас было много гостей. Старшая внучка даже не побоялась привезти двух своих детей, познакомить нас с правнуками.

Перед отъездом я, естественно, вышел на пенсию. Однако понемногу работаю. Люблю повторять: «Работаю, но не служу». К счастью, в Бостоне много выходцев из России, так что есть круг общения и даже проводятся различные культурные мероприятия на русском языке. Например, недавно выступал поэт, издавший здесь книгу своих стихов. Стихи хорошие. Конечно, жить литературным трудом он не может. Он — математик, и на жизнь зарабатывает своей основной профессией. Так как у нас есть медицинская страховка, то небольшой эмигрантской пенсии

нам вполне хватает на жизнь. Все годы мы не перестаем удивляться, сколь эта страна «приспособлена для пенсионеров». Я здесь довольно серьезно переболел и успел в этом убедиться.

Якову Альперту, конечно, передал Ваш привет и огорчение, что Вы не смогли приехать на его 90-летие. Он был, несомненно, рад привету от Вас. Сказал, что они оба (и он, и его жена Светлана) с удовольствием вспоминают Ваше гостеприимство, поездки по Англии, пребывание в Вашем доме. Просил передать Вам привет и (как Я.А. сказал, на всякий случай) сообщить Вам его номер телефона, что я и делаю: 1-617-734 6624.

Будьте, пожалуйста, здоровы! Всего Вам доброго! Еще раз спасибо за письмо. Привет общим знакомым²⁷.

(подпись)

²⁷ Что касается нашего родства, то не могу вспомнить, почему не прокомментировал слова Д.Ш. в своем ответе. В Харькове жило семейства Раппопортов, с которым в далеком родстве состояла моя жена. Грустное совпадение: когда писалась эта статья, получил известие, что, не дожив 5 месяцев до 100 лет, ушел из жизни Я.Л. Альперт.

Б.М. БОЛОТОВСКИЙ

Физический институт им. П.Н. Лебедева РАН

ВОСПОМИНАНИЯ О В.Л. ГИНЗБУРГЕ¹

В 1950 г. я учился на пятом курсе физического факультета МГУ. Пятый курс — время подготовки дипломной работы. Для выполнения дипломной работы, как правило, студента прикрепляли к научному руководителю. Первоначально предполагалось, что моим научным руководителем будет профессор Евгений Львович Фейнберг. Мне дали номер телефона и адрес Евгения Львовича, я созвонился с ним, и он пригласил меня к себе домой для знакомства и беседы. Евгений Львович мне с первого знакомства очень понравился. Доброжелательный и обаятельный человек, он предложил мне тему для дипломной работы, связанную с рассеянием нейтронов, и дал список литературы, которую я должен был предварительно изучить, чтобы войти в дело. На ознакомление с указанной литературой у меня ушло несколько месяцев. Но после этого Евгений Львович неожиданно сообщил мне, что эта тема, рассеяние нейтронов, для него более не представляет интереса, а другой темы он сейчас мне дать не может. Таким образом, я оказался без руководителя и без темы для исследования. А время уходило.

Потом, много позднее, я узнал, что тема, которую мне предложил Евгений Львович Фейнберг, была связана с его работой — он сотрудничал с лабораторией И.М. Франка, где

¹ Первоначальный вариант воспоминаний имеется в интернете в альманахе Е.М. Берковича, в журнале «7 искусств» (адрес статьи: <http://7iskusstv.com/2010/Nomer10/Bolotovskiy1.php>)

Статья также вошла в сборник «Виталий Гинзбург в воспоминаниях друзей и современников». — М.: Физматлит, 2011. С. 91–159.

проводились экспериментальные и теоретические исследования по замедлению и рассеянию нейтронов. Но как раз в то время, о котором я пишу, Евгений Львович был отстранен от этой тематики. Причиной отстранения послужило то обстоятельство, что жена его, Валентина Джозефовна Конен, известный музыковед, автор многих книг по теории и истории музыки, провела свое детство и юность в США, куда ее отец, борец против царизма, вынужден был эмигрировать, спасаясь от преследований царской власти. У Валентины Джозефовны даже было американское гражданство. Через несколько лет после революции семья вернулась в Россию. Однако проживание за границей было поводом для подозрения. Работы по нейтронной физике были засекречены, как и вся тематика, связанная с атомным ядром. Представляете себе: у одного из разработчиков секретной темы жена когда-то жила в Соединенных Штатах Америки!

Руководителем моей дипломной работы стал Иосиф Соломонович Шапиро, в то время доцент отделения строения вещества. От него я получил тему работы — фоторождение мезонов. Пришлось выполнять много расчетов, аналитических и численных. Относительно мезонов тогда мало что было известно. Поэтому расчеты проводились для разных вариантов мезонной теории — скалярных, векторных, псевдовекторных, и для разных видов взаимодействия. Летом И.С. Шапиро снимал дачу под Москвой, и я регулярно к нему приезжал для обсуждения на всех стадиях выполнения своей дипломной работы. К концу лета 1950 г. расчеты были в основном закончены. И в один из последних моих визитов на дачу Иосиф Соломонович спросил:

— Где вы собираетесь работать после окончания университета?

В то время выпускники университета, как и всех высших учебных заведений, подлежали распределению. И я тогда готовился к тому, что вот окончу я университет, а потом вызовут меня на комиссию по распределению и направят на работу, а куда направят, об этом гадать бесполезно. Куда направят, туда я и обязан ехать. Моих родителей предстоящее распределение очень заботило, а я по молодости не понимал всей важности этого мероприятия для моей дальнейшей судьбы. На вопрос моего руководителя я ответил, что буду работать там, куда меня направят. Иосиф Соломонович ничего на это не сказал, но на лице его появилось выражение сомнения и озабоченности.

И уже поздно осенью, в октябре, Иосиф Соломонович позвонил мне домой и сказал:

— Я говорил о вас с Виталием Лазаревичем Гинзбургом. Он хочет с вами познакомиться. Подходите к зданию Физического института (он назвал день и час), Гинзбург к вам выйдет.

Нет уже на свете Иосифа Соломоновича Шапиро. Он был замечательным физиком и выдающимся учителем. Не все знают, в частности, что он открыл несохранение четности в ядерных реакциях. Открытие кардинально меняло представления о мире, в котором мы живем. Иосиф Соломонович обсудил полученный им результат со Львом Давидовичем Ландау, и тот отнесся к результату скорее отрицательно, чем положительно. И.С.Шапиро и сам не был твердо уверен и не решился опубликовать уже написанную статью. А через несколько лет к такому же заключению о несохранении четности в ядерных реакциях пришли два американских физика китайского происхождения — Т.Д. Ли и Янг. Они свой результат опубликовали. Это открытие было удостоено Нобелевской премии. Понятное дело, премия была присуждена Ли и Янгу. Иосифу Соломоновичу досталось только сознание того факта, что он сделал открытие мирового класса. Но и это не так уж мало.

Что касается меня, то я ему обязан еще и за то, что он свел меня с Виталием Лазаревичем Гинзбургом.

В назначенные день и час я подошел к ограде Физического института имени П.Н. Лебедева Академии наук СССР. Таково полное официальное название института, как он тогда назывался. Сокращенно (по первым буквам) ФИАН СССР. Теперь нет уже СССР — Союза Советских Социалистических Республик, нет и Академии наук СССР. Конечно, Академия наук сохранилась, но она теперь называется иначе — Российская Академия наук (РАН). Если придерживаться буквы закона, то и официальное название Физического института имени Лебедева тоже изменилось — он теперь называется Физический институт имени П.Н. Лебедева Российской Академии наук, сокращенно по первым буквам ФИРАН. Но фактически за институтом сохранилось прежнее сокращенное название, прежняя аббревиатура ФИАН. Так его все и называют, и молодые сотрудники, и старые. И я в своем дальнейшем рассказе так и буду называть этот замечательный институт.

В то время я знал Виталия Лазаревича Гинзбурга по его публикациям, точнее, по его книге «Сверхпроводимость». Во время учебы на физическом факультете МГУ мы проходили лабораторный практикум по физике низких температур. Практикум располагался в Институте физических проблем Академии наук. В те годы книга В.Л. Гинзбурга «Сверхпроводимость» была, пожалуй, единственным систематическим источником на русском языке, из которого можно было почерпнуть основные сведения о состоянии дел в этой области. Прежде чем приступить к выполнению лабораторных работ, студенты должны были получить представление о физике низких температур и пройти довольно трудное собеседование. Знакомство с книгой В.Л. Гинзбурга «Сверхпроводимость» сильно облегчало эту задачу. Но этим мои сведения о Виталии Лазаревиче Гинзбурге не исчерпывались. Он в конце 40-х годов прошлого века стал одной из жертв антисемитской травли на государственном уровне. Травля проходила под лозунгом борьбы против безродного космополитизма. Я читал направленные против него газетные статьи. В.Л. Гинзбурга обвиняли в отклонениях от единственно правильного и научно обоснованного великого и непобедимого учения — марксизма-ленинизма, а также в том, что он систематически не ссылается на работы советских физиков. Это, по сути, были обвинения в политической неблагонадежности и научной недобросовестности. Обвинения эти никак не были обоснованы, но не в том дело, что они не были обоснованы, а в том, что они были громогласно высказаны. В те годы человек, против которого выдвигались такие обвинения, мог ждать самого плохого — увольнения с работы, ареста, судебного преследования. Тому, кто стал объектом травли, надо было сушить сухари.

И вот в назначенное время я ходил перед оградой Физического института и ждал встречи с Виталием Лазаревичем Гинзбургом. Через решетку ограды я видел красивое четырехэтажное здание, стоявшее в глубине участка. Справа и слева от него и несколько впереди стояли симметрично два здания поменьше — двухэтажные. Центральное здание было построено еще до революции 1917 г. Средства, и немалые, были выделены знаменитым Леденцовским обществом, о котором теперь мало кто помнит. Здание строилось для великого физика Петра Николаевича Лебедева. П.Н. Лебедев ушел из Московского университета в знак протеста против политики властей в области высшего образования. Для него

и строился институт, чтобы дать ему и его ученикам возможность продолжать свои исследования. Но Лебедев вскоре тяжело заболел и не дожил до того дня, когда постройка была закончена и здание было введено в строй. В здании обосновался Институт физики и биофизики, а возглавил институт академик Петр Петрович Лазарев, ближайший ученик П.Н. Лебедева, взявший на себя еще при жизни Лебедева заботу о школе великого физика и о достройке здания. Это все произошло за несколько лет до революции 1917 г. После революции институт продолжал плодотворную научную работу во многих областях физики. Надо было поднимать науку, и институт Лазарева внес большой вклад в решение этой задачи.

Институт Лазарева (Институт физики и биофизики) закончил свое существование в 1931 г. Петр Петрович Лазарев был арестован, институт был закрыт, и все сотрудники были уволены. В здании расположился Институт спецзаданий. По какой причине был арестован Лазарев, почему закрыли его Институт физики и биофизики, чем занимался Институт спецзаданий — на все эти вопросы до сих пор нет ясных и четких ответов. П.П. Лазарев через полгода был освобожден а через год после ареста получил разрешение вернуться в Москву, но до конца жизни (он умер во время войны, в 1942 г., в эвакуации) так и не оправился от перенесенных страданий.

Институт спецзаданий просуществовал около двух лет, а затем сгинул без следа, вместе с заведующим и со всеми своими сотрудниками, и вместе с ним сгинуло богатейшее научное оборудование, которым располагал институт Лазарева. Здание снова опустело. Уцелела только библиотека.

В 1934 г. здание было предоставлено только что учрежденному Физическому институту Академии наук (ФИАНу). Директором ФИАНа был назначен академик Сергей Иванович Вавилов, ученик Петра Петровича Лазарева. А уже в первые годы после Великой Отечественной войны были построены два флигеля правый и левый. В левом флигеле, если стоять лицом к фасаду главного здания, помещалась лаборатория ускорителей, в правом — лаборатория атомно-го ядра.

И вот эти самые здания — центральное и два боковых поменьше — я и видел за прутьями ограды, не зная, впрочем, ничего из тех исторических сведений, которые я привел выше. Обо всем этом я узнал сравнительно недавно и

решил здесь об этом упомянуть, потому что эти исторические подробности в наши дни мало кому известны.

ФИАН в этих зданиях, расположенных на Миусской площади, находился до конца 1951 г., а потом постепенно, одна лаборатория за другой, стали переезжать в новое большое здание на Ленинском проспекте. И все лаборатории ФИАНа туда переехали. Здание на Миусской площади снова опустело, и вскоре там расположился Институт прикладной математики Академии наук. И поскольку это произошло давно, шестьдесят лет назад, то сегодня многие только и знают этот «новый» адрес ФИАН — Ленинский проспект, 53 и неявно предполагают, что ФИАН там всегда и находился.

На встречу с В.Л. Гинзбургом я пришел раньше назначенного мне времени, боялся опоздать. Вот и пришлось погулять под мелким холодным дождиком.

В точно назначенное время я увидел сквозь прутья решетки, как из главного здания быстрым шагом вышел человек в светло-сером костюме и без пальто. Он быстро прошел через проходную — не бежал, а шел быстрым шагом, вышел на улицу, подошел ко мне и спросил:

— Вы Болотовский?

Мы поздоровались, и Виталий Лазаревич, несмотря на мелкий, редкий и холодный осенний дождик, стал меня экзаменовать. На дождик он не обращал никакого внимания. Я ему сказал, что он может простудиться, но он пропустил эти мои слова мимо ушей. Виталий Лазаревич производил впечатление очень крепкого здорового человека. Здорового и темпераментного, быстрого на реакцию. Ему тогда было 35 лет. Я уже не помню всех вопросов, которые он мне задавал. Помню, что он попросил написать уравнения Максвелла. Я написал в четырехмерной записи. Это ему понравилось. Потом он попросил написать вектор тока для уравнения Дирака. Потом еще о чем-то спрашивал и в заключение сказал:

— Теоретический отдел ФИАН подаст на Вас заявку в комиссию по распределению. Никакого ручательства в том, что эта заявка будет удовлетворена, я дать не могу. И никто не может. От Вас пока требуется только одно Вы должны ходить на семинар Теоретического отдела. Это обязательное требование. Свяжитесь с секретарем семинара Виктором Павловичем Силиным, я вам дам номер его телефона. Силин Вам оформит пропуск.

Я записал телефон Силина. Виталий Лазаревич простился со мной и быстрым шагом скрылся в проходной.

В ближайшие дни я созвонился и познакомился с Виктором Павловичем Силиным. Пропуск мне оформили быстро, и стал я ходить на еженедельный семинар Теоретического отдела.

Участников семинара в то время можно было грубо и приблизительно, но все же с некоторым основанием, разделить на две группы — «старики» и молодежь. Слово «старики» я заключил в кавычки, потому что по возрасту своему «старики» не были людьми пожилого возраста. Это были физики-теоретики среднего возраста. «Старики» — это были Семен Захарович Беленький, Виталий Лазаревич Гинзбург, Моисей Александрович Марков, Евгений Львович Фейнберг. Конечно, «стариком» был и Игорь Евгеньевич Тамм, заведовавший Теоретическим отделом со дня основания ФИАН в 1934 г. Он и по возрасту был самым старшим, хотя и далеко не стариком — ему было в то время 55 лет. Остальные «старики» были лет на 15–20 моложе. М.А. Марков был сотрудником Теоретического отдела с первого дня, Е.Л. Фейнберг пришел в отдел в 1938 г., В.Л. Гинзбург в 1940 г. Семен Захарович Беленький стал сотрудником отдела в конце Отечественной войны. Однако еще до войны он был аспирантом на физическом факультете МГУ, на кафедре теоретической физики. Научным руководителем аспиранта Беленького был Игорь Евгеньевич, который тогда заведовал кафедрой теоретической физики. Формально Семен Захарович пришел в Теоретический отдел позднее остальных «стариков», но задолго до зачисления в отдел он состоял в тесных научных и дружеских отношениях со «старожилами» отдела, которые, как и он, были учениками Игоря Евгеньевича. Но, хотя это были ученики одного учителя, каждый из «стариков» был яркой индивидуальностью, непохожей на остальных, и в науке и в повседневной жизни. Если не знать, что они все были учениками Игоря Евгеньевича Тамма (а я этого тогда не знал), то такая мысль даже не могла прийти в голову. Уже позднее я понял, что Игорь Евгеньевич Тамм, как учитель, старался разглядеть в каждом ученике сильные стороны — у каждого свои — и способствовать их развитию.

У замечательного поэта Михаила Светлова есть запись, в которой говорится:

«Учитель — по установившейся вульгарной традиции — это человек, которому надо подражать. Я с этим категорически не согласен. Учитель — это человек, который помог тебе стать самим собой».

И.Е. Тамм и был таким учителем. В те дни он редко появлялся на семинаре, он работал далеко от Москвы в секретном научном центре, где создавалась водородная бомба. Вместе с Игорем Евгеньевичем и под его началом в том же самом научном центре работали два сотрудника Теоретического отдела, Андрей Дмитриевич Сахаров и Юрий Александрович Романов. Игорь Евгеньевич Тамм иногда появлялся на семинаре. Это случалось во время его редких приездов в Москву, и это был праздник для всех участников.

«Старики» задавали тон на семинаре. Молодежь до поры до времени помалкивала и прислушивалась.

Молодежь состояла в основном из выпускников Московского государственного университета и Московского инженерно-физического института, зачисленных в Теоретический отдел уже после Великой Отечественной войны. За несколько лет, начиная с 1948 г., состав Теоретического отдела удвоился, а возможно, более чем удвоился. Это были годы, когда бурно развивались те области физики, которые имели важнейшее прикладное значение для государства. Прикладные области были важны и для мирных, и для военных приложений: атомная энергетика (ядерные реакторы, атомное и водородное оружие); радиофизика (связь, радиолокация), ракетная техника (боевые ракеты, реактивная авиация). Набор студентов на физические специальности университетов и технических институтов был значительно увеличен, и за несколько лет в ФИАН пришло много научной молодежи. Из молодых сотрудников Теоретического отдела помню Ю.А. Гольфанда, Г.Ф. Жаркова, В.П. Силина, В.Я. Файнберга, Е.С. Фрадкина, Ю.К. Хохлова, Д.С. Чернавского. На семинар приходили также и аспиранты Теоретического отдела. Их было человек пять-семь. Среди аспирантов выделялся Юрий Мелитонович Ломсадзе, светловолосый, начинающий лысеть, с усами по грузинскому обычаю и с добродушной и доброжелательной улыбкой. Он имел парадоксальный склад ума, и высказывания его нередко бывали столь же парадоксальны и остроумны. Рассказывали, что на приемных экзаменах в аспирантуру его спросили, среди прочих вопросов, каков удельный вес железа. Юра подумал и сказал: «сто!» В действительности, удельный вес железа

на порядок меньше. «Почему сто?» — спросили экзаменаторы. Юра пояснил: «Потому что железо тонет в воде!» Он был человек с неистребимым чувством юмора. Мы тогда любили задавать друг другу всякие хитрые задачки, ставить каверзные вопросы. И вот Юрий Мелитонович, бывало, с самым серьезным видом спрашивал:

— Чего на свете больше, лошадей или коров?

В те годы ответить на этот вопрос городскому жителю было не просто. Человек затруднялся с ответом, а Ломсадзе отвечал:

— Коров больше, чем лошадей.

И пояснял:

— Потому что лошадей крадут.

— Юра, — говорил собеседник, — я не понимаю. Если лошадь украдут в одном месте, она же появится где-то в другом месте, и полное число лошадей при этом не изменится.

— Нет, ты не прав, — отвечал Юра с самым серьезным видом, — их везде крадут.

Если же ему кто-то, в свою очередь, задавал хитрую задачу, Юра ненадолго задумывался, а потом, опять же сохраняя полную серьезность, говорил:

— Хочешь, я докажу тебе в общем виде, что эта задача не имеет решения?

Позднее Юрий Мелитонович Ломсадзе заведовал кафедрой теоретической физики Ужгородского университета. По его инициативе Ужгородский университет в течение ряда лет проводил всесоюзные конференции по квантовой теории поля.

Семинар Теоретического отдела посещали также молодые теоретики из других лабораторий ФИАН. Я познакомился тогда с Юрием Дмитриевичем Усачевым, работавшим в лаборатории В.И. Векслера. Он меня тогда поразил своей высокой интеллигентностью, которая стала для меня недостижимым примером.

С докладами на семинаре выступали и старшие участники, и молодежь. Тематика докладов преимущественно группировалась вокруг квантовой теории поля, а точнее, вокруг квантовой электродинамики. Эта теория в те годы быстро развивалась и вскоре достигла известного завершения. Перенормировка, лэмбовский сдвиг, поправки более высоких приближений к значениям физических величин (в частности, магнитного момента электрона) — эти результаты час-

то докладывались и обсуждались на семинаре. Доклаживались первые работы Габора по голографии, работы по физике высоких энергий, по проблеме причинности. Много внимания было уделено подходу Гейзенберга и описанию физических процессов с помощью S-матрицы, а также работам Гейзенберга по нелинейной теории. В те годы было открыто несколько разных мезонов и измерены их свойства: спин, заряд, время жизни. Об этом тоже шла речь на семинаре.

Виталий Лазаревич активно участвовал во всех обсуждениях, часто высказывался, задавал много вопросов. Тем не менее, видно было, что высокая квантовая электродинамика его не увлекает, хотя он и отдавал ей должное. Один раз он даже пошутил — задал вопрос после того, как докладчик рассказал об очередной работе:

— А нет ли чего-нибудь нового из физики XIX века?

Он тогда интересовался распространением радиоволн в различных средах, физикой низких температур и много еще чем. Как раз в это время вышла из печати совместная работа его и Л.Д. Ландау по теории сверхпроводимости. Эта замечательная работа содержала минимальное количество исходных положений, которые вытекали из первых принципов, и была также основана на предположении, что переход из нормального состояния в сверхпроводящее аналогичен фазовому переходу второго рода. Знаменитое уравнение Гинзбурга–Ландау позволило описать многие свойства сверхпроводников, но также оказалось применимо к объяснению многих физических явлений, далеких от сверхпроводимости. Уравнения такого типа применяются теперь для рассмотрения широкого круга проблем от сегнетоэлектричества до космологии.

Со мной Виталий Лазаревич каждый раз здоровался и обменивался рукопожатием. Тема моей дипломной работы его не интересовала. Примерно через месяц он мне сказал при встрече:

— Теоретический отдел послал на вас заявку в комиссию по распределению. Нет никакой гарантии, что заявку примут во внимание. Но будем надеяться на лучшее.

А мне уже очень хотелось стать сотрудником Теоретического отдела ФИАН. И семинар был для меня интересен, хотя я далеко не все понимал из того, что там говорилось, но чем дольше я ходил туда, тем яснее для меня становились обсуждавшиеся там темы. И люди, участники семинара, мне нравились, и их отношение друг к другу.

В ноябре 1950 г. я благополучно защитил свою дипломную работу. Затем сдал государственные экзамены, отпраздновал со всеми своими однокурсниками окончание университета и стал ждать, куда меня направит комиссия по распределению.

Распределение состоялось в самом конце января 1951 г. Заявка, посланная Теоретическим отделом, сработала. Меня направили на работу в ФИАН. Но я не сразу это понял. Мне вручили путевку, где было написано, что я направляюсь на объект товарища В.Л. Левшина и должен туда явиться 15 февраля 1951 г. Не в ФИАН, а на объект товарища Левшина. Но там же, в комиссии по распределению, я узнал, что объект товарища Левшина — это и есть ФИАН, Физический институт имени П.Н. Лебедева Академии наук. Потом я сообразил, откуда появилось такое название института — «объект товарища Левшина». Профессор Вадим Леонидович Левшин был заместителем директора ФИАН. Он был многолетним сотрудником и другом директора ФИАН академика Сергея Ивановича Вавилова. В середине января 1951 г. Сергей Иванович умер, и В.Л. Левшин стал временно исполняющим обязанности директора. При этом ФИАН из «объекта товарища С.И. Вавилова» превратился в «объект товарища В.Л. Левшина». А сама эта формулировка — «объект товарища ИмяРек» — была принята по соображениям секретности. Враг не должен был знать, в какой институт меня направили на работу. И, более того, многочисленные враги и шпионы не должны были знать, что вообще существует на свете Физический институт имени П.Н. Лебедева. Не существует такого института, а зато существует «объект товарища Левшина».

Вот и пусть ломают голову.

Из комиссии по распределению я прямым ходом отправился домой, где мои родители с волнением ждали, как повернется моя судьба. В те дни их волнение было мне непонятно. Я думал: о чем тут беспокоиться? Куда направят на работу, туда и направят, там и буду работать, из-за чего тут переживать? Но с того времени прошло много лет, я сам стал сначала отцом, а потом и дедушкой. Теперь я, обращаясь мыслями в далекое прошлое (все-таки это было шестьдесят лет назад) и вспоминая свой день распределения, вполне понимаю и волнение моих родителей и их радость, когда они узнали, что я остаюсь в Москве. Главное мое везение было тогда им, да и мне самому, еще неизвестно. А заключалось

это везение в том, что я был направлен для работы в совершенно замечательное место, уникальный институт, где работали великие физики и великие учителя, у которых было чему научиться в науке. И учили они не проповедями, а делом, своим личным примером. Да еще к этому надо добавить, что были эти люди примером не только в науке, а в повседневном поведении. И это тоже было далеко не последним делом, может быть, даже более важным.

То, что мне посчастливилось попасть на работу в ФИАН, — это я понял не сразу, а много лет спустя. И не потому мне посчастливилось, что жизнь в ФИАНе была легкой. Такая же трудная была жизнь, как и всюду вокруг, и для меня, и для всех, с кем я работал, и для тех, кого я считал примером для подражания. Оглядываясь на прожитую жизнь, я вижу, что мне повезло в двух отношениях. С самого начала те физические задачи, которыми я занимался, были мне интересны. Это — первая причина. Мне работать было интересно. А вторая причина состоит в том, что среди людей, рядом с которыми мне довелось работать, были люди совершенно замечательные. Эта вторая причина, повторюсь, возможно, является даже более важной, чем первая. Как говорят англичане, *last but not least* (последняя по порядку, но не последняя по значению).

* * *

15 февраля 1951 г. в назначенное время я явился в ФИАН. Я пришел вместе с еще несколькими выпускниками, получившими, как и я, направление на работу в ФИАН. Нас было человек восемь: Толя Белоусов, Женья Лейкин, Ия Соколова, Володя Спиридонов, Гарик Сокол, Женья Минарик, Роза Парунцсева... Мы собрались в коридоре перед дверью директорского кабинета. Что-то нам рассказывал Женья Лейкин. Он уже знал, в какую попадет лабораторию, уже имел разговор с одним из ведущих сотрудников этой лаборатории — с профессором Черенковым. Лаборатория находилась на краю тогдашней Москвы. Женья рассказывал, что он спросил тогда Павла Алексеевича Черенкова, как доехать до лаборатории, на каком трамвае, троллейбусе или автобусе. Павел Алексеевич ответил:

— Я не пользуюсь услугами городского транспорта.

Мы такому ответу изумились и решили, что Павел Алексеевич Черенков, наверное, занимает высокий пост и ездит

по городу на персональной машине. Однако объяснение было простое: П.А. Черенков жил поблизости от лаборатории. Я слушал Женин рассказ с большим вниманием, мне заранее было интересно все, что касается института и людей, в нем работающих.

Мы недолго разговаривали. Вскоре нас по одному стали вызывать в кабинет директора. Прием проводил профессор Павел Алексеевич Бажулин. Он тогда исполнял обязанности заместителя директора. Я Бажулина знал. В бытность мою студентом я ему сдавал задачи оптического спецпрактикума. К студентам он не придирался, старался только выяснить меру понимания и степень самостоятельности — какие из приведенных в отчете данных мы сами намерили, а какие «содрали» у товарищей, ранее выполнявших ту же работу. В моем случае он сразу определил, какую часть результатов я сам получил, а какую «позаимствовал». Пожурил меня за попытку обмануть преподавателя, но в целом отнесся ко мне вполне благожелательно.

— Это ты не мерил. Это ты списал, — сказал он, уставив палец в колонку цифр. — Не стыдно тебе?

Стыдно мне тогда не было, а было очень неудобно. Я молчал. Павел Алексеевич задал мне несколько вопросов, потом объяснил те детали работы, которые, по его справедливому мнению, я недостаточно понимал, и в конце концов поставил мне хорошую оценку.

В помещении оптического практикума царила полная темнота, только на столе у Бажулина горела лампа и то она освещала только часть поверхности стола, на которой лежал мой отчет по измерениям. Все остальное терялось во тьме. Я не видел лица Павла Алексеевича, он не видел моего лица. Так что навряд ли он меня тогда запомнил и мог узнать в лицо. Уже работая в ФИАНе, я с ним ближе познакомился.

На этот раз Бажулин, поздоровавшись со мной, спросил, как моя фамилия, и углубился в список молодых специалистов, присланных в ФИАН по распределению. Отыскав меня в списке и прочитав какие-то пометки напротив моей фамилии, он сказал:

— Вас прислали к нам по заявке Теоретического отдела. Но там сейчас нет вакансий. Мы Вас направляем в Эталонную лабораторию.

Я этим был немного обескуражен. Ничего я не имел против Эталонной лаборатории, тем более, что ничего о ней не знал, не знал, кто там работает, и чем эта лаборатория зани-

мается. А сотрудники Теоретического отдела мне были знакомы по семинару, и я уже представлял себе, что я начну работу под руководством Виталия Лазаревича Гинзбурга, и пытался отгадать, чем я буду заниматься. А тут — неведомая мне Эталонная лаборатория, где я ни одного сотрудника не знаю. Но скоро я до некоторой степени утешился, потому что в ту же Эталонную лабораторию были направлены почти все мои однокурсники, которые явились в тот день.

Мы отправились в Эталонную лабораторию. Она была расположена в левом из двух флигелей, стоявших по обе стороны перед главным зданием (в левом, если стать лицом к фасаду главного здания). Нас провели в кабинет заведующего лабораторией. Его там не было, он появился несколько минут спустя. В кабинет быстрым шагом вошел, почти вбежал профессор Владимир Иосифович Векслер. Мы все его знали, он нам читал курс лекций, посвященный прохождению заряженных частиц через вещество. Именно он и был заведующим Эталонной лабораторией. За ним, стараясь не отставать, в кабинет вошли несколько сотрудников. По-видимому, Векслеру пришлось прервать обсуждение каких-то насущных вопросов для того, чтобы познакомиться с молодым пополнением. Участники этого прерванного обсуждения не хотели упускать своего руководителя и терпеливо ждали, пока он с нами разговаривал.

У Векслера была хорошая память на лица. Многих из нас он помнил. Меня он спросил:

— Вы теоретик?

Я сказал:

— Да.

Векслер распорядился:

— Отдать его Маркову!

Распределив всех новичков, Векслер выбежал из кабинета. За ним побежали ожидавшие его сотрудники. А мне объяснили, как найти Маркова.

Профессора Моисея Александровича Маркова я тоже знал по университету. Он нам читал лекции по ядерной физике. И он был председателем комиссии, в которой происходила защита дипломных работ. А еще я знал его как автора прекрасной статьи «О природе физического знания». Эта статья была опубликована в журнале «Вопросы философии» в 1947 г. и содержала очень ясно изложенное понимание особенностей квантового мира. Мне, студенту, статья очень понравилась. Однако эта статья стала поводом для травли Мар-

кова — сначала со стороны невежественных философов. Маркова обвинили в отходе от марксистской философии, в идеализме, что в те времена было очень опасным обвинением. К травле присоединилось и некоторое количество невежественных физиков. Были среди физиков и такие, которые понимали квантовые закономерности примерно так же, как их понимал М.А. Марков, но, несмотря на это, подключились к травле из соображений карьеры. Клич «ату его!» очень заразителен. Директору ФИАН академику Сергею Ивановичу Вавилову пришлось приложить немало усилий для того, чтобы все эти нападки не привели к «оргвыводам». А оргвыводы могли быть очень вещественные. В частности, и это было еще не самое страшное, предлагалось отменить решение Высшей Аттестационной комиссии о присуждении М.А. Маркову профессорского звания.

В Эталонной лаборатории М.А. Марков заведовал Теоретическим отделом. Вот меня к нему и направили.

Марков был в своем кабинете. Он поздоровался со мной, оставил свои дела и повел меня по лаборатории знакомить с сотрудниками. Он меня представлял. Я в тот день познакомился с несколькими сотрудниками Эталонной лаборатории, в основном, с теоретиками. Марков довел меня до Евсея Моисеевича Мороза, а в кабинете Мороза оставил меня и пошел по своим делам. А Сеня Мороз повел меня на отведенное мне место.

В большой комнате, куда он меня привел, стояли три письменных стола. За двумя столами сидели две девушки, две Гали — Галя Большая (Кузьмичева) и Галя Маленькая (Харламова). Это были расчетчицы. Они производили численные расчеты, составляли таблицы и графики по тем формулам, которые им приносили теоретики. Третий письменный стол был предназначен для меня.

Сеня познакомил меня с девушками. По случаю знакомства завязался между нами разговор обо всем и ни о чем. Во время разговора я расхаживал между столами. Разговор длился несколько минут, а потом, неожиданно для меня, обе Гали поднялись и вышли. Когда за ними закрылась дверь, Сеня мне сказал:

— Застегните брюки.

Вот так получилось, что в первый день работы в ФИАНе, в Эталонной лаборатории, я был представлен и познакомился с некоторым числом сотрудников, представлял меня Моисей Александрович Марков, а я ходил за ним с расстегну-

тыми брюками. Но, судя по всему, на это обстоятельство обратили внимание только две Гали — Галя Большая и Галя Маленькая.

Со следующего дня началась моя работа в Эталонной лаборатории. В процессе работы я скоро понял, какие научные задачи стояли перед Эталонной лабораторией. Название лаборатории — «Эталонная» — к этим задачам никакого отношения не имело и объяснялось соображениями секретности.

В лаборатории проектировались и строились ускорители заряженных частиц, рассчитанные на все более и более высокие энергии. В основе работы ускорителей лежал принцип автофазировки, открытый В.И. Векслером в 1944 г. и годом позже переоткрытый американским физиком Э. Мак-Милланом. Применение этого принципа произвело переворот в ускорительном деле, позволив во много раз повысить достижимые энергии. В Эталонной лаборатории к тому времени уже работали два электронных синхротрона С-3 и С-25. Первый из них ускорял электроны до энергии в 30 миллионов электрон-вольт, второй до энергии 250 миллионов электрон-вольт. Уже разрабатывался и далеко продвинулся проект гигантского ускорителя протонов, рассчитанного на энергию 10 миллиардов электрон-вольт.

Запуск ускорителей не был самоцелью. После того как они вводились в строй, начиналось исследование различных ядерных реакций с участием ускоренных частиц. Одним из направлений исследования в Эталонной лаборатории было фоторождение мезонов. Пучок электронов в конце цикла ускорения пропускали через мишень. Взаимодействуя с ядрами мишени, электроны давали тормозное излучение. Как известно, тормозное излучение имеет непрерывный спектр, причем верхняя граница спектра (максимальная энергия тормозных квантов) равна энергии налетающего электрона. На ускорителе С-25 энергия тормозных квантов была достаточна для рождения мю- и пи-мезонов. Фоторождение мезонов и было тогда одним из направлений исследования в Эталонной лаборатории. На ускорителе С-3 изучали «гигантский дипольный резонанс» — возбуждение колебаний ядра под воздействием жестких гамма-квантов.

Мне в первый год работы пришлось выполнять и расчеты, которые относились к динамике работы ускорителя, и расчеты по физике высоких энергий. Первая моя работа относилась к оценке потерь ускоряемых электронов из-за столкновений с молекулами остаточного газа в камере ускорите-

ля. Ускоряемый электрон сталкивается с молекулой остаточного газа, рассеивается и выходит из режима ускорения. При достаточно большой энергии такой «сбитый с пути» электрон выходит из вакуумной камеры и дает вклад в радиационный фон вокруг ускорителя.

После того как я оценил потери электронов на остаточном газе, мне было поручено провести расчет ионизационной камеры, с помощью которой предполагалось измерять интенсивность тормозного излучения. Камера состояла из двух толстых графитовых пластин, между которыми поддерживалась постоянная разность потенциалов. Если такую камеру поместить в пучок тормозного излучения, между пластинами возникнет ток, потому что тормозные кванты, проходя через графит, ионизуют атомы углерода. Надо было определить связь между интенсивностью тормозного излучения и возникающим током ионизации для разных значений верхней энергии спектра. Эта задача оказалась очень нужной для экспериментаторов, и решать ее пришлось спешно. Результаты расчетов были необходимы для того, чтобы измерять сечения фотоядерных реакций. Физики с «питомника» (так называлось место, где работал ускоритель С-25, раньше на этом месте находился питомник плодовых деревьев) меня торопили, поэтому, выполнив расчеты, я не стал писать отчет по выполненной работе, а сразу отослал таблицы и графики на «питомник». Конечно, и таблицы, и графики — все по тем временам было секретно, и пересылка шла через первый отдел. Никаких следов от этой работы не осталось. Несколько лет мои расчеты и графики верой и правдой служили при измерении сечений, а потом вместо графитовой камеры появился другой способ измерения интенсивности тормозного излучения. Утешаюсь тем, что все результаты по измерению сечений с помощью рассчитанной мной графитовой камеры оказались правильными.

Эти мои дела были продиктованы насущными нуждами Эталонной лаборатории. Я также посещал семинар Теоретического отдела, не пропускал ни одного заседания. Здесь я регулярно встречался с Виталием Лазаревичем, и он время от времени интересовался, чем я занимаюсь. Большого интереса к тому, чем мне приходилось заниматься, он не проявлял. Однако примерно через год после моего прихода в ФИАН, мне была дана задача, которая входила в круг интересов Виталия Лазаревича. Благо, круг этот был достаточно велик.

Заведующий Эталонной лабораторией В.И. Векслер был, как уже сказано, автором принципа автофазировки. На этом принципе основана работа всех ныне действующих ускорителей заряженных частиц. Такие ускорители, рассчитанные на все большие энергии, строились и в его лаборатории. В то же время Владимир Иосифович не оставлял поисков новых более эффективных методов ускорения. В те годы (конец 40-х и начало 50-х годов прошлого столетия) он искал такие процессы взаимодействия частиц, в которых возникают большие электрические поля. Эти большие поля можно было попытаться использовать для ускорения заряженных частиц. И у него возникла одна идея. Грубо говоря, она сводилась к следующему. Представим себе пучок ускоренных электронов с энергией, скажем, один миллион электрон-вольт. Поместим в этот пучок один покоящийся протон. Электроны будут рассеиваться на протоне и передавать ему часть своего импульса. Протон станет ускоряться в направлении потока электронов. Можно сказать, что протон будет увлекаться потоком электронов. Этот процесс увлечения закончится, когда скорость протона сравняется со скоростью электронов. И тогда энергия протона будет круглым счетом в две тысячи раз больше, чем энергия электрона в потоке. Если электрон в потоке имеет энергию в один миллион электрон-вольт, то протон, когда его скорость сравняется со скоростью электронов, будет иметь энергию в два миллиарда электрон-вольт. А если говорить точнее, то энергия протона при равенстве скоростей будет во столько раз больше энергии электрона, во сколько раз масса протона больше, чем масса электрона.

Требовалась количественная оценка предложенного нового метода ускорения. Я решил начать рассмотрение с простейшего варианта — найти силу, действующую на покоящийся заряд в движущейся электронной плазме. Очевидно, эта задача была эквивалентна отысканию силы, действующей на движущийся заряд в покоящейся электронной плазме. Владимир Иосифович Векслер проявил живой интерес к этой задаче и не жалел времени для обсуждения деталей. Для меня такие обсуждения были необычайно полезны, на моих глазах оформлялась и развивалась физическая идея. Эта идея обещала важные и полезные применения.

Различные варианты предложенного метода ускорения (В.И. Векслер назвал этот метод когерентным методом ускорения) рассматривали теоретики Эталонной лаборатории

Г.А. Аскарьян, В.Н. Цытович, А.А. Коломенский. А мне, как я уже сказал, надо было рассмотреть простую модель — прохождение заряженной частицы (или сгустка заряженных частиц) через электронную плазму.

И тут мне сильно повезло. Дело в том, что в ФИАНе работали физики, которые внесли важнейшие вклады в теорию прохождения заряженной частицы через вещество. Это были будущие лауреаты Нобелевской премии Игорь Евгеньевич Тамм, Илья Михайлович Франк и Виталий Лазаревич Гинзбург. Позднее И.Е. Тамм и И.М. Франк вместе с П.А. Черенковым получили Нобелевскую премию за открытие и объяснение излучения Вавилова—Черенкова, красивого эффекта, сопровождающего прохождение быстрой частицы через среду. В.Л. Гинзбург получил Нобелевскую премию за свои работы по физике низких температур, но он является также автором нескольких работ, которые внесли первостепенный вклад в теорию прохождения заряженных частиц через вещество. В работах Виталия Лазаревича было рассмотрено излучение Вавилова—Черенкова в кристаллах. Он также разработал квантовую теорию излучения Вавилова—Черенкова. Несколько статей, содержащих важное развитие теории, было выполнено им в сотрудничестве с И.М. Франком. Наиболее важной из их совместных работ, по моему мнению, была работа, в которой они открыли, можно сказать, на кончике пера, новый вид излучения заряженных частиц — переходное излучение. Переходное излучение возникает, когда движущаяся заряженная частица пересекает границу раздела двух сред, например, вылетает из металла в свободное пространство или, наоборот, влетает в металл из вакуума. Переходное излучение было обнаружено экспериментально через пять лет после того, как В.Л. Гинзбург и И.М. Франк предсказали этот вид излучения и теоретически определили его свойства. Теперь переходное излучение с успехом применяется для генерации электромагнитных волн, а в физике высоких энергий нашли широкое применение детекторы заряженных частиц на переходном излучении. В.Л. Гинзбург и И.М. Франк рассмотрели также излучение Вавилова—Черенкова для случая, когда заряженная частица движется не в сплошной среде, а по оси канала, проделанного в диэлектрике. Результаты этого рассмотрения дали ответ на вопрос, какие области среды существенны для генерации излучения Вавилова—Черенкова. Я изучал эти работы. Некоторые из них имели прямое отноше-

ние к моим расчетам. У меня была уникальная возможность, если что-то было непонятно, спрашивать объяснение у этих великих физиков. В свою очередь, они интересовались тем, что я делал, и я им охотно рассказывал, хотя работа моя считалась секретной, как и все, что делалось в Эталонной лаборатории. Я очень много получал от общения с ними.

* * *

В то время (конец 40-х—начало 50-х годов прошлого века) в ФИАН пришло много научной молодежи — выпускников Московского университета, Московского инженерно-физического института, Московского энергетического института. Позднее стали приходить выпускники Московского физико-технического института («Физтеха»). Планы научных исследований требовали увеличения числа сотрудников. И увеличение шло за счет научной молодежи, выпускников. В Теоретическом отделе возникла тогда идея прочитать для молодых научных сотрудников института несколько лекций по современной физике. Такие лекции были прочитаны. Две или три лекции прочитал Виталий Лазаревич. Его лекции были посвящены электродинамике, теории относительности и квантовой механике. Кроме В.Л. Гинзбурга лекции читали Евгений Львович Фейнберг (он рассказывал о физике высоких энергий) и Семен Захарович Беленький (в его лекции речь шла о множественном рождении).

Это мероприятие — чтение лекций по современной физике — было очень полезно для молодежи и довольно опасно для лекторов ввиду громогласной и невежественной критики, которая тогда обрушилась в нашей стране на теорию относительности и квантовую механику. Слава богу, лекции эти в ФИАНе прошли без «вредных последствий». Молодежь получила большую пользу, а борцы за идеологическую чистоту советской физики как-то проглядели это мероприятие, упустили его из круга своего внимания.

С самого начала было решено записать и размножить этот курс лекций. Из числа слушателей были выбраны люди для записи. Одну из лекций Виталия Лазаревича поручили записывать мне. У нас не было магнитофонов, да они и не помогли бы, ведь лекции читались у доски, и лектор много писал на доске. Магнитофон тут ничем не поможет. Мы старались записать слова лектора как можно подробнее. Потом мы переписывали текст лекции и отдавали лектору для ре-

дактирования. Окончательный вариант переписывался по возможности каллиграфическим почерком, и с него шло размножение.

Лекции были интересны для слушателей, приходила вся молодежь и кое-кто постарше.

Я помню, как на своей лекции о своеобразии квантовых законов Виталий Лазаревич разбирал рассеяние частицы на силовом центре. Для сравнения он рассмотрел этот процесс в классической и квантовой механике. В классике задача сводилась к определению траектории частицы, квантовая механика давала вероятность рассеяния на заданный угол. Много лет спустя появился прекрасный курс физики Р.Фейнмана. В этом курсе своеобразие квантовой механики артистически изложено в главах 37 и 38. Они служат как бы введением в квантовую физику. В американском издании фейнмановского курса обе эти очень важные главы повторяются дважды — сначала в конце раздела, посвященного оптике, а затем с них начинается раздел, где излагается квантовая механика. В русском переводе издатели поместили эти две главы в конце оптического раздела и не стали их повторять в начале изложения квантовой механики. И напрасно, потому что и там и там эти главы очень к месту. И когда я читал эти главы, я вспомнил лекцию Виталия Лазаревича. В той лекции были схожие фразы или даже строчки. Он говорил не так подробно, как написано у Фейнмана, но нарисовал схожую картину.

Между прочим, в своих лекциях Виталий Лазаревич говорил не только о физике, но и касался околофизических вопросов. В одной из лекций он, в частности, высказал свое мнение о недавнем присуждении Сталинских премий по физике. В тот раз премия была присуждена известным физикам братьям А.И. Алиханову и А.И. Алиханяну. Они построили магнитный спектрометр на горе Арагац в Армении и с его помощью измеряли массы частиц, приходящих на Землю в составе космического излучения. У них получился целый спектр значений масс, в том числе и такие значения, которые ранее не были известны. Этот результат вызвал споры среди физиков. Многие из них, в том числе такие уважаемые, как Л.Д. Ландау, были согласны с открытием А.И. Алиханова и А.И. Алиханяна. Но были и такие, кто возражал против найденного спектра масс, при этом выдвигая общефизические возражения, либо подозревая авторов в неточных измерениях. В числе несогласных был и

Виталий Лазаревич Гинзбург. Я помню также, что Владимир Иосифович Векслер, один из лидеров в исследовании космического излучения, тоже возражал против результата, полученного Алихановым и Алиханяном. Комитет по Сталинским премиям рассмотрел эту работу и присудил авторам Сталинскую премию первой степени. Многие восприняли это как конец дискуссии и прекратили высказывать возражения. Многие, но не В.Л. На одной из своих лекций для научной молодежи он подверг сомнению результат, полученный на горе Арагац. Немедленно в стенной газете ФИАН (газета называлась «Импульс») появилось негодующее письмо одной сотрудницы А.И. Алиханяна. Научной стороны дела она не касалась, но возмущалась тем, что В.Л. Гинзбург подверг сомнению авторитетное решение авторитетного органа — Комитета по Сталинским премиям. В том же выпуске «Импульса» был помещен ответ В.Л. Он писал, что несогласие его вызвано чисто научными соображениями, а Комитет по Сталинским премиям, хотя и авторитетный орган, но может ошибаться, и он считает, что в данном случае Комитет принял неправильное решение. Для такого заявления в то время нужно было иметь мужество. Прошло немного времени, и выяснилось, что результаты Алиханова и Алиханяна были ошибочны. Я это здесь упоминаю не в упрек братьям А.И. Алиханову и А.И. Алиханяну. Оба они были замечательные физики, много сделали для развития этой науки в России и в Армении. От ошибки никто не застрахован. Но в условиях того времени не всякий мог отважиться на критику решения, принятого правительственным органом.

После того как исследователи признали свою ошибку, их критики вели себя по-разному. У Владимира Иосифовича Векслера установились хорошие отношения с Артемом Исааковичем Алиханяном. А Виталий Лазаревич Алиханяна потом недолюбливал.

* * *

Где-то в самом начале 50-х годов в ФИАНе состоялось заседание Ученого совета, посвященное выдвижению кандидатов на выборы в Академию наук. В числе прочих была выдвинута и кандидатура В.Л. Гинзбурга. Как я понимаю, это были не первые выборы, на которые выдвигалась его кандидатура. И он уже тогда, без сомнения, был достоин

избрания. Уже была опубликована его совместная работа с Л.Д. Ландау по сверхпроводимости, за которую много лет спустя он был удостоен Нобелевской премии. И других замечательных работ было у него опубликовано немало. Но, несмотря на это, Виталия Лазаревича в Академию не избирали. Вопрос об избрании тогда решался не в Академии наук, а в отделе науки ЦК КПСС.

В тот раз председатель Ученого совета академик Д.В. Скобельцын, обращаясь к В.Л., спросил:

— Виталий Лазаревич, вас по какой специальности выдвигать — по физике и астрофизике или по ядерной физике?

Виталий Лазаревич ответил:

— Мне все равно, по какой специальности меня завалят.

* * *

В те годы физика в нашей стране была под угрозой полного запрета. Невежественные люди, обладавшие необходимой властью, успешно разгромили к тому времени генетику и кибернетику, в печати и в устных выступлениях некоторых физиков и философов раздавалась резкая критика новой физики — теории относительности и квантовой теории. Утверждалось, что теория относительности и квантовая механика противоречат диалектическому материализму, и потому эти теории ошибочны. Те, кто занимается теорией относительности и квантовой механикой, либо не понимают, что делают, либо подкапываются под единственно правильное великое и непобедимое учение диалектического материализма. И физику, и философию эти люди знали плохо. Но спорить с ними было опасно. Несогласных они обвиняли в покушении на основы победоносного марксистско-ленинского учения. По тем временам это было очень опасное обвинение.

В свободное время я ходил на обсуждения по интересным для меня вопросам, которые проводились на физическом факультете МГУ. Тогда еще здание физического факультета на Ленинских горах не было построено, обсуждения происходили в старом здании физфака на Моховой. Однажды я увидел на факультете объявление о семинаре по философским проблемам физики. Я этой темой интересовался и пришел на семинар. Там, как я понял, собирались противники новой физики — квантовой механики и теории относительности.

сти. Наиболее активные участники семинара считали, что надо созвать всесоюзное совещание, посвященное проблемам физической науки. На этом совещании предполагалось разгромить новую физику. Образцом для проведения такого совещания должно было послужить проведенное несколькими годами ранее Всесоюзное совещание о положении в биологической науке. На этом совещании, проведенном в 1948 г., была подвергнута разгрому классическая генетика. Преподавание генетики было официально запрещено, приверженцев классической генетики увольняли с работы. Место генетики в учебных курсах заняло «учение» Т.Д. Лысенко под названием «Мичуринская биология». Знаменитый Мичурин не имел к мичуринской биологии никакого отношения. Его имя было выбрано как прикрытие, а возразить с того света он не имел возможности. И вот, на том семинаре по философским проблемам физики участники искали кандидатуру — кого из русских физиков выбрать как знамя для борьбы с теорией относительности и квантовой механикой. На этом заседании я впервые увидел профессора Х.М. Фаталиева — заведующего кафедрой диалектического материализма естественно-научных факультетов МГУ. Фаталиев был активным сторонником и организатором Всесоюзного совещания по разгрому физической науки. Не его вина, что совещание так и не состоялось. На том семинаре, где я присутствовал, он говорил:

— Легко было биологам. У них был Мичурин. Легко было физиологам. У них был Павлов. А физикам трудно. Нет у нас своего Ломоносова.

Свой-то Ломоносов у нас был. И он был великий ученый и просветитель. Но очень он был преклонного возраста и не мог служить символом не то что новой, но и старой физики.

В.Л. Гинзбург в те годы, как уже было сказано, подвергался критике в печати как космополит и сторонник физического идеализма. Организаторы совещания по философским проблемам физики добивались от него, чтобы он выступил на совещании и покаялся.

Я на этот семинар по философским проблемам физики ходил недолго и довольно скоро потерял к нему интерес.

* * *

В самом начале 50-х годов на физическом факультете состоялось обсуждение книги профессора А.А. Власова «Тео-

рия многих частиц». В одно заседание это обсуждение не уложилось, собирались два или три раза. Я к тому времени уже изучил и книгу А.А. Власова, и резко критическую статью о нем четырех авторов (В.Л. Гинзбурга, Л.Д. Ландау, М.А. Леонтовича и В.А. Фока) и сам составил мнение обо всем этом, но все же послушал и обсуждение на физическом факультете. Высказывались на этом обсуждении положительные мнения, высказывались и отрицательные. Времени с тех пор прошло немало (больше полувека), за это время ценность самосогласованной системы уравнений Власова повсеместно признана. Так что, может быть, не имеет смысла вспоминать, кто и как выступал на обсуждении. Но, мне кажется, имеет смысл напомнить одну красноречивую деталь. В конце обсуждения выступил профессор Х.М. Фаталиев, философ, а не физик. Что он мог сказать по поводу описания системы, состоящей из многих заряженных частиц? Но он сказал. Я его речь запомнил. Он начал так:

— В дискуссии по поводу книги профессора А.А. Власова «Теория многих частиц» выступавшие товарищи использовали свое оружие — знания по физике. Позвольте и мне использовать свое оружие — марксизм-ленинизм.

В аудитории после этих слов воцарилась почтительная тишина. Марксизм-ленинизм был официальной идеологией правящей коммунистической партии Советского Союза, а коммунистическая партия была вдохновителем и организатором всех наших побед. Оратор продолжал:

— Верно ли книга Власова отражает некоторые определенные особенности окружающего нас мира? Да, в основном верно, ибо марксизм-ленинизм учит нас, что человеческое сознание приблизительно верно отражает действительность.

Эти слова были подкреплены извлечениями из классиков марксизма-ленинизма о том, что мир познаваем, мир материален, и притом материя первична, а сознание вторично. Далее оратор перешел к ошибкам, которые профессор А.А. Власов сделал в своей книге:

— Есть ли в обсуждаемой книге ошибки? Да, товарищи, конечно есть. Марксизм-ленинизм учит нас, что наше сознание лишь приблизительно отражает окружающий мир, поэтому наши знания являются неполными и нуждаются в постоянном уточнении и развитии.

Эту свою мысль оратор также подкрепил извлечениями из классиков марксизма-ленинизма. Он сказал что-то вроде того, что наши знания развиваются по спирали, а спираль

все ближе подходит к некоторой окончательной кривой, но никогда с этой окончательной кривой не совпадает. А окончательная кривая — это абсолютная истина.

Закончил Фаталиев так:

— Теперь, товарищи, зададим вопрос: что же в теории Власова правильно, а что неправильно? Марксизм-ленинизм учит нас, что на этот вопрос должна дать ответ практика, ибо практика — критерий истины.

Говорил, говорил человек, а что сказал?

Выступление профессора Фаталиева напомнило мне одну историю, которая произошла с воздухоплавателями, летевшими на воздушном шаре. Они некоторое время летели, не видя земли. Земля была закрыта облаками. Поэтому они не знали, где находятся. Но вот тучи разошлись, и воздухоплаватели увидели большой зеленый луг, на котором паслось стадо коров под присмотром пастуха. Путешественники закричали пастуху:

— Где мы находимся?

Пастух задрал голову на крик и ответил:

— Вы находитесь на воздушном шаре!

К счастью, Всесоюзное совещание по философским вопросам физики так и не состоялось. Одним из «мальчиков для битья» на этом совещании намечался Виталий Лазаревич Гинзбург, и его чаша сия миновала. А ведь В.Л. всерьез интересовался философией естествознания, и она для него не сводилась к публикациям таких «философов», как Максимов, Омеляновский и др. Он считал, что философия физики определяется уровнем научных достижений, а не наоборот. Философия не предписывает естествоиспытателю, какие делать выводы по результатам исследования, а сама строит свои выводы, учитывая достижения естественных наук. В этой связи я вспоминаю такой случай. Академик В.А. Амбарцумян, излагая свои соображения об эволюции звездных скоплений, написал, что эти соображения полностью соответствуют диалектическому материализму. По этому поводу Виталий Лазаревич заметил: а как быть, если гипотеза В.А. Амбарцумяна не найдет подтверждения? Тогда, значит, надо будет делать вывод, что и диалектический материализм — ошибочное учение?

Сам он был приверженцем диалектического материализма до конца своих дней и, в полном соответствии с таким мировоззрением, был атеистом, неверующим человеком.

* * *

В 1955 г. я защитил кандидатскую диссертацию. Оппонентами на защите были Александр Ильич Ахиезер и Виталий Лазаревич Гинзбург. Я тогда еще работал в Эталонной лаборатории. Все исследования этой лаборатории были засекречены, и моя диссертация тоже проходила под грифом «секретно». Виталий Лазаревич в своем отзыве отметил, что секретность является одним из основных недостатков диссертации: ничего в ней нет секретного.

Вскоре заведующий Эталонной лабораторией Владимир Иосифович Векслер стал все реже бывать в лаборатории. Под его руководством началось строительство гигантского ускорителя в Дубне. Без Векслера жизнь в Эталонной лаборатории стала для меня не столь вдохновляющей. Были там замечательные теоретики Саша Балдин, Вадим Михайлов, Матвей Самсонович Рабинович, Андрей Александрович Коломенский. Но с ними было не так интересно, как в В.И. Векслером. Он, хотя и не был теоретиком, но буквально был начинен идеями, которые несомненно были достойны внимания и требовали внимательного изучения. Без него я заскучал. И тогда Виталий Лазаревич сказал мне:

— Боря, переходите ко мне в Теоретический отдел. Я не эксплуататор.

Последняя его фраза о том, что он не эксплуататор, по-видимому, отражала его мнение о Владимире Иосифовиче Векслере. Возможно, у него были какие-то основания для такого мнения. Что касается меня, то я, наоборот, много получил от научного общения с В.И. Векслером. И я перешел в Теоретический отдел (1955).

* * *

В Теоретическом отделе мне достался письменный стол у окна в комнате, где стояли еще два письменных стола. За одним столом работал аспирант В.Л. Гинзбурга Леонид Келдыш, за другим Алик Гуревич, сотрудник отдела. К каждому из трех обитателей — то к одному, а то к другому нередко приходили посетители, бывало, что по несколько человек, и начинались обсуждения, достаточно шумные. Обсуждения эти, конечно, мешали работать тем, кто в тот момент «творил» в одиночестве. Мы все старались не мешать друг другу, но не всегда это получалось. Тем не менее, ни-

каких конфликтов на этой почве никогда не возникало, даже в зародыше. Если дискуссия становилась очень шумной, нередко принимавший хозяин уводил своих гостей в пустовавшую на тот момент комнату с доской или в тихий коридор. А бывало и так, что шумные спорщики оставались в комнате, а те коренные обитатели, которым это мешало, уходили работать в читальный зал. Но бывали, и нередко, такие дни, когда кто-то из нас приходил на работу, а соседи по комнате не появлялись — были в этот день на семинаре в другом институте или в командировке, или еще где-нибудь.

А рядом с нашей комнатой, дверь в дверь, был расположен «кабинет» Виталия Лазаревича. Это была маленькая, даже малюсенькая комнатка площадью 5 или 6 квадратных метров. Там помещались стол, два стула и кресло. Виталий Лазаревич регулярно приходил к себе в «кабинет» и там подолгу работал. Нередко к нему приходили и его ученики и сотрудники. Обсуждения шли часами, и при этом через закрытую дверь доносился громкий голос Виталия Лазаревича. Он спорил, убеждал своих собеседников, излагал свою точку зрения. Это была и научная работа, и в то же время школа для его учеников. Молодые физики быстро набирали силу и становились самостоятельными.

Я тогда заметил одну особенность в общении В.Л. Гинзбурга со своими учениками, которая мне показалась странной. Виталий Лазаревич не жалел времени на работу с нами, но только в тот период времени, когда они входили в дело, приобретали квалификацию. А потом он, по моим наблюдениям, терял к ним интерес. Не всегда так происходило, но достаточно часто. Один раз я его об этом спросил. Он сказал:

— Боря, вы ничего не поняли. Это не я к ним, это они ко мне теряют интерес.

Эти слова он произнес с улыбкой, но улыбка его, как мне показалось, была грустной.

* * *

В начале 60-х годов из Еревана в Москву приехал выпускник Ереванского университета Давид Мгеревич Седракян. Его отправил в Москву профессор Ереванского университета (а впоследствии академик АН Армянской ССР) Гурген Серобович Саакян. Давид привез письмо от Саакяна, адресованное В.Л. Гинзбургу. Гурген Саакян был участником Ве-

ликой Отечественной войны. После войны он пришел в аспирантуру Теоретического отдела. Его научным руководителем был Игорь Евгеньевич Тамм. Гурген хорошо знал Теоретический отдел ФИАН и его сотрудников. В письме к В.Л. Гинзбургу он писал, что считает Давида Седракяна одним из лучших студентов-выпускников и считает его достойным быть учеником В.Л. Гинзбурга.

В то время В.Л. был перегружен (а когда он не был перегружен?). Он уже был научным руководителем нескольких аспирантов, не говоря о других обязанностях. В.Л. поговорил с Давидом, объяснил ему положение дел, а потом позвал меня и предложил мне (конечно, с согласия Давида Седракяна) стать его, Седракяна, научным руководителем в аспирантуре. Я сразу же предложил Давиду задачу по теории дифракционного излучения. Задача по тому времени была достаточно трудной. Надо было определить излучение, возникающее при пролете заряженной частицы мимо преломляющих тел определенной формы. Давид предложенную мной задачу принял к рассмотрению и уехал домой. За несколько месяцев он эту задачу решил в аналитическом виде. Осенью он приехал в Москву, легко сдал приемные экзамены и стал аспирантом Теоретического отдела. Я был утвержден его научным руководителем.

Давид Седракян имел хорошую подготовку и по физике, и по математике. Здесь сыграли роль и его личные качества, и высокий уровень преподавания в Ереванском университете.

Аспиранту для подготовки кандидатской диссертации предоставляется три года. Давид выполнил свою диссертационную работу за два года, и это была хорошая диссертация. Его работа в аспирантуре позволяла надеяться, что и в дальнейшем он будет вполне успешно работать в тех областях теоретической физики, которые он изберет. Надежды эти, скажу, забегая вперед, оправдались в полной мере. Давид получил важные результаты в астрофизике и в общей теории относительности, он был избран действительным членом Академии наук Армении, а позднее стал вице-президентом Академии. А у меня с ним сложились и на многие годы сохранились дружеские отношения. С пребыванием Давида в аспирантуре связан один забавный эпизод. Когда минул год его работы и учебы в аспирантуре, меня позвал в свой кабинет Виталий Лазаревич. Я уже отметил, что дверь кабинета, в котором работал Виталий Лазаревич, находи-

лась метрах в двух напротив двери, которая вела в нашу комнату. Можно сказать, что дверь кабинета Гинзбурга открывалась в нашу комнату. Так вот, Виталий Лазаревич открыл дверь своего кабинетика, высунулся в коридорчик и сказал:

— Боря, зайдите, пожалуйста, ко мне.

Когда я зашел, В.Л. спросил меня:

— Давид Седракян оформлен как аспирант Теоретического отдела?

Я сказал:

— Оформлен еще год назад.

— Кто официально является его руководителем?

Я ответил, что официально утвердили меня. Тогда Виталий Лазаревич поинтересовался:

— А почему из Еревана деньги за научное руководство прислали мне? Я же с ним не работаю.

Я ничего не мог ответить. Наверное, когда Гурген Саакян посылал Давида в Москву с письмом к В.Л., он считал, что Давид Седракян будет оформлен как аспирант Гинзбурга. Соответственно в Ереване все было оформлено так, что руководителем Седракяна считался Виталий Лазаревич.

Не получив от меня внятного ответа, Виталий Лазаревич сначала высказал все, что он думает про всех московских и ереванских бюрократов, а затем полез в карман и вынул оттуда деньги — 120 рублей, годовую оплату за руководство аспирантом.

— Они прислали деньги почтовым переводом на мое имя, — сказал он. Мне пришлось идти на почту. Скажите Седракяну, пусть он там все оформит как надо.

В.Л. вручил мне и талон к почтовому переводу, где было написано «научное руководство Д.М. Седракяном».

Мне было очень неудобно, что пришлось Виталию Лазаревичу из-за меня терять время, я извинялся и благодарил.

Конечно, я рассказал об этом Давиду Седракяну, и он обещал все сделать, как надо. И я думаю, что все, от него зависящее, он сделал. Но вот, прошел год, и опять позвал меня к себе Виталий Лазаревич. На этот раз он изложил мне свои мысли не только про всех московских и ереванских бюрократов, но и про меня вкупе с Давидом Седракяном. Опять пришел по почте из Еревана денежный перевод за научное руководство аспирантом Седракяном, и опять на имя Гинзбурга. И снова он пошел на почту, получил перевод и передал деньги мне. Слава Богу, в третий раз этого не произош-

ло, но только потому, что Давид Седракян закончил аспирантуру за два года.

Когда я пишу, что Виталий Лазаревич говорил все, что он думает про всех бюрократов и про нас с Седракяном, я не имею в виду, что употреблялись матерные ругательства. Я таких за шестьдесят лет знакомства от Гинзбурга не слышал, хотя имею сведения, что он изредка отводил душу при помощи непарламентских выражений. Обычно высшую степень негодования он выражал словами «это черт знает что!» или «безобразие!». Но слова эти произносились очень темпераментно, «с превеликим огнем», так что объект негодования чувствовал себя очень не в своей тарелке.

* * *

Работоспособность В.Л. меня поражала и поражает до сих пор. Он много лет работал с неослабевающей продуктивностью. Десять-двенадцать научных статей в год, статей, содержащих нетривиальные идеи и трудоемкие расчеты. Одна-две научно-популярных статьи в год. Это были такие статьи, которые давали читателю в понятном изложении знания с переднего края науки. Очередная книга раз в два-три года. И еще лекции, которые он читал в Горьковском университете и на созданной им кафедре Московского физико-технического института. И еще знаменитый семинар Гинзбурга, который проходил еженедельно по средам в ФИАНе. И это все только часть работы, которую он выполнял изо дня в день в течение десятков лет.

Расскажу, каким Виталий Лазаревич был соавтором. Однажды он предложил мне совместно написать статью о сверхсветовых источниках в вакууме. Как известно из теории относительности, ни одно материальное тело не может иметь скорость, превышающую скорость света в пустоте. Но, с другой стороны, солнечный зайчик, бегущий по стене, может иметь сверхсветовую скорость, и при этом не возникает никакого противоречия с теорией относительности. Такие объекты вроде зайчика сами могут стать источниками излучения, потому что в бегущем пятне зайчика возбуждаются переменные поверхностные токи и заряды.

Виталий Лазаревич рассказал об этом на своем семинаре. Я тогда напомнил, что И.М. Франк ранее рассмотрел простую модель сверхсветового источника в вакууме — электромагнитную волну, падающую на плоскую границу разде-

ла между двумя средами. Эта волна возбуждает в плоскости раздела бегущие волны плотности заряда и плотности тока. Скорость этих волн превышает скорость света в той среде, откуда падает волна. Поэтому индуцированные заряды и токи дают излучение Вавилова—Черенкова, и это излучение уходит от границы. И.М. Франк показал, что это вторичное излучение представляет собой в точности отраженную волну, причем все законы отражения выполняются — частота отраженной волны равна частоте падающей, угол падения равен углу отражения. Франк также показал, что и преломленная волна может рассматриваться как излучение Вавилова—Черенкова от поверхностных зарядов и токов, возбужденных на границе раздела падающей волной.

Я тогда еще не знал, что задолго до И.М. Франка схожий вариант сверхсветового источника рассмотрел (хотя и не с такой общностью, как у Франка) знаменитый английский физик и математик Оливер Хевисайд.

После семинара мы с Виталием Лазаревичем продолжили обсуждение, и он мне предложил написать совместную статью о сверхсветовых источниках в вакууме. До этого я рассмотрел несколько разных моделей сверхсветовых источников и провел некоторые расчеты. Я свои расчеты привел в порядок, изложил их так, чтобы читателю не составляло большого труда разбираться, и отдал Виталию Лазаревичу. Он, когда прочитал, похвалил меня, сказав:

— Хорошо вы пишете.

Я обрадовался. Эта похвала означала, что поданный мной текст Виталий Лазаревич включит в нашу совместную статью. По крайней мере, я так подумал.

Потом Виталий Лазаревич спросил меня, откуда я взял некоторые формулы, которые были включены в текст. Я сказал, что сам их вывел.

— Вы по этим результатам напишите статью и пошлите в печать, — сказал Виталий Лазаревич. Это — ваши результаты. Вы их получили, вы их и публикуйте, а мы в своем обзоре сошлемся на ваши публикации.

Так я и сделал.

Довольно скоро Виталий Лазаревич скомпоновал свою часть и мою в единый текст и представил на мое рассмотрение.

Не будет преувеличением сказать, что в тексте почти ничего не осталось от того, что я написал. То есть все осталось, но приобрело другой вид. И слов моих, которые я написал, сохранилось очень мало. Виталий Лазаревич все написал по-своему.

Так что не следовало мне обольщаться, услышав его похвалу, дескать, хорошо я пишу. Но, с другой стороны, после того как Виталий Лазаревич все переписал по-своему, у меня не было причин спорить: все, что я хотел сказать, было сказано. Хотя и не совсем так, не теми словами, как я это написал.

Передавая мне текст нашей статьи, В.Л. сказал:

— Посмотрите и представьте свои замечания.

Я прочитал окончательный вариант и обнаружил несколько мест, где необходимо было, по моему мнению, сделать уточнения. Я даже написал для каждого из этих мест уточняющие варианты. Ни один из этих вариантов Виталий Лазаревич не принял. Он спрашивал по поводу каждого моего предложения:

— Чем вас место в тексте не устраивает?

Я объяснял. Виталий Лазаревич соглашался, что в этом месте надо что-то изменить или добавить. Потом, отложив мой вариант в сторону, сам писал дополнение или исправление и передавал мне с вопросом:

— Так хорошо будет?

Вот так и получилось, что все или почти все в нашей совместной работе было написано его рукой.

Думаю, что сходным образом Виталий Лазаревич поступал и при написании совместных работ с другими своими соавторами. Если его доля труда составляла меньше половины, он такую статью не подписывал. Он говорил автору:

— Можете мне в конце статьи объявить благодарность.

После того как статья наша была закончена и послана в печать, мы доложили полученные результаты на сессии Отделения физических наук. Докладывал Виталий Лазаревич. Перед докладом он меня удивил, сказал, что волнуется. Я не мог поверить, и тогда Виталий Лазаревич удивил меня еще больше. Он сказал, что, как правило, волнуется перед каждым докладом. А мне казалось, что он всегда выступает уверенно.

* * *

В.Л. иногда рассказывал о прочитанных им книгах. Прочитает книгу и рассказывает о ней, находясь еще под впечатлением от прочитанного. Один раз он рассказал, что перечитал фантастический роман Герберта Уэллса «Война миров»:

— Там рассказывается, как марсиане высадились на Землю и за короткое время завоевали большую территорию.

Могли всю Землю завоевать, но внезапно вымерли. И вымерли от простого гриппа. У них там, на Марсе, они давно победили все болезни, уничтожили всех возбудителей и затем потеряли иммунитет, потеряли способность сопротивляться болезням. Я прочитал и подумал: у нас такой хороший дружный отдел, такие интеллигентные люди... Появись хоть одна сволочь, и отдел развалится.

* * *

Одно время я работал по совместительству научным редактором в журнале «Успехи физических наук». В те годы главным редактором журнала был профессор Эдуард Владимирович Шпольский, последний оставшийся в живых из учредителей этого прекрасного журнала. В 1918 г. журнал был учрежден тремя физиками — академиком Петром Петровичем Лазаревым и двумя его учениками: Сергеем Ивановичем Вавиловым и Эдуардом Владимировичем Шпольским. Виталий Лазаревич был членом редакционной коллегии этого журнала. Присутствуя на заседаниях редколлегии, я увидел, что Виталий Лазаревич был одним из наиболее активных участников обсуждения, какой бы вопрос ни обсуждался. Столь же активным был и академик Яков Борисович Зельдович, причем нередко их точки зрения не совпадали. Виталий Лазаревич горячо и темпераментно говорил, Яков Борисович более или менее спокойно возражал, а мудрый Эдуард Владимирович переводил взгляд с одного на другого и прикидывал окончательное решение.

После нескольких заседаний редколлегии я пришел к заключению, что Гинзбург и Зельдович совершенно порозному смотрят на вещи и, вдобавок, враждуют друг с другом. Но однажды заведующая редакцией Людмила Ивановна Копейкина попросила меня известить членов редколлегии об очередном заседании. Я позвонил Виталию Лазаревичу и сообщил ему дату. Он сразу же спросил:

— Яша будет?

Яша — это Яков Борисович Зельдович.

А первый вопрос Якова Борисовича, который он задал, когда я ему позвонил, был:

— Витя будет?

Витя — это Виталий Лазаревич Гинзбург.

И так повторялось каждый раз, когда я оповещал этих знаменитых физиков об очередном заседании редколлегии.

Когда я написал докторскую диссертацию, В.Л. выдвинул категорическое требование:

— Одним из трех ваших оппонентов должен быть Лев Альбертович Вайнштейн.

Дело в том, что некоторые задачи в диссертации были решены с помощью метода, разработанного Л.А. Вайнштейном. Виталий Лазаревич считал, что соответствующая часть диссертации нуждается в одобрении Вайнштейна.

Лев Альбертович Вайнштейн работал в Институте физических проблем. Он был признанным авторитетом в области генерации и преобразования электромагнитных волн. Когда я направлял в печать свои работы со ссылками на Л.А. Вайнштейна, редколлегия нередко направляла их на отзыв самому Льву Альбертовичу, и отзывы его всегда были положительны. Но я недостаточно был с ним знаком, чтобы лично попросить его об оппонировании. Да и кроме того, я знал, что он неохотно отзывается на такого рода просьбы. Поэтому я сказал Виталию Лазаревичу, что Вайнштейн эту часть диссертации знает, возражений не имеет, но быть оппонентом вряд ли согласится.

— Я с ним поговорю, — сказал Виталий Лазаревич.

Через несколько дней он сказал мне:

— Боря, я поговорил с Вайнштейном. Он не возражает. Мы договорились, что когда вы напечатаете диссертацию, вы ему принесете. А пока что составьте список возможных оппонентов.

Стал я составлять список возможных оппонентов. В этом деле для меня имелась одна трудность. Был один физик, профессор Михаил Львович Левин, человек глубоких знаний, который вполне мог бы выступить как оппонент. Доходили до меня невнятные слухи, что В.Л. его не любил, считал плохим человеком. Самым для меня безопасным было не включать этого человека в список возможных оппонентов. Но я к этому человеку относился с большим уважением, плохого за ним не знал, считал знающим физиком и хорошим человеком. Я с ним познакомился, когда еще работал в лаборатории В.И. Векслера. Левин был сотрудником Радиотехнического института Академии наук. Он тогда принимал участие в разработке коллективных методов ускорения. Я его включил в список возможных оппонентов.

С этим списком я пришел к Виталию Лазаревичу. Он прежде всего увидел в списке Илью Михайловича Франка и спросил:

— Франк согласен?

Говорю:

— Согласен.

— Так, — сказал Виталий Лазаревич, — один оппонент уже есть. Второй — Вайнштейн. Я с ним поговорил. Это уже два оппонента.

И стал смотреть список дальше. При защите докторской диссертации должны выступить три оппонента, три доктора наук. Нужен был еще один оппонент.

Смотрит и спрашивает:

— Почему у вас в списке два человека из Еревана, Гарибян и Тер-Микаелян? Два человека из одного института — это не полагается.

Действительно, я включил в список двух сотрудников Ереванского физического института — Григория Маркаровича Гарибяна и Михаила Леоновича Тер-Микаеляна. Оба они были несомненными специалистами по теме диссертации, и с обоими у меня были дружеские отношения. Но друг с другом они не ладили. Я надеялся (теперь, много лет спустя, я понимаю: это была маниловская надежда), что если я приглашу их обоих быть моими официальными оппонентами, то мы после защиты отпразднуем это мероприятие, посидим за одним столом, выпьем за здоровье друг друга, поговорим по душам, и отношения между ними улучшатся. А если я приглашу кого-нибудь одного из них, то, конечно, отношения между ними не улучшатся, и, вдобавок, тот из них, кого я не пригласил, на меня обидится за то, что я его обошел.

Я об этом сказал Виталию Лазаревичу. Он обоих этих возможных оппонентов знал и относительно их высокой квалификации сомнений не имел. Что же касается плохих отношений между ними и моего намерения эти отношения исправить, он высказался так:

— Что за ерунда! Пригласите одного из них, а если другой обидится, вы ему прямо скажите, что он — дурак!

Получив такой совет, я решил не приглашать ни того, ни другого.

А Виталий Лазаревич стал дальше знакомиться со списком возможных оппонентов и дошел до М.Л. Левина.

— Боря, — сказал В.Л., — Левин вам не годится, я объясню, почему. Смотрите: первый оппонент у вас Франк, второй — Вайнштейн. Ну, допустим, третьим будет Левин. Понимаете, три нерусские фамилии. Вы и сам не без греха. В нашем Ученном совете это пройдет, но в ВАКе могут придраться и, скорее всего, придерутся. Там ведь сидят испытанные борцы с низкопоклонством, космополитизмом и сионизмом. Поэтому будет лучше, если мы с вами выберем человека не с такой фамилией, как Левин. Кого же мы выберем?

С этими словами он стал просматривать список. Через минуту он нашел то, что искал:

— Вот, прекрасный выбор: Моисей Исаакович Каганов! К нему и обратитесь.

К М.И. Каганову я обратился и благодарен ему за согласие.

А В.Л. оказался прав: этот выбор не вызвал нареканий на всех стадиях прохождения диссертации.

Итак, выбор оппонентов был произведен: Франк, Вайнштейн, Каганов. Но к тому времени Л.А. Вайнштейн еще не дал своего согласия.

Напечатал я диссертацию и понес ее Льву Альбертовичу. Он ее взял, перелистал не торопясь, а затем спросил:

— А зачем вы ко мне пришли?

— Виталий Лазаревич мне сказал, что вы согласны быть оппонентом.

— Я не соглашался. Он мне сказал: будь оппонентом у Болотовского, а я сказал, что не согласен.

Я тогда повторил:

— Но Виталий Лазаревич мне сказал, что вы согласились и чтобы я вам принес диссертацию.

— Это недоразумение. Он мне сказал: «Я считаю, что твой отказ не окончательный. Болотовский напечатает диссертацию и тебе принесет». Повернулся и пошел. А я ему вслед сказал: «Ну и пускай придет. А я ему скажу то же самое». Но он, по-видимому, последние мои слова не услышал.

Я Вайнштейну говорю:

— Лев Альбертович, я вас со слов Виталия Лазаревича включил в список официальных оппонентов, и Ученый совет вас утвердил.

А Лев Альбертович отвечает:

— И все-таки вам будет легче найти другого оппонента, чем уговорить меня.

Что тут сделаешь? Я был, конечно, огорчен, но уговаривать Льва Альбертовича не стал. Мы пожали друг другу руки, я забрал диссертацию и ушел.

Об отказе Вайнштейна я в тот же день сообщил Виталию Лазаревичу. Вопреки моим ожиданиям, он это известие встретил спокойно.

— Отказался и ладно, — сказал он. — Мы найдем другого оппонента.

Оказалось, что днем раньше он нашел время и прочитал мою диссертацию, а прочитав, составил о ней хорошее мнение. Официальное подтверждение со стороны Л.А. Вайнштейна он уже не считал необходимым. Тем более, что мнение Вайнштейна В.Л., я думаю, знал из разговора с ним. Друзья мне сообщили, что накануне В.Л. задержался на работе. Он читал мою диссертацию. Часов около девяти вечера он вышел из своего кабинета и заглянул в нашу комнату, где после работы резались навывлет любители шахматной игры. К шахматам он был равнодушен, точнее говоря, относился к этой игре как зритель. И в этот раз он постоял, посмотрел, о чем-то поговорил и, между прочим, сказал, что прочитал мою диссертацию и что она ему понравилась.

И вскоре В.Л. посоветовал, кого пригласить в оппоненты вместо Л.А. Вайнштейна. Он предложил обратиться к горьковскому радиофизику Михаилу Адольфовичу Миллеру. Я тогда знал Миллера по работам, но лично не был с ним знаком. Миллер оказался совершенно замечательным человеком. Оппонентом он оказался справедливым, беспощадным и доброжелательным. Позднее я с ним ближе познакомился, подружился и от всей души благодарен В.Л. за то, что он нас свел.

Вопрос об утверждении мне оппонентов пришлось вторично вносить в повестку дня Ученого совета ФИАН.

* * *

В 1966 г. Виталий Лазаревич был избран действительным членом Академии наук СССР. В том же году ему исполнилось 50 лет. Эти два события были отмечены юбилейным заседанием. Народу на этом заседании было не очень много — примерно треть нашего ФИАНского конференц-зала. Если я правильно помню, это заседание происходило летом, за несколько месяцев до дня рождения и вскоре после избрания В.Л. в академики. Многие были в отъезде.

Я к этому заседанию сочинил песню на мотив песни Алешковского «Товарищ Сталин, вы большой ученый» и спел ее под гитару... Обстановка на заседании была дружеская, неформальная. Собрались многие друзья Виталия Лазаревича. Так что моя легкомысленная песня не очень выбивалась из общего стиля выступлений. Приведу здесь текст своей песни:

Оно пришло, не ожидая зова,
Пришло само, и не сдержатъ его.
Позвольте мне сказать вам это слово,
Простое слово сердца моего.

Товарищ Гинзбург, вы большой ученый,
Во всех науках вы меня мудрей,
А я — успехом вашим увлеченный
Простой теоретический еврей.

Полвека вам, и вы — любимец века.
В почете физик — мода такова.
В загоне лирик или, скажем, Пекарь,
Хотя и Пекарь — тоже голова.

Позвольте мне вам низко поклониться,
Теперь вам дальше некуда расти,
И даже вас пускают в заграницу,
Не то, что раньше, Господи прости.

Страна вам платит лаской и заботой,
Теперь у вас не жизнь, а благодать.
Скажите мне, какая вам охота
Чегой-то вычислять и докладывать?

Культурный отдых тоже много значит,
Да и семью нельзя пускать на слом.
Небось, жена ругается и плачет,
Увидев вас за письменным столом.

Вы ж не дитя, трудов у вас без счету,
Пушай теперь вас переиздают!
Пора кончать научную работу,
А то вас люди просто засмеют!

Текст этой песни требует некоторых пояснений. Первая строфа украдена у поэта М. Исаковского целиком и без изменений. В третьей строфе слово Пекарь пишется с большой буквы, потому что здесь это не профессия, а фамилия. Имеется в виду профессор Киевского университета и академик Национальной Академии наук Украины С.И. Пекар, с кото-

рым у В.Л. Гинзбурга в то время был конфликт (далее об этом будет сказано подробнее). Правда, фамилия С.И. Пекара произносится с ударением на втором слоге — Пека́р, но В.Л. систематически произносил фамилию этого киевского физика с ударением на первом слоге — Пе́кар. И, наконец, следует еще сказать, что первоначальный вариант песни я показал замечательному человеку, замечательному физику и не менее замечательному поэту, моему другу, Герцену Исаевичу Копылову, и тот песню слегка почистил.

Песня присутствующим понравилась. Меня заставили спеть ее на бис. Исаак Маркович Халатников хлопнул меня по плечу и сказал: «Наша школа!»

Потом наступила осень. В сентябре начал свою ежегодную работу семинар Гинзбурга. На первом заседании В.Л. сказал мне:

— Боря, сядьте куда-нибудь подальше от меня, чтобы я вас не видел, а то я вас увижу и начну смеяться.

* * *

Когда я пришел в Теоретический отдел, Виталий Лазаревич занимал должность заместителя заведующего отделом. Должность заведующего, начиная со дня создания отдела, исполнял Игорь Евгеньевич Тамм, а Виталий Лазаревич был его правой рукой. В течение нескольких лет, начиная с 1948 г., И.Е. Тамм был в отъезде — работал в Сарове (в то время Арзамас-16), где создавалась водородная бомба. В это время на Виталия Лазаревича легли, помимо научных, все административные заботы по руководству Теоретическим отделом. В последние годы жизни Игорь Евгеньевич тяжело болел, и фактически, Виталию Лазаревичу приходилось решать проблемы, связанные с жизнью отдела. Как правило, В.Л. докладывал Игорю Евгеньевичу о текущих делах и советовался с ним, когда была такая возможность, но нередко приходилось самому ему принимать решения.

И.Е. Тамм умер в 1971 г. После его кончины В.Л. официально занял пост заведующего Теоретическим отделом и оставался на этом посту в течение 18 лет. Эта административная деятельность отнимала у него немало времени.

Работа В.Л. в качестве заведующего отделом не была обставлена особыми формальностями. Любой сотрудник в любое время мог прийти в кабинет, где В.Л. сидел и работал — писал очередную статью или деловое письмо, правил

рукописи, обсуждал что-то со своими соавторами, дел у него было много. Посетитель заглядывал в кабинет и, если В.Л. был один, входил. В.Л. поднимал глаза от рукописи и знакомился с очередной отдельской или личной нуждой. Реагировал он очень быстро, часто не дослушивал собеседника до конца и не давал ему договорить:

— В Президиуме ваш вопрос находится в ведении такого-то (он называл фамилию). Я с этой сволочью разговаривать не буду. Напишите любую бумагу, я подпишу.

Он часто угадывал, о чем будет говорить собеседник, прерывал того и не давал договорить. У собеседника это нередко вызывало ощущение неудовлетворенности, В.Л. не дал высказаться. Но и Гинзбургу было не легче. Перед ним лежал текст, который надо было срочно править, а приходилось постоянно отвлекаться на разные административные дела.

Один раз В.Л. попытался ввести особое время для приема посетителей по административным делам, но встретил полное непонимание сотрудников — они уже привыкли заходить к шефу по потребности, и махнул рукой.

Кстати говоря, и в научных обсуждениях В.Л., бывало, недослушивал собеседника, прерывал его, перебивал. Но и здесь, как и при обсуждении повседневных дел, он нередко по первым словам собеседника угадывал, о чем пойдет речь, не давая тому договорить, и сразу же отвечал на еще не до конца высказанный вопрос.

* * *

В самом конце 60-х годов в отдел пришел Андрей Дмитриевич Сахаров, великий ученый и общественный деятель. Точнее было бы сказать, что в 1969 г. А.Д. Сахаров вернулся в отдел, куда впервые пришел в начале 1945 г. Он тогда работал инженером на Ульяновском патронном заводе и хотел поступить в аспирантуру к Игорю Евгеньевичу Тамму. Приемные экзамены в аспирантуру А.Д. Сахаров успешно выдержал, был принят и провел в Теоретическом отделе три года. За это время, благодаря своим уникальным способностям и высоким душевным качествам, он заслужил уважение и со стороны молодых своих сверстников, и со стороны своих учителей. В 1948 г. он с успехом защитил кандидатскую диссертацию и был зачислен в штат Теоретического отдела. В том же году он вместе со своим научным руководителем И.Е. Таммом был командирован в секретный институт, местонахождение которого тогда строго скрывалось.

Там разрабатывалось атомное и водородное оружие. Для работ в этом направлении в Теоретическом отделе была создана специальная группа. Руководителем группы был утвержден Игорь Евгеньевич Тамм, в состав группы вошли сотрудники отдела, в том числе Андрей Дмитриевич Сахаров и Виталий Лазаревич Гинзбург.

Часть этой группы — И.Е. Тамм, А.Д. Сахаров, Ю.А. Романов — была вскоре командирована в «почтовый ящик» — в знаменитый институт, который тогда не имел географического адреса. Теперь этот адрес известен — город Саров Нижегородской области.

Виталий Лазаревич Гинзбург и несколько других членов группы (в том числе С.З. Беленький и Е.С. Фрадкин) остались в Москве, причем работали в тесном контакте с теми, кто находился в Сарове.

Как известно, работа эта увенчалась успехом, если, конечно, создание водородной бомбы можно рассматривать как успех.

Мотивы работы над ядерным оружием были различны для разных физиков, и у нас в стране, и в США. Знаменитый физик Энрико Ферми, эмигрировавший в США из Италии, на вопрос, почему он работает над атомным оружием, отвечал: «Это — прекрасная физика». Для Роберта Оппенгеймера, возглавлявшего работу над атомной бомбой в США, основным мотивом было опередить Гитлера — создать атомную бомбу раньше, чем этого добьются физики фашистской Германии. Эдвард Теллер, возглавив работу над водородной бомбой в США, руководствовался ненавистью к коммунизму. Сахаров (и его учитель И.Е. Тамм) считали опасным для всего мира такое положение, при котором одна страна, США, монопольно владела бы столь страшным разрушительным оружием, как водородная бомба.

Виталий Лазаревич такого рода соображения в духе высокой политики или высокой физики не высказывал. Во всяком случае, я таких высказываний от него не слышал. Но он неоднократно говорил, что успешная работа над водородной бомбой спасла его от политических обвинений, дала возможность заниматься наукой и обусловила его избрание в Академию наук СССР. Действительно, вклад В.Л. в создание водородного оружия оказался очень важным. Таких людей власть берегла, и поэтому обвинения в преклонении перед Западом, в идеологических шатаниях, а также обвинения в космополитизме (эти обвинения были формой

антисемитизма) — все эти опасности ему более не угрожали. Что же касается избрания в Академию наук СССР, то мнение В.Л. о том, что избрание это было обусловлено его работой над водородным оружием, может показаться странным. В.Л. внес важные вклады во многие разделы физики — в электродинамику (классическую и квантовую), физику космических лучей, физику низких температур — всего не перечислить. И при всем этом, по его мнению, он бы не прошел в Академию наук СССР, если бы не работал над водородной бомбой. Так он сам думал, и я неоднократно от него это слышал.

Первое успешное испытание советской водородной бомбы произошло в 1953 г. В основу конструкции были положены два основных предложения. Одно из них принадлежало Виталию Лазаревичу Гинзбургу, другое — Андрею Дмитриевичу Сахарову. Сахаров предложил способ размещения ядерного горючего («слойка»). Идея, высказанная В.Л., касалась самого выбора ядерного горючего. Он предложил использовать легкий элемент литий. Это намного удешевило производство и, что не менее важно, значительно сократило сроки изготовления. Литий, в отличие от трития, достаточно распространен в природе. В то же время, ядерная реакция с участием лития, возникающая при взрыве, приводит к образованию необходимого количества трития. Отпадает нужда в строительстве дорогостоящих установок по производству трития. И выигрыш во времени был даже важнее, чем выигрыш в затратах.

После успешного испытания водородной бомбы В.Л. был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, ему была присуждена Сталинская премия первой степени и, что для него было важнее всего, его жена Нина Ивановна получила разрешение на жительство в Москве. Нина Ивановна в конце Отечественной войны была арестована по абсурдному обвинению в подготовке покушения на И.В. Сталина. После освобождения из мест заключения она не имела права проживания в Москве. В.Л. неоднократно обращался к властям с просьбой разрешить его жене проживание в Москве. Участие В.Л. в создании термоядерного оружия помогло, помимо всего прочего, воссоединить его семью.

После испытаний Игорь Евгеньевич Тамм вернулся в Москву, а Андрей Дмитриевич Сахаров остался в Сарове, где провел, в общей сложности, около двадцати лет. Он сыграл важную роль в создании ядерного могущества Со-

ветского Союза. Заслуги А.Д. Сахарова были в полной мере признаны государством. Ему трижды была присуждена высшая государственная награда — он был три раза награжден высоким званием Героя социалистического труда. Коллеги восхищались знаниями и способностями А.Д.С. Его знали и им восхищались высшие руководители страны. И вот, оказалось, что этот человек интересуется не только тем, чем ему и положено было интересоваться — родной своей наукой, физикой. А интересуется Андрей Дмитриевич Сахаров такими далекими от физики вопросами, как отношения между гражданином и властью, международные отношения, баланс вооружений великих держав, права человека, и много чем еще. И по этим вопросам не боится высказывать соображения, которые явно противоречат начальственным предписаниям. Это стало ясно после того, как Сахаров написал статью под заглавием «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Великий человек поделился своими мыслями о том, что надо сделать, чтобы страна и мир могли успешно развиваться. Статья эта в нашей стране замалчивалась, но из рук в руки ходили истрепанные и почти неразборчивые машинописные копии на папиросной бумаге, протертые на сгибах.

После появления статьи руководство страны посчитало, что А.Д. Сахаров недостаточно надежен, и его освободили от работы в институте, где велись секретные работы, жизненно важные для Советского Союза. Сахаров вернулся в Москву. Вопрос о его трудоустройстве решался на заседании секретариата ЦК КПСС. Решено было принять во внимание просьбу академика И.Е. Тамма о том, чтобы его ученик А.Д. Сахаров вернулся в Физический институт им. П.Н. Лебедева АН СССР, в Теоретический отдел, где он и работал до переезда в Саров. На этом заседании секретарь ЦК КПСС М.А. Суслов сказал секретарю парткома ФИАН (секретарем тогда был В.П. Силин):

— Вы теперь отвечаете за Сахарова.

Под обращением «вы» следовало понимать не лично Виктора Павловича Силина, а весь наш институт.

Так в Теоретическом отделе появился сотрудник, общественное значение которого далеко выходило за рамки отдела, и за рамки института, и за рамки Академии наук.

Андрей Дмитриевич Сахаров быстро вошел в научную жизнь отдела. Он не пропускал ни одного семинара по втор-

никам (семинар этот был посвящен главным образом вопросам теории поля; он был основан Игорем Евгеньевичем Таммом; посещение как раз этого семинара мне вменил в обязанность Виталий Лазаревич при первом знакомстве). Он также регулярно посещал не столь формальный семинар по пятницам («треп»). Внимательно слушал докладчика, задавал вопросы, сам рассказывал. Но все больше сил и времени у него занимала общественная деятельность — выступления за прекращение испытаний ядерного оружия, в защиту людей, которых власти преследовали за выражение своих мнений, выступления по разным злободневным международным и внутренним проблемам.

Как относился В.Л. к Сахарову? В те годы я не слышал от него никаких высказываний об Андрее Дмитриевиче, ни хвалебных, ни критических. Но мне кажется, что тогда он относился к общественной деятельности Сахарова достаточно скептически, не верил, что она может получить признание, поддержку и развитие. И как всякий практический человек считал, что коль скоро это так, то и начинать не следует. Опять же, прямых высказываний об этом я от него не слышал. Но был один случай, когда это отношение дало о себе знать.

На одном из заседаний Ученого совета в отделе стали обсуждать, что делать, если в Академии наук, а точнее говоря, в ФИАНе, начнется сокращение штатов. Обсуждали, как лучше поступить в этом случае — сократить всем зарплату и никого не увольнять, либо зарплату не уменьшать, но кого-то уволить. Виталий Лазаревич, как председатель Ученого совета, вел заседание. Андрей Дмитриевич о чем-то задумался и не принимал участия в обсуждении. И тут В.Л. спросил его о чем-то, имеющем отношение к предмету обсуждения. А.Д. очнулся от задумчивости и сказал:

— У меня по этому вопросу нет мнения.

— Хорошенькое дело, — сказал В.Л. — Когда вас никто не спрашивает, вы то и дело выступаете с разными заявлениями. А когда к вам обращаются с вопросом, оказывается, что у вас нет своего мнения.

Это, конечно, была шутка. Но она все же отражала отношение В.Л. к общественной деятельности А.Д. Сахарова.

Андрей Дмитриевич не обиделся на эту шутку. Он улыбнулся и сказал:

— Ну, если вы хотите знать мое мнение, то оно заключается в том, что надо по возможности избегать кровопролития.

Вот такой был случай, по которому я вынес суждение об отношении В.Л. к общественной деятельности А.Д. Но для окончательного суждения надо еще учесть и другие соображения. В частности, следует учесть, как относилось руководство страны к деятельности Сахарова.

Наше высшее начальство не сомневалось в том, что порядки в нашей стране самые разумные и самые хорошие. Руководители и сами были в этом уверены, а если у кого-нибудь из них и возникали сомнения, то эти сомнения быстро развеивали многочисленные холуи и подпевалы. Поэтому если кто-то чем-то был недоволен, то считалось, что этот человек просто чего-то не понял. Надо ему разъяснить то, чего он не понимает, и все будет в порядке. Заявления Сахарова высокое начальство объясняло тем, что с А.Д. ведется недостаточная политико-воспитательная работа. А кто в Теоретическом отделе ФИАН отвечает за политико-воспитательную работу? Естественно, заведующий отделом академик Гинзбург. Вот ему и предъявляли претензии по поводу деятельности Сахарова. Я помню, как секретарь партбюро ФИАН Анатолий Федорович Плотников сказал В.Л.:

— Вы не должны оставлять без ответа ни одно заявление Сахарова.

Виталий Лазаревич ответил:

— Для этого я должен день и ночь сидеть у радиоприемника и ловить «Голос Америки» и «Би Би Си».

Действительно, ни в каких наших средствах массовой информации ничего не сообщалось о заявлениях А.Д. и вообще о его деятельности.

Однажды, когда я был парторгом отдела, Виталия Лазаревича и меня вызвали в дирекцию института. Зам директора ФИАН Алексей Иванович Исаков сообщил нам, что А.Д. Сахаров направил письмо руководителям партии и правительства. Мысли, изложенные в письме, расходились с официальной точкой зрения руководства. Исаков спросил Виталия Лазаревича, какие шаги в связи с этим тот намерен предпринять.

— Никаких, — сказал В.Л., — в отделе никому и ничего об этом письме неизвестно.

А когда мы ушли из дирекции, по дороге в отдел Виталий Лазаревич сказал мне:

— Я только одного боюсь: встану утром, раскрою газету, а там письмо академиков против Сахарова, а под письмом стоит и моя подпись.

Он боялся, что подпись могут поставить вопреки его желанию.

Постепенно от замалчивания действий и заявлений А.Д. Сахарова руководство страны перешло к его травле. В газетах стали появляться статьи, в которых Сахаров изображался как враг советской страны, его обвиняли в том, что он рвется к власти. Появилось в «Правде» письмо с осуждением общественной деятельности Сахарова. Письмо подписали 40 академиков. Академия наук СССР присоединилась к травле своего достойнейшего члена. Подписи В.Л. под этим письмом не было.

В нашем институте на общеинститутских партийных собраниях общественная деятельность Сахарова осуждалась, говорились такие речи: «Академик Сахаров должен решить, по какую сторону баррикады он находится, должен прекратить свою безответственную антисоветскую деятельность». Эти слова вместе с разгоревшейся в газетах травлей, конечно, действовали на слушателей. На одном из партийных собраний я был свидетелем сцены, которую трудно забыть. Секретарь парткома, стоя на трибуне, говорил об институтских делах и, как обычно, перешел к критике Сахарова. Он только начал свои обличения, как из зала раздался громовый крик:

— Товарищи!

Оратор на трибуне замолк. Все обернулись на крик. По проходу, ведущему к трибуне, из глубины зала шел человек выше среднего роста, широкоплечий, крепкого телосложения. Он подошел к трибуне и встал перед ней, так что оратор на трибуне над ним возвышался. Человек повернулся лицом к залу, и я увидел тупое бессмысленное лицо. Он громким голосом проговорил:

— Кто такой Сахаров? Чем он передо мной заслужил? Дайте его мне, я его...

И он сделал такое движение руками, как будто скручивал шею курице.

Оратор, стоя на трибуне, улыбаясь, аплодировал. В зале стояла мертвая тишина. А человек под трибуной повторил свои слова:

— Я его...

И повторил движение руками.

Эту жуткую сцену прекратил председательствующий, доктор физико-математических наук Анатолий Николаевич Ораевский. Он сказал:

— Сядьте на свое место, товарищ. Вам никто слова не давал.

После собрания В.Л. написал докладную записку на имя заместителя директора ФИАН по режиму. В записке он сообщил, что на общеинститутском партийном собрании были высказаны угрозы физической расправы над А.Д. Сахаровым, и просил принять необходимые меры для его защиты. Я потом узнал, что человек, который угрожал расправой над А.Д., был пьян. Этот случай произвел на меня жуткое впечатление. Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Вот до чего может довести человека массированная пропаганда.

Некоторое время спустя в институте было составлено «Заявление ученых ФИАН», в котором общественная деятельность А.Д. Сахарова подвергалась осуждению. Авторы письма требовали от А.Д. Сахарова прекратить эту деятельность. Письмо подписали несколько сотен сотрудников института. В.Л. это письмо не подписал. И ни один сотрудник Теоретического отдела не подписал это письмо. После этого некоторые особо бдительные товарищи, обладавшие усердием не по разуму, заговорили о том, что Теоретический отдел является базой для антисоветской деятельности А.Д. Сахарова. Перед отделом нависла реальная угроза расформирования.

Как заведующий Теоретическим отделом, В.Л. оказался в трудном положении. Надо было уберечь от разгрома отдел, замечательный творческий коллектив, созданный Игорем Евгеньевичем Таммом. Андрей Дмитриевич Сахаров был неотъемлемой частью и украшением этого коллектива. Надо было сохранить для всех сотрудников отдела, включая и Сахарова, все условия для плодотворной научной работы. Что же касается общественной деятельности А.Д., то Виталий Лазаревич говорил и повторял, что это — личное дело Сахарова, что отдел в этой деятельности никакого участия не принимает.

В 70-е годы, когда велась травля А.Д. Сахарова, в печати то и дело появлялись статьи, где все, сказанное и написанное Сахаровым, искажалось, а ему приписывались самые злоеющие намерения. Систематически также печатались письма, подписанные известными деятелями науки, литературы, искусства, рабочими и колхозниками. В этих письмах авторы осуждали Сахарова. Варианты были разные, но суть одна: «Я Сахарова не читал, но мне за него стыдно!» В одном номере газеты «Известия» я увидел два весьма примечательных письма, в которых авторы осуждали Сахарова. Один автор был известный украинский писатель, а другой — патриарх Пимен. Патриарх осуждал Сахарова за то,

что его, Сахарова, действия подрывают разрядку международной напряженности. А известный советский украинский писатель возмущался тем, что Сахаров подрывает нашу святую веру в светлые идеалы коммунизма. Прочитал я эти письма и подумал: вот до чего дошло: советский писатель защищает святую веру, а патриарх — разрядку международной напряженности.

Конечно, кто-то из авторов писал осуждающие письма, уступая прямому давлению властей. Но были и такие, которые верили лживым обвинениям против Сахарова.

В Теоретическом отделе работало несколько членов Коммунистической партии и была своя небольшая первичная партийная организация — шесть или семь человек. Дела первичной организации вел парторг — партийный организатор. Это была выборная должность, и несколько раз на эту должность коммунисты отдела выбирали меня.

Наступил такой момент, когда партийное руководство захотело, чтобы с заявлением против Сахарова выступили коммунисты Теоретического отдела. В райкоме партии мне сказали:

— Надо коммунистам Теоретического отдела собраться и написать, что они не хотят работать рядом с Сахаровым.

Я этот совет понял так, что власть хочет уволить Сахарова нашими руками. Вполне было возможно, что партийная власть в нашем Октябрьском районе города Москвы особенно и не вникала в правозащитную деятельность Сахарова, а рассуждала так: раз его ругают в центральной печати, а он работает в нашем районе, нам от этого лишняя головная боль. Пусть делает что угодно, но только не в нашем районе.

Конечно, те, кто не знал Андрея Дмитриевича и не знал, за что он борется, те могли поверить клевете. Но мы-то его знали. Мы, наоборот, считали, что надо ему создать все условия для научной работы. Кроме того, многие из нас, хотя и боялись это открыто высказать, сочувствовали этому великому человеку в его, как тогда казалось (и даже ему самому), необходимом, но безнадежном деле.

Так или иначе, власть не дождалась от нас заявления, что мы не хотим работать с А.Д. Сахаровым.

А между тем, как уже было сказано выше, некоторые особо бдительные товарищи истолковывали молчание отдела так, что отдел является базой для антисоветской деятельности академика Сахарова. Чем это грозило отделу и его заведующему академику В.Л. Гинзбургу, можно не объяснять.

Вопрос об отношении коммунистов отдела к общественной деятельности академика А.Д. Сахарова все же пришлось обсудить на собрании первичной партийной организации отдела.

На это собрание пришел секретарь парткома ФИАН Виктор Павлович Силин. Он до начала 60-х годов работал в Теоретическом отделе, но потом перешел в лабораторию физики плазмы, где возглавил сектор теории плазменных явлений. Формально он еще был членом нашей партийной организации. Все мы хорошо его знали, и он нас хорошо знал. Витя начал первым. Он сказал, что создалось такое положение, при котором коммунисты отдела не могут молчать. Они должны определить свою позицию по отношению к академику Сахарову.

Затем слово взял В.Л. Он был краток:

— Виктор Павлович, я понимаю, что парткому нужно заявление от нашей партийной организации, и я знаю, какое нужно заявление. Предлагаю такой текст...

И он продиктовал текст постановления (или заявления) из трех пунктов:

«1. Партийная организация Теоретического отдела поддерживает политику Партии и Правительства, направленную на разрядку международной напряженности, и осуждает те действия Сахарова, которые противоречат разрядке.

2. Партийная организация Теоретического отдела считает своей задачей изолировать отдел от политической деятельности Сахарова.

3. Партийная организация Теоретического отдела считает своей задачей создать академику Сахарову все условия для плодотворной научной работы».

— Ну, как, Витя? — спросил В.Л.

Витя с минуту размышлял, а потом внес поправку:

— Предлагаю в первом пункте вместо слов «осуждает те действия» написать «осуждает все те действия».

Поправку приняли без разговоров. Потом проголосовали текст в целом. Все проголосовали «за», один я воздержался. Я был не согласен со словами осуждения в первом пункте. Однако мудрому Ефиму Фрадкину не понравилось, как я голосовал. Он предложил переголосовать проект решения, а мне сказал:

— Такие резолюции надо принимать единогласно.

Переголосовали и приняли текст единогласно.

Оглядываясь назад, я думаю, что этот текст сослужил от-
делу добрую службу. Ясно было сказано, что отдел не явля-
ется базой для деятельности А.Д. И ясно было сказано, что
партийная организация отдела выступает против увольне-
ния А.Д. Что же касается осуждения А.Д. Сахарова «за все
те действия, которые противоречат разрядке международной
напряженности», то где они, эти действия? Можно было с
тем же основанием написать, что мы осуждаем А.Д. Сахаро-
ва за все прошлые и будущие солнечные затмения.

Текст нашего постановления был передан в партком ин-
ститута, но в печать не попал. Видимо, что-то в тексте было
такое, что не подходило для публикации. Возможно, это был
пункт третий — о необходимости создать А.Д. все условия
для научной работы. Этот пункт расходился с намерениями
некоторых администраторов, партийных, советских и акаде-
мических. Они хотели уволить Сахарова.

* * *

В январе 1980 г. А.Д. Сахаров был сослан в город Горь-
кий (теперь город носит свое первоначальное название Ниж-
ний Новгород). Для Теоретического отдела и его заведующе-
го, Виталия Лазаревича Гинзбурга, возникло множество
проблем. Сразу же начались попытки увольнения Сахарова.
Мне известно о двух таких попытках. Одна была предпри-
нята в нашем родном институте. Директор ФИАН академик
Н.Г. Басов дал указание своему заместителю С.И. Никольс-
кому подготовить приказ об увольнении Сахарова. Сереже
Никольскому делать это очень не хотелось. Он позвонил в
Президиум Верховного Совета СССР, представился и сказал
примерно следующее:

— В газетах сообщили, что Сахаров лишен всех наград и
выслан в город Горький согласно постановлению Президиу-
ма Верховного Совета СССР. Не могли бы вы мне сообщить
дату и номер этого постановления? Мне это нужно для при-
каза об увольнении Сахарова.

На той стороне линии возникло некоторое замешатель-
ство. Номер постановления и дату Сереже не сообщили, ска-
зали, что сразу не нашли. Обещали перезвонить, да так и
не перезвонили. Похоже, что никакого постановления о вы-
сылке Сахарова Президиум Верховного Совета не принимал.
А Никольскому того и было надо.

— Вторая попытка уволить А.Д. Сахарова была предпри-
нята отделом кадров Президиума Академии наук. Оттуда

позвонили к нам в отдел Гелию Фроловичу Жаркову (он был заместителем В.Л. Гинзбурга) и спросили:

— Скажите, пожалуйста, Сахаров ходит на работу?

— А вы что, не знаете, что он выслан в город Горький? — в свою очередь спросил Гелий.

— Мы знаем, но вы нам скажите, ходит он на работу или нет.

— Не ходит.

— Пишите рапорт, что Сахаров не ходит на работу.

Кто-то в Президиуме хотел уволить Сахарова, но для этого нужна была наша помощь, рапорт о том, что Сахаров не ходит на работу.

Доктор физико-математических наук Гелий Фролович Жарков был не только хорошим физиком, он еще знал, на каком языке надо говорить с чиновниками. Он сказал:

— Рапорта не будет. Согласно Правилам внутреннего распорядка учреждений Академии наук, действительный член Академии не обязан каждый день ходить на работу.

Атака была отбита.

Несколько месяцев прошло, прежде чем появилась некоторая определенность в положении А.Д. Сахарова. Кажется, в марте 1980 г. был издан приказ Президента Академии наук, посвященный А.Д. Сахарову. Сахаров остался в Теоретическом отделе ФИАН, не был уволен. Сотрудникам разрешалось периодически его навещать для обмена научной информацией. Прежде чем состоялось такое решение, пришлось Виталию Лазаревичу вести переговоры в отделе науки ЦК КПСС и в Президиуме Академии наук. Он добивался, чтобы Сахаров остался сотрудником Теоретического отдела, и он этого добился. Виталий Лазаревич первым поехал к А.Д. Сахарову, ознакомился с условиями его жизни и помог в разрешении некоторых трудностей. Трудностей было более чем достаточно, но не во власти В.Л. было устранить их все.

* * *

После кончины А.Д. сотрудники отдела приняли решение выпустить сборник воспоминаний о нем. Такой сборник был издан. Сборник носит название «Он между нами жил». Книга переведена на английский язык под названием «Facets of the Life» («Грани жизни»).

Когда рукопись книги была подготовлена к печати, мы ее отвезли к Елене Георгиевне Боннер. У Елены Георгиевны хорошая память. Мы хотели, чтобы она прочла книгу и

помогла уточнить даты событий и другие подробности. Рукопись к Елене Георгиевне повезли Игорь Михайлович Дремин и я.

После того как деловая часть визита была закончена, Елена Георгиевна усадила нас за стол в кухне и напоила чаем. За чаем она задала нам неожиданный вопрос:

— Скажите, Виталий Лазаревич любил Андрея Дмитриевича?

Мы с Игорем не могли ответить на этот вопрос. Игорь промолчал, а я сказал, что Виталий Лазаревич при мне ни разу не высказывал своего отношения к А.Д. — не хвалил и не ругал.

Когда мы вернулись в институт, Игорь рассказал Виталию Лазаревичу о вопросе, который нам задала Елена Георгиевна. Виталий Лазаревич к Елене Георгиевне относился сдержанно, в частности, считал, что она побуждает А.Д. на резкие заявления и на резкие действия. В этом я был с ним не согласен. Не такой был человек А.Д., чтобы действовать под чьим-то влиянием. Решения свои он принимал обдуманно, и никакая внешняя сила не могла эти решения изменить. Другое дело, что Елена Георгиевна была в числе тех, кто поддерживал решения, принятые А.Д. Несколько раз Виталий Лазаревич высказывал мне свое мнение о Елене Георгиевне. Я с ним не соглашался, спорил, несмотря на все мое к нему уважение. Каждый остался при своем мнении.

При таком отношении Виталия Лазаревича к Е.Г. Боннер я бы не стал сообщать ему о вопросе, который задала Елена Георгиевна — любил ли В.Л. Сахарова. Но Игорь придерживался другого мнения и рассказал об этом Виталию Лазаревичу. Почти сразу после этого В.Л. пришел ко мне и спросил:

— Вам Елена Георгиевна задала вопрос, любил ли я Сахарова?

Говорю: да.

— И что вы ответили?

Я сказал, как я ответил.

В.Л. молча вышел.

На следующее утро он зашел ко мне и, даже не поздоровавшись, произнес, как отчеканил:

— А вы бы ей сказали: «А ты сама-то его любишь?»

И вышел.

Виталий Лазаревич был человеком темпераментным, т.е. впечатлительным и легко возбудимым. Бывало, что он не мог сладить со своим темпераментом, и тогда не он сам, а его темперамент определял его слова и поступки. Приведу пример, может быть, самый малозначащий, но он дает представление о том, что я имею в виду.

Речь пойдет о знаменитом семинаре Гинзбурга. На одном из заседаний я, как обычно, сидел рядом со своим другом и соавтором, профессором Физтеха Станиславом Николаевичем Столяровым. Уже не помню, какой был доклад на семинаре. Некоторые утверждения докладчика нам были не ясны, и мы со Столяровым стали их обсуждать. Говорили сначала шепотом, чтобы не мешать соседям, а потом увлеклись, стали говорить громче. Виталий Лазаревич несколько раз оглянулся на нас из своего первого ряда. Он не любил посторонних разговоров. Наш разговор, правда, был не посторонний, мы обсуждали сказанное докладчиком, но все равно мы мешали слушателям. Проще было спросить самого докладчика о том, что было нам непонятно, но мы не хотели прерывать его. Справедливость требует отметить, что иногда на семинаре мы переставали слушать доклад и начинали разговоры на посторонние темы.

Виталий Лазаревич оглянулся на нас несколько раз, а потом встал, прервал докладчика и повернувшись в нашу сторону, сказал:

— Борис Михайлович! Почему вы болтаете? Семинар — это работа. Сегодня у нас идет пятьсот двадцать третий семинар, и за много лет я старался не пропустить ни одного заседания семинара. Я приходил даже больной, с температурой. Семинар — это работа. А вы тут сидите и болтаете. Вы зрелый муж, доктор физико-математических наук. Не мое дело вас учить, как надо себя вести. Но я вам говорю: если вы и впредь будете болтать на семинаре, лучше не приходите сюда. Но я вас предупреждаю: если вы не будете ходить на семинар, вы для меня перестанете существовать.

На семинаре присутствует больше ста человек. Может быть, полтора. И все сидят и молчат. И слушают, как В.Л. меня разносит. Я себя чувствую очень неудобно. А В.Л. продолжает:

— На семинаре Ландау каждый участник может свободно разговаривать. В зале стоит гул. Я всегда поражался и не мог

понять, как Ландау это допускает. Но Ландау — большой человек, а я человек маленький, и у меня вы болтать не будете!

В.Л. еще говорил, все не помню. Сказал и душу облегчил. И обратился к докладчику, который во все время этого «лирического отступления» молча стоял у доски:

— Извините, я вас прервал. Продолжайте, пожалуйста.

Доклад возобновился. Я сидел ошеломленный. Я не помнил, чтобы В.Л. кого-нибудь когда-нибудь ругал так горячо, как меня. Да еще, обращаясь ко мне, он меня называл «Борис Михайлович», а не просто «Боря», как обычно. Доклад я уже не слушал. Так прошло минут десять. А потом Виталий Лазаревич сделал докладчику необычно резкое замечание и тут же сказал:

— Извините, пожалуйста. Это я огорчен тем, что так обхамил Бориса Михайловича. И тут он встал, обратился лицом к аудитории и сказал:

— Я должен принести свои извинения Борису Михайловичу за то, что я столько наговорил в его адрес.

Я сказал:

— Я только с одним не согласен из того, что вы сказали.

— С чем? — спросил Виталий Лазаревич.

— Вы сказали, что я зрелый муж.

— Вот видите, Боря, — грустно сказал Виталий Лазаревич, — вы сохранили чувство юмора, а я его потерял. Но в свое оправдание я только могу сказать, что семинар — это работа...

Тут его голос снова окреп, и он с большим темпераментом продолжил:

— ...и если вы будете болтать на семинаре...

И он выдал мне по второму разу все, ранее сказанное.

Но на этом дело не кончилось. После семинара шел я по коридору. Меня догнал В.Л., остановил и во второй раз сказал, что он сожалеет... И понес меня в третий раз.

* * *

Виталий Лазаревич является автором нескольких статей, которые я бы называл как разгромные. В этих статьях подвергались острой критике некоторые научные статьи или вышедшие из печати монографии, учебники.

Я пишу, что критике подвергались работы — статьи, книги, — но ведь на самом деле критике подвергались авто-

ры. Виталий Лазаревич нередко вспоминал, как Л.Д. Ландау удивлялся, имея в виду обиженного им физика:

— Почему он обиделся? Я же не назвал его идиотом, я сказал, что статья у него идиотская.

Конечно, критикуя те или иные работы, В.Л. вступал в полемику с их авторами. У него был незаурядный полемический талант. Если он против кого-то ополчался, то он, как говорится, не жалел снарядов и палил из всех бортовых орудий. В его полемических статьях не редкостью были фразы вроде такой: «Если в работах автора и есть что-то новое, то это — новые ошибки». От атаки В.Л. Гинзбурга трудно было защищаться, тем более, что он был физик высочайшей квалификации и писал о существе дела, о том, что было ему хорошо известно.

В конце 40-х—начале 50-х годов В.Л. Гинзбург стал объектом травли как идеалист и космополит. Травля эта началась в газетах, а затем нашла свое отражение и в чисто научной, казалось бы, литературе. В начале 50-х годов вышел из печати учебник «Радиофизика», написанный профессором Кессенихом, тогда деканом физического факультета МГУ. В этом учебнике работы В.Л. Гинзбурга по распространению радиоволн были подвергнуты критике. В учебнике были даже параграфы, озаглавленные «Первая ошибка Гинзбурга», «Вторая ошибка Гинзбурга». Что представляли собой «ошибки Гинзбурга», по мнению автора? Одна из «ошибок» состояла в том, что В.Л. описывал электромагнитные свойства ионосферы с помощью тензора диэлектрической проницаемости. По мнению автора учебника, понятие «диэлектрическая постоянная» имело смысл только в применении к твердому телу, но не к подвижной среде вроде ионизованного газа. Автор, видимо, сам не занимался теорией распространения радиоволн, в которой при описании локальных свойств ионосферы как раз и применялось (с полным, добавим, основанием) понятие тензора диэлектрической проницаемости. Остальные указания на «ошибки» В.Л. Гинзбурга были столь же безосновательны.

Виталий Лазаревич написал подробную статью, в которой ответил на относящиеся к нему возражения, а также осветил ряд других недостатков учебного пособия. Увы, недостатков было немало, и В.Л. обсудил некоторые из них с полной беспощадностью. Автор учебника от дальнейшей дискуссии воздержался, признал, что учебник нуждается в переделке, но переделывать его не стал.

Столь же разгромной оказалась рецензия В.Л. на учебник «Теоретическая оптика», написанный профессором физического факультета МГУ Ф.А. Королевым. И опять могу сказать, что замечания В.Л. были совершенно справедливыми по существу, хотя и довольно резкими по форме. На эту свою рецензию В.Л. получил «ответ» со всяческой руганью и с обращенным к нему вопросом: «Что ты можешь видеть со своей жидовской колокольни?» Я бы сказал, что в этом анонимном письме было введено невиданное до этого в архитектуре понятие «Жидовская колокольня». Возражений по существу в письме не было, если ругань не считать выражением по существу.

Но есть среди полемических статей В.Л. и такие, где уровень резкости является неоправданно высоким, а физическая аргументация небезупречна. Такой несправедливо резкой разгромной статьей является статья, содержащая критику работ профессора Анатолия Александровича Власова.

Профессор Московского университета Анатолий Александрович Власов был незаурядным физиком-теоретиком. Несомненным и очень важным его достижением является система самосогласованных уравнений для описания свойств электронной плазмы. Эта система уравнений так и называется «уравнения Власова». Она нашла широчайшее применение в исследовании газового разряда, распространения радиоволн, колебательных свойств электронной плазмы и т.д., всего не перечислить.

В своих лекциях А.А. Власов не только излагал современное состояние знаний, но, как правило, обращал внимание студентов на еще не решенные вопросы. Была даже шутка у студентов: предисловие к конспекту лекций Власова начиналось с фразы: «Задачей настоящего курса является углубление и развитие трудностей, лежащих в основе современной теории». Он обсуждал возможные пути развития, и для слушателей это было важно. Они, благодаря лектору, воспринимали науку не как застывшую систему знаний, а как растущий организм, наряду с успехами развития видели и болезни роста.

Кстати сказать, А.А. Власов был научным руководителем дипломной работы Андрея Дмитриевича Сахарова, будущего великого физика и правозащитника. А.А. Власов оценил силу своего дипломника и уговаривал того остаться в университете для подготовки к профессорскому званию.

Статья с резкой критикой работ А.А. Власова была подписана четверьмя выдающимися физиками: В.Л. Гинзбург-

гом, Л.Д. Ландау, М.А. Леонтовичем и В.А. Фоком. Но я думаю, что написана она была в основном Виталием Лазаревичем. Остальные авторы ни до, ни после не писали ничего в таком полемическом стиле.

Причина публикации, по-моему, лежит не в чисто научной стороне дела, а в плохих отношениях, которые в то время установились между университетскими физиками и их коллегами из Академии наук.

Здесь уместно сделать короткое отступление. Мудрый человек Всеволод Васильевич Антонов-Романовский, работавший в ФИАНе со дня основания, рассказал мне поучительную байку о том, как образовалось научное сообщество. Однажды Бог создал человека, у которого не было ни одного недостатка, одни достоинства. Бог дал ему имя Ученый. Когда об этом узнал дьявол, он в ответ создал человека, у которого не было ни одного достоинства, только недостатки, и назвал его Коллега. Вот так и возникло научное сообщество. Первоначально оно состояло из двух человек, а потом ученые и коллеги умножились в числе.

Возвращаясь к конфликту между университетскими и академическими физиками, могу сказать, что конфликт этот был одинаково не нужен и одинаково вреден и тем и другим. Почему же, тем не менее, он существовал? Потому что был выгоден кому-то в отделе науки Центрального комитета КПСС. Разделяй и властвуй — этот управленческий прием широко применялся во всех областях деятельности, в том числе и в науке.

По моим наблюдениям, А.А. Власов в этом противостоянии активной роли не играл, доносов не писал, громких заявлений не делал, занимался наукой. Возможно, были попытки со стороны университетских физиков сделать Власова главой в конфликте с физиками из Академии, но сам Власов на это не пошел. Физиков можно делить по месту работы, но сама наука физика такому разделению не подвержена.

Статья четырех авторов была написана с враждебных позиций, в столь же разгромном стиле, как и упомянутые выше статьи В.Л. против Кессениха и Королева. Профессору Власову она принесла много вреда.

В.Л. был темпераментным человеком. Я не сомневаюсь в том, что всех, кого он подвергал резкой критике, он считал плохими людьми, а свою борьбу с ними борьбой со злом. В ряде случаев для этого были все основания, но бывало и так, что темперамент приводил его к необоснованной резкости.

Но я не помню, чтобы В.Л., посчитав кого-то плохим человеком, впоследствии изменил свое отношение к нему и свое мнение о нем к лучшему.

Я вспоминаю, как возникла очень острая дискуссия в научной периодике между В.Л. Гинзбургом и С.И. Пекаром. Соломон Исаакович Пекар (фамилия произносится с ударением на втором слоге — Пека́р, но Виталий Лазаревич в пылу дискуссии произносил эту фамилию с ударением на первом слоге, и она звучала как «Пéкарь»), действительный член Академии наук Украинской ССР, был известен своими работами по физике твердого тела. Где-то в середине 60-х годов он приехал в Москву и сделал доклад на семинаре Теоретического отдела ФИАН о распространении волн в средах с пространственной дисперсией.

С.И. Пекар был человеком плотного телосложения, выше среднего роста, двигался и говорил не торопясь. Я его видел в первый раз, мне показалось, что ведет он себя с важностью.

Тема доклада интересовала Виталия Лазаревича, он по ходу дела задал несколько вопросов и, кроме того, сделал несколько замечаний, перебивая докладчика. В Теоретическом отделе это было в порядке вещей. Можно было и задавать вопросы и делать замечания в любом месте доклада. Пекар против этого не протестовал, но вел себя, на мой взгляд, очень необычно. Когда В.Л. делал какое-либо замечание, Пекар замолкал и терпеливо выслушивал до конца. А после того как В.Л. замолкал, Пекар продолжал свой доклад с того места, на котором он был прерван, как будто никакого замечания и не было высказано. Так же точно Пекар реагировал не только на замечания, но и на вопросы, которые задавал В.Л. Пекар молча выслушивал вопрос, а когда В.Л. умолкал в ожидании ответа, он продолжал свой доклад с того места, на котором доклад был прерван. Почему он так себя вел, я не знаю. Может быть, там, где Пекар работал, было не принято перебивать докладчика. А возможно, С.И. Пекар опасался, что вопросы и замечания могут его сбить, и он тогда что-то упустит в своем рассказе. Так или иначе, на все или почти все высказывания В.Л. реакция докладчика оказалась практически нулевая. Такое поведение докладчика очень не понравилось Виталию Лазаревичу.

После семинара В.Л. спросил:

— Ну, как вам Пекар?

Я ответил, что доклад был интересный, но для меня оказалась непривычной реакция докладчика на вопросы и за-

мечания. И тогда, совершенно неожиданно для меня, В.Л. сказал:

— Он плохой человек.

И потом, через несколько минут, повторил эти слова.

Позднее В.Л. начал спор с Пекаром в печати по разным деталям теории сред с пространственной дисперсией. Это была не только научная дискуссия, а, по крайней мере частично, борьба с «плохим человеком». Надо сказать, Пекар не оставлял без ответа возражения В.Л., и высказанные им соображения показывали, что он дело понимает. Мне кажется, что эта дискуссия принесла авторам больше вреда, чем пользы, причем Гинзбургу она принесла больше вреда, чем Пекару.

Насколько я знаю, дискуссия закончилась примирением, по крайней мере, формальным. В то время В.Л. и Владимир Моисеевич Агранович писали книгу «Кристаллооптика с учетом пространственной дисперсии». Книга получилась полезной, она может служить введением в теорию пространственной дисперсии, которая в те годы возникла и развивалась. Кстати сказать, С.И. Пекар внес немалый вклад в развитие теории пространственной дисперсии.

Я думаю, Володя Агранович приложил в то время старания к тому, чтобы спор с Пекаром окончился миром. Но я также думаю, что В.Л. до конца дней все-таки, как говорят в Одессе, держал Пекара за «плохого человека».

* * *

Плохие отношения сложились у В.Л. с Юрием Абрамовичем Гольфандом, математиком и теоретиком, открывшим важный раздел квантовой теории поля — суперсимметрию. Гольфанд был взят в Теоретический отдел как математик для обеспечения вычислительных работ. Однако он быстро овладел кругом идей квантовой электродинамики и вообще квантовой теории поля и стал известен как физик-теоретик. Но В.Л. не считал его физиком и, что гораздо хуже, зачислил в разряд плохих людей. Я Юрия Абрамовича Гольфанда достаточно знаю и могу сказать, что плохим человеком он ни в каком смысле не был. Характер у него был трудный, в чем-то тяжелый, но ни в каких неблагоприятных делах его упрекнуть нельзя, даже не придет в голову. С В.Л. Гинзбургом у Ю.А. Гольфанда сложилась и окрепла взаимная неприязнь, которую они оба и не скрывали. Для Гольфанда это повлекло за собой тяжелые последствия. В.Л. тогда за-

ведовал Теоретическим отделом. Гольфанд был уволен из Теоретического отдела по сокращению штатов и семь лет после этого не мог найти работу. Это увольнение не получило одобрения со стороны значительной части научного сообщества. И советские и иностранные физики выражали по этому поводу свое недоумение и неодобрение. Но мнение В.Л. о том, что Гольфанд плохой человек, со временем не слабело, а только крепло.

У поэта и философа Игоря Губермана есть такое четверостишие:

Мы порой жестоко судим
Наших близких и родных.
Надо жить, прощая людям
Наше мнение о них.

Губерман в этом четверостишии говорит даже не о том, что людям надо прощать какие-то грехи. Может быть, и грехов-то никаких нет. А надо прощать наше мнение. В.Л., как кажется, не прощал людям свое о них мнение.

* * *

Где-то во второй половине 70-х годов я стал изучать работы Хевисайда по электродинамике. Оливер Хевисайд (1850–1925) — знаменитый английский математик и физик. Он не имел университетского образования, да и школьное его образование было неполным. Все свои знания он получил самостоятельно. Это не помешало ему создать новые разделы математики, в частности, операционное исчисление и векторный анализ, а также внести важные вклады в целый ряд разделов науки об электричестве. Изучая его работы, я был буквально потрясен количеством и значением полученных им результатов, из которых многие при его жизни не получили признания, а потом были прочно забыты. Я также получил представление об условиях его жизни и об удивительных особенностях характера.

То, что я узнал, я стал всем рассказывать. В частности, рассказал о работах Хевисайда на семинаре В.Л. Рассказывал также историкам науки. И один из слушателей, профессор Б.Г. Кузнецов, философ и историк науки, сказал мне:

— Напишите о нем книгу.

Сначала этот совет показался мне невыполнимым. Но потом я стал собирать материал, дополняющий то, что уже

мне было известно. А потом начал писать. Думал при этом так: изложу то, что я узнал об этом замечательном человеке, Оливере Хевисайде. А что в результате получится — короткая статья, или большая статья, или книга — не буду загадывать.

Работа уже подходила к концу, когда В.Л. встретил меня в коридоре и сказал:

— Что-то вы в последнее время бездельничаете.

Я говорю:

— Я не бездельничаю, я книгу написал.

— Дайте почитать.

У меня уже все написанное было напечатано на машинке, я допечатал остаток и отнес все Виталию Лазаревичу.

Через несколько дней он мне вернул рукопись, сказал, что ему понравилось и спросил, где я собираюсь ее издавать. Я об этом еще не успел подумать, так ему и ответил. Он посоветовал:

— В издательстве Академии наук выпускается научно-биографическая серия. Обратитесь туда.

Я собрался выполнить совет В.Л., но не успел этого сделать. Примерно через неделю после нашего разговора В.Л. сказал мне:

— Я встретил академика А.Л. Яншина, он председатель редакционного совета в научно-биографической серии. Я ему похвалил вашу рукопись и сказал, что ее надо печатать. Он в ответ сказал, что если я соглашусь быть ответственным редактором вашей книги, они ее быстро напечатают. Я согласен быть ответственным редактором, а вы как?

Я с радостью согласился и сказал спасибо. Иметь такого редактора — это большая честь для любого автора.

Книга вскоре пошла в редакционную подготовку, а В.Л. уехал в отпуск.

Через несколько дней я получил от него письмо. Он писал:

«Боря, вы будете смеяться, но я начал свой отпуск с того, что написал предисловие к вашей книге».

В конверт было вложено написанное от руки предисловие ответственного редактора. Тамара Ильинична Филатова, референт Виталия Лазаревича, напечатала предисловие на пишущей машинке, и я отвез его в издательство. Предисловие вошло в книгу без изменений.

Вот так В.Л. работал и так «отдыхал»! Отдыхом для него была перемена рода работы.

В 2003 г. Виталию Лазаревичу вместе с А.А. Абрикосовым и Энтони Леггеттом была присуждена Нобелевская премия за исследования по физике низких температур. Что касается Виталия Лазаревича, то из немалого числа опубликованных им статей по сверхпроводимости и сверхтекучести, которые во многом определили развитие этой области знания, одна статья, написанная совместно с Л.Д. Ландау, представляется наиболее важной. В этой статье была сформулирована полуфеноменологическая теория сверхпроводимости. Статья была опубликована более чем за полвека до того дня, как ее автор, точнее говоря, один из ее авторов, был удостоен Нобелевской премии. И эта работа полностью сохранила свое значение до наших дней. Признания со стороны Нобелевского комитета пришлось ждать более пятидесяти лет. Когда Ландау и Гинзбург писали эту статью, Виталию Лазаревичу было за тридцать (тридцать четыре года). А Нобелевскую премию он получил, когда ему было восемьдесят семь лет. По этому поводу В.Л. шутил, что каждый может получить Нобелевскую премию, надо только дожить.

К тому времени, когда была присуждена Нобелевская премия, здоровье В.Л. пошатнулось. Он был исключительно здоровый, крепкий, даже мощный человек. Я помню, где-то в середине 50-х годов прошлого века молодые теоретики принесли в отдел свинцовый брусок квадратного сечения длиной в несколько десятков сантиметров. Квадрат в поперечном сечении бруска имел сторону порядка десяти сантиметров. Из таких брусков выкладывали защиту от радиоактивных излучений. Брусок этот весил от тридцати до сорока килограммов. У нас этот брусок использовался для упражнений и для состязаний — кто сколько раз поднимет его одной рукой. И вот однажды, когда соревнования проходили в нашей комнате, из своего кабинета выглянул Виталий Лазаревич, зашел в нашу комнату, поглядел, как теоретики с натугой выжимали эту свинцовую тяжесть, и сказал:

— Дайте попробовать.

Ему передали брусок, и он стал с легкостью «качать» — раз за разом поднимать этот тяжелый параллелепипед. Он превзошел всех участников, и на лице его не выражалось никакого напряжения. Помахав этой чушкой достаточно долго, он сказал:

— Надоело!

Передал брусок следующему участнику соревнований и вернулся в свой кабинет.

Он был физически крепким и здоровым человеком. Это и позволяло ему нагружать на себя огромное количество дел и в течение многих лет вести напряженную работу, научную и организационную. Но постепенно здоровье его стало слабеть, подкрадывались недомогания. Мы об этом не имели представления, но могли бы догадаться и задуматься, когда в 2001 г. В.Л. закрыл работу своего знаменитого семинара. Он тогда высказался в том духе, что не хочет дойти до такого состояния, когда будет вести свой семинар, не понимая, что он делает. Но на самом деле интеллектуальную свою мощь он сохранил в полной мере, ему только не хватало уже физических сил.

Болезнь развивалась, и в начале 2005 г. у В.Л. отнялись ноги. Он попал в больницу, началось длительное и тяжелое лечение. Но не так тяжела была для Виталия Лазаревича сама болезнь, как связанная с ней невозможность поддерживать прежний темп работы. Это его настолько угнетало, что он даже обдумывал возможность добровольного ухода из жизни и даже написал письмо по этому поводу. В.Л. считал, что нужно принять закон, который бы определял добровольный уход из жизни. Письмо это помещено на сайте журнала «Успехи физических наук». Оно, насколько я знаю, не вызвало никакого обсуждения. И хорошо, что не вызвало. Вопрос о добровольном уходе из жизни, конечно, надо обсуждать, но нельзя его привязывать к судьбе одного отдельного человека, да еще такого, как В.Л.

Виталий Лазаревич, конечно, продолжал работать и на больничной койке. Его усилиями был создан в ФИАНе новый отдел — Отдел высокотемпературной сверхпроводимости. Исследования в этом направлении очень важны и в случае успеха приведут к перевороту во многих областях техники и промышленности.

Как ответственный редактор журнала «Успехи физических наук», Виталий Лазаревич и во время болезни просматривал все статьи, направляемые в печать. В каждом случае он определял, кому послать поступившую статью на отзыв, а потом, получив отзыв, давал рекомендации для редакционной коллегии и для автора — печатать, не печатать, переделывать... Заведующая редакцией Мария Сергеевна Аксентьева была частой гостьей и в больнице, и дома.

Из сотрудников отдела регулярно приходила к Виталию Лазаревичу его референтка Светлана Васильевна Волкова. Она приносила Виталию Лазаревичу распечатки рукописей, взятых в предыдущий визит, и забирала очередную рукописную продукцию. Виталий Лазаревич работал и в больнице, и дома, разумеется, не в прежнем темпе, но так, что Светлане работы хватало. Из сотрудников Теоретического отдела чаще других навещали Виталия Лазаревича три человека: Ю.М. Брук, И.И. Ройзен и Е.А. Андрюшин. Незадолго до своей кончины Виталий Лазаревич возложил на Брука и Ройзена заботы о своих бумагах, о своем архиве.

В.Л. всегда проявлял интерес к событиям общественной жизни. В последние годы жизни этот интерес еще возрос. Он систематически и последовательно отстаивал право людей на свободу совести. Он признавал, что любой человек волен верить или не верить в Бога (сам он был убежденным атеистом), но считал, что вопрос этот должен для себя решать зрелый человек, и потому возражал против преподавания закона Божьего в школе. Взгляды свои В.Л. выражал публично, в статьях и беседах по радио и телевидению. На него было много нападок со стороны религиозных фанатиков.

Не раз В.Л. выражал гласный протест против того, что ряд научных работников были арестованы и осуждены по ни на чем не основанным обвинениям в выдаче государственной тайны. Он был согласен с академиком Юрием Алексеевичем Рыжовым и другими правозащитниками в том, что основной причиной преследования было сотрудничество с зарубежной наукой. Никакой государственной тайны при этом не разглашалось, да и некоторые арестованные и осужденные ученые даже не имели доступа и допуска к секретной информации. Им нечего было разглашать. В частности, В.Л. выступил в защиту Игоря Сутягина, обвиненного в разглашении секретной информации. Сутягина судили закрытым судом. В беседе с корреспондентом радио В.Л. сказал, что, во-первых, Сутягин не имел доступа к закрытой информации, а во-вторых, непонятно, почему его судят закрытым судом. Если он действительно выдал какой-то секрет, то теперь это уже не секрет, зачем же устраивать закрытые заседания?

Несколько лет назад искусствовед А.В. Ерофеев и правозащитник Ю.В. Самодуров организовали выставку «Зап-

ретное искусство». Некоторые экспонаты этой выставки вызвали возмущение религиозных фанатиков. Ерофеева и Самодурова обвинили в возбуждении ненависти по религиозному признаку. Началось судебное следствие, а за ним суд. В.Л. в связи с этим обнародовал заявление, в котором высказал мнение, что суд над организаторами художественной выставки есть возвращение инквизиции.

Из приведенного краткого перечисления можно заключить, что в этот период жизни Виталия Лазаревича, можно было, обращаясь к нему, сказать те самые слова, которые он сам несколькими десятилетиями ранее сказал Андрею Дмитриевичу Сахарову («...когда вас не спрашивают, вы то и дело выступаете с разными заявлениями»). Что делать, все мы люди. А человек — существо общественное.

Кстати говоря, 21 мая 2006 г. исполнилось восемьдесят пять лет со дня рождения Андрея Дмитриевича Сахарова. Уже несколько лет подряд в день 21 мая люди приходят на лужайку перед Сахаровским музеем в Москве. В этот день проводится Сахаровская маевка. На маевке выступают исполнители — музыканты, певцы, поэты. И всегда предоставляется слово нескольким участникам, которые лично знали Андрея Дмитриевича, дружили с ним, сотрудничали в правозащитной или в научной деятельности. В 2006 г. Совет Сахаровского музея обратился к Виталию Лазаревичу Гинзбургу с просьбой выступить на маевке. Мы понимали, что прийти он не сможет, он в это время находился в больнице. Но если бы он согласился что-то сказать, мы бы смогли это записать на магнитофон или даже на видеокамеру и показать участникам Сахаровской маевки.

С такой просьбой я позвонил Виталию Лазаревичу. Он охотно согласился, только попросил немного времени для того, чтобы обдумать текст. Через час или полтора он мне перезвонил и продиктовал свое обращение к участникам маевки. Я здесь приведу этот короткий текст:

«Мне ни разу до сих пор не приходилось выступать на собраниях, посвященных юбилеям Андрея Дмитриевича, и я решил на этот раз выступить, ибо для меня это последняя возможность. Дело в том, что мне идет 90-й год, и я уже полтора года лежу в больнице, так что в 2011 г., когда будет отмечаться

90-летие Андрея Дмитриевича, я заведомо не смогу присутствовать.

Мы с Андреем Дмитриевичем работали вместе с 1945 г., когда он поступил в ФИАН. Другими мы не были, но наши отношения в целом всегда были нормальными. В частности, я был заведующим Теоретическим отделом в период Горьковской ссылки А.Д. Я отказывался подписывать направленные против него письма (не подписал ни одного), то же самое относится и ко всему отделу. И мы помогали ему, как могли, но я, конечно, обращаюсь к этому собранию не с целью упоминать о каких-то наших заслугах и, вообще, на этот счет возможны разные мнения. Моя цель состоит в том, чтобы на фоне различного рода безобразий, свидетелями которых мы являемся, подчеркнуть, как нам сейчас недостает Сахарова. Его роль могла бы быть очень большой. То, что он сделал, никогда не будет забыто.

С наилучшими пожеланиями,

Ваш В.Гинзбург»

Да, к большому сожалению, недостает нам Сахарова.

Виталий Лазаревич Гинзбург скончался 8 ноября 2009 г.

И теперь нам недостает и Гинзбурга.

II. НЕКОТОРЫЕ ГЛАВЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ НАУКИ

В.С. САВЧУК, Е.А. ЩЕРБАК

*Днепропетровский национальный университет
им. Олеса Гончара*

ЛЕВ ЯКОВЛЕВИЧ ШТРУМ — ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ФИЗИК-ТЕОРЕТИК НОВОЙ ВОЛНЫ: МИРОВОЗЗРЕНИЕ УЧЕНОГО И ИДЕИ СОВРЕМЕННОЙ ФИЗИКИ

Ещё не так давно исследования, в которых авторы касались жизни и деятельности репрессированных учёных, практически были единичными. За последние годы подобные исследования стали уже традиционными в истории науки, в том числе и в истории физико-математических наук. Число таких публикаций настолько возросло, что их трудно даже перечислить. Тем не менее, время от времени появляются новые фигуры историко-научного поиска, жизнь и деятельность которых даёт новые поразительные факты как научного предвидения безвременно ушедших из жизни ученых, так и их трагических судеб.

Одним из таких ученых был физик-теоретик Лев Яковлевич Штрум, о котором до последнего времени было известно крайне мало. При жизни о его научной деятельности в области физики сообщалось в работах [1, 2]. О нём и некоторых направлениях его исследований упоминается в работах В.П. Визгина, Г.Е. Горелика, Ю.А. Храмова [3, 4] и некоторых юбилейных статьях [5]. Некоторые направления научной деятельности Л.Я. Штрума (в период его работы на научно-исследовательской кафедре физики) рассмотрены в статье А.К. Янковского [6], несколько позже к научной деятельности Л.Я. Штрума обращались в монографии [7. С. 111–112] в рамках рассмотрения деятельности упомянутой выше кафедры. В фундаментальном издании Ю.А. Храмова «История физики» [4], вышедшем в 2006 г., о Л.Я. Штруме сказано так: «Украинский физик-теоретик. Р. в 1890 г., работал в Институте физики АН Украины и Киевском ун-те. Репрессирован, погиб в 1937. Исследования в области ядерной фи-

зики. Независимо от др. в 1934 ввёл представление о магических числах протонов и нейтронов в ядрах» [4. С. 967]. Больше сведений о его жизни и научных трудах можно найти в кандидатской диссертации О.В. Колтачихиной, посвящённой развитию общей теории относительности в Украине. В 2008 г. в киевском журнале «Наука та наукознавство» О.В. Колтачихина опубликовала статью, специально посвящённую Л.Я. Штруму [8]. Важным моментом ее исследования является привлечение дела Л.Я. Штрума, находящегося в архиве Службы безопасности Украины [9]. Кроме того, по видимому, впервые в диссертации приведён список работ Л.Я. Штрума. О.В. Колтачихина, естественно, коснулась только тех проблем в творчестве Л.Я. Штрума, которые каким-то образом пересекались с тематикой её исследования. Статья рассматривает жизнь и деятельность Л.Я. Штрума, однако, не исчерпывает тему, учитывая, что анализ работ учёного проведён выборочно, освещены не все аспекты его деятельности, есть ряд неточностей в библиографическом списке трудов Л.Я. Штрума, датах его жизненного пути. В то же время она открывает простор для дальнейших исследований жизни и научной деятельности Л.Я. Штрума. Авторы этой статьи (в первую очередь Е.А. Щербак), давно занимаясь проблемой восприятия и развития специальной теории относительности в Украине, провели анализ работ Л.Я. Штрума, детально изучили его жизненный путь, нашли ряд новых архивных материалов, которые дали возможность (с использованием ранее опубликованных сведений) более полно осветить жизнь и деятельность этого учёного.

Занимаясь более детально физической стороной исследований Л.Я. Штрума, авторы не могли обойти стороной и социальные аспекты его деятельности. Были найдены новые архивные материалы о его жизни и деятельности, а также ряд работ, прошедших мимо внимания предыдущих исследователей. Публикации авторов данной работы в ряде физических журналов, в которых были рассмотрены ключевые физические идеи Л.Я. Штрума, анализ социальных аспектов его деятельности, новые архивные материалы и т.п. привели к мысли о необходимости развернутой статьи, в которой все эти сюжеты были бы представлены должным образом.

Лев Яковлевич Штрум родился 11 ноября 1890 г. в селе Мельники Чигиринского уезда Киевской губернии. По данным О.В. Колтачихиной, родители его были служащими [6]. На основании сравнения разных архивных источников, изученных нами, и сравнения автобиографий, можно констати-

ровать, что отец его был (как писал сам Л.Я. Штрум) «ремесленником, ныне [на момент написания автобиографии. — *Примеч. ред.*] — инвалид труда» [10. Л. 1].

Учился Л.Я. Штрум в гимназии г. Черкассы. Отметим, что эта гимназия начиналась с министерской мужской прогимназии (неполной гимназии), разрешение на открытие которой было получено в конце 1880 г. «на основании Высочайшего, утвержденного в 12-й день ноября 1880 г. мнением Государственного Совета». «Впоследствии лишь в 1899 г. черкасская общественность добьется полного курса классической гимназии — 8-летнего, после чего выпускник мог поступать в университет» [11]. Так что Л.Я. Штрум, который окончил эту гимназию в 1908 г. с золотой медалью, имел уже все основания поступать в университет и в этом же году он стал студентом Петербургского университета.

Возможно, наезжая во время учёбы в Черкассы, он познакомился там с известным к тому времени революционером М.С. Урицким¹, также уроженцем Черкасс, который периодически появлялся в Черкассах. Именно тогда, по-видимому, началась деятельность Льва Штрума в сфере рабочего профессионального и технического образования. По крайней мере, подтверждение такой возможности находим в личном свидетельстве Л.Я. Штрума: «...начало этой работы было положено ещё в 1910–1912 гг., когда я работал в нелегальных марксистских кружках под руководством М.С. Урицкого в Черкассах» [12]. По своим политическим взглядам Л.Я. Штрум «с 1911 по 1916 гг. примыкал к РСДРП меньшевиков, с 1917 по 1918 гг. член БУНД'а...» [12]. В некоторых источниках сообщается, что он был с 1917 г. членом партии эсеров, что, по всей видимости, неточно [13].

¹ Урицкий Моисей Соломонович (1873–1918). Родился в Черкассах 2 января 1873 г. Юрист (Киевский университет, 1897). Социал-демократ (1898). Первая ссылка — в Якутию (1899). С 1903 г. — меньшевик. Несколько раз арестовывался, высылался за границу. Окончательно вернулся в Россию после Февральской революции. На VI съезде РСДРП(б) принят в партию и избран членом ЦК, на VII съезде — кандидатом в члены ЦК. Член Военно-революционного комитета (октябрь 1917), временный комиссар в МИД. Комиссар СНК по выборам в Учредительное собрание. Член Учредительного собрания. Член Комитета революционной обороны Петрограда (февраль 1918). С марта 1918 г. — председатель Петроградской ЧК, председатель Военно-революционного комитета Петрограда (июль 1918). Один из организаторов «красного террора». Убит 30 августа 1918 г. Л.А. Канегиссером.

Во время учёбы Лев Штрум зарабатывал на жизнь уроками, самостоятельно изучал иностранные языки. В дальнейшем в его личном деле значится, что он знал украинский, еврейский, русский, немецкий языки, а мог читать ещё и на французском и английском языках [14]. В 1914 г. (по другим источникам — в 1913 г.) Лев Штрум окончил математический факультет Петербургского университета в статусе кандидата математических наук и мог претендовать на дальнейшую подготовку к преподавательской и научной деятельности в качестве «профессорского стипендиата». Темой его выпускной работы (диплома) была «Математическая теория рентгеновских лучей». Однако преградой (по мнению самого Л. Штрума, изложенному в автобиографии) послужили два обстоятельства. Первое — это его национальная принадлежность, а второе — участие в студенческой демонстрации в 1912 г., после которой он «был арестован на 2 месяца в 1912 г. в Петрограде за участие в студенческом движении» [15]. Об этой упущенной возможности Л.Я. Штрум впоследствии писал так: «Научная деятельность началась в 1912 г. под руководством профессора Боргмана И.И.² В 1914 г. меня оставили профессорским стипендиатом, но я не был утвержден по политико-правовым мотивам (как еврей и как «неблагонадежный», так как был арестован за участие в студенческих «беспорядках» в «Ленские дни»³)» [15]. Мо-

² И.И. Боргман. Русский физик. Родился 12 (24) февраля 1849 г. Умер 4 (17) мая 1914 г. Работы И.И. Боргмана, в основном, посвящены электричеству и магнетизму. Первый директор созданного в 1901 г. при Петербургском университете Физического института. Профессор Петербургского университета. Ряд лет был его ректором. Один из первых физиков, кто понял и принял теорию электромагнитного поля Максвелла, её пропагандист. С 1910 г. — редактор сборника «Новые идеи в физике». С 1886 г. продолжительное время был редактором «Физической части» Журнала Русского физико-химического общества. Активный общественный деятель. Научное изложение основ теории Максвелла на русском языке: «Основания учения об электрических и магнитных явлениях» (1893–1895). И.И. Боргман едва ли не первым начал привлекать студентов к непосредственным научным исследованиям.

³ «Ленские дни» — трагические события 17 (4) апреля 1912 г. на приисках Ленского золотопромышленного товарищества. В забастовке, начавшейся в марте, приняли участие до шести тысяч рабочих. После ареста руководителей забастовки более 2 тысяч рабочих 4 (17) апреля 1912 г. вышли на шествие-демонстрацию. Мирное шествие было расстреляно правительственными войсками. Погибло около 250 человек. По всей России тогда прокатилась волна стачек, митингов, демонстраций протеста против расстрела мирного шествия.

жем высказать мысль о том, что Л.Я. Штрума некому было взять под опеку, ибо именно в 1914 г. его научный руководитель профессор И.И. Боргман ушёл из жизни. К научной деятельности Л.Я. Штрум вернулся только в 1921 г.

Во время войны Л.Я. Штрум научной деятельностью не занимался. Он переехал в Киев и стал слушателем механического факультета Киевского политехнического института. О мотивах решения получить второе высшее образование сам Л. Штрум писал в 1925 г., что это было сделано «...с целью пополнения научного образования техническим образованием» [14]. Им был прослушан полный курс механического факультета.

Отношение к революционным событиям у Л.Я. Штрума было положительным. В это время он находился в Киеве, где учился в Политехническом институте. «Февральскую революцию я принял восторженно и в 1917 г. я примкнул к «Бунду», посещал собрания бундовцев и связался организационно с некоторыми бундовцами. В «Бунде» состоял до 1918 г.» [15].

Очутившись за бортом научной жизни, Л.Я. Штрум в годы гражданской войны работал некоторое время (с 1917 по 1919 гг.) техником Строительного управления Московско-Киевско-Воронежской железной дороги. В 1919 г. он вернулся в Черкассы и непродолжительное время работал там учителем Единой трудовой школы № 1 (бывшая гимназия). В 1920 г. в связи с наступлением польской армии «был эвакуирован в Днепропетровск (Екатеринослав), где был учителем химического и механического техникумов и заместителем заведующего технической секции Губнаробраза» [15].

Вернувшись в 1921 г. в Киев, Л.Я. Штрум продолжил преподавательскую деятельность и возобновил научную работу. Он преподаёт в вечернем рабочем техникуме, работает лектором Губполитобразования и Политического управления округа. Одновременно устанавливает контакты с научными кругами. С этой целью принимает участие в сентябре 1921 г. во Втором съезде физиков, который состоялся в Киеве. Его доклад был одним из одиннадцати, представленных учеными Киева. С ноября этого же года становится научным сотрудником Украинской Академии наук. В её структуре в 1921 г. была создана Комиссия по изучению состава атомов, которую возглавил академик В.А. Плотников. Он же возглавлял в Академии наук кафедру химии. Сотрудником обеих этих

структур и стал Л.Я. Штрум, соответственно в 1921 и 1922 гг. В Комиссию он был зачислен на должность научного практика [16]. Однако в связи с реорганизацией Академии Комиссия прекратила своё существование в марте 1922 г.

С 1922 г. Штрум начинает работать в Киевском политехническом институте (КПИ) на научно-исследовательской кафедре физики. Последняя была создана по решению Чрезвычайного собрания бюро КПИ 1 февраля 1921 г. по плану организации сети научно-исследовательских кафедр в Киеве в соответствии с нормативными документами СНК УССР. Руководителем научно-исследовательской кафедры физики был А.Г. Гольдман. Сначала Л.Я. Штрум стал аспирантом этой кафедры, а позже (с 1 октября 1925 г.) — её научным сотрудником [15]. Он был первым аспирантом-теоретиком. После него на этой кафедре появились новые аспиранты — В.Е. Лашкарёв, С.В. Герцрикен, Ю.М. Юницкий, П.С. Тартаковский, В.И. Линник [6, 17, 18]. Большинство из них стали в дальнейшем крупными отечественными учеными.

Одновременно он начинает преподавать физику и математику в КПИ. О его преподавательской деятельности есть интересное свидетельство в книге Я. Голованова о С.П. Королёве, которому в свое время читал лекции Л.Я. Штрум, поставивший Сергею Королёву зачёт по математике без опроса: «Семинары вёл Лев Яковлевич Штрум, человек разносторонний, увлекающийся, любознательный. Помимо математики, он изучал атомную физику и даже писал работы по строению ядра. Штрум заметил молоденького черноглазого студента и удостоил его зачёта. В отчёте после экзамена педантичный математик записал: “Проверка знаний производилась главным образом непосредственно, в процессе самих занятий, постоянно... Часть слушателей, наиболее активные, получили зачёт без опроса...”» [19].

Работая в Киевском политехническом институте, Л.Я. Штрум уже в первые пять лет активно вёл научную деятельность. В деле Л.Я. Штрума сообщается, что с 1922 по 1926 гг. он «прочитал около 50 научных докладов и напечатал 27 работ, из них 15 научных (6 напечатано за границей) и 12 научно-популярных. Кроме того, перевёл 9 научных работ с иностранных языков» [14].

Именно в эти годы сформировались основные научные направления, в сфере которых были приложения научных поисков Л.Я. Штрума. Это — теория относительности, кванто-

вая, атомная и ядерная физика, термодинамика, методология физики, в которых он получил ряд важных и интересных результатов. Они будут рассмотрены в следующих разделах.

В 1925–1926 гг. Л.Я. Штрум знакомится с академиком Семёном Юльевичем Семковским⁴, крупным украинским, советским философом, активно занимавшимся проблемами философии естествознания и, в частности, теории относительности. Его перу принадлежат такие работы, как «Теория относительности и материализм» (1924), «Диалектический материализм и принцип относительности» и др. Их общение, заинтересованность вопросами методологии естествознания привели к тому, что Л.Я. Штрум, кроме работы в КПИ, становится с 1926 г. [15] научным сотрудником научно-исследовательской кафедры марксизма-ленинизма⁵. В том же году он продолжает работать в КПИ уже как профессор второй группы.

В 1927 г. Л.Я. Штрум защищает докторскую диссертацию на тему «Теория квант и рентгеновское излучение». Новый период жизни и деятельности Л.Я. Штрума начинается в 1932 г. После смерти крупного украинского теорети-

⁴ Семковский (Бронштейн) С.Ю. (1882–1937). Крупный отечественный философ. Родился в Могилеве. Закончил Петербургский университет. С 1900 г. — участник социал-демократического движения. Меньшевик центристского направления. Был в эмиграции. В 1918 г. переехал в Украину, преподавал в Киевском университете, а также в Харькове. В 1920-х годах — профессор Института народного хозяйства, педагогического и других вузов Харькова. Руководитель философско-социологического отдела Украинского института марксизма, председатель социологической комиссии ВУАН. В 1934–1936 гг. возглавлял кафедру истории европейской культуры и комиссию философии при ВУАН. Его философские взгляды были осуждены за «меньшевистствующий идеализм». Избирался членом ВУЦИК 8–10-го созывов. 3 марта 1936 г. арестован по делу троцкистско-террористической организации. Приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 9 марта (по другим данным — 11 марта) 1937 г. Первым предпринял попытку толкования философских аспектов теории относительности с позиций материалистической диалектики. По словам известного философа А.П. Огурцова, «благодаря работам С.И. Вавилова, С.Ю. Семковского, В.А. Фока, И.В. Кузнецова, А.Ф. Иоффе и др. было осознано значение теории относительности для всей современной физики».

⁵ Осенью 1926 г. при ВУАН на базе межвузовского марксистско-ленинского семинара была основана Научно-исследовательская кафедра марксизма-ленинизма в составе философско-социологической, экономической и исторической секций, а в 1934 г. была реорганизована в Комиссию философии под руководством С.Ю. Семковского (Бронштейна).

ка Л.И. Кордыша [20] Льва Яковлевича Штрума приглашают на кафедру теоретической физики Киевского государственного университета. Кроме того, научно-исследовательская кафедра физики, преобразованная в 1929 г. в Украинский научно-исследовательский институт физики при Народном комиссариате просвещения Украины, в 1932 г. приобретает новый статус. Теперь это Институт физики Всеукраинской академии наук (ВУАН). Л.Я. Штрум начинает работать и в этом институте. По одним данным в ВУАН он с 1934 по 1936 гг. был научным сотрудником Института физики. По другим данным он работал в Институте физики более длительное время. Об этом упоминает академик М.Т. Шпак: «После смерти в 1932 г. Л.И. Кордыша... в течение пяти лет отделом теоретической физики руководил профессор Л.Я. Штрум, занимавшийся в то время теорией атомного ядра» [21]. Отметим интересный момент из жизни этого отдела. На посту руководителя отделом Л.Я. Штрума сменил активно сотрудничавший с Альбертом Эйнштейном Н. Розен. Н. Розен — сотрудник и соавтор Эйнштейна по вышедшей в 1935 г. статье «Может ли квантовомеханическое описание физической реальности считаться полным?», более известной как парадокс Эйнштейна–Подольского–Розена, автор одной из первых работ в Украине по гравитационным волнам [21, 22]. С 1936 г. Л.Я. Штрум был членом комиссии по защите диссертаций сотрудников Института физики АН Украины, продолжал активно работать в Киевском университете.

В 1920–1930-х гг. Л.Я. Штрум принимал участие во многих конференциях, съездах, других научных форумах, активно публиковался не только в отечественных, но и в зарубежных научных изданиях, чаще всего в «*Zeitschrift für Physik*». Был он и в заграничных командировках. Он участвовал в таких известных в истории развития отечественной физики конференциях, как 2-й (Киев, 1921), 4-й (1924), 5-й (Москва, 1926) Съезды Российской ассоциации физиков, Международная конференция по теоретической физике (Харьков, 1934). Был членом Киевского физико-математического общества, членом Украинской ассоциации физиков, Российской ассоциации физиков, Киевской краевой ассоциации инженеров и техников.

К сожалению, до сих пор ни в одном издании не приведена ни одна фотография Л.Я. Штрума. По счастливой случайности в личном архиве одного из авторов статьи оказался оригинал фотографии участников конференции по теорети-

Первая Всесоюзная конференция по теоретической физике (Харьков, 1929). Л.Я. Штрум сидит перед Г.А. Гамовым рядом с Я.И. Френкелем. (Фотография предоставлена проф. С.П. Юдиным и хранится в личном архиве В.С. Савчука)

ческой физике в Харькове, а в Интернете была обнаружена копия этой фотографии, с расшифровкой фамилий ряда участников. Среди них оказался и Л.Я. Штрум. Специально проведенное исследование позволило расшифровать фамилии всех тех физиков, которые находились рядом с предполагаемым фотоизображением Л.Я. Штрума и установить точно местонахождение Л.Я. Штрума на этой фотографии.

Деятельность ученого-теоретика была прервана в 1936 г. Его жизнь оказалась вплетённой в канву советской действительности 1930-х годов, которая была насыщена громкими политическими процессами. Один из таких процессов получил название дела «Контрреволюционной троцкистской террористической организации на Украине 1937–1938 годов» [23]. По-видимому, для Л.Я. Штрума все началось с ареста С.Ю. Семковского 3 марта 1936 г. Уже 23 марта 1936 г. был арестован и Л.Я. Штрум. При обыске среди книг были обна-

ружены и труды уже арестованного Семковского. Именно к этому делу приобщили и Штрума. Аресты по этому делу осуществлялись несколько лет. Рамки дела расширили и за пределы Киева, в частности, на Харьков и Днепропетровск [24]. И если первоначально Л.Я. Штруму было предъявлено обвинение в том, что «он является активным участником контрреволюционного троцкистского, меньшевистского подполья в Киеве и был непосредственно связан с подпольным центром», а также вёл в учебных заведениях, где работал, троцкистскую пропаганду, то после приобщения его к более широкой группе арестованных ему в обвинительном заключении были предъявлены уже более жесткие обвинения «в том, что он:

а) является участником троцкистско-зиновьевской террористической организации, совершившей 1-го декабря 1934 г. злодейское убийство С.М. Кирова и подготавливавшей при помощи агентов фашистской германской тайной полиции /«Гестапо»/ ряд террористических актов против руководителей ВКП/б/ и советского правительства;

б) был связан с руководителями троцкистско-террористической организации на Украине Семковским и Розановым;

в) в 1934 г. лично передал члену руководства троцкистско-террористической организации Розанову указания Семковского о необходимости подготовки ряда террористических актов руководителей КП//б/У, — т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 54–8, 54–11 УК СССР.

Виновным признал себя полностью. Изобличен также показаниями Розанова Я.С., Чернина, Перлина, Сахновского, Лозовика» [12].

Л.Я. Штрум был приговорён к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор был приведён в исполнение 22 октября 1936 г. у с. Быковня под Киевом. В 1956 г. Л.Я. Штрум был реабилитирован. Тем не менее, большинство его работ остались малоизвестными, чему в немалой степени способствовало их замалчивание, да иногда и просто уничтожение. Тщательный анализ работ, которые удалось разыскать (особенно много было почерпнуто из зарубежных научных журналов), дают авторам возможность более детального рассмотрения научных достижений Льва Яковлевича Штрума.

Исследования в области СТО

Становление Л.Я. Штрума как учёного проходило во времена бурного развития неклассической физики. В этот пе-

риод идёт процесс акцепции ОТО, развитие квантовой и ядерной физики, СТО уже воспринята научной общественностью (хотя и с сопротивлением со стороны ряда ученых). Л.Я. Штрум был одним из первых отечественных теоретиков новой волны, с энтузиазмом воспринявших новые идеи в физике, поэтому неслучайно в его работах специальная теория относительности нашла соответствующее отражение.

Первые работы Л.Я. Штрума, посвящённые СТО, появились в начале 1920-х годов. Физиков того времени можно было разделить на две основные категории: тех, кто отрицал результаты СТО, продолжая работать в рамках классической физики, и приверженцев СТО. Л.Я. Штрум принадлежал к той немногочисленной когорте физиков, которые пытались расширить СТО за световой барьер, не отвергая при этом её основных положений. Идеи, высказанные им в 20-х годах прошлого столетия, были забыты, и их новая жизнь началась лишь с появлением теории тахионов [25].

Если обрисовать ситуацию, которая сложилась в научном мире относительно СТО, то на тот момент внимание было приковано к опытам Д. Миллера, и соответственно, к тем следствиям, к которым они приводили. В 1919 г., после наблюдения солнечного затмения А. Эддингтоном, вновь возрос интерес к обоснованию основных положений специальной теории относительности. На этой почве Д. Миллеру удалось получить финансовую поддержку на проведение ряда экспериментов, дабы подтвердить (или опровергнуть) положения СТО. Так как в период становления теории относительности опыт Майкельсона–Морли был проинтерпретирован в соответствии с принципом относительности, то в конкретных результатах этого опыта долгое время видели единственное экспериментальное подтверждение специальной теории относительности.

В период с 1920 по 1930 гг. Миллером был поставлен ряд опытов, результаты которых вызвали достаточно большой резонанс научной общественности. Свою трактовку результатов предложил и Л. Штрум, выпустив в 1924 г. статью «Новейшие результаты опыта Майкельсона и попытка гипотетического объяснения их» [26, а также 27]. Пытаясь объяснить результаты экспериментов Миллера, он вводит понятие скорости света, зависящей от скорости движения излучателя $c = c_0 + \alpha V$ (c_0 — скорость света от неподвижного источника, V — скорость движения излучателя, α — не-

который коэффициент, $0 < \alpha < 1$). Находя время, которое необходимо свету на прохождение по направлению и против направления движения Земли, Л.Я. Штрум получает следующую зависимость:

$$\Delta T = T_1 - T_2 = \frac{1}{c_0} \frac{V^2}{c_0^2} (1 - 4\alpha + 3\alpha^2).$$

Проанализировав её относительно параметра α , он рассматривает граничные случаи. При $\alpha = 0$ получается результат, предсказанный теорией А. Эйнштейна; при $\alpha = 1$ — теорией Ритца, а для того чтобы учесть результаты Миллера, необходимо принять $\alpha = 0,29$. Какие-либо выводы о достоверности результатов Миллера Л.Я. Штрум не делает, указывая на возможность более точного проведения опытов.

В этот период активность в оценке СТО проявляли и те ученые, которые ещё оспаривали её положения. К ним, в частности, относился и известный механик, профессор Екатеринославского горного института Я.И. Грдина. Между ним и Л.Я. Штрумом по этому поводу возникла дискуссия на страницах научных журналов [28].

Необходимо отметить, что в последовавшей затем работе Л.Я. Штрум к вопросам вариативности скорости света больше не возвращался. Однако вопрос о возможности превышения скорости света вскоре стал доминантным в его исследованиях СТО. Разрабатывая эту тему, ученый попытался разрешить следующие проблемы: противоречие, возникающее при определении понятий «раньше», «позже» при введении сверхсветовой скорости; проблему понятия «отрицательная энергия» и обосновать понятие фазовой скорости в СТО.

Первым докладом по этой тематике был его доклад на Втором съезде Всероссийской ассоциации физиков [29], который в 1921 г. проходил в Киеве. Далее появились публикации как в отечественных научных журналах, так и в зарубежных (после смерти Л. Штрума частично были уничтожены, частично доступ к ним был ограничен) [30–34]. Ещё являясь аспирантом, Л.Я. Штрум, разрабатывая теорию процесса [30, 31], который мог бы распространяться со скоростью, превышающую c , сформулировал положение, которое впоследствии будет названо «принципом реинтерпретации». Данный принцип решает противоречие, возникающее при расширении СТО за сверхсветовой барьер, а именно, нарушение принципа причинности и наличие отрицательной энергии. Как указал Л.Я. Штрум, «координата

та времени отрицательна только в системе S' , а в другой системе S данная координата положительна. Это показывает, что при существовании процессов, которые распространяются со скоростью, большей скорости света, в какой-либо системе S , возможна такая скорость прямолинейного и равномерного движения другой системы S' относительно S , при которой бег времени в системе S' для таких процессов противоположный течению времени в системе S ... Таким образом, теория относительности приводит к новым следствиям по сравнению с более ранними. Во-первых, возможность скоростей, превышающих скорость света, не противоречит специальной теории относительности. Во-вторых, устанавливается относительность не только понятия про одновременность событий и длительность промежутков времени, но и само направление движения времени можно считать относительным» [31]. Данный аргумент, приведённый Л.Я. Штрумом в 20-х годах прошлого столетия, прозвучал вновь в работах по теории тахионов О. Биланюка и Е. Сударшана [35]. В их формулировке принцип «реинтерпретации» гласит: частицы «с отрицательной энергией, вначале поглощенные и затем испущенные, являются испущенными и поглощенными в обратном порядке». Не вдаваясь в анализ достоверности теории тахионов, отметим, что физические основы в работах Л. Штрума и О. Биланюк, Е. Сударшана совпадают. Отличие состоит в том, что Л.Я. Штрум не акцентирует внимания на носителе сверхсветовой скорости, рассматривая «физический процесс», а О. Биланюк и Е. Сударшан уже описывают частицу — тахион.

В работах [33, 34] была сделана попытка обосновать соответствие фазовой скорости кинематике теории относительности. Основываясь на формуле сложения скоростей:

$$V' = \frac{V - v}{1 - Vv/c^2}, \text{ где } v \text{ — скорость системы } S' \text{ относительно}$$

системы S , V — скорость процесса в системе S , V' — соответствующая скорость в системе S' , учёный вводит предположение, что V передаёт скорость фазовой волны, которая соответствует движению материального тела со скоростью ω в системе S , т.е. $V = \frac{c^2}{\omega}$. Следовательно, учёный делает предположение, о возможности доказательства, что V' является скоростью фазовой волны, которая соответствует движению

того же тела в системе S' . Если подставить $V = \frac{c^2}{\omega}$ в формулу сложения скоростей, получаем $V' = \frac{c^2 - v\omega}{\omega - v}$.

С другой стороны, скорость в системе S соответствует скорости в системе S' : $\omega' = \frac{\omega - v}{1 - \frac{v\omega}{c^2}}$. Данной скорости соответ-

ствует фазовая скорость $\frac{c^2}{\omega'} = \frac{c^2 - v\omega}{\omega - v}$ и равна она V' . И хотя понятие фазовой скорости, превышающей скорость света, согласно Л.Я. Штруму, полностью укладывается в кинематику СТО, он отмечает невозможность передачи информации с её помощью. Помимо всего, была указана возможность превышения скорости света в релятивистской гидродинамике.

К сожалению, на том этапе развития науки ещё не были готовы ни теоретическая, ни экспериментальная платформы, на которых могли бы реализоваться смелые предположения. Хотя можно утверждать, что именно работы Л.Я. Штрума заложили основу нового направления, которое является до сих пор спорным, но продолжает развиваться, — теория сверхсветовых движений. Более детально эти вопросы рассмотрены в статье [25].

Исследования в области ядерной физики

Во второй половине 1920–1930-х годов Л.Я. Штрум проводил также ряд исследований в области ядерной физики. Это был период, увенчавшийся значительными успехами в теории строения ядра атома. Новые идеи проникали на страницы не только научных, но и научно-популярных изданий, формировали новое естественнонаучное мировоззрение.

Так, первый номер журнала «Наука и жизнь», вышедший в 1934 г., открывался статьёй А.Ф. Иоффе «Ядро атома». В этой статье А.Ф. Иоффе остановился на той роли, которую сыграли для создания теории строения атомного ядра опыты по изучению Ирэн и Фредериком Жолио-Кюри свойств излучения, возникающего при облучении бериллия α -частицами, и гипотеза Д.Д. Иваненко и В. Гейзенберга о протон-нейтронном строении ядра атома. Заканчивая статью, А.Ф. Иоффе писал: «Проблема ядра — одна из самых

актуальных проблем нашего времени в физике; над ней нужно с чрезвычайной интенсивностью и настойчивостью работать и в этой работе необходимо обладать большой смелостью мысли» [36]. По-видимому, не случайно эта проблема и привлекла Штрума.

Первые работы Л.Я. Штрума, посвященные теории строения атомного ядра, появились в первой половине 1920-х годов. *Предоставленных* экспериментальных данных о строении ядра атома было ещё недостаточно, и они были противоречивыми. В одной из своих работ, посвящённых проблеме устойчивости атомного ядра (1926), Л.Я. Штрум писал: «В настоящее время о строении атомного ядра известно сравнительно немного, значительно меньше, чем о строении окружающей его оболочки из электронов. Исследования явления естественной радиоактивности, с одной стороны, и искусственного разложения атомов — с другой, дают достаточно основания предполагать, что составными частями, образующими ядра всех атомов, являются ядра гелия, несущие по два элементарных положительных заряда, ядра водорода (протоны) с одним положительным зарядом и электроны» [37. С. 633]. То есть физическое мировоззрение того периода базировалось на признании существования ядерных электронов и того, что «суммарный положительный заряд ядра обязан избытку числа протонов над числом ядерных электронов» [38. С. 277]. Проблема устойчивости ядра рассматривалась именно с таких позиций. Напомним, что согласно протон-электронной модели ядра считалось, «что ядра состоят из протонов и электронов. В основе данной модели лежали два экспериментальных факта: при ядерных реакциях с α -частицами из ядер вылетают протоны, а в радиоактивном β -распаде — электроны. В соответствии с классическими представлениями о составной системе ядро и должно было, казалось, состоять из этих частиц» [39]. Возникновение квантовой механики и выводы, следовавшие из неё, показали несостоятельность такой интерпретации.

Ещё в 1928 г. Л.Я. Штрумом на основании анализа как самого понятия «дефект массы», так и кривой, характеризующей дефект массы, была рассмотрена функциональная зависимость между числом частиц, образующих ядро и дефектом массы [40]. В работе [41] Л.Я. Штрум критически рассмотрел различные гипотезы о структурных элементах ядра атома (Г. Гамов, Ф. Астон, Д. Чедвик) и пришёл к выводу, что наиболее правильной является точка зрения,

согласно которой ядро построено из протонов и нейтронов, и что такая модель снимает, в частности, затруднения, которые испытывает представление об атомном ядре как состоящем из протонов и электронов при сравнении теоретических и экспериментальных результатов о вращающем моменте ядер. Далее, исходя из гипотезы Д.Д. Иваненко о строении ядра из протонов и нейтронов, он построил соответствующую зависимость дефекта массы от числа ядерных частиц, показав, что «внешний дефект массы является монотонной функцией числа частиц в ядре, которая близка к линейной для лёгких элементов», и вычислил «внешний дефект массы, рассчитанный на одну частицу» (т.е. получил, по существу, зависимость удельной энергии связи от номера элемента). Полученный им ход кривой дефекта массы привел Л.Я. Штрума к выводу о структуре атомного ядра, а из него к определению закономерностей в построении всей системы изотопов. Он подтвердил простую закономерность, отмеченную Е. Гапоном, Д. Иваненко и Дж. Бартлеттом о процессе возникновения ядер от ^{17}O до ^{36}Ar , и продолжил дальнейший анализ, применив оригинальный подход. Как писал сам Л.Я. Штрум, рассматривая структуру атомных ядер: «Далее процесс построения атомных ядер усложняется, и расшифровать его удастся таким способом: всю систему изотопов делят на два ряда, которые начинаются от двух последних изотопов предыдущего простого ряда. В одном ряду есть изотопы с чётным атомным числом, в другом — изотопы с нечётным атомным числом. То есть каждый ряд создается ядрами с соответственно чётным и нечётным числом протонов» [43. С. 661]. Представив процесс последовательного возникновения ядер в виде графической схемы, которая охватила всю известную систему изотопов до ^{210}Pb , Л.Я. Штрум подверг её анализу и получил ряд общих правил, опираясь на высказанные им ещё в 1926 г. соображения [37, 42] «о сравнительной устойчивости атомных ядер в зависимости от чётности атомного числа и атомного веса, исходя из допущения, что внутриядерные электроны связаны либо с α -частицами, либо с протонами» [43. С. 663].

В соответствии с этими соображениями Л.Я. Штрум, рассматривая устойчивость атомных ядер, сделал вывод, что «наиболее устойчивыми являются ядра атомов, в которых все электроны нейтрализованы положительными частицами (чётный атомный номер)». В 1934 г. он писал по

этому поводу: «В 1926 г. автор высказал соображения о сравнительной устойчивости атомных ядер в зависимости от чётности атомного числа и атомного веса, исходя из допущения, что внутриядерные электроны связаны либо с α -частицами, либо с протонами» [43. С. 663]. После гипотезы Д.Д. Иваненко, открытия нейтрона и доказательства отсутствия ядерных электронов такая модель объяснения устойчивости ядер отпала, оставив, тем не менее, идею влияния чётности-нечётности атомных чисел на устойчивость атомов как ведущую в работах Л.Я. Штрума. В тексте статьи он указывает: «В связи с протон-нейтронной теорией строения ядра и предлагаемой системой изотопов этот вопрос получает следующее освещение. В ряду элементов с чётными атомными номерами нормальным процессом является образование ядер с чётной атомной массой (т.е. с чётным числом протонов и чётным числом нейтронов). Ядра с нечётной атомной массой (т.е. с чётным числом протонов и нечётным числом нейтронов) представляют собою, так сказать, промежуточную степень процесса... Закономерность в построении системы изотопов позволяет предвидеть существование ряда необнаруженных изотопов» [43. С. 664].

В резюме аналогичной основополагающей работы, вышедшей также в 1934 г., Л.Я. Штрум, в частности, указывал: «Строение атомных ядер... обнаруживает некоторые закономерности в образовании изотопов... Из указанных закономерностей следует ряд правил о существовании изобаров, числе изотопов данного элемента, о разности атомных весов и атомных номеров двух соседних изотопов каждого ряда и т.д. Закономерности в системе изотопов дают возможность предсказать существование ряда необнаруженных изотопов...» [41. С. 48]. И далее он указывает этот ряд.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что Л.Я. Штрум независимо от других исследователей в процессе теоретического осмысления экспериментального материала и анализа моделей атомного ядра пришёл к самостоятельному выводу о наибольшей стабильности чётно-чётных и наименьшей стабильности нечётно-нечётных нуклидов (относительно содержания нейтронов и протонов). Кроме того, он выявил ряд закономерностей в построении последовательно усложняющейся структуры ядер. Опираясь на полученные закономерности, Штрум построил ряды изотопов для атомов разных элементов и спрогнозировал (предсказал) существование ещё неоткрытых изотопов. В работе [41.

С. 47] он указал, что «во время печати статьи [было получено] экспериментальное подтверждение существования таких изотопов», и привел их сводку по экспериментальным данным ряда экспериментаторов.

В таблице приведены наблюдаемые в природе стабильные ядра (по состоянию на 1981 г.) [38], которые разбиты на 4 группы соответственно содержащемуся в них чётному или нечётному числу протонов. Эти данные иллюстрируют справедливость выводов Л.Я. Штрума, сделанных им в начале 1930-х годов.

Таблица

Число протонов в ядре	Число нейтронов в ядре	Число нуклидов
Z	$N = A - Z$	
Чётное	Чётное	167
Чётное	Нечётное	55
Нечётное	Чётное	53
Нечётное	Нечётное	4

В 1933 г. Ф. и И. Жолио-Кюри вычислили массу нейтрона, которая оказалась больше массы протона. То есть нейтрон мог проявлять неустойчивость и превращаться в протон. Проблема взаимных превращений протона и нейтрона рассматривалась Л.Я. Штрумом в 1934 г. На заседании Института физики ВУАН 3 мая 1934 г. он выступил с докладом «Об энергии образования нейтрона и протона», в котором представил «процесс превращения протона в нейтрон, или наоборот, как такой, который может происходить только как процесс взаимодействия (ядра) ядерных частичек с фотонами» [44. С.19]. При этом им были рассмотрены возможные энергетические балансы соответствующих превращений. Свои соображения по поводу возможности искусственного превращения нейтрона в протон и электрон и протона в нейтрон и электрон он изложил также на Всесоюзной конференции по теоретической физике в Харькове (май 1934 г.) [45].

Исследования в области квантовой теории излучения

Кроме разработки проблем СТО и ядерной физики в творчестве Л.Я. Штрума представлено ещё одно направление. Часть публикаций посвящена вопросам квантовой теории излучения [46–48], теории излучения Комптона [49].

В представлениях квантовой теории начала XX столетия, излучение испускается и поглощается веществом в виде квантов, энергия кванта соответственно равна $h\nu$, а импульс $h\nu/c$. При столкновении кванта с веществом остаются действительными законы сохранения энергии и импульса. Однако вопрос о распределении энергии между материальными частицами и квантами различных частот (статистическая задача) на тот момент оставался открытым, несмотря на то, что он был рассмотрен в работах А. Эйнштейна [50, 51] и В. Паули [52]. Как указано Л. Штрумом, «конечный вывод (вероятность распределения энергии) должен дать выражение, аналогичное закону Планка, а в качестве исходного пункта должно быть взято какое-либо основное положение о вероятности одного элементарного процесса, т.е. превращение кванта одной частоты ν_1 в квант другой частоты ν_2 » [47. С. 643]. В статье Л.Я. Штрума речь шла о том, что у В. Паули вероятность такого процесса зависит не только от плотности энергии «первичной частоты», но и от «плотности энергии той частоты, которая должна получиться». Пытаясь избежать такой ситуации и получить вывод, основанный на общих положениях, Л.Я. Штрум вводит некоторую функцию, зависящую от плотности излучения, $F(\rho) = A + B\rho$, коэффициенты A и B которой не зависят от ρ , и вероятность испускания кванта $f(\rho) = a + b\rho$. Основываясь на том факте, что термическое равновесие между квантом и веществом должно соответствовать «закону распределения Максвелла» [47. С. 644] (Максвелла–Больцмана. — *Примеч. авторов*), Л.Я. Штрум получает выражение для плотности энергии

$$\rho = \frac{\frac{a}{b} - \frac{A}{Cb} e^{\frac{h\nu}{kT}}}{\frac{B}{Cb} e^{\frac{h\nu}{kT}} - 1}.$$

Данная формула совпадает с формулой Планка при соотношении коэффициентов $\frac{a}{b} = av^3$, $A = 0$, $\frac{B}{Cb} = 1$. Если $C = 1$, а $B = b$, получаем формулу Эйнштейна.

В дальнейшем Л.Я. Штрумом были получены вероятности процесса, выраженные только через вероятности спонтанного излучения и частот излучения.

В продолжение этой темы выходит статья [48], в которой Л.Я. Штрум пытается обобщить полученный ранее результат. Разложение, представленное в предыдущей статье, применено к функции второго порядка $F(\rho) = A + B\rho + C\rho^2$ и $f(\rho) = a + b\rho + c\rho^2$ при условии, что $F(0) = 0$. Тогда, используя условие, описанное в предыдущей статье, и отбрасывая члены третьего порядка и выше, учёный получает

$$\rho = \frac{\frac{a}{b}}{e^{\frac{h\nu}{kT}} - 1} + \frac{\left(\frac{a}{b}\right)^2 \frac{c}{b}}{\left(e^{\frac{h\nu}{kT}} - 1\right)^2}.$$

Анализ данного равенства приводит к таким результатам:

— если $\frac{a}{b} = \alpha v^3 = \frac{8\pi h}{c^3}$, то первое слагаемое представляет собой Планковскую формулу, второе слагаемое — это «обобщение Планковской формулы»;

— так как выражение для плотности энергии должно удовлетворять закону Вина и при малых значениях $\frac{v}{T}$ переходить в формулу Релея–Джинса, то Л. Штрум записывает:

$$\rho = \frac{\alpha v^2}{e^{\frac{h\nu}{kT}} - 1} + \frac{\beta \frac{v}{T^2}}{\left(e^{\frac{h\nu}{kT}} - 1\right)^2},$$

где β — некоторая постоянная.

В дальнейшем им было получено выражение для вероятности процесса и плотности вероятности процесса излучения.

Результаты исследования были также опубликованы Л. Штрумом в журнале *Zeitschrift für Physik* [53, 54]. Реакцией на статью Л. Штрума [54] была статья будущего нобелевского лауреата С. Чандрасекара [55]. Им было показано, что это предположение Л. Штрума фактически сводится к замене новых статистических законов взаимодействия Нордхейма более общими. Как было указано Чандрасекаром, подобные выводы относительно нового обобщения были высказаны также А. Руарком (*Ruark A.E.* // *Phys. Rev.* 33. 1929. Р. 640.) в 1929 г. (наши попытки найти статью Артура Руарка не увенчались успехом. В архиве, представленном на сайте *Phys. Rev.*, числятся работы, опубликованные А. Руарком, начиная с 1930 г.).

В журнале «Успехи физических наук» Л. Штрумом был также опубликован обширный обзор «Эффект Комптона», представлявший анализ применения квантовой теории к проблеме интенсивности рассеянных лучей с выводом о необходимости более глубокого изучения «механизма взаимодействия между квантами излучения и материальными частицами» [49].

Особый раздел деятельности — переводы физической литературы

В настоящее время известно, что Л.Я. Штрум уже в 1927 г. осуществил около полутора десятков переводов книг известных учёных. Среди них и монографии известных физиков. Причём для последующих изданий этих книг использовали как раз переводы Л.Я. Штрума. Так, в 1966 г. вышло очередное издание книги Макса Планка «Единство физической картины мира». Перевод примерно половины этой книги принадлежит Л.Я. Штруму. Это основные статьи М. Планка методологического характера, опубликованные им в первые два десятилетия XX столетия. Л. Штрум перевёл и другие издания М. Планка, в частности, «Введение в теоретическую физику. Механика деформируемого тела» [56]. Эта книга, написанная М. Планком в 1919 г., была переведена Л.Я. Штрумом в 1929 г. Второе издание вышло ещё при жизни Л. Штрума в 1932 г. [57]. В 2006 г. вышло и третье издание в переводе Л.Я. Штрума [58].

Делал Штрум и переводы текущих, новых публикаций по злободневным вопросам теоретической физики. Так, в частности, в 1927 г. в «Успехах физических наук» в переводе Л.Я. Штрума вышла статья Э. Шредингера «Волновая теория атомов и молекул», опубликованная в «Physical Review» в 1926 г. Переводил Л.Я. Штрум и научно-популярные издания: в частности, в 1928 г. им была переведена книга Феликса Ауэрбаха «Физика на войне» [59].

Деятельность в области философских вопросов естествознания

Л.Я. Штрум также активно интересовался философскими вопросами естествознания. В начале статьи (в биографической части) было сказано, что он был ещё и сотрудником научно-исследовательской кафедры марксизма-ленинизма. На

этой кафедре он разрабатывал «проблемы современной физики в свете диалектического материализма (атомистика, теория квант, статистическая механика, теория относительности)» [60]. Им был подготовлен в 1926/27 г. доклад «Познавательные затруднения новейших учений о материи излучения». Из его опубликованных философских работ нам пока известны рецензия на книгу С.Ю. Семковского «Диалектический материализм и принцип относительности» и «Новейшие подтверждения и опровержения теории относительности». Кроме того, кафедра философии Института марксизма привлекала физиков, в том числе и Штрума, к исследованию философских вопросов современного естествознания. Так, в соответствии с этой тематикой Л.Я. Штрум подготовил в 1927 г. доклад «Новейшие проблемы физики и диалектический материализм» [60]. О.В. Колтачихина, в частности, приводит сведения из материалов и документов «Истории Национальной академии наук Украины» [61], относящихся к 1929–1933 гг., о выступлении Л.Я. Штрума в 1933 г. в Академии наук с докладом «Проблемы эволюции Вселенной и диалектический материализм» [8. С. 166].

* * *

Судьба ученого тесно переплелась с судьбой эпохи. Практически на 70 лет имя Л.Я. Штрума было вычеркнуто из отечественной науки. Некоторые его работы опережали своё время, и их прогрессивные идеи стало возможным оценить только сейчас, когда на новом, современном этапе развития физики эти идеи получили более доказательную аргументацию. Имя учёного-физика Л.Я. Штрума, одного из многих незаконно осуждённых и забытых творцов отечественной науки мирового уровня, несомненно, должно занять своё место в истории отечественной физики.

Литература

1. Гольдман А.Г. Фізика за 100 років у Київському університеті / Розвиток науки в Київському університеті за 100 років. — К: Вид. Київ. ун-ту, 1935. С. 1–31.
2. Гольдман О. Фізика на Україні у 10-ту річницю радянської України // Вісник природознавства. 1927. № 5–6. С. 257–272.
3. Визгин В.П., Горелик Г.Е. Восприятие теории относительности в России и СССР // Эйнштейновский сборник 1984–1985. — М.: Наука, 1988. С. 7–70.

4. Храмов Ю.А. История физики. — К.: Феникс, 2007. 967 с.
5. Шпак М.Т. До 100-річчя кафедри теоретичної фізики // Вісн. Київ. ун-ту. Сер. Фізика. 1976. № 17. С. 122–127.
6. Янковский А.К. Из истории Киевской научно-исследовательской кафедры физики. Из истории развития физико-математических наук: Сб. научн. тр. — К.: Наук. думка, 1981. С. 132–144.
7. Павленко Ю.В., Ранюк Ю.А., Храмов Ю.А. «Дело УФТИ» 1935–1938. — К.: Фенікс УАННП. 1998. 324 с.
8. Колтачихіна О.В. Лев Якович Штрум — забуте ім'я української науки // Наука та наукознавство. 2008. № 4. К.: ППВФ Фенікс. С. 164–169.
9. Штрум Л.Я. Следственное дело № 123. Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины. Т. 2.
10. Штрум Лев Яковлевич. Центральный государственный архив высших органов власти Украины (ЦГАВО Украины). Ф. 166. Оп. 12. Д. 8795.
11. Живая музыка в застывшей / Черкасы: городской информационный портал: Электронный ресурс: <http://www.gorod.ck.ua/>
12. Государственный архив Службы безопасности Украины. Ф. 6. Д. 38407. Т. 29.
13. Данные о репрессиях профессоров: электронный ресурс: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/repress/professors.htm>
14. Штрум Лев Яковлевич. ЦГАВО Украины. ф.166, оп.12. д.8795. л.1.
15. Штрум Лев Яковлевич. ЦГАВО Украины. ф.166, оп. 12. д. 8796.
16. Історія Академії наук України 1918–1923. Документи і матеріали. — К.: Наук. думка, 1993. 376 с.
17. Звіт науково-дослідної катедри фізики за 1926–27 роки. Наука на Україні. 1926–27. № 1–4. Держвидав, України. С. 146–151.
18. Проскура О. Засновник Інституту фізики НАН України академік Олександр Гольдман // УФЗ. 1999. Т. 44, № 12. С. 1536–1540.
19. Голованов Я. Королев: Факты и мифы. — М.: Наука, 1994. 800 с.
20. Штрум Л.Я. Леон Иосифович Кордыш [Некролог] // УФН. 1933. Т. 13., вып. 6. С. 970–975.
21. Шпак М.Т. К 50-летию Института физики АН УССР // УФЖ. 1979. Т. 24, № 2. С. 145–153.
22. Shcherbak E.A., Savchuk V.S. Gravitation Problems in a Little-known N Rosen's Paper of His Kyiv Period (1936–1938): To the Origins of Formation of the Gravitational Wave Theory // Ukrainian Journal of Physics. 2007. V. 52, № 10. P.1014–1017.
23. Шевченко Л. Справа «Контрреволюційної троцькістської терористичної організації на Україні» 1937–1938 рр. // Історія України: маловідомі імена, події, факти. 2008. — К.: Ін-т історії НАН України. № 35. С. 167–173.
24. Следственное дело В.С. Финкельштейна. Государственный архив служб безопасности Украины в Днепропетровской области (ГАСБУ-ДО Украины). Ф. 4. Д. П-7555.

25. Щербак Е.А., Савчук В.С. Надсвітлові швидкості у СТВ: до джерел теоретичних концепцій руху за світловим бар'єром // Науковий часопис НПУ імені М.П. Драгоманова. Фізико-математичні науки. 2006. Серія 1, № 7. С. 31–36.
26. Штрум Л.Я. Новейшие результаты опыта Майкельсона и попытка гипотетического объяснения их // Наукові записки Київської дослідної кафедри. 1923. С. 107–109.
27. Strum L. Versuch einer Hypothese zur Deutung der letzten Resultate des Michelsonschen Versuches // Z. Phys. 1924. Bd. 24. S. 20–23.
28. Штрум Л.Я. К вопросу об истолковании опыта Майкельсона // Вісті Київського політехнічного інституту. 1925. Кн. 1. С. 5–6.
29. Штрум Л.Я. К вопросу о предельной скорости в СТО / Второй съезд Российской ассоциации физиков. 1921. 15 с.
30. Strum L. Zur Frage nach der Überlichtgeschwindigkeit in der speziellen Relativitätstheorie // Z. Phys. 1923. Bd. 20. S. 36–44.
31. Штрум Л.Я. Про швидкості, більші од швидкості світла, у спеціальній теорії відносності // Наукові записки Київської дослідної кафедри. 1924. Т. II. С. 81–88.
32. Strum L. Überlichtgeschwindigkeit und Relativitätstheorie // Physikal Z. 1926. Bd. 27. S. 541–544.
33. Штрум Л.Я. Фазова швидкість у кінематиці теорії релятивності // Українські фізичні записки. 1930. Т. II. С. 87–90.
34. Strum L. Die Phasengeschwindigkeit in der Kinematik der Relativitätstheorie // Z. Phys. 1930. Bd. 60. S. 405–409.
35. Bilaniuk O.M., Sudarshan E.C.G. Particles Beyond the Light Barrier // Physics Today. 1969. V. 22. P. 43–52.
36. Иоффе А.Ф. Ядро атома // Наука и жизнь. 1934. № 1. С. 4–12.
37. Штрум Л.Я. К вопросу об устойчивости атомного ядра // ЖРФХО при Ленинградском университете. Часть физическая. 1926. Т. 58. С. 633–641.
38. Акоста В. Основы современной физики / Пер. с англ. В.В. Толмачева, В.Ф. Трифонова; под ред. А.Н. Матвеева. — М.: Просвещение, 1981. 495 с.
39. Герштейн С.С. На заре ядерной физики // Природа. 2004. № 8. С. 62–68.
40. Strum L. Massendefekt und charakteristische Kerngrößen // Z. Phys. 1928. V. 50, Issue 1. P. 555–558.
41. Штрум Л.Я. Енергія зв'язку атомного ядра і система ізотопів // Українські фізичні записки. 1934. Т. III, вип. 1. С. 33–49.
42. Strum L. // Z. Phys. Chem. 1926. V. 119. S. 368⁶.

⁶ На эту статью без указания ее названия ссылается Л.Я. Штрум в работах [41, 43]. Важность ее несомненна для понимания исследований Л.Я. Штрума, поэтому авторы позволили себе привести ссылку только на сам журнал, где эта работа была опубликована.

43. *Штрум Л.* Энергия связи атомного ядра и система изотопов // ЖЭТФ. 1934. Т. 4, вып. 1. С. 651–664.
44. *Штрум Л.Я.* Про енергію утворення нейтрона й протона // Українські фізичні записки. 1934. Т. III, вип. 2. С. 17–19.
45. *Бронштейн М.П.* Конференция по теоретической физике // УФН. 1934. Т. 14, вып. 4. С. 516–520.
46. *Strum L.* Verallgemeinerung der Planckschen Strahlungsformel // Z. Phys. 1928. 51, № 3–4. S. 287–291.
47. *Штрум Л.Я.* О квантовой теории равновесия между материей и излучением // Ж.Р.Ф.-Х.О., ч. физ. 1926. № 58. С. 643–646.
48. *Штрум Л.Я.* Про можливе взагальнення Планкової формули // Українські фізичні записки. 1928. Т. II, С. 15–18.
49. *Штрум Л.Я.* Эффект Комптона // УФЖ. 1926. Т. 6, вып. 2. С. 142–166.
50. *Einstein A.* Quantentheorie der Strahlung // Phys. Zs. 1917. V. 18. P. 121–128.
51. *Einstein A., Ehrenfest P.* Zur quantentheorie des strahlungsgleichgewichts // Z. Phys. 1923. V. 19. S. 301–306.
52. *Pauli W.* Über das thermische gleichgewicht zwischen strahlung und freien elektron // Z. Phys. 1923. V. 18. S. 272–286.
53. *Strum L.* Verallgemeinerung der Planckschen Strahlungsformel // Z. Phys. 1928. V. 51, № 3–4. S. 287–291.
54. *Strum L.* Zur Theorie des Strahlungsgsgleichgewichts // Z. Phys. 1925. V. 31, issue 1. S. 866–868.
55. *Chandrasekhar S.* A generalized form of the new statistics // Phys. Rev. 1929. № 34. P. 1204–1211.
56. *Планк М.* Введение в механику деформируемых тел / Пер. с нем. Л.Я. Штрума; под ред. Н.М. Кастерина. — М.–Л.: Госиздат, 1929. 207 с.
57. *Планк М.* Введение в теоретическую физику. Часть 2. Механика деформируемых тел / Пер. с нем. Л.Я. Штрума; под ред. Н.М. Кастерина. Изд. 2-е. — Л.–М.: Гостехиздат, 1932. 184 с.
58. *Планк М.* Введение в теоретическую физику. Механика деформируемых тел / Пер. с нем. Л.Я. Штрума; под ред. Н.М. Кастерина. Изд. 3-е. — М.: URSS. КомКнига, 2006. 184 с.
59. *Ауэрбах Ф.* Физика на войне. Общедоступное изложение основ современной военной техники. — М.–Л.: Государственное издательство, 1928. 20 с.
60. *Звіти соціально-економічних катедр / Наука на Україні.* 1926–27. — К.: Держвидав України. № 1–4. С. 152–158.
61. *Історія Національної академії наук України (1929–1933. Документи і матеріали).* — К.: Наук. думка, 1998. 542 с.

А.В. КЕССЕНИХ

*Институт истории естествознания и техники
им. С.И.Вавилова РАН*

С.В. СЕМЕНОВ

РНЦ «Курчатовский институт»

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ГАПОНОВ — УЧЕНЫЙ И ГРАЖДАНИН

Вступление

На примере одной замечательной фигуры научного сообщества 1950–1960-х и последующих лет можно показать роль физического факультета Московского Государственного университета (физфака МГУ) в формировании и функционировании научного сообщества физиков СССР в эти годы. При этом мы старались не столько описать собственно научную деятельность выпускника физфака, сколько показать тот дух братства, профессиональной и общественной ответственности, который несли в себе и воплощали в жизнь вызревшие в стенах физфака МГУ физики. Многие и многие выпускники физфака умели без существенного ущерба для своей профессиональной деятельности отдавать свое время и силы как на дело единения коллектива, в котором они трудились, так и в более широком смысле на дело сплочения научного сообщества, придания ему хотя и неформального, но очевидного гражданского статуса. Сам Юрий Владимирович Гапонов (1934–2009) не отделял себя от коллектива лабораторий и Институтов, где он работал. При этом он умел внести свой вклад в общественную жизнь широкого научного сообщества физиков СССР, воплощением которого для него служили прежде всего неформальное сообщество выпускников физфака МГУ, коллектив РНЦ «Курчатовский институт», семинар по истории Атомного проекта СССР, известный коллектив художественной самодеятельности фи-

зиков — студия «Архимед». Эту деятельность он начал еще студентом и аспирантом физфака МГУ, где в 1960–1961 гг. он был секретарем комитета комсомола, создателем опер физфака, основателем упомянутой студии «Архимед». Он считал себя последователем тех, кто сумел на IV отчетно-выборной конференции ВЛКСМ физфака МГУ (далее IV конференции) поднять голос «за правду» (см. ниже). Ему удалось воссоздать в своей профессиональной и общественной практике некую модель самосознания коллектива, вли того в более широкий коллектив физиков факультета и, в конечном счете, физиков СССР и России, а через связи с Институтом Нильса Бора в Копенгагене и сотрудничество с Оге Бором и во всемирное братство физиков. Подлинность этого уникального «чувства сообщества» заключалась в том, что Юрий требовал, прежде всего от себя, преданности физике, профессионализма в физике и в то же время преданности коллективу, умения отдать свой отдых, свой свободный час делу единения этого коллектива, делу повышения авторитета научного сообщества физиков в государстве и обществе в целом. Личность Юрия Владимировича была многогранной. Словом, Ю.В. Гапонов был типичным и в то же время выдающимся представителем тех, кого мы называем «шестидесятники». Всех шестидесятников отличало умение, не теряя профессионализма, проявлять неслабеющий интерес ко многим и многим сторонам общественного бытия. Мы позволим себе уделить внимание рассказу лишь о самом основном в жизни и деятельности Гапонова. Безвременная кончина Юрия Владимировича 21 декабря 2009 г. стимулировала это наше намерение.

Ю.В. Гапонов — физик

И все же именно профессионализм в физике отличал Юрия Владимировича прежде всего. А работать ему пришлось в одной из труднейших и перспективных областей физики. Начало научной деятельности Юрия Владимировича Гапонова совпало со стремительным развитием физики нейтрино, загадочной частицы, постулированной В. Паули в 1930 г. и обнаруженной экспериментально более чем через двадцать лет. В 1953 г. Ф. Райнес и К. Коуэн впервые зарегистрировали поток реакторных антинейтрино (Нобелевская премия 1995 г.). В 1956 г. Ч. Янг и Ц. Ли высказали предположение о несохранении пространственной четности

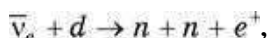

Юрий Владимирович Гапонов

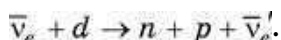
в слабых взаимодействиях (Нобелевская премия 1958 г.), что было экспериментально подтверждено в опытах Т. Ву в 1958 г. В своей дипломной работе, выполненной под руководством профессора И.С. Шапиро, Юрий Владимирович рассмотрел актуальную задачу о проявлении эффектов несохранения четности в процессах бета-распада ядер. Свои первые работы, начиная с 1957 г., Юрий выполнял в теоретических лабораториях, которыми руководили выдающиеся физики, в ФИАНе — И.С. Шапиро, в Институте атомной энергии (ИАЭ) — А.Б. Мигдал. В ИАЭ Ю.В. Гапонов работает с 1963 г. Здесь он публикует ряд важных работ по исследованию структуры ядра и ядерного механизма бета-распада на основе теории конечных ферми-систем, развитой А.Б. Мигдалом [1]. Одновременно Юрий Владимирович постоянно обсуждает с экспериментаторами, работающими в области нейтринной физики, наиболее актуальные задачи, связанные с исследованием свойств нейтрино и проблемами его детектирования. В 1964 г. Ю.В. Гапонов совместно с И.В. Тютиным выполняет работу [2], сыгравшую ключевую роль в понимании природы нейтрино и решении существовавшей 30 лет проблемы дефицита солнечных нейтрино. Первые эксперименты по регистрации нейтрино были основаны на таком взаимодействии нейтрино с веществом, когда в конечном состоянии присутствует легкая заряженная частица, заряженный лептон. Это реакции, идущие за счет заряженных токов. В эксперименте Ф. Райнеса и К. Коуэна использовалась реакция поглощения нейтрино протоном: $\bar{\nu}_e + p \rightarrow n + e^+$. Возникающие в результате нейтрон и позит-

рон затем участвуют во взаимодействиях, сопровождающихся излучением гамма-квантов, которые регистрировались с помощью фотоумножителей. Приведем цитату из Нобелевской лекции Ф. Райнеса [3], глава «Что дальше?», пункт «Взаимодействие нейтрино с дейтронами»:

«В 1956 г. мы начали другое длительное исследование, которое было посвящено изучению взаимодействия нейтрино с дейтронами. В 1969 г. мы наконец зарегистрировали [...] так называемую реакцию «заряженного тока»:

и в 1979 г. [...] — реакцию «нейтрального тока»:

Реакция нейтрального тока была до этого открыта на ускорителе в ЦЕРНе в 1973 г. с помощью мюонных нейтрино, но, тем не менее, нам было очень приятно увидеть, что $\bar{\nu}_e$ вело себя ожидаемым образом».

Важная ссылка в Нобелевской лекции Ф. Райнеса — это статья в *Physical Review Letters*, вышедшая 1979 г. [4]. В этой статье ее авторы ссылаются на теоретические работы, в которых рассматривалось неупругое рассеяние нейтрино на ядрах за счет нейтрального тока. Это работы [2, 5–9] (см. список литературы в нашей статье).

Из данного списка следует, что теоретическая работа 1965 г. Ю.В. Гапонова и И.В. Тютинина [2] является пионерской, самой ранней, опередившей экспериментальное открытие нейтральных токов примерно на десять лет. В ней впервые в мире рассмотрена реакция диссоциации дейтрона на протон и нейтрон в нейтринном потоке, имеющая важнейшее значение для нейтринных исследований.

Измерения потока нейтрино от Солнца, выполненные в Хоумстейке (США) с помощью хлор-аргонового метода коллективом ученых под руководством Раймонда Дэвиса (Нобелевская премия 2002 г.), галлий-германиевым методом на Баксанской нейтринной обсерватории (эксперимент SAGE) и в лаборатории в Гран Сассо (Италия) (эксперименты GALLEX и GNO), методом рассеяния нейтрино на электронах в Kamiokande и SuperKamiokande, показали, что наблюдаемый поток нейтрино составляет 50% от ожидаемого согласно стандартной солнечной модели. Объяснение этого явления следует из теории нейтринных осцилляций, в которой полагается, что определенная доля излучаемых Солнцем

электронных нейтрино ν_e переходит в нейтрино других флейворов¹ ν_μ и ν_τ , которые не регистрируются ни Cl–Ar, ни Ga–Ge методом, а вероятность рассеяния $\nu_{\mu,\tau}$ на электроны значительно меньше, чем электронных нейтрино. Для того чтобы измерить полный поток нейтрино от Солнца, необходимо использовать реакцию, которая имеет равную вероятность для нейтрино всех трех флейворов $\nu_{e,\mu,\tau}$. Именно такой реакцией является расщепление дейтрона на протон и нейтрон в нейтринном потоке [2]: $\nu_{e,\mu,\tau} + d \rightarrow n + p + \nu'_{e,\mu,\tau}$. Измерения с помощью этой реакции, выполненные на установке SNO (Канада), содержащей 1000 тонн тяжелой воды D₂O, дали значение потока нейтрино, хорошо согласующееся с теоретическими предсказаниями, основанными на модели Солнца [10]. Это убедительно свидетельствует об осцилляциях нейтрино — о преобразовании электронных нейтрино в нейтрино других флейворов.

Признанным специалистом по проблемам нейтрино и строения ядра Юрий Владимирович стал уже к 1970 г., когда ему предложили написать для журнала «Успехи физических наук» фундаментальный обзор по теме «Полный эксперимент в β -распаде» [11]. В 1972–1973 гг. Юрий Владимирович совместно с Ю.С. Лютостанским опубликовали работы, открывшие новое направление в физике ядра [12, 13]. Они теоретически предсказали существование в ядре возбужденного резонансного состояния с квантовыми числами 1^+ с энергией возбуждения примерно 10 МэВ — Гамов-Теллеровского резонанса (ГТР) и высказали утверждение о возможности его экспериментального наблюдения. Ранее считалось, что ГТР должен настолько ушириться за счет сильного спин-орбитального взаимодействия, что экспериментально наблюдаться он не будет. Через 8 лет ГТР был обнаружен в экспериментах по перезарядке $^{90}\text{Zr}(p,n)^{90}\text{Nb}$ в США [14] и в реакции $^{90}\text{Zr}(\text{Li}, ^6\text{He})^{90}\text{Nb}$, исследованной в ИАЭ им. Курчатова [15]. Приложение теории Гамов-Теллеровского резонанса чрезвычайно широко. Его проявление и свойства необходимо учитывать при определении массовой формулы для сверхтяжелых ядер, при исследовании захвата нейтрино в детекторах солнечных и галактических нейтрино, при построении теории нуклеосинтеза с участием нейтрино и обра-

¹ «Флейвор», или «аромат», — одна из возможных разновидностей (одно из возможных состояний) элементарной частицы (кварка, лептона, в данном случае — нейтрино).

зования тяжелых ядер, при определении возраста Галактики, при изучении нейтронно-избыточных ядер и для нейтринной диагностики ядерных реакторов.

На рубеже XX и XXI веков пристальный интерес Гапонова вызвала имеющая важнейшее общетеоретическое и космологическое значение задача оценки массы нейтрино. В последнее время он стал выдающимся экспертом по этой проблеме, заместителем директора Института молекулярной физики РНЦ «Курчатовский институт» и ведущим научным сотрудником ОИЯИ. В этой связи, начиная с середины 1990-х годов, в работах Юрия Владимировича большое место занимает теория двойного бета-распада (см., например, [16]), механизм которого существенно зависит от массы нейтрино. Безнейтринный двойной бета-распад — это реакция, когда в конечном состоянии (для $\beta\beta$ -распада) образуются два электрона и не образуются антинейтрино. Безнейтринный двойной бета-распад возможен только в том случае, если нейтрино обладает ненулевой массой и является майорановской частицей, т.е. совпадающей с собственной античастицей. Прямой эксперимент по наблюдению безнейтринного $\beta\beta$ -распада, доказывающий наличие майорановских свойств нейтрино при отличной от нуля массе этой частицы, до сих пор не выполнен. Это объясняется чрезвычайной редкостью событий безнейтринного двойного $\beta\beta$ -распада², редкостью изотопов, ядра которых могут претерпеть подобный распад, необходимостью проведения крупномасштабных экспериментов на основе больших количеств высокообогащенных стабильных изотопов, производство которых является весьма сложным и дорогостоящим процессом. Поэтому в процессе теоретической работы приходится учитывать косвенные данные, полученные во всей совокупности экспериментов — осцилляционных, ядерных, астрофизических. Таким образом, Юрий Владимирович избрал весьма тернистый путь сопоставления тонких теоретических подсчетов с феноменологическими результатами, на который встают немногие исследователи и который требовал высочайшей квалифика-

² $^{48}\text{Ca} \rightarrow ^{48}\text{Ti}$; $^{76}\text{Ge} \rightarrow ^{76}\text{Se}$ и $^{100}\text{Mo} \rightarrow ^{100}\text{Rb}$, для которых получены ограничения на период полураспада соответственно: $T_{1/2}(0\nu) > 2 \cdot 10^{21}$, $5 \cdot 10^{21}$ и $2,1 \cdot 10^{21}$ лет, а естественная распространенность в природе исходного изотопа соответственно: 0,187 %; 7,8 % и 9,63 % при относительной распространенности соответствующего элемента в земной коре: 4,1%; $1,5 \cdot 10^{-4}$ и $1,5 \cdot 10^{-4}$ соответственно [17].

ции. Признание экспертом в избранной области последовало не только в Институте молекулярной физики РНЦ «Курчатовский институт», но и в Лаборатории ядерных проблем ОИЯИ, куда он был приглашен совместителем, и в Институте Нильса Бора в Копенгагене³. Теоретические оценки масс майорановского нейтрино, полученные Гапоновым, являются адекватными космологическим данным, полученным к настоящему времени.

Если плотность вещества во Вселенной меньше критической $\Omega = \rho_V/\rho_c < 1$, то Вселенная должна быть открытой и расширяться с конечной скоростью; если $\Omega > 1$, т.е. $\rho_V > \rho_c$, то Вселенная — замкнутая и расширение должно смениться сжатием. При $\Omega = 1$, т.е. $\rho_V = \rho_c$, расширение будет продолжаться, но его скорость будет асимптотически замедляться.

Как отметил в своем докладе на семинаре памяти Гапонова Ю.С. Лютостанский, в последние годы в цикле работ Ю.В. Гапонова (2004–2009 гг.) был развит новый подход к теории майорановского нейтрино, позволивший понять направление возможного развития Стандартной модели электрослабых взаимодействий. В рамках этого подхода им были даны оценки значений нейтринных масс и новые связи между углами нейтринного смешивания. Развита теория имеет большое значение для ядерной физики и астрофизики, предоставляя новые возможности объяснения природы скрытой массы во Вселенной.

По Гапонову, все нейтрино (электронное, мюонное и τ -нейтрино) имеют массы в пределах: $m_\nu = 0.055 - 0.39$ эВ для $\nu_{e,\mu}$; $m_\nu = 0.055 - 0.41$ эВ для ν_τ ; $3m_\nu = 0.17 - 1.17$ эВ. Если исходить из других теорий, где используются астрофизические данные, сумма масс трех типов нейтрино < 17 эВ [18].

Вместе с тем, согласно оценкам, полученным из современных экспериментов по поиску безнейтринного двойного бета-распада, эффективная масса нейтрино не превышает ~ 0.4 эВ. Сумма масс нейтрино (согласно косвенным данным эксперимента «Хаббл») составляет $1,3-0,67$ эВ.

Из известных теорий, теория Ю.В. Гапонова [19]⁴ дает одну из наиболее близких оценок этих экспериментальных результатов.

³ Об этом подробно рассказал Ю.В. Линде на семинаре 28 января 2010 г., посвященном памяти Ю.В. Гапонова.

⁴ По материалам презентации к 75-летию Ю.В. Гапонова, использованной Ю.С. Лютостанским также и на семинаре памяти Ю.В. Гапонова.

Работа в одном из передовых направлений физики, активное участие в общественных процессах и тесное сотрудничество со многими и многими физиками — от своих студентов до самого Нильса Бора не могли не сделать Юрия Владимировича активным участником создания истории современной физики. При этом его увлекали в основном три аспекта этой истории. Во-первых, это история Атомного проекта СССР, служившего базой и источником формирования того поколения физиков СССР, к которому принадлежал Гапонов⁵. Во-вторых, история самого поколения «шестидесятников» в физике. А она для Юрия Владимировича начиналась с формирования студенческих групп при поступлении на физический факультет (физфак) МГУ [20] и со знаменитого выступления студентов на IV конференции комсомольцев физфака в 1953 г. [21]. Продолжалась эта история в неформальных традициях физфака (см., например, [22]).

Наконец, и прежде всего, Гапонов не мог не отдать дань почтения знаменитому и загадочному итальянскому физiku Этторе Майорана, заложившему начала идей, до сих пор активно развиваемых в физике нейтрино, в том числе самим Юрием Владимировичем (см. выше). К сожалению, активная работа над развитием самих этих идей помешала Гапонову создать формально завершенную историко-научную версию вклада Майорана в физику. Тем не менее, Ю.В. Гапонов в 2004 г. [23] написал краткое предисловие к переводу знаменитой статьи Майорана 1937 г. [24]. Он же инициировал публикацию этого перевода в журнале «Физика элементарных частиц и атомного ядра». Блестящий доклад Юрия Владимировича об истории физики нейтрино, с которым он выступил на семинаре по Истории физики и механики при ИИЕТ в 2008 г., остался неопубликованным. Гапонов заметил в ответ на упреки коллег, что для публикации следовало

⁵ Об инициативах Гапонова, который был одним из сопредседателей семинара по истории Атомного проекта на базе РНЦ КИ и ИИЕТ, в развитии истории Атомного проекта подробно рассказали В.П. Визгин и И.С. Дровеников на семинаре памяти Ю.В. Гапонова. Гапонов был одним из инициаторов и организаторов — зампредом Оргкомитета — конференций по названной Истории в Дубне (1996) и Лаксенбурге (1999), ответственным редактором трехтомных трудов Дубненской конференции.

бы провести еще большую литературную работу, которая для него была бы несвоевременным отвлечением от основной профессиональной деятельности.

Отдал Юрий Владимирович дань и памяти основателя ИМФ (своего руководителя по КНЦ) И.К. Кикоина [25]. В заключение отметим вклад Гапонова в саму историю научных связей физиков СССР и Нильса Бора, напомним также о его участии в редколлегии сборника [26] и публикации статьи в этом сборнике [27].

Гапонов в общественной жизни и искусстве

Юрий Владимирович вырос в интеллигентной семье и прекрасно знал литературу и музыку. В молодости он немало сил отдал общественной работе, был комсоргом группы, агитатором среди рабочих в Раменках, был секретарем комсомола физфака МГУ, награжден Медалью за освоение целинных земель. Был, словом, человеком заметным в общественных кругах. Этот опыт сказался в работе Гапонова по организации конференций, редактированию сборников научно-исторических исследований, работе в ученых советах и ВАКе. Но большинство «простых» физиков знало Юрия Владимировича как активного деятеля «физического искусства»⁶. В 2003 г. Московский художественный театр под руководством О.П. Табакова поставил пьесу Майкла Фрейна «Копенгаген» о драматической встрече В. Гейзенберга и Н. Бора в оккупированном нацистской Германией Копенгагене⁷. Встреча происходила под знаком ясного понимания великими физиками будущей разрушительной, можно сказать, угрожающей самому существованию человечества роли атомной энергии, до освоения которой оставалось уже немного. В то же время один из них исходил из того, что атомная бомба будет сделана в нацистской Германии, и с этим приходится смириться, другой же (Нильс Бор) мириться с этим не хотел, казалось бы, вопреки реальности. Научным консультантом замечательной, имеющей большой успех постановки в МХТ был Юрий Владимирович Гапонов.

⁶ Термин «физическое искусство» был собственно и введен в оборот Ю.В. Гапоновым (см. [28]).

⁷ О постановке пьесы «Копенгаген» в МХТ в 2003–2004 гг. и ее авторе Майкле Фрейне см. [29].

Гапонов был инициатором публикации режиссерского варианта текста первой оперы физфака МГУ «Дубинушка» [30]. Мало кто знает, что практически 90 % музыкального сопровождения второй оперы физфака «Серый камень» было подобрано именно Ю.В. Гапоновым. Зато созданная им оперная студия «Архимед» широко известна в кругах физиков, действовала при Доме культуры РНЦ «Курчатовский институт» и выступает со спектаклями по настоящее время.

Замечательный многогранный образ Ю.В. Гапонова — физика, историка, режиссера останется навсегда в памяти его коллег и последователей.

Литература

1. Мигдал А.Б. Теория конечных ферми-систем и свойства атомных ядер — М.: Наука, 1965. 572 с.
2. Гапонов Ю.В., Тютин И.В. Неупругое рассеяние нейтрино на дейтроне // ЖЭТФ. 1964Т. 47, вып. 5(11). С. 1826–1828.
3. Райнес Ф. Нейтрино от полтергейста к частице // УФН. 1996. Т. 166, № 12. С. 1352–1359.
4. Pasierb E., Gurr H.S., Lathrop J., Reines F., Sobel H.W. Detection of weak neutral current using fission $\bar{\nu}_e$ on deuterons // Phys. Rev. Lett. 1979. V. 43. P. 96–99.
6. Ahrens T., Lang T.P. Deuteron disintegration neutral currents and antineutrino spectra from fission // Phys. Rev. C. 1971. V. 3. P. 979–983.
7. Frahm C.P. Nucleon energy correlation in the antineutrino disintegration of the deuteron // Phys. Rev. D. 1971. V. 3. P. 663–670.
8. Ali A., Dominguez C.A. Neutrino (antineutrino) disintegration of the deuteron and the structure of the deuteron and structure of the neutral weak current // Phys. Rev. D. 1975. V. 12. P. 3673–3681.
9. Singh S.K. Weak Neutral currents and $\nu(\bar{\nu})$ disintegration of the deuteron // Phys. Rev. D. 1975. V. 11. P. 2602–2605.
10. Ahmad Q.R. et al. (SNO Collaboration) Direct evidence for neutrino flavour transformation from neutral-current integration in Sudbury neutrino observatory // Phys. Rev. Lett. 2002. V. 89. P. 011301–011306 (6 pp.).
11. Гапонов Ю.В. Полный опыт в в-распаде (обзор современных экспериментальных данных) // УФН. 1970. Т. 102, вып. 1. С. 211–238.
12. Гапонов Ю.В., Лютостанский Ю.С. О возможном существовании 1^+ резонанса в реакциях перезарядки сферических ядер // Письма в ЖЭТФ. 1972. Т. 15, вып. 3. С. 173–175.
13. Гапонов Ю.В., Лютостанский Ю.С. Гамов-теллеровский резонанс и вигнеровская схема супермультиплетов // Письма ЖЭТФ. 1973. Т. 18, вып. 2. С. 130–132.

14. *Baniun D.E., Rapaport J., Goodmen C. D. et al.* Observation of giant particle-hole resonance in $^{90}\text{Zr}(p,n)^{90}\text{Nb}$ // *Phys. Rev. Lett.* 1980. V. 44. Iss. 26. P. 1755–1759.
15. *Vinogradov A.A., Gluchov Yu. A., Dukhin V.I. et al.* Observation of a giant Gamov-Teller resonance in the reaction $^{90}\text{Zr}(^6\text{Li}, ^6\text{He})^{90}\text{Nb}$ // *Pisma JETP*. 1981. V. 33. Iss. 4. P. 222–225.
16. *Гапонов Ю.В., Инжечик Л.В., Семенов С.В.* Изотопы и фундаментальные проблемы физики слабых взаимодействий. — В сб. Изотопы: свойства, получение, обогащение / Под ред. В.Ю. Баранова. Т. 2. — М.: Физматлит, 2005. С. 7–44.
17. *Emsley J.* The Elements. — Oxford: Clarendon Press, 2nd edition, 1991. Рус. пер.: *Эмсли Дж.* Элементы. — М.: Мир, 1993. 256 с.
18. *Кландор-Клайнротхаус Г.В., Цюбер К.* Астрофизика элементарных частиц / Пер. с нем. — М.: URSS, 2002. 496 с.
19. *Гапонов Ю.В.* Трехфлейворная паулиевская модель майорановских нейтрино и проблема нейтринных масс // *ДАН*. 2008. Т. 423, № 5. С. 621–626; *Гапонов Ю.В.* Массы майорановских нейтрино в трехфлейворной паулиевской модели // *Ядерная физика*. 2011. Т. 74, № 2. С. 290–319.
20. *Гапонов Ю. В.* Отрывки из ненаписанного. Изначалие // *ВИЕТ*. 2001. № 1. С. 213–234.
21. *Гапонов Ю. В.* Отрывки из ненаписанного. Новое здание // *ВИЕТ*. 2001. № 2. С. 178–202.
22. *Гапонов Ю.В., Кессених А.В., Ковалева С.К.* Студенческие выступления 1953 года на физфаке МГУ как социальное эхо Атомного проекта // *История советского Атомного проекта: документы, воспоминания, исследования*. Вып.2. — СПб : РХГИ, 2002. С. 519–544.
23. *Гапонов Ю.В.* Начало майорановской физики. Памяти Э. Майораны // *Физика элементарных частиц и атомного ядра*. 2003. Т. 34, вып. 1. С. 240–241.
24. *Majorana E.* Teoria simmetrica dell'elettrone e del positrone // *Nuovo Cimento*. 1937. V. 14. P. 171–184. Рус. пер. // *Физика элементарных частиц и атомного ядра*. 2003. Т. 34, вып. 1. С. 242–256.
25. *Гапонов Ю.В.* Рождение традиции. — В кн.: Исаак Константинович Кикоин. Воспоминания современников. — М.: 1998. С. 241–251.
26. *Нильс Бор и наука XX века*. Сб. научн. трудов. — Киев: Наукова думка, 1988. 232 с.
27. *Гапонов Ю.В., Грамматикати Т.Ю., Ковалева С.К., Кузнецова Р.В., Рылов С.В.* Пребывание Нильса Бора в СССР в 1961 году. — Там же. С. 40–44.
28. *Гапонов Ю.В.* Традиции физического искусства в российском физическом сообществе 50-х–90-х годов // *ВИЕТ*. 2003. №3. С. 165–178.
29. http://www.mxat.ru/authors/playwright/m_frein;
<http://www.vmdaily.ru/article/6300.html>
30. *Гапонов Ю. В.* Отрывки из ненаписанного. Народно-музыкальная драма «Дубинушка» // *ВИЕТ*. 2001. № 3. С. 168–186.

Л.Л. ЗИНОВЬЕВА

Дубна

КАК РОДИЛАСЬ РЕЛЯТИВИСТСКАЯ ЯДЕРНАЯ ФИЗИКА

Дубненский синхрофазотрон, пущенный в 1957 г., оставался рекордным в мире с энергией протонов в 10 ГэВ около трех лет. Утрата первенства в мире по энергии частиц заставила решать, что делать с ускорителем, чтобы эксперименты на нем оставались конкурентоспособными.

Расчеты показывали, что энергию синхрофазотрона можно было увеличить до 15 ГэВ на нуклон, но по сравнению с новыми ускорителями это было мало привлекательно [1. С. 30]. Действительно, в 1959 г. в ЦЕРН начал работать ускоритель на энергию 30 ГэВ, в 1960 г. на ту же энергию в Брукхэвене (США), в 1967 г. должны были ввести в действие ускоритель под Серпуховом на энергию 70 ГэВ, в США строился ускоритель на энергию 300 ГэВ. А вот в отношении интенсивности у синхрофазотрона были хорошие перспективы, так как он имел самую большую апертуру — размер вакуумной камеры $2 \times 0,4$ м. Теоретически это давало возможность при энергии инжекции порядка 70 МэВ ускорять до 10^{14} протонов в импульсе. Ни один ускоритель в мире не мог иметь таких проектных данных по полному току ускоренного протонного пучка [2. С. 49].

С самого начала работы синхрофазотрона задача повышения интенсивности постоянно находилась в поле зрения ускорительщиков, так как это имело фундаментальное значение для прогресса в экспериментальных исследованиях. В момент пуска синхрофазотрона в 1957 г. интенсивность составляла 10^7 протонов в импульсе. В результате постоянных усовершенствований, включая создание нового инжектора ЛУ-9, на январь 1964 г. средняя интенсивность

составила $1,9 \cdot 10^{10}$ протонов в импульсе [3. С. 183]. В 1964 г. В.И. Векслером, директором Лаборатории высоких энергий Объединенного института ядерных исследований (ЛВЭ ОИЯИ), в которой располагался синхрофазотрон, было принято решение о создании инжектора на энергию 20 МэВ (ЛУ-20). Этот инжектор в дальнейшем должен был обеспечить интенсивность порядка 10^{12} и тем самым поставить синхрофазотрон вровень со всеми ускорителями мира. К созданию нового инжектора приступили сразу же. К январю 1967 г. в Центральных экспериментальных мастерских ОИЯИ уже был готов вакуумный танк этого ускорителя. Была сконструирована и изготовлена в ЛВЭ система трубок дрейфа [2. С. 50].

Тогда же, в январе 1967 г., на XXI сессии Ученого совета ОИЯИ вплотную был поставлен вопрос о будущем физики высоких энергий в Дубне [2. С. 244–247]. В этой связи рассматривались два вопроса: 1) сотрудничество с Серпуховом, т.е. возможность проведения на новом ускорителе дубненскими физиками своих экспериментов; 2) перспективы ЛВЭ в Дубне, т.е. создания в Дубне своей современной базы для исследований в области физики высоких энергий. В отношении последнего Н.Н. Боголюбовым, директором ОИЯИ, было замечено, что уже раньше рассматривался вопрос о создании в ОИЯИ на базе синхрофазотрона Пи-мезонной и К-мезонной фабрик. В этой связи в 1966 г. дирекция ОИЯИ обращалась к странам-участницам с просьбой решить вопрос об источниках финансирования этой работы, но ни одна из них не отозвалась положительно на этот счет, в результате чего дирекция ОИЯИ была вынуждена прекратить все проектные работы в этом направлении [2. С. 26].

В целом в то время дирекцией ОИЯИ поддерживалась тенденция развития в ОИЯИ физики низких энергий (Лаборатория нейтронной физики (ЛНФ) и Лаборатория ядерных реакций (ЛЯР)). И это направление в неявной форме конкурировало с физикой высоких энергий. Дубна же изначально была создана в основном как центр физики высоких энергий, и, по мнению таких ученых, как М. Даныш (Польша) и К. Ланиус (ГДР), перспективы развития в Дубне должны были бы быть обеспечены именно в этом направлении [2. С. 245–246].

При обсуждении этой проблемы на XXI сессии Ученого совета ОИЯИ венгерский ученый Пал признал для ОИЯИ ясной перспективу развития в области физики средних и

низких энергий. А в отношении физики высоких энергий он высказал опасение, что в дальнейшем ОИЯИ в этой области не сможет выполнять свою роль, поэтому реконструкция синхрофазотрона, по его мнению, все-таки должна была произойти в направлении создания К-мезонной фабрики и одновременного использования технических возможностей этого ускорителя для ускорения многозарядных ионов [2. С. 247–248]. В отношении последнего заметим, что еще в 1959 г. Г. Грин в своей статье, посвященной ускорителю синхрофазотронного типа [4. С. 292], писал, что ускорять дейтроны, альфа-частицы и многозарядные ионы на таком ускорителе позволила бы простая перестройка электрооборудования. Но первоначально этого не делалось, так как внимание физики элементарных частиц в то время было сосредоточено на изучении соударений отдельных нуклонов.

Окончательное решение судьбы синхрофазотрона: быть ли ему в дальнейшем К-мезонной фабрикой или стать ускорителем тяжелых ионов до высоких энергий, или и то и другое вместе, зависело от технических проектов, которые по решению январской 1967 г. сессии Ученого совета и Комитета полномочных представителей (КПП) должна была оценить экспертная комиссия весной 1967 г. [2. С. 247].

Совещание этой комиссии под председательством чехословацкого ученого профессора И. Улеглы состоялось в апреле 1967 г. в Протвино [5. С. 8–10]. На нем присутствовало 29 человек, среди которых были представители от всех стран-участниц ОИЯИ. Всем членам совещания заранее были предоставлены материалы о перспективах развития исследований в ЛВЭ в области физики высоких энергий, связанных с предлагаемой модернизацией синхрофазотрона, и предложения о реконструкции синхроциклотрона ЛЯП. Совещание сочло необходимым развивать исследования в области физики высоких энергий в ОИЯИ по двум путям: а) создание современной базы для исследований в области физики высоких энергий в самом Институте; б) постановка и проведение экспериментов на ускорителе 70 ГэВ в Серпухове.

На совещании были заслушаны шесть докладов, из которых развитию физики высоких энергий в ЛВЭ и реконструкции синхрофазотрона были посвящены два: директора ЛВЭ И.В. Чувило и польского физика профессора Е. Пневского из Варшавского университета. Доклад И.В. Чувило назывался «Перспективы развития исследований в Лаборатории высоких энергий, связанные с предлагаемой модер-

низацией синхрофазотрона». В нем был предложен вариант повышения интенсивности пучка синхрофазотрона до 10^{14} протонов в импульсе. Из обстоятельного доклада Е. Пневского «Гиперядерная спектроскопия при использовании высокоинтенсивных пучков К-мезонов» следовало, что для синхрофазотрона более перспективным вариантом в сравнении с ускорением тяжелых ионов являлся вариант протонной фабрики, предлагаемый ЛВЭ.

В итоге совещание экспертов в своем решении единогласно поддержало предложение ЛВЭ об увеличении интенсивности пучка синхрофазотрона до 10^{14} протонов в импульсе. В связи с этим оно полностью одобрило программу работ по развитию синхрофазотрона, разработанную в ЛВЭ в отделе синхрофазотрона, которая и была отражена в докладе И.В. Чувило. В соответствии с этой программой в текущем пятилетии (1966–1970 гг.) планировали завершить создание инжектора ЛУ-20, который должен был обеспечить интенсивность 10^{12} протонов в импульсе, и разработать методику высокоэффективного вывода пучка из ускорителя [5].

Вывод пучка из ускорителя в самую первую очередь был связан с тем, что при интенсивности 10^{12} по нормам радиационной безопасности нельзя было использовать внутренние мишени. Поэтому надо было либо делать бетонную защиту вокруг ускорителя, либо осуществить достаточно полный вывод пучка в соответствующий экспериментальный зал. Оценкой защиты занималась комиссия под председательством П.К. Маркова, сотрудника из Болгарии [7. С. 243]. Проект бетонного саркофага для ускорителя оказался очень дорогим (по тем временам 25 млн рублей). Тогда от глобальной защиты отказались, ориентируясь на так называемый «медленный» вывод пучка. К тому времени на синхрофазотроне уже был осуществлен более легкий «быстрый» вывод пучка, который обеспечивал 80% выведенного пучка. Медленный вывод не только должен был обеспечить более 90 % выведенного пучка, но и способствовать регистрации частиц электронными методами. Более того, при работе над медленным выводом не надо было останавливать ускоритель, что потребовалось бы при сооружении саркофага [7. С. 245].

Кроме того, экспертной комиссией предлагалось к середине 1969 г. разработать физическое обоснование по реконструкции синхрофазотрона для поднятия интенсивности до 10^{13} и 10^{14} протонов в импульсе, а также представить про-

ектные соображения по этому вопросу. Разделение задачи повышения интенсивности на две ступени было вызвано тем, что интенсивность 10^{13} можно было получить без существенных изменений системы инъекции и вообще узлов ускорения. Достижение 10^{14} требовало совсем другого подхода к решению проблемы [8. С. 54].

С отчетным докладом об итогах работы экспертной комиссии на XXII сессии Ученого совета в июне 1967 г. выступил ее председатель профессор И. Улегла [6. С. 8–10]. При обсуждении этого доклада Г.Н. Флеров выразил сожаление, что существовавшие в то время ускорители протонов на большие энергии, которые достигали нескольких ГэВ, не обеспечивали ускорения тяжелых ионов, включая альфа-частицы. По его мнению, решение экспертной комиссии лишало ОИЯИ возможности продуктивно работать в той области, в которой в то время никто еще не работал. А именно в этом и была изюминка. Он призывал оценить на основе научной интуиции, что можно было бы получить на протонах при интенсивности 10^{14} , на дейтерии и тяжелых ионах. И тут же признавался, что в данном случае «интуиция не столь велика, но попытаться нужно и можно» [6. С. 14].

И.В. Чувило же предпочел вариант протонного ускорителя с большой интенсивностью и объяснил это тем, что в лабораториях стран-участниц такое научное направление в то время было традиционным. А то, что предлагал Флеров, касалось поворота к другим проблемам ядерной физики [6. С. 15].

Однако Г.Н. Флерова поддержал В.П. Джелепов и предложил дополнительно рассмотреть вариант ускорения тяжелых ионов на синхрофазотроне [6. С. 15]. Но всеобщей поддержки эта идея не получила — было ясно, что ускорение тяжелых ионов на синхрофазотроне привлекательно лишь тем, что до сих пор в мире никто этого не делал. Повышение же интенсивности способствовало проведению уже вполне определенных экспериментов, в частности, предлагаемых Е. Пневским.

В результате обсуждения Ученый совет одобрил решение комиссии экспертов по рассмотрению перспектив развития физики высоких энергий в ОИЯИ и посчитал, что комиссия представила вполне конкретные рекомендации, и поэтому необходимость в запланированном втором заседании комиссии в 1967 г. отпала.

Таким образом, казалось, что в июне 1967 г. будущее синхрофазотрона и развитие физики в ЛВЭ было определено

достаточно четко. Был выдвинут целый ряд очень интересных идей, как идти к интенсивности 10^{14} , и эту программу предполагалось вынести на Ученый совет в конце 1968 г. Но она так и не была реализована. Связано это было со следующими обстоятельствами.

Пока на Ученых советах решалась судьба синхрофазотрона, на нем продолжалась текущая научная работа. В 1967 г. сотрудник ЛВЭ В.И. Мороз, вдохновленный результатами исследований *np*-взаимодействий с помощью пропановой камеры, в которых пучки нейтронов получались при облучении мишени ускоренными протонами, решил использовать для экспериментов пучок нейтронов, полученный в результате стриппинга. Процесс стриппинга, т.е. обдирка с ускоренных дейтронов протонов, давал возможность сформировать пучок нейтронов с относительно небольшим разбросом импульсов, что способствовало более успешному изучению процесса *np*-взаимодействий [9, 10].

В связи с этим Мороз предложил начальнику отдела синхрофазотрона Л.П. Зиновьеву реализовать ускорение дейтронов. Задача с интересом была принята, так как еще в 1957 г. сразу после пуска синхрофазотрона Зиновьев говорил В.И. Векслеру о необходимости продумывать на будущее возможности ускорения кроме протонов и других частиц (что должно быть интересно для физиков-экспериментаторов) [Частное сообщение Зиновьева]. Но в то время Векслер категорически не поддержал это предложение, мотивируя тем, что сначала надо дать возможность физикам поработать с новыми протонными пучками. Предложение Мороза было первым реальным заказом со стороны физиков ускорить новые частицы.

Однако в дирекции ЛВЭ во главе с И.В. Чувило, который возглавил Лабораторию в сентябре 1966 г. после смерти В.И. Векслера, не все единодушно положительно отнеслись к предложению Мороза, так как оно уводило с уже твердо намеченного пути развития синхрофазотрона, определенного экспертной комиссией. Например, И.Н. Семенюшкин, заместитель Чувило, говорил: «Им (т.е. отделу синхрофазотрона) надо запретить заниматься не только ускорением дейтронов, но и думать об этом!» [Частное сообщение Л.П. Зиновьева]. Позже и другие сотрудники ЛВЭ подтвердили автору статьи такую позицию Семенюшкина. Хотя сам Чувило отнесся к задаче с пониманием [Частное сообщение Л.П. Зиновьева и В.И. Мороза].

Так как первоначально задача ускорения дейтронов не получила официальной поддержки, то команда энтузиастов в составе В.И. Мороза, Ю.Д. Безногих, Л.П. Зиновьева, Г.С. Казанского и А.И. Михайлова начала делать ее внепланово. Руководил работой Л.П. Зиновьев [9].

К середине 1968 г. Ю.Д. Безногих, А.И. Михайловым и Г.С. Казанским были выполнены необходимые расчеты и успешно проведены первые эксперименты на линейном ускорителе ЛУ-9 [10].

Решение этой задачи совпало со сменой директора ЛВЭ. В середине 1968 г. сначала и.о. директора, а потом и директором был назначен А.М. Балдин в связи с переходом И.В. Чувило на должность директора ИТЭФ в Москве. До этого Балдин был сотрудником ФИАН в Москве. Как новый в Лаборатории человек, Балдин, естественно, первоначально придерживался директивного курса развития ЛВЭ, принятого ранее, и не проявил интереса к «сторонней» задаче с дейтронами, начатой еще до его прихода в Лабораторию [Частное сообщение В.И. Мороза]. А тем временем в 1969 г. пучок ускоренных дейтронов уже был получен на выходе линейного ускорителя, и на очереди была задача его ускорения в синхрофазотроне.

В.И. Мороз, как потенциальный пользователь будущих пучков дейтронов, был заинтересован в реализации этой задачи, поэтому он сказал Балдину, что если это не будет сделано, он будет вынужден предложить ее другому институту. Только после этого Балдин выделил время работы на ускорителе для продолжения экспериментов, причем в отпускное летнее время, когда плановый график работы синхрофазотрона был довольно свободен [Частное сообщение Мороза].

В итоге, вопреки сопротивлению администрации Лаборатории и сугубо техническим подводным камням, 5 сентября 1970 г. был получен пучок ускоренных дейтронов с интенсивностью $0,9 \cdot 10^{10}$ частиц в импульсе.

Месяцем позже ускоренные дейтроны были выведены из камеры синхрофазотрона методом «быстрого» вывода, разработанного в секторе И.Б. Иссинского, и на выведенном пучке группой К.Д. Толстова было проведено первое облучение ядерных эмульсий [9]. Тогда же были проведены предварительные эксперименты по ускорению альфа-частиц, и шла работа по увеличению интенсивности их пучка [11].

Таким образом, в октябре 1970 г. работа по ускорению и выводу дейтронов на синхрофазотроне была успешно завер-

шена. Об этом той же осенью на XXIX сессии Ученого совета ОИЯИ было доложено Балдиным, где он сам признал, что «...тема с дейтронами не пользовалась большим приоритетом, шла на энтузиазме людей...» [12. С. 80] и подчеркнул, что В.И. Мороз «толкал эту проблему с большой силой и с большим упорством» [12. С. 71].

В 1970 г. авторский коллектив (Ю.Д. Безногих, Л.П. Зиновьев, И.Б. Иссинский, Г.С. Казанский, А.И. Михайлов, В.И. Мороз, Н.И. Павлов, Г.П. Пучков) за работу ускорения дейтронов был удостоен премии ОИЯИ [13. С. 12].

Как же развивались события в Лаборатории после ускорения дейтронов и альфа-частиц? А дальше произошло непредвиденное — как только реально на синхрофазотроне были ускорены эти частицы, Балдин проявил большой интерес к ускорению в дальнейшем и более тяжелых ядер. То, что в апреле 1967 г. было единогласно отвергнуто экспертной комиссией, Балдин, пользуясь своими полномочиями директора Лаборатории и поддержкой директора ОИЯИ, в то время Н.Н. Боголюбова, взял на вооружение для дальнейшего развития Лаборатории высоких энергий.

Хотя, собственно говоря, ничего удивительного в таком выборе не было. Когда все хорошо шло по ранее намеченному плану, зачем было отступать в сторону? Но когда вопреки плану группа энтузиастов сделала то, что открывало путь в совсем неизведанную область, почему этим не воспользоваться? В науке часто отдается предпочтение новому, хотя это вовсе не является залогом значительных открытий. Задачу получения интенсивности 10^{14} еще только предстояло решать в будущем, а здесь был готов путь, к которому уже раньше призывали такие известные ученые, как Пал, Флеров, Желепов.

Ускорение многозарядных ионов на синхрофазотроне обещало сделать этот ускоритель уникальным. Открывались новые возможности в изучении ядерной физики, которые А.М. Балдин определил, как «изучение систем коллективных частиц, движущихся со скоростями, близкими к скорости света. При этом надо учитывать структуру этих частиц». По его мнению, в то время это была очень интересная и важная проблема теории [12]. Новое направление А.М. Балдин назвал релятивистской ядерной физикой (РЯФ). Оно было поддержано в первую очередь Г.Н. Флеровым, а также Д.И. Блохинцевым, Б.М. Понтекорво, М.Г. Мещеряковым, В.П. Желеповым.

М.Г. Мещеряков (фото Ю. Туманова)

Поддержка Флеровым особенно понятна — еще в бытность директором ЛВЭ И.В. Чувило Флеров с Ю.Ц. Оганесяном приходили к нему с просьбой рассмотреть возможности ускорения на синхрофазотроне многозарядных ионов. Тогда же Оганесян пытался вдохновить на ускорение многозарядных ионов ускорительщиков Серпухова и Еревана, но тщетно [Частное сообщение Ю.Ц. Оганесяна]. Вряд ли Балдин, будучи первоначально противником ускорения дейтронов на синхрофазотроне по причине отсутствия у него интереса к физике релятивистских ядер, сам бы развернул Лабораторию в новом направлении, не имея такой мощной инициативы со стороны Флерова. Да, несомненно, Георгий Николаевич Флеров является главным инициатором целенаправленных исследований в области релятивистской ядерной физики. Сам А.М. Балдин и в своих работах, и в своих выступлениях не раз отмечал это. Например, в его отчетном докладе на XXXV сессии Ученого совета прозвучало, что *«релятивистские ядра, на что нас подвигнул Флеров* (выделено автором. — Л.З.), имеют прямое отношение к физике частиц» [14. С. 41]. Однако официально имя Г.Н. Флерова, как инициатора развития в Дуб-

А.М. Балдин
(фото Ю. Туманова)

В.И. Мороз

не релятивистской ядерной физики, не звучит. Например, в фундаментальной книге «Дубна — остров стабильности», выпущенной к 50-летию ОИЯИ, в разделе «Релятивистская ядерная физика» [15. С. 173–189] имя Г.Н. Флерова не упомянуто вообще!

Флеров хотел, чтобы новое направление развивалось, и поэтому всячески помогал Балдину на первых порах как идейно, так и материально. Например, он передал из своей лаборатории в ЛВЭ группу, возглавляемую Е.Д. Донцом, которая успешно занималась проблемой получения многозарядных ионов. Именно по совету Флерова в отделе синхрофазотрона В.А. Мончинским был создан лазерный источник легких ядер.

Хочется обратить внимание на следующее. В «Вестнике Российской Академии наук» [16. С. 687] и юбилейном сборнике, посвященном 70-летию А.Б. Балдина [17. С. 2], читаем: «По инициативе и под руководством А.М. Балдина в ОИЯИ возникло новое научное направление — релятивистская ядерная физика. Для развития экспериментальных исследований в этой области дубненский синхрофазотрон был преобразован в первый в мире ускоритель релятивистских ядер». Такая трактовка соответствует ситуации, когда телегу ставят впереди лошади. Ускоритель был преобразован не

потому, что того требовало новое научное направление Балдина, а наоборот: сначала ускорительщики ускорили дейтроны до релятивистских скоростей, а потом Балдин, как директор, стал думать, что же с этим делать.

Выше было сказано, что дейтроны были впервые ускорены на синхрофазотроне по предложению В.И. Мороза. Подробности этой работы В.И. Мороз описал в статье «Ускорение дейтонов на синхрофазотроне ОИЯИ» [9] (заметим, что дейтон и дейтрон — синонимы). Так как Балдин никакого участия в работе не принимал, то, естественно, в статье нет ни единого упоминания его фамилии. Однако, учитывая все-таки полученное его разрешение на завершение работы, он был поставлен соавтором в препринте [11]. А так как по алфавиту Балдин оказался первым, то дальше дело дошло до курьеза: в своих обзорных статьях по релятивистской ядерной физике [18, 19] он с легкостью пишет, что «ускорение дейтронов на дубненском синхрофазотроне показало, что принципиальных трудностей для получения пучков сложных ядер вплоть до релятивистских энергий нет». И при этом делает ссылку на упомянутый препринт [11] в общепринятой сокращенной форме следующим образом: «А.М. Балдин и др.» Чисто психологически у непосвященного читателя сразу складывается впечатление, что Балдин имеет самое непосредственное отношение к этой работе. Ему и в голову не может прийти, что и автор идеи В.И. Мороз, и все, кто осуществлял по-настоящему работу, находятся в «др.», а сам Балдин к работе не имеет прямого отношения. Более того, первоначально не поддержал ее, посчитав неперспективной. В своих научных журнальных обзорах А.М. Балдин ни разу не упомянул никого из реальных участников этой работы.

В юбилейном сборнике, посвященном 75-летию А.М. Балдина [20], упомянутый препринт [11] репродуцируется без всяких комментариев, как одна из его основополагающих работ, сделанных в ЛВЭ!

Со временем роль В.И. Мороза в ускорении дейтронов в ОИЯИ официально предали полному забвению. Например, в книге «Дубна — остров стабильности», выпущенной к 50-летию ОИЯИ, читаем [15. С. 174]: «Академик А.М. Балдин, будучи директором ЛВЭ, ... возглавил создание нового направления — релятивистской ядерной физики (РЯФ).

В его статье «Масштабная инвариантность ...» [21] была высказана новая идея о возможности существования в ядрах коллективных эффектов...

Для проверки этой идеи на синхрофазотроне ЛВЭ были ускорены дейтроны и поставлен эксперимент по поиску коллективного эффекта в ядрах, который получил название “ядерный кумулятивный эффект”».

Из этого текста по закону восприятия русского языка однозначно следует, что дейтроны были впервые ускорены на синхрофазотроне для проверки идеи Балдина о кумулятивном эффекте. Хотя, как было сказано выше, на самом деле, это не так!

До ускорения дейтронов на синхрофазотроне у А.М. Балдина не было ни одной (!) научной теоретической работы, ориентирующей физиков-экспериментаторов на релятивистскую ядерную физику. Теоретическая работа «Масштабная инвариантность...» [21], упомянутая выше, стала самой первой работой Балдина, связанной с этим направлением. Она появилась в январе 1971 г. в сборнике «Краткие сообщения по физике», издаваемом ФИАН, т.е. уже после успешного ускорения на синхрофазотроне дейтронов и альфа-частиц. Это та работа, в которой Балдин сделал предсказание кумулятивного эффекта, причем, зная уже о реальной возможности ускорения на синхрофазотроне альфа-частиц, т.е. ядер гелия. Об этом свидетельствует фраза в работе: «...на дубненском синхрофазотроне, рассчитанном на получение протонов с энергией 10 ГэВ, можно получить ядра гелия с энергией 20 ГэВ...». Однако, что интересно, нет ссылки, на основании чего это написано! То есть нет ссылки на первую основополагающую печатную работу по преобразованию синхрофазотрона в ускоритель релятивистских ядер, где среди авторов нет фамилии Балдина [10]. А именно эта работа стала предвестником возникновения релятивистской ядерной физики.

В 1971 г. кумулятивный эффект впервые был обнаружен в экспериментах на синхрофазотроне группой под руководством В.С. Ставинского [22].

Отношение к этому результату среди физиков далеко неоднозначное. Многие считают, что подобное явление, только при более низких энергиях (675 МэВ), уже наблюдалось в 1957 г. в экспериментах на синхроциклотроне Лаборатории ядерных проблем (ЛЯП), проводимых группой под руководством М.Г. Мещерякова [23]. Именно поэтому профессор А.В. Ефремов считает, что у истоков релятивистской ядерной физики стоял М.Г. Мещеряков [24]. В своем мнении А.В. Ефремов далеко не одинок.

Достоверно известно, что в момент написания своей работы по масштабной инвариантности Балдин знал о работе группы Мещерякова, но почему-то не упомянул ее. Поэтому его предсказание могло считаться таковым лишь для случая наблюдения уже известного явления, но при других условиях, а не как предсказание какого-то принципиально нового явления. А так как значительная часть физиков считает, что суть явления, наблюдаемого в экспериментах групп Мещерякова и Ставинского, одна и та же, то понятно, почему результат экспериментов группы Мещерякова в 1979 г. с приоритетом от 1.07.1957 был зарегистрирован открытием, а Ставинского — нет [25. С. 227].

В дальнейшем А.М. Балдину не раз указывали на прямую взаимосвязь между работами Ставинского и Мещерякова в том, что в обоих случаях наблюдался кумулятивный эффект. Он с этим не соглашался, но так ни разу и не выступил в печати с возражениями. Последователи Балдина продолжают игнорировать работу группы Мещерякова. Вопрос о взаимосвязи работ Мещерякова и Ставинского так и остается до сих пор открытым — пока нет работы, в которой бы четко и ясно он был рассмотрен.

В начале 1970-х годов релятивистская ядерная физика только зарождалась, и ее будущее было достаточно неопределенным. Но уже в 1973 г. Балдин четко выделил ряд проблем, которые должны были решаться новым направлением [26]:

1) исследование столкновений релятивистских ядер в связи с построением теории сильных взаимодействий;

2) изучение кумулятивного эффекта. Это было интересно с точки зрения повышения энергии частиц в ускорителях за счет высокоэнергетических вторичных частиц. Однако в дальнейшем из-за малой их интенсивности от этой идеи отказались;

3) изучение прохождения релятивистских многозарядных частиц через вещество. Это интересно с точки зрения получения сведений о составе и природе космического излучения, о радиационной безопасности космонавтов и космических аппаратов;

4) исследования с помощью пучков релятивистских ядер ряда медико-биологических проблем, включая онкологию. (В то время такими исследованиями уже активно с 1971 г. занимались в США на «Бэватроне» [Частное сообщение Ю.Ц. Оганесяна].)

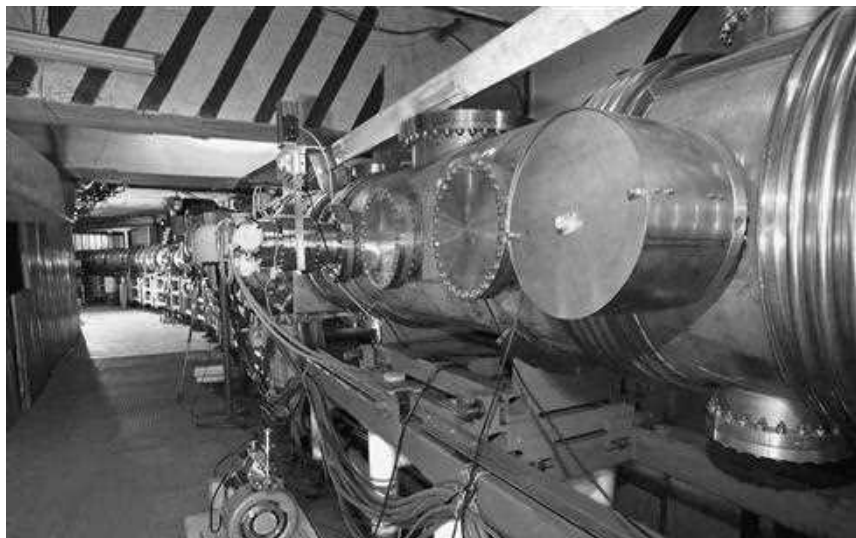
Наряду с релятивистской ядерной физикой в ЛВЭ остались прежние основные направления: бинарные реакции, электромагнитная структура элементарных частиц, множественное образование частиц, но уже к 1975 г. новое направление стало лидирующим. Правда, с 1981 г. лидерство перешло к спиновой физике, в которой в течение последующих двадцати лет были получены значительные результаты.

Нельзя сказать, что все единодушно приняли релятивистскую ядерную физику. Некоторые полагали, что переход к изучению релятивистской ядерной физики есть «сползание от физики частиц к ядерной физике» [14. С. 42]. Балдин же в течение первых нескольких лет упорно доказывал состоятельность нового направления и был убежден, что оно еще себя покажет. Возражая скептикам, он говорил, во-первых, «очень трудно указать такую проблему физики элементарных частиц, которую нельзя было бы изучать с помощью релятивистских ядер. Во-вторых, хорошая ядерная физика много лучше плохой физики высоких энергий» [14. С. 42].

Для укрепления позиций нового направления Балдин организовал ежегодный международный семинар, который получил неофициальное название «Балдинская осень». После смерти Балдина в 2001 г. этому семинару под названием «Релятивистская ядерная физика и квантовая хромодинамика» было присвоено имя А.М. Балдина. Сейчас он проводится один раз в два года. Релятивистской ядерной физикой начали заниматься в США, Франции, Японии.

При каждом удобном случае А.М. Балдин доказывал своим оппонентам положительный момент релятивистской ядерной физики — для целого ряда задач исследование столкновения релятивистских ядер на синхрофазотроне эквивалентно исследованию взаимодействий элементарных частиц при энергии 300 ГэВ. Такая точка зрения была убедительна не для всех. Разногласия по поводу релятивистской физики, на наш взгляд, правильно оценил Д.И. Блохинцев: «...дело, в конце концов, заключается не в том, какие ядра ставятся, а КТО смотрит на эти ядра и КТО думает о том, что там получается» [14. С. 60].

Взросший интерес к релятивистской ядерной физике благодаря первым успешным исследованиям в этой области на синхрофазотроне, вдохновил Балдина на создание в ЛВЭ специального ускорителя многозарядных ионов — нуклотрона [26]. Его расположили в подвале здания, в котором находился синхрофазотрон. С точки зрения ускорения частиц в

Общий вид нуклотрона

нуклотроне нет ничего нового — это известный тип циклического ускорителя с жесткой фокусировкой, предназначенный для ускорения ядер по методу, уже апробированному на синхрофазотроне. То, что в целях экономичности эксплуатации нуклотрона используются сверхпроводники, тоже нет ничего принципиально нового, так как к моменту предложения построить новый ускоритель, уже были известны работы, посвященные новым в то время ускорителям на сверхпроводниках как в Советском Союзе, так и за границей [26].

Но в сравнении с синхрофазотроном конструкция вакуумной системы нуклотрона должна была обеспечить ускорение ядер вплоть до урана, в то время как вакуумная система синхрофазотрона не позволяла получать сколько-нибудь значимые интенсивности пучков ядер тяжелее неона [26].

В период создания нуклотрона, о нем в Дубне много говорили в местных СМИ и в научных кругах, — он должен был заменить синхрофазотрон с заметно лучшими характеристиками.

Физический пуск нуклотрона состоялся в 1993 г. Его создание шло с большим трудом — сначала в экономическом плане мешали перестроечные времена, потом постоянно были проблемы с интенсивностью и стабильностью работы.

В 1993 г. при сообщении на 73-й сессии Ученого совета ОИЯИ о пуске нуклотрона А.М. Балдин заявил, что «син-

хрофазотрон закроют, как только пучки нуклотрона станут не хуже его пучков» [27. С. 56]. Почти 10 лет синхрофазотрон по существу выручал коллектив ускорительщиков, работавших на нуклотроне. Однако на страничке ЛВЭ в интернете в тот период можно было прочитать: «С запуском и развитием нуклотрона в 90-х годах возникают качественно новые возможности для изучения свойств атомных ядер. Отечественная физика, наука стран-участниц ОИЯИ получили мощную основу для первоклассных исследований по физике сильных взаимодействий». Синхрофазотрон закрыли в 2002 г., хотя пучки нуклотрона так и не достигли его параметров. Первые несколько лет работы нуклотрона правда о нем хранилась, как военная тайна. Но потом уже открыто в докладах серьезных конференций (например, доклад директора ОИЯИ А.Н. Сисакяна в 2007 г. на конференции в Дубне, посвященной 100-летию В.И. Векслера) стали говорить о его недостатках, особенно о маленькой интенсивности, что значительно затрудняло проводить физические эксперименты на должном уровне. Физики ностальгически вспоминали эксперименты на синхрофазотроне.

В 1997 г. за цикл работ «Создание и развитие дубненского ускорительного комплекса «Синхрофазотрон–нуклотрон»; разработка и осуществление программы физических исследований по релятивистской ядерной физике» А.М. Балдин единолично был удостоен премии имени В.И. Векслера [25. С. 53]. Несколько слов о получении этой премии.

Довесок в виде «программы физических исследований» был здесь лишним, так как премия имени Векслера присуждается 4 марта один раз в три года, начиная с 1994 г., только за выдающиеся достижения в области ускорительной техники. Поэтому серьезное обсуждение работы, представленной на премию, могло идти только в русле заслуг Балдина именно в отношении синхрофазотрона и нуклотрона. Состояние нуклотрона на момент представления к премии, как было показано выше, было отнюдь не премиальным. Заслуги Балдина в развитии синхрофазотрона были четко прописаны в ходатайстве академика М.А. Маркова, которое было представлено им в Президиум Российской Академии наук для поддержания цикла работ Балдина [17. С. 26–27].

Из ходатайства узнаем, что «А.М. Балдин предложил (это закреплено соответствующими публикациями) реконструкцию ускорителя (синхрофазотрона. — Л.З.), основанную на создании систем медленного вывода, развитии систем инжек-

В.С. Ставинский

Г.Н. Флеров
(фото Ю. Туманова)

Л.П. Зиновьев
(фото Н.В. Печёнова)

ции... Под руководством А.М. Балдина синхрофазотрон был преобразован в первый в мире ускоритель релятивистских ядер...».

Посмотрим, каково же реальное участие Балдина в работах, перечисленных Марковым.

1. Создание нового инжектора (ЛУ-20). Работа была начата в 1964 г. [28. С. 9]. В 1974 г. ее авторский коллектив (И.М. Баженова, Ю.Д. Безногих, М.А. Воеводин, Л.П. Зиновьев, И.И. Карпов, Л.Г. Макаров, В.А. Мончинский, В.А. Попов, И.Н. Семенюшкин, Ю.В. Смирнов) был удостоен премии ОИЯИ [13. С. 16].

2. Медленный вывод ускоренного пучка из синхрофазотрона. Работа была начата в 1967 г. [29. С. 4]. В 1972 г. ее авторский коллектив (Б.В. Василишин, В.И. Волков, Л.П. Зиновьев, И.Б. Иссинский, С.В. Каленов, Е.М. Кулакова, С.А. Новиков, Б.Д. Омельченко, Н.И. Павлов, В.Ф. Сиколенко) был удостоен премии ОИЯИ [13. С. 14].

3. Ускорение и вывод пучка дейтронов из синхрофазотрона, т.е. перевод синхрофазотрона из режима протонного ускорителя в режим ускорителя релятивистских ядер. Работа была начата в 1967 г. [10]. В 1970 г. авторский коллектив (Ю.Д. Безногих, Л.П. Зиновьев, И.Б. Иссинский, Г.С. Казанский, А.И. Михайлов, В.И. Мороз, Н.И. Павлов, Г.П. Пучков) был удостоен премии ОИЯИ [13. С. 12].

В ходатайстве М.А. Маркова особенно поражает слово «предложил», так как из выше представленной информации о всех трех работах хорошо видно, что все они были начаты до прихода Балдина в ЛВЭ и, хотя завершались уже в бытность его директором, но по программам, разработанным самими ускорительщиками без его участия. Это подтверждается и отсутствием имени Балдина в списке соавторов всех трех работ, отмеченных премией. И что это за «соответствующие публикации», которых просто нет?

Всеми работами по совершенствованию ускорителя непосредственно руководил начальник отдела синхрофазотрона Л.П. Зиновьев.

Как выяснилось позже, Балдин претендовал на премию дважды: в 1994 г. и в 1997, делая, конечно, упор на нуклотрон. В 1994 г. на премию были представлены три автора. Учитывая, что нуклотрон в то время, по существу, не работал, Балдин сходу был отклонен комиссией.

В 1997 г. он вновь представил на премию тот же самый цикл. За прошедшие три года (с 1994), дела на нуклотроне

значительно не улучшились, и премию вновь не хотели давать, но в тот год Балдин оказался единственным претендентом, и премию вопреки содержанию... дали.

С принятым курсом развития в ЛВЭ релятивистской ядерной физики утвержденный прежде курс на интенсивность 10^{14} протонов в импульсе был негласно отменен, а достигнутая интенсивность 10^{12} с новым инжектором ЛУ-20 и реализованный «медленный» вывод не только не противоречили новому курсу, а наоборот, способствовали ему.

Что же касается экспериментов, предложенных в свое время Пневским, то они успешно были реализованы на ускорителе в ЦЕРН [30, 31].

В конце 2006 г. нуклотрон, который так и не достиг проектных параметров, закрыли на несколько лет на реконструкцию в связи с новыми научными планами, потеснившими релятивистскую ядерную физику в Дубне.

В науке всегда влечет неизведанное — кажется, вот именно сейчас откроется нечто неожиданное. Прошло более сорока лет с момента обсуждения судьбы синхрофазотрона в 1967 г. Было много надежд на путь, предлагаемый Пневским. Но ускорение на синхрофазотроне дейтронов поманило пойти другим путем. Сегодня налицо результаты обоих направлений — масса новых научных данных, но ни там, ни там революционных открытий пока нет! Это, с одной стороны. С другой, история ускорения многозарядных ионов на синхрофазотроне лишний раз ярко продемонстрировала, что экспертные оценки различных советов не являются гарантом успешного развития науки в том или ином направлении, о чем автор писала ранее [32] (см. Приложение).

Благодарность

Автор благодарит Е.В. Лобко, Е.Н. Шамаеву и С.В. Гетьман за помощь при работе с архивными документами, а также А.В. Беляева за техническую помощь при оформлении статьи.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Л.Л. ЗИНОВЬЕВА

К вопросу о приоритетах в науке [32. С. 2]

В настоящее время при резком ограничении финансирования науки особенно остро стоит вопрос определения приоритета на-

учных направлений. Недаром он занял одно из главных мест предвыборного доклада нового директора ОИЯИ А.Н. Сисакяна. В докладе было отмечено, что в своих решениях дирекция Института будет основываться на рекомендациях НТС, ПКК, Ученого совета.

Хочется заметить, что сложность вопроса состоит в том, что объективных критериев определения научных приоритетов нет и, похоже, не может быть вообще. При определении приоритета фундаментального исследования тем самым как бы придается значимость еще неизвестным результатам, т.е. налицо нонсенс. Тем более, хорошо известно, что многие открытия в науке делаются совершенно непредсказуемо. Так было, например, с открытиями радиоактивности, эффекта Вавилова–Черенкова, действительной части амплитуды упругого *pp*-рассеяния.

Казалось бы, для прикладных задач проблем с критерием определения приоритета нет, так как в них изначально формулируется конечный результат, и предпочтение отдается проектам, наиболее актуальным на данный момент. Однако и здесь есть свои подводные камни. Результат может быть очень привлекателен, но его реализация, по крайней мере, на рассматриваемый момент нереальна. Представьте себе задачу создания мобильного в XIX веке. Полнейшая утопия! Это в лучшем случае — когда просто не подошло время для решения поставленной задачи. А в худшем, когда задача представляет собой своего рода «*perpetuum mobile*», который не так-то просто распознать. Все это говорит о том, что опора на экспертные оценки различных советов не является панацеей от научных тупиков, с одной стороны, и не гарантирует учет по-настоящему перспективных направлений, с другой.

Спрашивается, как же быть, особенно в отношении последних? Здесь единственным экспертом является время. Исторический путь развития науки свидетельствует, что жизнеспособные идеи, по каким-либо причинам отвергнутые как несостоятельные, рано или поздно обретают жизнь. Так, со временем восторжествовала «ересь» Джордано Бруно, были реабилитированы генетика и кибернетика, признали получение замедлителя крови перфторана, оправдали «идеализм» в физике.

Все это говорит о том, что приоритеты приоритетами, а истинным двигателем науки является искренняя любовь к ней, убежденность исследователей в своей правоте. Именно эти категории, вместе взятые, всегда пробивают дорогу истине.

1. Стенограмма XIV сессии Ученого совета ОИЯИ, 1963 г. Архив ОИЯИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 273.
2. Стенограмма XXI сессии Ученого совета ОИЯИ, 1967 г. Архив ОИЯИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 507.
3. Стенограмма XV сессии Ученого совета ОИЯИ, 1964 г. Архив ОИЯИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 319.
4. *Грин Г. и Курант Э.* Синхрофазотрон / Ускорители. Сборник статей. Под ред. Б.Н. Яблокова. — М.: Госатомиздат, 1962. 560 с. С. 292–488.
5. Материалы XXII сессии Ученого совета ОИЯИ, 1967 г. Архив ОИЯИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 510.
6. Стенограмма XXII сессии Ученого совета ОИЯИ, 1967 г. Архив ОИЯИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 509.
7. Стенограмма XXV сессии Ученого совета ОИЯИ, 1969 г. Архив ОИЯИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 643.
8. Стенограмма XXIII сессии Ученого совета ОИЯИ, 1968 г. Архив ОИЯИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 573.
9. *Мороз В.И.* Ускорение дейтронов на синхрофазотроне ОИЯИ // «За коммунизм». 1971. 26 января. С. 2.
10. *Безногих Ю.Д., Зиновьев Л.П., Казанский Г.С., Михайлов А.И., Мороз В.И., Павлов Н.И.* Об одном режиме ускорения d и He в синхрофазотроне ОИЯИ до импульсов 11 и 22 ГэВ/с соответственно // Препринт ОИЯИ, Р9-4214, Дубна, 1968.
11. *Балдин А.М., Безногих Ю.Д., Зиновьев Л.П., Иссинский И.Б., Казанский Г.С., Михайлов А.И., Мороз В.И., Павлов Н.И., Пучков Г.П.* Ускорение и вывод дейтронов из синхрофазотрона ОИЯИ. // Препринт ОИЯИ, Р9-5442, Дубна, 1970.
12. Стенограмма XXIX сессии Ученого совета ОИЯИ, 1969 г. Архив ОИЯИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 731.
13. Премии Объединенного института ядерных исследований. Сборник. — Дубна: ОИЯИ, 1996. 59 с.
14. Стенограмма XXXV сессии Ученого совета ОИЯИ, 1974 г. Архив ОИЯИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 1072.
15. Дубна — остров стабильности. Очерки по истории Объединенного института ядерных исследований (1956–2006 гг.) / Под общ. ред. В.Г. Кадышевского, А.Н. Сисакяна, Ц. Вылова. — М.: ИКЦ «Академкнига», 2006. 643 с.
16. Вестник Российской Академии наук. 1997. Т. 76, № 8.
17. Академик А.М. Балдин. Юбилейный сборник к 70-летию со дня рождения. — Дубна: ОИЯИ, 1996. 140 с.
18. *Балдин А.М.* Физика релятивистских ядер // Природа. 1976. № 10. С. 46–58.
19. *Балдин А.М.* Физика релятивистских ядер // ЭЧАЯ. 1977. Т. 8, вып. 3. С. 429–477.

20. Академик А.М. Балдин. Юбилейный сборник к 75-летию А.М. Балдина. — Дубна: ОИЯИ, 2001. 257 с.
21. Балдин А.М. Масштабная инвариантность адронных столкновений и возможность получения пучков частиц высоких энергий при релятивистском ускорении многозарядных ионов // ФИАН. Краткие сообщения по физике. 1971. № 1. С. 35–39.
22. Балдин А.М., Гиордэнеску Н., Зубарев В.Н., Кириллов А.Д., Кузнецов В.А., Мороз Н.С., Радоманов В.Б., Рамжин В.Н., Свиридов В.А., Ставинский В.С., Яцута М.И. Наблюдение пионов высокой энергии при столкновении релятивистских дейтронов с ядрами // Препринт ОИЯИ, Р1-5819, Дубна, 1971.
23. Ажгирей Л.С., Взоров И.К., Зрелов В.П., Мещеряков М.Г., Негазов Б.С., Шабудин А.Ф. Выбивание дейтронов из ядер Li, Be, C и O протонами с энергией 675 MeV // ЖЭТФ, 1957. Т. 33, вып. 5(11), С. 1185–1195.
24. Ефремов А.В. Михаил Григорьевич и релятивистская ядерная физика. — В кн.: Михаил Григорьевич Мещеряков. К 100-летию со дня рождения / Под общ. ред. Р.Г. Позе, Е.М. Молчанова; Сост. Т.А. Стриж. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Дубна: ОИЯИ, 2010. 403 с., 53 с. фото. С. 193–195.
25. Шафранова М.Г. Объединенный институт ядерных исследований: Информационно-биографический справочник. — Изд. 2-е. — М.: Физматлит, 2002. 288 с.
26. Алексеев В.П., Балдин А.М., Безногих Ю.Д. и др. Перспективы исследований по релятивистской ядерной физике в ЛВЭ ОИЯИ (Сообщения по развитию ускорительного комплекса) // Сообщения ОИЯИ, 9-7148. — Дубна: ОИЯИ, 1973.
27. Стенограмма 73-й сессии Ученого совета ОИЯИ, 1993 г. Архив ОИЯИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 3342.
28. Краткий отчет о деятельности Объединенного института ядерных исследований за 1964 г. Архив ОИЯИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 344. 60 с.
29. Краткий отчет Объединенного института ядерных исследований о научной деятельности в 1967 г. Архив ОИЯИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 543. 22 с.
30. Faessler M.A., Heinzelman G., Kilian K., Lynen U., Piekarz H., Piekarz J., Pietrzyk B., Povh B., Ritter H.G., Schurlein B., Siebert H.W., Soergel V., Wagner A. and Walenta A.H. Spectroscopy of the hypernucleus ^{12}C . // Phys. Lett. 1973. V. 46B. P. 468.
31. Bruckner W., Faessler M.A., Kilian K., Lynen U., Pietrzyk B., Povh B., Ritter H.G., Schurlein B., Schroder H. and Walenta A.H. Hypercharge exchange reactions on nuclei // Phys. Lett. 1975. V. 55B. P. 107.
32. Зиновьева Л.Л. К вопросу о приоритетах в науке // «Дубна». 2005. № 20. С. 2.

В.А. ЕРОШЕНКО

*Национальный технический университет Украины
«Киевский политехнический институт»*

МЕХАНИЧЕСКИЙ ЭКВИВАЛЕНТ ТЕПЛОТЫ. ОБ «АНАТОМИИ» И ФУНДАМЕНТАЛЬНОСТИ ЭКСПЕРИМЕНТОВ ДЖОУЛЯ

1. Неоднозначное восприятие экспериментов Джоуля в научной среде

Историческая заслуга Д.П. Джоуля перед термодинамикой заключается в том, что он был в числе первых исследователей, кто экспериментально обнаружил вначале пропорциональную зависимость между подведенной к системе механической работой W и произведенной ею теплотой Q (в адиабатических условиях), а затем эту устойчивую связь выразил через механический эквивалент теплоты (МЭТ). Д. П. Джоуль вместе с Ю.Р. Майером и Г.Л. Гельмгольцем делит славу основоположников современной термодинамики — авторов формулировки ее I начала.

Во всем мире учебники физики содержат описание классического эксперимента Джоуля по определению механического эквивалента теплоты [1–5]: падающий в гравитационном поле с высоты h_0 до уровня $h_0 - \Delta h$ груз массой m вращает гребное колесо (мешалку) и тем самым нагревает на температуру $\Delta\theta$ жидкость (массой M и теплоемкостью c) в теплоизолированном сосуде (в адиабатическом калориметре). При этом, ссылаясь на работы Джоуля [1–5], многие исследователи [6–13] рекомендуют рассчитывать МЭТ по формуле

$$\text{МЭТ} = \frac{W}{Q} = \frac{mg\Delta h}{Mc\Delta\theta}, \text{ кГм/ккал или Дж/кал.} \quad (1)$$

И лишь немногие (например, [6–8]) уточняют, что Джоуль корректировал числитель выражения (1) для экспери-

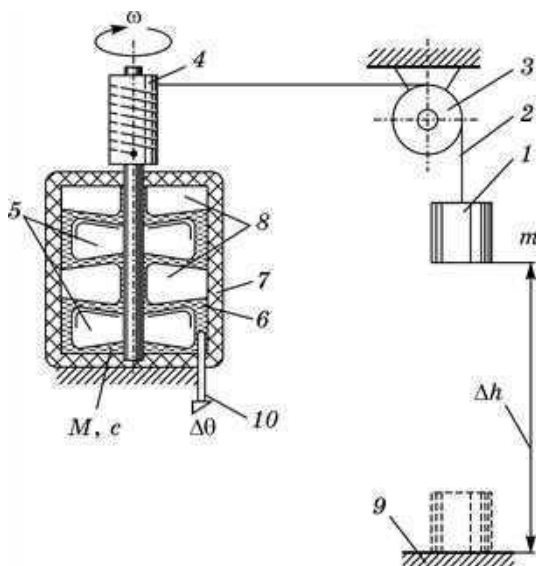

Рис. 1. Упрощенная схема установки Джоуля для определения механического эквивалента теплоты (обозначения позиций указаны в тексте)

ментов с большой скоростью падения груза в момент его останова.

На рис. 1 представлена упрощенная схема установки Джоуля для определения механического эквивалента теплоты с помощью формулы (1). Именно эта упрощенная схема приводится в подавляющем числе современных научных и учебно-методических публикаций. Груз 1 через кинематическую связь «нить 2–блок 3–барабан 4» вращает вал многорысчатого гребчатого колеса 5 и перемешивает жидкость 6 в сосуде 7 (адиабатический калориметр). Неподвижные лопасти 8 имеют двойное назначение. С одной стороны, они не позволяют «бесполезно» вращать вязкую жидкость как единое целое, т.е. без заметного производства тепла (из-за малой удельной поверхности контакта «жидкость–мешалка и стенки сосуда»). С другой стороны, их наличие в зоне вращения мешалки 5 способствует более тонкому диспергированию жидкости во всем объеме сосуда, обеспечивая тем самым более эффективное проявление сил вязкого трения (нагрев жидкости во всем объеме) при подводе механической энергии к валу мешалки. Барабан 4 теплоизолирован от вала мешалки 5. Изменение температуры жидкости регист-

рируется термометром 10. Контролируемое перемещение Δh груза 1 устанавливается положением подставки 9 или фиксированной длиной нити 2. Сухим трением в кинематической схеме установки можно пренебречь: Джоулю удалось это доказать экспериментально (по его данным [2] коэффициент трения в механических сочленениях был порядка 0,01).

Впервые Джоуль представил результаты своих экспериментов по определению МЭТ методом мешалки на собрании Британской ассоциации ученых в 1850 г., где докладчиком был его наставник М. Фарадей [3].

В течение последующих более 150 лет в работах последователей Джоуля и интерпретаторов его опытов произошло своего рода «размывание» проблем, с которыми сталкивался и пытался решить Джоуль, и одновременно «заиливание» и упрощение сущности экспериментов Джоуля. В основе таких «размываний» и «заиливаний» лежало, видимо, желание исследователей сохранить незыблемой сердцевину и математическую изящность выражения (1), принадлежащего Джоулю. К сожалению, в мировой научной литературе практически нет широкой дискуссии по поводу причин, в силу которых наблюдается разброс экспериментальных данных по МЭТ у Джоуля и его последователей.

В различных теоретических и экспериментальных работах по определению МЭТ [1–5, 14–19] можно встретить значения МЭТ от 315 кГм/ккал [15, 16] до 570 кГм/ккал [17], среди них можно найти и значение 367 кГм/ккал [14]. Это нельзя объяснить возможными экспериментальными ошибками, ведь к середине XIX века с высокой точностью определялись массы, теплоемкости, геометрические размеры, время, температуры. Например, Джоуль и другие [1–5, 18, 19] определяли температуру с точностью до 0,005 градуса (!), для этого шкала термометра содержала лупу... Достойные подражания деонтология, высокая культура и ответственность исследователей-экспериментаторов того времени исключают возможность небрежного отношения к экспериментам или подтасовок результатов последних при подготовке публикаций или отчетов [20]. Доказательством внимательнейшего отношения к эксперименту может служить такой факт: Джоуль при составлении баланса энергии на своей установке учитывал даже работу изгиба нити 2 на блоке 3 и барабане 4, энергию звука при ударе груза 1 о подставку 9 и другие тонкие эффекты.

При окончательном выборе величины МЭТ [21–23] предпочтение было отдано значению 426,935 кГм/ккал (4,186 Дж/кал), близкому к среднему значению из опытов Джоуля на термомеханической установке «падающий груз–мешалка жидкости» — 425,838 кГм/ккал [1–5] и из его опытов по нагреву жидкости электрическим током [24]. По этой причине тема статьи касается, в основном, экспериментов на признанной классической установке Джоуля (рис. 1).

В свое время указанные экспериментальные работы по определению МЭТ должны были подтвердить справедливость закона сохранения энергии (I начало термодинамики — принцип эквивалентности «механическая работа–теплота»).

В настоящее время МЭТ служит не только для перевода внесистемных единиц в единицы СИ (1 кал = 4,1868 Дж), но и является своего рода фундаментальной физической константой (наряду с такими, как газовая постоянная R , постоянная Планка h и другие).

Кстати, при экспериментальном определении постоянной Планка не было таких проблем, как с МЭТ: в период с 1920 по 2000 гг. величина $h = 6,625 \cdot 10^{-34}$ Дж·с (квант действия) была уточнена во *втором* знаке после запятой! Уже по этой причине методика определения МЭТ должна быть скрупулезно изучена, ведь безупречность теоретического и экспериментального доказательства — это первейшее требование, предъявляемое к любым физическим величинам, претендующим на роль «физических констант». Проверим, насколько это требование соблюдается при определении МЭТ на термомеханической установке Джоуля (рис. 1).

Привлекательная изящность формулы (1) и сегодня может скрывать от ее пользователей источники возможных ошибок при экспериментальном определении МЭТ. Примером тому может служить «своеобразная» интерпретация экспериментов Джоуля целым рядом исследователей [9–13].

Начнем с того, что даже форма записи правой части выражения (1) создает ложное впечатление, будто установка Джоуля (рис. 1) является консервативной системой, где вся потенциальная энергия груза $mg\Delta h$ последовательно переходит вначале в кинетическую энергию $m\dot{h}^2/2$ ($\dot{h}$ — скорость падения груза) и затем посредством мешалки в тепловую энергию $Msc\Delta\theta$. Примеров тому множество: в пособиях для студентов и инженеров [9–13] рекомендуется напрямую использовать формулу (1), полагая, что в момент касания

подставки скорость груза $\dot{h} \rightarrow 0$. Группа авторов во главе с академиком Г.С. Ландсбергом [9] правомочность использования формулы (1) без всякой ее коррекции обосновывает другим образом: «...сила тяжести совершает работу, равную весу груза $P = mg$, умноженному на высоту Δh , с которой он опускается. В начале и в конце опыта все части прибора — груз, лопасти и вода — находятся в покое, так что в результате опыта кинетическая энергия всех этих тел не изменяется. Таким образом, *вся совершенная работа $mg\Delta h$ вызывает только нагревание* воды, лопастей и других частей прибора» (выделено курсивом в [9. С. 436]).

Для чисто механической системы с суммарной энергией $E_k = U + T = \text{const}$ (U — потенциальная энергия, T — кинетическая энергия) ее *консервативность* ($\Delta E_k = 0$, $\Delta T = -\Delta U$) проявляется через возрастание кинетической энергии груза при уменьшении его потенциальной энергии, и наоборот.

Воспользуемся лагранжианом механической системы $L = T - U$ и уравнением Лагранжа II рода для консервативных систем [25] и уточним, в каких условиях потенциальная энергия $U = mgh$ падающего тела действительно может полностью превращаться в кинетическую $T = mh^2/2$. Итак, для $L = T - U$ имеем

$$\frac{d}{dt} \left(\frac{\partial L}{\partial \dot{h}} \right) - \frac{\partial L}{\partial h} = 0, \quad (2)$$

где h и $\dot{h}$ — обобщенные координата и скорость системы соответственно; перемещение груза (м) и его скорость (м/с).

Подстановка вышеуказанных значений T и U в равенство (2) дает тривиальное выражение для ускорения падающего груза $\ddot{h}$ (м/с²)

$$\ddot{h} = g, \text{ м/с}^2 \quad (3)$$

и затем — давно знакомые соотношения: $\dot{h} = gt$ и $h = gt^2/2$.

Из уравнения (3) следует, что только при свободном движении груза m в поле гравитационных сил ($\ddot{h} = g$) потенциальная энергия может полностью переходить в кинетическую и наоборот (свойство консервативных систем [26]). Сразу возникает вопрос: является ли установка Джоуля (рис. 1) консервативной системой? Ответ: нет. Значит, правая «нулевая» часть равенства (2) не годится для интерпретации экспериментов Джоуля и точного определения МЭТ.

Необходимость коррекции числителя в выражении (1) на величину некомпенсированной кинетической энергии груза

в момент его приземления с конечной скоростью была известна Джоулю [5–7], хотя в своих работах он не пользовался понятиями «консервативная» и «диссипативная» система. Более того, чтобы исключить необходимость обсуждаемой коррекции числителя (1), он одним экспериментальным ухищрением часто уменьшал скорость опускания груза $\dot{h}$ до пренебрежимо малой величины [3, 5]. В Приложении 1 можно найти более детальную схему установки Джоуля и прием, с помощью которого Джоуль уменьшал скорость падения груза $\dot{h}$. Насколько это уменьшение было «пренебрежимо» и решало ли оно проблему точного экспериментального определения МЭТ, будет показано ниже.

2. Экспериментальная установка Джоуля — диссипативная система

Дадим строгую классификацию гидромеханической системы, представленной на рис. 1 и в Приложении 1 (эта система одновременно является и термомеханической). Фактически, установка Джоуля — это *диссипативная* система с *голономными* связями, поведение которой может быть описано дифференциальным уравнением Лагранжа II рода с правой частью [25]. Рассматриваемая система является диссипативной из-за фактического превращения части механической энергии падающего груза в работу по преодолению сил вязкого трения жидкости, т.е. в тепловую энергию. Механические связи установки являются голономными, так как к установке применимы ограничения, накладываемые только на перемещение ее частей, но не на их скорость [26].

Анализируем работу экспериментальной установки Джоуля (рис. 1 и Приложение 1) с помощью уравнения Лагранжа для диссипативных систем [25] (оставляем прежними общее выражение для лагранжиана системы $L = T - U$ и обозначения ее обобщенных координаты и скорости)

$$\frac{d}{dt} \left(\frac{\partial L}{\partial \dot{h}} \right) - \frac{\partial L}{\partial h} = -F_i, \quad (4)$$

где F_i — диссипативная сила, вычисленная в Приложении 1:

$$F_i = K\eta(R_3/r_3)\dot{h}, \quad \text{Н}, \quad (5)$$

где $K = nk(R_5/R_4) = \text{const}$, м.

Как правило, при переходе от одной серии экспериментов к другой коэффициент K у Джоуля оставался неизмен-

ным. Чаще изменяли вязкость жидкости η (вода, ртуть, китовый жир и другие жидкости) и соотношение радиусов R_3/r_3 блока 3 (блока упрощенного — на рис. 1 и реально — на рис. П1).

В свою очередь

$$F_i = \frac{d}{dt} \left(\frac{\partial W}{\partial \dot{h}} \right), \quad (6)$$

$$W = F_i \dot{h}_5 t, \quad (7)$$

где W — диссипативная функция системы (работа против сил вязкого трения); $\dot{h}_5$ — линейная скорость средней части лопастей мешалки 5 (см. рисунок в Приложении 1); t — время вращения мешалки (равно или больше времени падения груза, это зависит от «сценария» проведения опыта).

Оставляем прежним выражение для потенциальной энергии падающего груза $U = mgh$, но уточняем *реальное* значение кинетической энергии T всех подвижных частей установки Джоуля (рис. 1 и Приложение 1). Естественно, что сущность и величина кинетической энергии T для диссипативной системы будет отличаться от ранее рассмотренной при анализе консервативной системы (2):

$$T = T_1 + T_2, \text{ Дж}, \quad (8)$$

где $T_1 = m\dot{h}^2/2$ — кинетическая энергия падающего груза 1, $T_2 = \sum J_i \omega_i^2 / 2$ — суммарная кинетическая энергия остальных подвижных (вращающихся) массивных элементов установки Джоуля: блока 3, барабана 4, вала и гребного колеса мешалки 5; здесь J_i — момент инерции вращающихся масс, а ω_i — угловая скорость их вращения (вычисления энергии T_2 приведены в Приложении 1):

$$T_2 = A(R_3/r_3)^2 \dot{h}^2, \quad (9)$$

где $A = 0,25(M_3 + M_4) + 0,17M_5(R_5/R_4)^2 = \text{const}$;

$$T = [0,5m + A(R_3/r_3)^2] \dot{h}^2. \quad (10)$$

Джоуль в ряде своих экспериментов учитывал только величину T_1 [5] и никогда не принимал во внимание кинетическую составляющую T_2 (9) суммарной энергии T (10).

Подставляем значения U , T , L и F_i в равенство (4) и после преобразований получаем уравнение динамики реальной

диссипативной системы — неоднородное нелинейное уравнение второго порядка с постоянными коэффициентами (его вывод можно найти в Приложении 2)

$$\ddot{h} + a\dot{h} = -b, \quad (11)$$

где $a = \frac{K\eta(R_3/r_3)}{m + 2A(R_3/r_3)^2}$, c^{-1} и $b = \frac{g}{1 + \frac{2A}{m}(R_3/r_3)^2}$, м/с².

В результате решения уравнения (11) получаем выражения для перемещения груза h , его скорости $\dot{h}$ и ускорения $\ddot{h}$ в установке Джоуля (математические подробности см. в Приложении 2):

$$h(t) = h_0 + \frac{b}{a} \left[\frac{1}{a} (1 - e^{-at}) - t \right] = h_0 + \frac{mg}{K\eta(R_3/r_3)} \left[\frac{m + 2A(R_3/r_3)^2}{K\eta(R_3/r_3)} \left(1 - e^{-\frac{K\eta(R_3/r_3)}{m + 2A(R_3/r_3)^2} t} \right) - t \right]; \quad (12)$$

$$\dot{h}(t) = -\frac{b}{a} (1 - e^{-at}) = -\frac{mg}{K\eta(R_3/r_3)} \left(1 - e^{-\frac{K\eta(R_3/r_3)}{m + 2A(R_3/r_3)^2} t} \right); \quad (13)$$

$$\ddot{h}(t) = -be^{-at} = -\frac{g}{1 + \frac{2A}{m}(R_3/r_3)^2} e^{-\frac{K\eta(R_3/r_3)}{m + 2A(R_3/r_3)^2} t} < g. \quad (14)$$

На рис. 2 в соответствии с уравнениями (12)–(14) представлена динамика перемещения $h(t)$, скорости $\dot{h}(t)$ и ускорения $\ddot{h}(t)$ груза, падающего в условиях его непрерывного торможения со стороны вязкой жидкости, т.е. в условиях диссипации энергии. Гипотетический переход параметра $h(t)$ в область его отрицательных значений во временном интервале $t_1 < t < \infty$ (см. рис. 2а) возможен, если мысленно убрать подставку 9 или удлинить нить 2 (см. рис. 1).

На рис. 2 для сравнения приведены также изменения во времени тех же обобщенных координат, но уже для консервативной системы, когда диссипация энергии отсутствует.

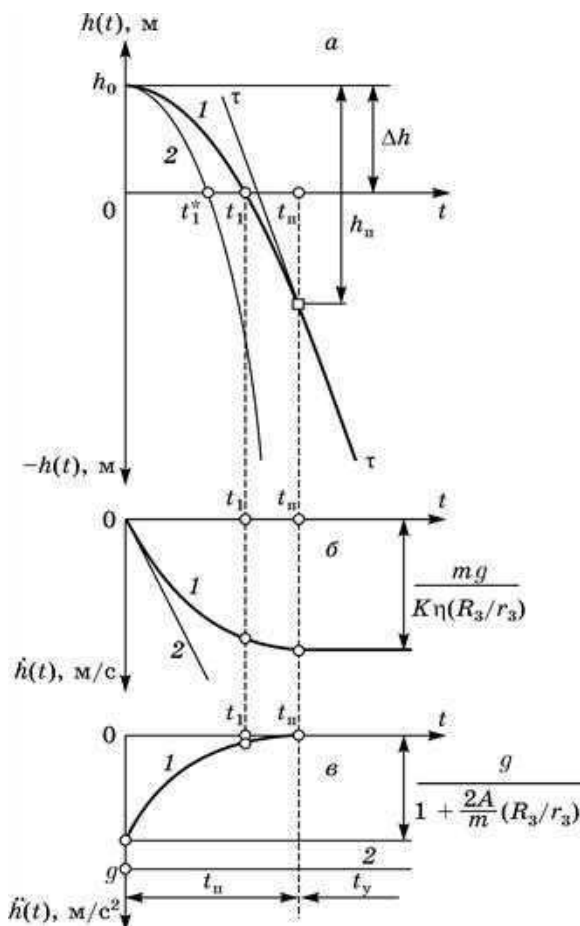

Рис. 2. Динамика падения груза (обозначения: 1 — диссипативная система, 2 — консервативная система)

Из уравнения (14) следует, что в реальных условиях эксперимента даже в начальный момент времени (при $t = 0$, когда вязкие силы еще не проявляют себя) груз 1 начинает падать с ускорением $\ddot{h}(t)$, меньшим по величине, чем ускорение свободно падающего тела g (рис. 2в). В консервативной системе — см. уравнение (3) и линию 2 на рис. 2в — такое явление невозможно: там груз 1 падает с неизменным во времени гравитационным ускорением g . Отмеченная особенность диссипативной системы ($\ddot{h} < g$) связана с тем, что массы M_3 , M_4 и M_5 подвижных элементов 3, 4 и 5, являясь

«присоединенными» к грузу 1, не перемещаются в гравитационном поле, а лишь вращаются вокруг своих центральных осей. Более того, ускорение груза $\ddot{h}(t)$ в реальной диссипативной системе с течением времени ($t \rightarrow \infty$), асимптотически стремится к нулю (14), а скорость груза $\dot{h}(t)$ увеличивается до строго определенного (установившегося) значения (рис. 2б).

Разительная непохожесть динамики падения груза в *диссипативной* и *консервативной* системах (рис. 2) наглядно показывает ошибочность мнения тех, кто дает сомнительные рекомендации типа [9, 13]: «если в момент касания подставки скорость груза равна нулю, то вся его потенциальная энергия $mg\Delta h$ пошла на нагрев жидкости», и предлагает при этом использовать формулу (1) для определения МЭТ.

Процитированное выше утверждение заслуживает критического комментария.

В отличие от ранее рассмотренного выражения для полной энергии чисто механической консервативной системы E_k , уравнение баланса энергии E_d для диссипативной (термомеханической) системы содержит: работу против сил вязкого трения W (эта часть потенциальной энергии груза U сразу превращается в теплоту $Q = W$ в адиабатическом сосуде 7 — рис. 1) и ту часть потенциальной энергии, которая в течение всего времени падения груза превращается в кинетическую энергию $T = T_1 + T_2$ всех подвижных элементов установки Джоуля:

$$E_d = U + W[\text{или } Q] + T = \text{const.}$$

Из закона сохранения энергии для диссипативной системы следует:

$$\Delta E_d = \Delta U + \Delta W[\text{или } \Delta Q] + \Delta T = 0, \quad (15)$$

$$-\Delta U = mg\Delta h = \Delta Q + \Delta T. \quad (16)$$

Равенство (16) показывает, что убыль потенциальной энергии ΔU в результате падения груза в установке Джоуля тем в большей мере идет на производство теплоты ΔQ , чем меньшая доля механической энергии установки (кинетической энергии ΔT) остается незадействованной в процессах преобразования «работа–теплота». В реальных условиях снизить величину ΔT до нуля (даже, уменьшив до нуля скорость падения груза $\dot{h}$ и величину T_1 , следуя рекоменда-

ям [9, 13]) и осуществить подобным образом полное превращение потенциальной энергии $mg\Delta h$ в теплоту ΔQ невозможно по двум причинам. Во-первых, силы вязкого трения, генерирующие теплоту, проявляют себя только в динамике (в статике их нет, и нет производства теплоты), поэтому здесь мы сталкиваемся с противоречием: для эффективного генерирования теплоты нужно повышать скорость взаимодействия мешалки с жидкостью в установке Джоуля, а для полного преобразования потенциальной энергии падающего груза в теплоту эту скорость нужно снижать до нуля... Во-вторых, даже при «обнулении» величины T_1 всегда остается кинетическая составляющая T_2 (9), не зависящая (как будет показано в § 6) от скорости падения груза $\dot{h}$. Итак, приходим к выводу: для корректного вычисления МЭТ в условиях реальных экспериментов с падением груза (рис. 1) в числителе выражения (1) в качестве вычитаемой должна присутствовать реальная механическая работа W , идущая на генерацию теплоты Q в калориметре 7:

$$W = mg\Delta h - T. \quad (17)$$

Конкретное значение T (8), (10), подставляемое в выражения (17) и (1), зависит от «сценария» проведения опыта на установке Джоуля (об этом см. ниже). Это связано с тем, что преобразование механической энергии в тепловую в установке Джоуля может происходить не только в процессе падения груза, но и после полной остановки груза (за счет выделения ранее накопленной кинетической энергии подвижными элементами 3–5 установки).

Падение груза 1 и связанное с этим вращение элементов 3–5 установки всегда являются процессами *необратимыми*, независимо от того, коснулся груз 1 подставки 9 с конечной скоростью (или близкой к нулю), или в конце падения остался в подвешенном состоянии из-за конечной длины нити 2 (рис. 1). Иными словами, часть потенциальной механической энергии груза в установке всегда превращается в теплоту (признак диссипативности системы), поэтому нельзя вычислять механический эквивалент теплоты по формуле (1), т.е. без уточнения величины реальной работы W , подведенной к жидкости и сравниваемой в (1) с экспериментально полученным термическим эффектом Q . Напомним, что Джоуль в экспериментах со значительными скоростями падения $\dot{h}$ груза массой m вычитал из потенциальной

энергии груза $mg\Delta h$ только величину $T_1 = m\dot{h}^2/2$ [5], в то время как в большинстве его экспериментов реальную работу W следует находить с учетом полной кинетической энергии T всех подвижных элементов установки (см. равенства (8), (10) и (17)).

Покажем, в каком случае мешалка 5 прекращает свое вращение в калориметре 7 после остановки груза 1 (рис. 1).

Сценарий 1 (наиболее часто осуществляется в экспериментах Джоуля [5]): груз 1 опустился на предписанный длиной нити 2 горизонт и остался в подвешенном состоянии (другой конец нити 2 жестко закреплен на барабане 4). В данном случае маловероятной представляется ситуация, при которой груз 1 остановился, а мешалка 5 продолжала бы вращаться по инерции, отдавая жидкости (вместе с другими подвижными элементами установки) ранее накопленную кинетическую энергию (9) и продолжая тем самым дополнительно нагревать жидкость 6. С учетом того, что масса груза 1 намного больше массы подвижных элементов 3–5, более вероятной для Сценария 1 представляется ситуация, при которой мешалка 5, барабан 4 и блок 3 после остановки груза 1 прекращают свое вращение не столько из-за противодействия сил вязкого трения в жидкости F_v , сколько из-за противодействия этому движению со стороны сил гравитации mg груза 1. Действительно, нить 2 (идеальная связь — ее растяжением можно пренебречь) после остановки груза 1 пребывает в напряженном состоянии и блокирует мешалку; если бы дальнейшее вращение мешалки 5 в том же направлении (по инерции, после остановки груза) было возможно, оно должно было бы вызвать уже подъем массивного груза 1, т.е. совершение работы против сил гравитации! В силу малой вероятности такого развития событий, вычитаемое T (10) должно обязательно присутствовать в уравнениях (17) и (1). Его отсутствие завышает числитель выражения (1) и, следовательно, завышает величину МЭТ, определенную в эксперименте по Сценарию 1.

Сценарий 2: барабан 4 имеет запас нити 2, а груз 1 после прохождения пути Δh сталкивается с подставкой 9 и остается неподвижным. В этом случае мешалка 5 (а с ней блок 3 и барабан 4) будет продолжать вращаться по инерции в том же направлении, нить 2 будет свободно сходить с барабана 4 (рис. 1) и накапливаться на участке «барабан 4–блок 3–груз 1». Ранее накопленная кинетическая энергия (9) подвижных элементов установки в этом случае будет затрачена

на работу перемешивания жидкости и, следовательно, на ее дополнительный нагрев. Поэтому в качестве вычитаемого в уравнении (17) и в числителе выражения (1) должна при-

сутствовать лишь величина $T_1 = \frac{m\dot{h}^2}{2}$ — кинетическая энергия падающего груза 1.

Как видно, при любом возможном сценарии проведения эксперимента на установке Джоуля отсутствие вычитаемого в числителе выражения (1) всегда приводит к завышенным значениям МЭТ, определенным в эксперименте.

Джоуль в ряде своих опытов [5] уменьшал числитель $mg\Delta h$ в выражении (1) на величину $mgh_T = m\dot{h}^2/2$, когда скорость груза $\dot{h}$ в конце падения была существенной. Гипотетическую высоту h_T он определял корректно по законам свободного падения груза: $h_T = \dot{h}^2/2g$. Таким оригинальным способом он находил, с какой высоты груз должен был бы свободно падать (т.е. в отсутствие вязких сил со стороны жидкости, приложенных к мешалке), чтобы в момент приземления иметь скорость $\dot{h}$. Для него было очевидным, что потенциальная энергия свободного падения mgh_T не использовалась для перемешивания вязкой жидкости и, следовательно, не могла вызвать ее нагрев. Джоуль вносил эту поправку, принимая во внимание лишь массу падающего груза m и его скорость $\dot{h}$ в то время, как поправка должна была учитывать и кинетическую энергию T_2 (9) ранее упомянутой «присоединенной» массы элементов 3–5, так как большинство его экспериментов проводилось по Сценарию 1 [5].

Джоуль и ряд его последователей [1–5, 18, 19] не всегда уточняют «сценарий» экспериментов, что затрудняет теперь их корректную интерпретацию, поэтому неодинаковость «сценариев» можно отнести к числу возможных причин заметного разброса данных при экспериментальном определении МЭТ по способу Джоуля (рис. 1).

3. Адиабатичен ли калориметр в установке Джоуля?

Показав необходимость корректного представления числителя W (17) в известном выражении (1), проанализируем теперь его знаменатель $Mc\Delta\theta$. Жизненным кредо ученых и экспериментаторов той далекой эпохи [1–5, 14–19], а не только офицеров, было «Честь имею!», и они делали все воз-

можно, чтобы корректно проводить опыты и предоставлять коллегам и читателям объективную информацию о выполненных экспериментах. Так, в своих экспериментах Джоуль и другие точно определяли не только изменение температуры $\Delta\theta$, но и теплоемкость «всего содержимого» в сосуде 7 (в том числе, мешалки 5). Огорчает небрежность тех интерпретаторов [9–13] знаменитых опытов полуторавековой давности, которые считают, что в знаменателе формулы (1) учитывалась только масса M и удельная теплоемкость c перемешиваемой жидкости (воды): величина Mc .

А теперь о главном в этом параграфе: экспериментальная точность определения МЭТ зависит от соблюдения условий адиабатичности в калориметре 7. И сегодня, в условиях широкого выбора современных материалов и технологий, трудно обеспечить совершенную адиабатичность изучаемых процессов из-за отсутствия идеальных теплоизолирующих материалов. Неидеальная теплоизоляция в экспериментах Джоуля, безусловно, могла привести к неизбежной утечке тепла $Q_{\text{ут}}$ из калориметра 7 в окружающее пространство (рис. 1), т.е. к фактическому снижению измеряемой величины $\Delta\theta$ и, следовательно, к снижению расчетного значения знаменателя в выражении (1), если принимать во внимание только показания термометра 10 и не учитывать величину $Q_{\text{ут}}$.

При одновременных завышении числителя и занижении знаменателя в выражении (1) по сравнению с их реальными значениями закономерным становится завышение значения МЭТ, определенного экспериментальным путем, если не вводить вышеназванные поправки в формулу (1).

Для оценки утечки тепла $Q_{\text{ут}}$ из недостаточно хорошо теплоизолированного сосуда 7 воспользуемся основным уравнением теплопроводности (закон Фурье) для случая передачи тепла через однослойную плоскую стенку (при всей условности допущения такой вид теплопередач является близким к реальному и упрощает математический анализ изучаемого явления)

$$Q_{\text{ут}} = -\lambda \frac{\partial\theta}{\partial x} f \int_0^{t_{\text{эк}}} dt, \text{ Дж}, \quad (18)$$

где: $\lambda \left(\frac{\text{Вт}}{\text{м} \cdot \text{К}} \right)$ — реальная теплопроводность стенки калориметра 7; $\partial\theta/\partial x$ (К/м) — градиент температур на стенке; f (м²) — поверхность теплопередачи; $t_{\text{эк}}$ (с) — время эксперимента.

Как видно, в ту далекую эпоху реально снизить потери тепла $Q_{\text{ут}}$ из калориметра 7 можно было лишь путем уменьшения времени эксперимента $t_{\text{экс}}$. Затяжной эксперимент фактически увеличивал отток тепла $Q_{\text{ут}}$ (18) из резервуара 7, уменьшая тем самым знаменатель выражения (1), где единственным параметром (реально зависящим от времени $t_{\text{экс}}$) оставалась экспериментально определяемая величина $\Delta\theta$ (уменьшалась при росте $t_{\text{экс}}$).

Есть еще один путь снижения величины $Q_{\text{ут}}$, которым пытался воспользоваться Джоуль в своих экспериментах [5]: проводить опыты при температурах θ , близких к температуре окружающей среды (что возможно только при подводе к системе малых порций механической энергии), чтобы в выражении (18) уменьшить градиент температур на стенке (добиться $\partial\theta/\partial x \rightarrow 0$). Но такой прием оказался ненадежным: из-за снижения чувствительности системы (при подводе малых порций механической энергии) в ряде опытов Джоуля [5] после окончания перемешивания жидкости вместо нагрева было зафиксировано ее незначительное охлаждение, т.е. отрицательное значение $\Delta\theta$...

В свете вышеизложенного очевидным становится важность учета времени падения груза $t_{\text{экс}}$ при проведении экспериментов на установке Джоуля, чтобы контролировать утечку тепла $Q_{\text{ут}}$ (18) из калориметра 7. Эта утечка может быть существенной с учетом того, что каждый отдельный эксперимент включал в себя от 20 до 60 последовательных сбросов и подъемов груза (во время подъема груза мешалка 5 оставалась неподвижной) и занимал время от 30 до 45 мин (!) [5].

Выразим величину МЭТ с учетом уже выполненного анализа числителя и знаменателя выражения (1) и скорректируем вслед за Джоулем реальное «содержимое» в калориметре 7 (добавим массу M_5 и удельную теплоемкость c_5 ансамбля «вал + гребное колесо 5»).

Итак, с учетом равенств (1), (10), (17) и (18) корректное определение механического эквивалента теплоты по результатам эксперимента на установке Джоуля следует производить по следующей формуле:

$$\text{МЭТ} = \frac{W}{Q} = \frac{m g \Delta h - [0,5m + A(R_3/r_3)^2] \dot{h}^2}{(Mc + M_5 c_5) \Delta\theta + Q_{\text{ут}}}, \quad (19)$$

где представлена коррекция числителя при проведении эксперимента по Сценарию 1. Если эксперимент проводится по Сценарию 2, то в качестве вычитаемого в числителе выражения (19) следует оставить только кинетическую энергию $T_1 = 0,5m\dot{h}^2$.

Приведем пример расчета МЭТ с помощью формулы (1) при проведении эксперимента по Сценарию 2 [13], когда допускают, что в момент касания подставки скорость груза равна нулю (?). Для расчета МЭТ используем следующие экспериментальные данные [13]: $M = 3,5$ кг, $c = 1$ ккал/кг °С (вода), два груза с общей массой $m = 10$ кг, $g = 9,81$ м/с², $h_0 = \Delta h = 2,0$ м; после 60 сбрасываний груза m (≈ 45 мин перемешивания) вода в сосуде нагрелась на $\Delta\theta = 0,8027$ °С:

$$\begin{aligned} \text{МЭТ} &= 60 \frac{10 \text{ кг} \cdot 9,81 \text{ м/с}^2 \cdot 2,0 \text{ м}}{3,5 \text{ кг} \cdot 0,8027 \text{ °С} \cdot 1 \frac{\text{ккал}}{\text{кг} \cdot \text{°С}}} = \\ &= \frac{60 \cdot 9,81 \text{ кг} \cdot 2,0 \text{ м}}{3,5 \cdot 0,8027 \text{ ккал}} = 419 \frac{\text{кгм}}{\text{ккал}}. \end{aligned}$$

Как видно, использование формулы (1) для обработки результатов эксперимента, проведенного по Сценарию 2, дает значение МЭТ, близкое к величине 426,935 кгм/ккал, приводимой в справочной литературе, хотя в вышеприведенном расчете отсутствуют масса и теплоемкость мешалки с валом $M_5 c_5$ и потери тепла $Q_{\text{ут}}$ через стенки калориметра после длительного перемешивания воды (см. формулу (19)), не говоря уже о сомнительном отсутствии вычитаемого $T_1 = 0,5m\dot{h}^2$ (в результате допущения: $\dot{h} = 0...$). Это не может не настораживать. Возникает обоснованный вопрос: корректно ли был определен в свое время механический эквивалент теплоты на базе экспериментальных данных Джоуля и его последователей и выдана рекомендация о значении фундаментальной физической константы МЭТ = 426,935 кгм/ккал?

Числитель в выражении (19) всегда характеризует работу W , которая реально идет на генерацию тепла $Q = W$. Поэтому, если корректно и в одних физических единицах (например, в Дж) выражать величины W и Q , то формула (19) дает безразмерную величину МЭТ = 1, что является подтверждением I начала термодинамики.

4. Противоречивость требований в отношении скорости и продолжительности падения груза в экспериментах Джоуля

Для Джоуля и некоторых его последователей [3, 5, 18, 19] было очевидно, что учет кинетической энергии груза в момент его остановки (наличие вычитаемого в числителе выражения (1)) повышает точность определения МЭТ. В рамках их физических представлений о процессах, протекающих в экспериментальной установке (рис. 1), они пытались снизить скорость падения груза $\dot{h}$ до пренебрежимо малой величины, полагая, что это повышает точность эксперимента и одновременно избавляет их от необходимости вносить соответствующую коррекцию в числитель выражения (1). Не подозревая при этом, что таким приемом они фактически переводят экспериментальную установку (рис. 1) из разряда реальных *диссипативных* систем в разряд *консервативных*, т.е. негласно декларируют возможность полного преобразования потенциальной энергии груза $mg\Delta h$ в механическую энергию движения всех элементарных объемов вязкой жидкости с присущим этому генерированием теплоты $Q = mg\Delta h$ в реальной установке...

Не оспаривая пока решение Джоуля о целесообразности снижения скорости падения груза, воспользуемся его экспериментальными данными [3], чтобы показать, как реально малые скорости влияют на точность экспериментального определения МЭТ. В эксперименте [3] груз сбрасывали с высоты 1,60 м по Сценарию 1 со скоростью $\dot{h} = 0,06$ м/с (груз 1 после остановки оставался подвешенным на нити 2, рис. 1). Время падения груза при единичном сбрасывании: 30 с. Всего было выполнено 20 сбрасываний. Пренебрегая затратами времени на обязательный подъем груза после каждого (!) сбрасывания, получаем идеальную длительность эксперимента порядка $30 \cdot 20 = 600$ с = 10 мин. По данным самого Джоуля в комментируемых экспериментах [3] время опыта колебалось от 25 до 35 мин! Итак, после получасового перемешивания воды 6 мешалкой 5 высокоточный термометр 10 (рис. 1) показал прирост температуры $\Delta\theta = 0,50$ градуса (0,025 градуса после каждого сбрасывания)... Какой идеальной теплоизоляцией должен был обладать сосуд 7, чтобы можно было квалифицировать его как надежный адиабатический калориметр (безупречной теплоизоляции в те времена не существовало), и рассматривать измеренную в

конце затяжного опыта (≥ 30 мин = 1800 с) величину 0,50 градуса как достоверную?... Вывод: малая скорость опускания груза $\dot{h}$ прежде всего увеличивает время эксперимента $t_{\text{экс}}$, а следовательно, неучтенную Джоулем потерю тепла (для оценки последней нужно подставить величину « $t_{\text{экс}} \geq 1800$ с» в равенство (18)).

Таким образом, уменьшение скорости опускания груза $\dot{h}$ даже до пренебрежимо малого значения (прием Джоуля [3, 5]) не может привести к существенному уменьшению суммарной кинетической энергии T (10) подвижных элементов установки, но зато такой режим работы приводит к существенному возрастанию времени эксперимента $t_{\text{экс}}$ и, следовательно, к росту величины потерь $Q_{\text{ут}}$ (18), что неизбежно приводит к завышению величины МЭТ (1) в его экспериментах [3, 5].

Напомним еще раз, что сам Джоуль не абсолютизировал необходимость «нулевой» скорости падения груза m (рис. 1); в реальных условиях он работал и с конечными значениями скоростей $\dot{h}$, но в таких случаях старался корректировать расчеты МЭТ, уменьшая числитель выражения (1) лишь на величину кинетической энергии груза T_1 . Например, он указывает значение скорости опускания груза $\dot{h}(t_1) = 0,30$ м/с в момент его остановки и соответствующее этой скорости число оборотов мешалки $\omega = 600$ об/мин, при которых было получено значение МЭТ = 425,9 кГм/ккал [3, 5].

В свете вышеизложенного проблему повышения точности экспериментального определения МЭТ можно было бы решить несколько неожиданным способом: вопреки традиционным подходам (рекомендованы Джоулем) надо не уменьшать, а, наоборот, увеличивать скорость падения груза $\dot{h}$ с целью сокращения суммарного времени эксперимента $t_{\text{экс}}$ и тем самым уменьшать до минимума неизбежную утечку тепла $Q_{\text{ут}}$ (18) из фактически неидеального адиабатического калориметра 7, а факт присутствия в эксперименте высокой скорости падения груза учитывать путем соответствующей коррекции числителя выражения (19).

Уже указывалось, что вращение мешалки интенсифицирует теплообмен в калориметре 7 и гарантирует температурную однородность жидкости, поэтому своевременный и достоверный съем информации о выделении тепла в сосуде

7 будет определяться фактически быстродействием термопары 10 (она должна иметь не только большой коэффициент усиления, но и быть малоинерционной, особенно при скоростном режиме опускания груза). В случае осуществления нетрадиционного режима сбрасывания груза « $\dot{h} \rightarrow \max$, $t_{\text{экс}} \rightarrow \min$ » обязательной будет коррекция только числителя в выражении (19), а величиной $Q_{\text{ут}}$ в знаменателе (19) можно будет обоснованно пренебречь из-за малых значений $t_{\text{экс}}$ (18).

5. Динамика установки Джоуля и оптимальное время падения груза

Для традиционных режимов сброса груза (рис. 1) можно говорить об оптимальном времени падения груза $t_{\text{опт}}$, обеспечивающем приемлемую точность экспериментального определения МЭТ: при $t_{\text{экс}} > 2N \cdot t_{\text{опт}}$ (N — число сбросов груза, цифра 2 предполагает равенство времен сброса и подъемов груза) увеличивается утечка тепла $Q_{\text{ут}}$ (18) из калориметра 7; при $t_{\text{экс}} < 2N \cdot t_{\text{опт}}$ процессы перемешивания и, следовательно, теплообмена в системе «термопара 10–жидкость 6» (в том числе из-за тепловой инерционности самой термопары) не успеют выйти на установившийся режим. При незавершенности переходных процессов в калориметре 7 показания $\Delta\theta$ будут занижены и, следовательно, экспериментально полученная величина МЭТ (1) будет завышена.

В свете вышеизложенного первостепенное значение приобретает знание динамики *гидро-термо-механических* процессов в установке Джоуля. Возвращаемся к рис. 2. Очевидно, что груз 1 при свободном падении достигает подставки 9 раньше, чем в случае его падения в условиях торможения вязкой жидкостью ($t_1^* < t_1$).

Выделим на рис. 2 две временные зоны: переходной режим « $0 < t < t_{\text{п}}$ » ($t_{\text{п}}$ — время переходного режима — время неравномерного движения, в течение которого наблюдается лишь тенденция $\ddot{h}(t) \rightarrow 0$ и $\dot{h}(t) \rightarrow \text{const}$), и установившийся режим падения груза « $t_{\text{п}} < t_y < \infty$ », когда касательная τ — τ на рис. 2а сливается с кривой $h(t)$ и груз m начинает падать равномерно: $\ddot{h}(t) = 0$ и $\dot{h}(t) = \text{const}$.

Теоретически режим падения груза « $\dot{h}(t) = \text{const}$ и $\ddot{h}(t) = 0$ » наступает при $t \rightarrow \infty$, но на практике он достигается при

$t_{\pi} \ll \infty$ (десятки секунд) из-за больших значений демпфирующего параметра $\frac{K\eta(R_3/r_3)}{m + 2A(R_3/r_3)^2}$ в уравнениях (12)–(14)

и умеренных высот h_0 (например, Джоуль сбрасывал грузы с высоты $h_0 = 1,6$ м [3, 5]).

Итак, в общем случае груз 1 достигает подставки 9 в момент времени t_1 (рис. 2), которое можно определить, используя уравнение (12) для условия $h(t_1) = 0$.

Как видно, в реальных экспериментах при произвольно выбранной (необоснованной) высоте $h_0 = \Delta h$ всегда есть риск того, что встреча груза 1 с подставкой 9 или остановка груза из-за ограниченной длины нити 2 (рис. 2а) могут произойти до момента наступления установившегося режима движения груза ($t_1 = t_{\pi}$). Это означает, что груз в таких случаях перед остановкой мог падать с конечным значением ускорения $0 < \ddot{h} < g$ (рис. 2в), а скорость падения груза $\dot{h}(t_1)$ асимптотически приближалась, но еще не достигла своего

максимального значения: $\dot{h}(t_1) < \dot{h}(t \rightarrow \infty) = \frac{mg}{K\eta(R_3/r_3)}$

(рис. 2б).

С целью снижения ошибок при экспериментальном изучении процессов в любых объектах, в том числе в установке Джоуля, съем информации о процессах и объекте (в нашем случае информация о $\dot{h}$ и $\Delta\theta$) предпочтительно осуществлять при работе объекта в установившемся режиме. Не исключено, что Джоуль и другие исследователи могли снимать показания с установки, когда процессы в последней еще не достигли установившегося режима. Из рис. 2 и формул (12)–(14) следует, что вероятность достижения установившегося режима падения груза тем выше, чем больший путь Δh проходит сбрасываемый груз. Например, такая вероятность становится реальной, если в конкретной установке груз встречается с подставкой 9, расположенной на горизонте $h(t) = h_{\pi}$ (см. рис. 2а).

Теоретически установившийся режим достигается при $t \rightarrow \infty$, когда скорость падения груза (13) достигает своего максимального значения: $\dot{h}(t \rightarrow \infty) = \frac{mg}{K\eta(R_3/r_3)}$ (см. рис. 2б).

Реальным временем переходного процесса t_n можно считать время, в течение которого скорость падения на 95% приближается к своему максимальному значению:

$\dot{h}(t_n) = 0,95 \frac{mg}{K\eta(R_3/r_3)}$. В этом случае искомое время можно определить, приравняв экспоненциальное слагаемое в равенстве (13) к величине 0,05:

$$e^{-at_n} = e^{-\frac{K\eta(R_3/r_3)}{m+2A(R_3/r_3)^2}t_n} = 0,05, \quad (20)$$

откуда

$$t_n = -\frac{\ln 0,05}{a} \approx 3 \frac{m+2A(R_3/r_3)^2}{K\eta(R_3/r_3)}, \text{ с.} \quad (21)$$

Применяя аналогичный подход при рассмотрении величины $\ddot{h}(t)$, из уравнения (14), «заказываем» разность $0,05 \frac{g}{1 + \frac{2A}{m}(R_3/r_3)^2}$ между вычисленными значениями ускорений $\ddot{h}(t)$ при $t \rightarrow \infty$ и при $t = t_n$, что приводит к уже по-

лученному выражению (21) для определения времени t_n .

Как следует из (21), время окончания переходного режима в установке тем больше, чем больше масса всех подвижных элементов установки и больше отношение R_3/r_3 , тот же эффект достигается при применении жидкостей с малой динамической вязкостью и мешалок с малым числом гидродинамически более совершенных лопастей.

Уравнения (12)–(14) позволяют также априорно определить рациональный запас нити 2 (работа установки по Сценарию 1) или рациональную высоту $h_0 \geq h_n$, начиная с которой нужно сбрасывать груз, чтобы обеспечить установившийся режим падения груза еще до соприкосновения его с подставкой (см. рис. 2а; работа установки по Сценарию 2) или до момента израсходования заданного запаса нити 2.

Ищем значение h_n из условия: скорость $\dot{h}$ не зависит от текущей координаты h

$$\frac{\partial \dot{h}}{\partial h} = 0. \quad (22)$$

В Приложении 3 можно найти математический вывод выражения для искомой величины h_{π} , исходя из уравнения (22)

$$h_{\pi} = 19g \frac{m[m + 2A(R_3/r_3)^2]}{[K\eta(R_3/r_3)]^2}, \text{ м.} \quad (23)$$

Как следует из уравнения (23), высота, с которой рекомендуется сбрасывать груз с гарантией достижения установленного режима падения, тем больше, чем больше масса сбрасываемого груза и более массивными являются подвижные элементы установки (массы $M_3 - M_5$) и чем меньше вязкость η используемой жидкости. Более совершенная гидродинамическая форма лопастей мешалки (малое значение коэффициента k) увеличивает значение высоты h_{π} , а увеличение габаритов мешалки (увеличение коэффициента k) снижает уровень, с которого надо сбрасывать груз в эксперименте.

Корректное проведение экспериментов на установке Джоуля предполагает предварительную оптимизацию параметров установки с целью снижения времени переходного режима t_{π} (21) и определения высоты сброса груза h_{π} (23) (горизонт расположения подставки 9 или запас нити 2). Это позволит получать и использовать в формуле (19) достоверные значения скорости падения груза и прирост температуры в калориметре после каждого сбрасывания груза: $\dot{h}$ и $\Delta\theta$.

6. Инвариантность кинетической энергии T_2 подвижных элементов установки Джоуля от скорости падения груза $\dot{h}$

Уже отмечалось, что подбором требуемых соотношений $R_3/r_3 \gg 1$ и $R_3/R_4 \gg 1$ (см. рис. 1 и рисунок в Приложении 1) Джоуль получал большую угловую скорость вращения ω_{45} барабана 4 и мешалки 5, сидящих на одном валу, при малой скорости опускания $\dot{h}$ груза 1. Кинетическая энергия T_1 падающего груза действительно снижалась из-за малого значения его скорости $\dot{h}$, но снижалась ли при этом кинетическая энергия T_2 (9) остальных подвижных элементов установки? Ведь при проведении экспериментов по Сценарию 1 в числителе выражения (19) необходимо учитывать

суммарную кинетическую энергию всех подвижных элементов системы $T = T_1 + T_2$ (10).

Ответ на поставленный вопрос позволяет вскрыть одно важное явление, оставшееся незамеченным Джоулем и его последователями [1–5, 18, 19]. Покажем его. Напомним, что движущей силой процесса в установке Джоуля является сила тяжести груза mg ; в качестве оппозитной силы выступает сила вязкого трения F_i (5) (вслед за Джоулем пренебрегаем силами сухого трения в установке). Самопроизвольная стабилизация скорости падения груза $\dot{h}(t)$ после достижения системой установившегося движения (см. рис. 2б, « $t_{\text{п}} < t_y < \infty$ ») обязана равенству указанных сил:

$$mg = F_i. \quad (24)$$

Очевидно, что при случайном увеличении скорости (при флуктуации типа $\delta\dot{h}(t) > 0$) гидравлическое сопротивление (5) со стороны мешалки 5 (рис. 1) увеличивается, и скорость падения груза самопроизвольно уменьшается. При случайном снижении скорости падения груза ($\delta\dot{h}(t) < 0$) гидравлическое сопротивление F_i мешалки снижается, и груз самопроизвольно ускоряется вниз, обеспечивая тем самым неизменность скорости его падения.

Воспользуемся равенством (13), чтобы определить скорость падения груза $\dot{h}$ в установившемся режиме ($t \rightarrow \infty$):

$$\dot{h} = C \cdot (r_3/R_3), \quad (25)$$

где $C = mg/K\eta = \text{const}$.

Выражение (25) показывает, каким образом Джоуль при необходимости в ряде своих экспериментов [3, 5] мог снижать скорость падения груза: он уменьшал соотношение r_3/R_3 (см. рисунок в Приложении 1).

Выразим кинетические энергии T_1 и T_2 (9), используя значение $\dot{h}$ из равенства (25):

$$T_1 = 0,5m\dot{h}^2 = 0,5mC^2(r_3/R_3)^2, \quad (26)$$

$$T_2 = A(R_3/r_3)^2\dot{h}^2 = AC^2. \quad (27)$$

Из равенства (27) следует, что в отличие от T_1 (26) кинетическая энергия T_2 вращающихся масс M_3 , M_4 и M_5 (рис. 1 и рис. П1) не зависит от скорости $\dot{h}$: $\partial T_2 / \partial \dot{h} = 0$, $T_2 = \text{invar } \dot{h}$!

С точки зрения механики и математики здесь нет ничего неожиданного: ведь скорость $\dot{h}$ и отношение r_3/R_3 , будучи связанными обратной зависимостью, *мультипликативно* входят в выражение для определения кинетической энергии T_2 (27). Например, снижение скорости $\dot{h}$ (сомножитель в выражении (27)) Джоуль получал за счет увеличения соотношения R_3/r_3 (25), а величина последнего (в степени 2) входит в то же выражение и поэтому сразу увеличивает второй сомножитель $(R_3/r_3)^2$ в выражении (27): в результате кинетическая энергия T_2 остается неизменной.

Как видно, заведомо имея существенную конечную величину T_2 (зависит от параметров установки), энергия T_2 остается неизменной при изменении линейной скорости падения груза $\dot{h}$ (последнюю Джоуль менял с помощью «параметра настройки» — r_3/R_3 (25)). А это значит, что поправка T (равенства (10) и (17)) в числителе выражения (19) для экспериментального определения МЭТ всегда содержит постоянную составляющую T_2 (равенства (9) и (27)), которая никогда не исчезает в экспериментах по Сценарию 1 и, более того, становится определяющей и единственной, когда в эксперименте снижают практически до нуля скорость падения груза $\dot{h}$. Это явление хорошо просматривается с помощью равенства, полученного сложением равенств (26) и (27):

$$T = C^2[0,5m(r_3/R_3)^2 + A]. \quad (28)$$

Коэффициент A — слагаемое в квадратных скобках равенства (28) — становится тем более значимым, чем меньше значение $(r_3/R_3)^2$, т.е. чем меньше скорость падения груза $\dot{h}$ в установке Джоуля (25). А ведь Джоуль и другие исследователи [3, 5, 9, 17–19] считали, что «миссия поправки», т.е. ввод величины T в числитель выражения (1), отменяется, если в конце опускания груза его скорость $\dot{h} = 0$ ($r_3/R_3 = 0$)... Но ведь в соответствии с (28) поправка $T = AC^2$ остается существенной и при $\dot{h} = 0$.

В свете вышеизложенного вопрос в упражнении «на закрепление знаний», приведенный в [9], может вызвать у студентов ответ, противоположный тому, который предусмотрели авторы учебника [9]. Вот это упражнение [9. С. 438]: «В приборе Джоуля, как это видно на рис. 370 и 371, скорость опускающихся грузов во много раз меньше скорости лопаток. Какая цель преследовалась таким устройством?»

Как видно, при желании точно определять МЭТ на установке Джоуля, нельзя пренебрегать обнаруженным явлением (27) при проведении экспериментов по Сценарию 1 (когда в конце пути сбрасываемый груз остается в подвешенном состоянии). Кинетическая энергия (27) вращающихся масс M_3 , M_4 и M_5 должна неизменно присутствовать в качестве вычитаемого в числителе выражения (19). Ее отсутствие в равенстве (1) объясняет причину завышенных значений МЭТ, определяемых в экспериментах Джоуля и его последователей [3, 5, 14–16]. Своего рода «коварство» явления « $T_2 = \text{invar } \dot{h}$ » заключается в его «скрытости»: явление инвариантности T_2 от скорости $\dot{h}$ напрямую не просматривается при создании и эксплуатации установки Джоуля (рис. 1 и рис. П1), ведь оно было обнаружено аналитически. Но присутствие этого явления можно легко обнаружить по результатам сравнительных экспериментов: сброс груза с разными скоростями $\dot{h}$ путем изменения соотношения R_3/r_3 и последующее сопоставление измеренных $\Delta\theta$ и вычисленных МЭТ по формуле (19).

Как видно, попытка Джоуля [3, 5] повысить точность экспериментального определения МЭТ лишь путем снижения скорости груза $\dot{h}$ (за счет увеличения отношения R_3/r_3 и, следовательно, скорости вращения лопаток) принципиально не могла дать ожидаемого эффекта: речь идет здесь, видимо, о методологическом упущении полуторавековой давности.

7. Выводы

Рассмотрены оригинальные работы Джоуля и его последователей по определению механического эквивалента теплоты (МЭТ) на ставшей классической установке «падающий груз–мешалка жидкости в адиабатическом сосуде», кратко называемой «установка Джоуля». Отмечено историческое значение экспериментов Джоуля для становления термодинамики как точной науки и показана неоднозначная трактовка научной средой процессов, протекающих в установке Джоуля.

Рекомендовано не применять для расчета механического эквивалента теплоты правую часть формулы (1), структура которой дает ложное представление об экспериментальной установке Джоуля как о консервативной системе. Доказано, что использование формулы (1) всегда будет давать за-

вышенные значения МЭТ по сравнению с искомой величиной.

Впервые дана физико-математическая модель экспериментальной установки Джоуля как диссипативной системы, что позволило с единой методологической позиции систематизировать возможные источники погрешности при экспериментальном определении величины МЭТ в середине XIX – начале XX века.

В противовес формуле (1) предложено выражение (19) для корректного определения МЭТ на установке Джоуля при различных сценариях проведения экспериментов.

Впервые обнаружена инвариантность кинетической энергии вращающихся масс установки от скорости падения груза, неизвестная Джоулю и его последователям и не принятая ими во внимание, но влияющая на экспериментальное определение величины МЭТ.

По результатам анализа динамических свойств установки Джоуля сформулированы рекомендации по корректному проведению экспериментов и уточнена дополнительная информация (по сравнению с используемой Джоулем и его последователями), которой необходимо располагать при подготовке и проведении экспериментов: оптимальная высота, с которой необходимо сбрасывать груз; уточнение «сценария» опыта, предпочтительность съема информации о процессах в установке для установившегося режима падения груза, учет массы (инерции) всех подвижных элементов установки (а не только падающего груза), оценка потерь тепла через стенки несовершенного адиабатического калориметра и другие факторы.

Показаны основные причины систематического завышения значений МЭТ в экспериментах Джоуля и его последователей и рекомендовано провести серию опытов на модифицированной установке Джоуля с применением формулы (19) с целью ревизии общепринятого значения механического эквивалента теплоты 426,935 кГм/ккал (4,1868 Дж/кал) и ответа на вопрос: является ли МЭТ фундаментальной константой? А это уже тема отдельного сообщения.

Благодарность: автор благодарит чл.-корр. АН Украины А.А. Халатова (ИТТФ АН Украины) и доцентов, к.ф.м.н. Е.С. Щербину и к.т.н. П.П. Куделю (НТУУ — КПИ, Киев) за дискуссии, позволившие найти оптимальную структуру изложения непростой темы обсуждения.

1. *Joule J.P.* On the Mechanical Equivalent of Heat, as determined from the Heat evolved by the Agitation of Liquids // Rep. Brit. Assoc. 1847. Sections. P. 55.
2. *Joule J.P.* Expériences sur l'Identité entre le Calorique et la Force mécanique. Détermination de l'équivalent par la Chaleur dégagée pendant la friction du Mercure // Comptes Rendus. 1847. August 23. P. 117–128.
3. *Joule J.P.* On the Mechanical Equivalent of Heat // Philosophical Transactions. 1850. Part I. P. 61–82.
4. *Joule J.P.* New Determination of the Mechanical Equivalent of Heat // Philosophical Transactions. 1878. Part II. P. 365–383.
5. *Joule J.P.* The Scientific papers. Vol. I. — London, 1884. 322 p.
6. *Хвольсон О.Д.* Курс физики. Т. 3. — РСФСР: Госиздат, 1923. 834 с.
7. *Гельфер Я.М.* Закон сохранения и превращения энергии. — М.: Учпедгиз, 1958. 258 с. (Пособие для учителей)
8. *Кричевский И.Р.* Понятия и основы термодинамики. — М.: Химия, 1970. 440 с.
9. *Ландсберг Г.С.* Элементарный учебник физики. 8-е издание, Т.1. — М.: Наука, 1972. 655 с.
10. *Липсон Г.* Великие эксперименты в физике. — М.: Мир, 1972. 215 с.
11. *Гельфер Я.М.* История и методология термодинамики и статистической физики. — М.: Высшая школа, 1981. 536 с.
12. Massachusetts Institute of Technology, Physics Department, Problem № 4: «Experiment Mechanical Equivalent of Heat», December 1, 2004. ocw.mit.edu/high-school/physics
13. Physique-Sciences générales, 3-ième degré, «Equivalence énergie mécanique-chaaleur». Commission des Outils d'Evaluation pour les Humanités générales et technologiques. Ministère d'Education, de Recherches et de Technologies (MERT). — Paris, Avril 2008. www.enseignement.be/download.php.do_id
14. *Mayer R.* Bemerkungen uber die Krafte der unbelebten Natur. Lieb // Ann. 1842. № 1. S. 42; Gesam. Abhand. — Stuttgart, 1892.
15. *Hirn G. A.* Bulletin de la Société industrielle de Mulhouse. V. XXVI. — Mulhouse, 1854. 300 p.
16. *Hirn G.A.* Exposition analytique et expérimentale de la theorie mécanique de la chaleur. T.1. — Paris, 1875. 106 p.
17. *Rumford.* An Inquiry concerning the Weight of Heat // Phil. Trans. 1799; Complete Works 2, P. 2.
18. *Rowland* // Proc. Amer. Acad. Arts and Sciences, Volume XXIV, 1880. P. 441–445.
19. *Miculescu* // Journ. de phys. 1892. V. 3, № 1. P. 104.
20. *Ерошенко В.А. и Евтушенко А.В.* Проблема корректного определения механического эквивалента теплоты // Промышленная тепло-техника. 2010. Т. 32, № 5. С. 88–99.

21. Кириллин В.А. О международном сотрудничестве в области исследований термодинамических свойств водяного пара // Теплоэнергетика. 1958. № 7. С. 10.
22. Ромадин В.П. О новой единице тепловой энергии // Теплоэнергетика. 1958. № 7. С. 32.
23. Олейник Б.Н. Международная система единиц в области тепловых измерений // Измерительная техника. 1964. № 10. С. 15.
24. Joule J.P. // Phil. Mag. Vol. 25. P. 189–192; 192–200.
25. Ишлинский А.Ю. Классическая механика и силы инерции. — М.: Наука, 1987. 320 с.
26. Арнольд В.И. Математические методы классической механики. — М.: Наука, 1989. 472 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Представленный рис. П1 отличается от приведенного рис. 1 (см. основной текст, § 1) тем, что блок 3 (радиусом R_3) в реальной установке Джоуля содержал на той же оси малый блок с радиусом r_3 , через который была перекинута нить 2. С помощью передаточного числа $R_3/r_3 \gg 1$ Джоуль обеспечивал большие линейные скорости нити $\dot{h}_{34}$ и большие угловые скорости вращения ω_{45} лопастного колеса 5 (здесь и далее индексы 34 и 45 при скоростях $\dot{h}$ и ω указывают на связь элементов устройства: соответственно 3-й элемент с 4-м и 4-й с 5-м элементом) при малых скоростях опускания $\dot{h}$ груза 1. Указанные связи выражаются следующими уравнениями (далее радиусы R и угловые скорости ω снабжены индексами, указывающими на их принадлежность к элементам установки):

$$\dot{h}_{34} = \omega_{45} R_4 = \omega_3 R_3, \text{ м} \cdot \text{с}^{-1}, \quad (\text{П1.1})$$

$$\omega_3 = \dot{h}/r_3, \text{ с}^{-1}, \quad (\text{П1.2})$$

$$\omega_{45} = (1/R_4) \cdot (R_3/r_3) \cdot \dot{h}, \text{ с}^{-1}. \quad (\text{П1.3})$$

Воспользуемся рис. П1, чтобы определить силу вязкости F_i (пара сил учитывается далее цифрой 2), действующую на лопастное колесо 5: n — число лопастей, k (м) — коэффициент, зависящий от размера и формы лопасти (k растет с увеличением размеров и уменьшается с ростом гидродинамического совершенства лопасти); η (Н·с/м²) — динамическая вязкость жидкости 6; $0,5 \cdot R_5$ (м) — радиус приложения силы F_i ; $\dot{h}_5$ (м/с) — линейная скорость лопасти на удалении $0,5 \cdot R_5$ от центра вращения мешалки:

$$F_i = 2 \cdot n \cdot k \cdot \eta \cdot \dot{h}_5 = 2 \cdot n \cdot k \cdot \eta \cdot \omega_{45} \cdot 0,5 \cdot R_5, \text{ Н}. \quad (\text{П1.4})$$

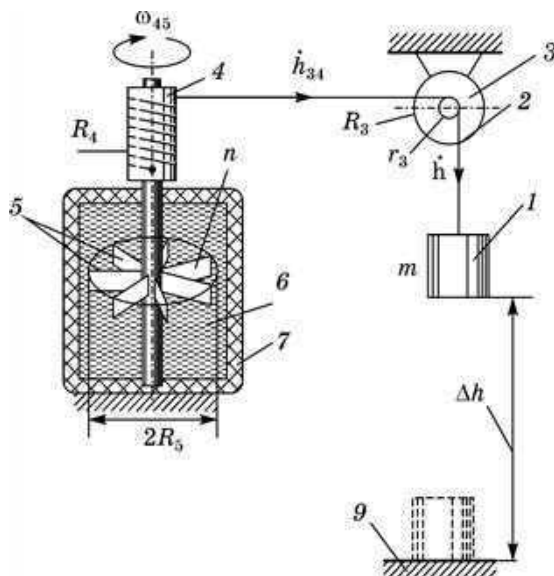

Рис. П1. Подробная схема установки Джоуля для определения механического эквивалента теплоты (обозначения позиций указаны в тексте)

После подстановки (П1.3) в (П1.4) получаем окончательное выражение для F_i

$$F_i = K \cdot \eta \cdot (R_3/r_3) \cdot \dot{h}, \quad (\text{П1.5})$$

где $K = n \cdot k \cdot (R_5/R_4)$, м.

Полная кинетическая энергия T установки Джоуля складывается из энергии прямолинейного движения груза $T_1 = 0,5m\dot{h}^2$ и кинетической энергии вращающихся масс $T_2 = T_3 + T_4 + T_5$ (здесь индексы 3–5 при T указывают элемент установки на рис. 1 и рис. П1; для упрощения дальнейшего анализа массу малого блока r_3 присоединяем к массе большого блока 3, а массу вала — к массе колеса 5). Пренебрегаем вслед за Джоулем кинетической энергией массива слабо вращающейся жидкости 6 в калориметре 7 (наличие неподвижных лопастей 8 (рис. 1) делает это допущение оправданным):

$$T = T_1 + T_2. \quad (\text{П1.6})$$

При общей структуре выражений для кинетической энергии вращающихся масс $T_i = J_i \omega_i^2 / 2$ (J_i — осевой момент инерции вращающегося тела, зависящий от его массы M_i и геометрии с учетом R_i), используя угловые скорости вращения ω_3 (П1.2) и

ω₄₅ (П1.3), находим в соответствии с рекомендациями теоретической механики значения T_3 (определяем J_3 для цилиндра — толстого диска), T_4 (J_4 — для цилиндра) и T_5 (J_5 — для n тонких прямоугольных пластин длиной $2R_5$ и шириной z с общей массой $M_5 = nm_5$ при этом допускаем $2R_5 \gg z$)

$$T_3 = M_3 \cdot (R_3^2/2) \cdot (\dot{h}/r_3)^2/2 = 0,25 \cdot M_3 \cdot (R_3/r_3)^2 \cdot \dot{h}^2, \quad (\text{П1.7})$$

$$T_4 = M_4 \cdot (R_4^2/2) \cdot (R_3/r_3)^2 \cdot (1/R_4)^2 \cdot \dot{h}^2/2 = 0,25 \cdot M_4 \cdot (R_3/r_3)^2 \cdot \dot{h}^2, \quad (\text{П1.8})$$

$$T_5 = M_5 \cdot [(4R_5^2 + z^2)/12] \cdot (R_3/r_3)^2 \cdot (1/R_4)^2 \cdot \dot{h}^2/2 \approx \\ \approx 0,17 \cdot M_5 \cdot (R_5/R_4)^2 \cdot (R_3/r_3)^2 \cdot \dot{h}^2. \quad (\text{П1.9})$$

С учетом выражений (П1.7)–(П1.9) находим вначале T_2 и затем суммарную величину кинетической энергии T (П1.6) всех подвижных частей установки Джоуля:

$$T_2 = (R_3/r_3)^2 \cdot [0,25 \cdot (M_3 + M_4) + 0,17 \cdot M_5 \cdot (R_5/R_4)^2] \cdot \dot{h}^2 = \\ = A \cdot (R_3/r_3)^2 \cdot \dot{h}^2, \quad (\text{П1.10})$$

где $A = [0,25 \cdot (M_3 + M_4) + 0,17 \cdot M_5 \cdot (R_5/R_4)^2]$ — коэффициент, определяющий момент инерции вращающихся масс элементов 3–5 установки Джоуля;

$$T = [0,5 \cdot m + A \cdot (R_3/r_3)^2] \cdot \dot{h}^2 = \frac{1}{2} \mu \dot{h}^2, \quad (\text{П1.11})$$

где μ (кг) — приведенная масса.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Решение $h(t)$ уравнения (11) находим как сумму общего решения $h(t)_I$, используя характеристическое уравнение $p^2 + ap = 0$ ($p_1 = 0$, $p_2 = -a$), и частного решения $h(t)_{II} = Bt$:

$$h(t) = h(t)_I + h(t)_{II}, \quad (\text{П2.1})$$

$$h(t)_I = C_1 + C_2 e^{-at}, \quad (\text{П2.2})$$

$$h(t)_{II} = -\frac{b}{a} t, \quad (\text{П2.3})$$

$$h(t) = C_1 + C_2 e^{-at} - \frac{b}{a}. \quad (\text{П2.4})$$

Выражения для обобщенной скорости $\dot{h}(t)$ и обобщенного ускорения $\ddot{h}(t)$ находим из (П2.4):

$$\dot{h}(t) = -C_2 e^{-at} - \frac{b}{a}, \quad (\text{П2.5})$$

$$\ddot{h}(t) = C_2 a^2 e^{-at}. \quad (\text{П2.6})$$

Постоянные интегрирования C_1 и C_2 ищем из условий

$$h(t=0) = h_0 \text{ (см. рис.1),} \quad (\text{П2.7})$$

$$\dot{h}(t=0) = 0, \quad (\text{П2.8})$$

что позволяет вычислить искомые значения C_1 и C_2 :

$$C_1 = h_0 + \frac{b}{a^2}, \quad (\text{П2.9})$$

$$C_2 = -\frac{b}{a^2}. \quad (\text{П2.10})$$

Подстановка (П2.9) и (П2.10) в выражения (П2.4)–(П2.6) с учетом найденных произвольных C_1 и C_2 , а также значений постоянных коэффициентов a и b уравнения (11) позволяет получить решение дифференциального уравнения (11) для изучаемой диссипативной системы (рис. 1 и рис. П1) в обобщенных координатах:

$$\begin{aligned} h(t) &= h_0 + \frac{b}{a} \left[\frac{1}{a} (1 - e^{-at}) - t \right] = \\ &= h_0 + \frac{mg}{K\eta(R_3/r_3)} \left[\frac{m + 2A(R_3/r_3)^2}{K\eta(R_3/r_3)} \left(1 - e^{-\frac{K\eta(R_3/r_3)}{m + 2A(R_3/r_3)^2} t} \right) - t \right], \end{aligned} \quad (\text{П2.11})$$

$$\dot{h}(t) = -\frac{b}{a} (1 - e^{-at}) = -\frac{mg}{K\eta(R_3/r_3)} \left(1 - e^{-\frac{K\eta(R_3/r_3)}{m + 2A(R_3/r_3)^2} t} \right), \quad (\text{П2.12})$$

$$\ddot{h}(t) = -be^{-at} = -\frac{g}{1 + \frac{2A}{m}(R_3/r_3)^2} e^{-\frac{K\eta(R_3/r_3)}{m + 2A(R_3/r_3)^2} t} < g! \quad (\text{П2.13})$$

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Равенство нулю частной производной $\frac{\partial \dot{h}}{\partial h}$ означает, что, начиная с искомого уровня h_n (при $t = t_n$, см. рис. 2б), скорость снижения груза $\dot{h}$ уже не зависит от высоты сброса h (рис. 2а).

С учетом выражений (П2.11) и (П2.12) найдем искомое значение $\frac{\partial \dot{h}}{\partial h}$ и, воспользовавшись (П2.13), покажем, каким образом оно зависит от параметров установки и времени:

$$\frac{\partial \dot{h}}{\partial h} = \frac{\partial \dot{h}}{\partial t} \cdot \frac{\partial t}{\partial h} = \frac{\ddot{h}}{\dot{h}} = \frac{a}{e^{at} - 1}, \text{ с}^{-1}. \quad (\text{П3.1})$$

Определим величину $\partial \dot{h}$ из (П3.1) и после ее интегрирования получаем $\Delta \dot{h}$; после этого вычисляем значение h_{Π} для приемлемого условия: $\Delta \dot{h} \approx 0$ при $e^{-at_{\Pi}} = 0,05$. Итак,

$$\Delta \dot{h} = C_3 + \int_0^{h_{\Pi}} \frac{a}{e^{at} - 1} dh = C_3 + \frac{a}{19} h_{\Pi} \approx 0. \quad (\text{П3.2})$$

С учетом величины $C_3 = -\frac{mg}{K\eta(R_3/r_3)}$ (см. рис.2б) и $a = \frac{K\eta(R_3/r_3)}{m + 2A(R_3/r_3)^2}$ находим из (П3.2, правая часть) окончательное выражение для h_{Π} :

$$h_{\Pi} = 19g \frac{m[m + 2A(R_3/r_3)^2]}{[K\eta(R_3/r_3)]^2}, \text{ м.} \quad (\text{П3.3})$$

В.Х. КОЗЛОВСКИЙ

Московское математическое общество

РАЗВИТИЕ МОЛЕКУЛЯРНО-ДИНАМИЧЕСКИХ МЕТОДИК РАСЧЕТА ТЕПЛОВЫХ СВОЙСТВ ВЕЩЕСТВ И ИХ ПРИЛОЖЕНИЙ К ФОРМУЛИРОВКЕ УРАВНЕНИЙ СОСТОЯНИЯ ЖИДКИХ И ТВЕРДЫХ ТЕЛ

Введение

Использование и развитие в XIX веке тепловых машин привело к появлению работ по установлению закономерностей перехода теплоты в механическую работу, т.е. к разработке теории теплоты. Такая теория была разработана С.Карно на основе представления о теплоте как вещественной субстанции — теплороде, падающем с высокого температурного уровня на низкий. С утвердившимся представлением об атомистическом строении веществ природа теплоты стала полагаться заключающейся в энергии движения атомов. С этих позиций Р. Клаузиусом была пересмотрена теория действия тепловых машин, понятие теплорода упразднено, но был введен относящийся к поведению теплоты принцип о невозможности самопроизвольного перехода теплоты от холодного тела к горячему. Было показано также, что тепловому процессу присуща характеристика — энтропия, количество которой за цикл в нагревателе уменьшается, а в холодильнике при идеальных условиях на столько же увеличивается. Работы Клаузиуса стали рассматриваться как основа теории тепловых явлений, однако в этой четко разработанной схеме оставались, если пользоваться терминологией лорда Кельвина, «два темных облачка». Первое представляло собой то обстоятельство, что, принимая теплоту за вид механического движения, которое подчинено установленным законам, следует полагать закономерности тепловых явлений окончательно сформулированными тогда, когда они

будут выведены из принципов механики — одно только упреждение теплорода не делает теорию механической. Это требование относится и к энтропии, которая неожиданно возникла при отсутствии механических antecedентов. Клаузиус впоследствии показал, что для определенного вида движения — периодического с одинаковой для всех атомов величиной периода — из законов движения может быть получено выражение аналогичное тепловому закону, в котором энтропия представлена как логарифм произведения средней кинетической энергии и периода. Несколько ранее к аналогичному результату пришел Больцман, и Клаузиус, ознакомившись с его работой, признал совпадение ее результатов со своими. Впоследствии результаты обобщались применительно к другим видам движений. Основным расчетным приемом являлись вариационные принципы механики, от них легко осуществлялся переход к средним значениям, которые являются наблюдаемыми. Контролируемыми и управляемыми являются движения подвижных элементов механического устройства, их скорости полагаются много меньшими скоростей молекул. Это разделение движений на быстрые и медленные проводится во всех работах, особенно четко оно представлено в работах Гельмгольца по теории циклических движений.

Успех в решении основной задачи молекулярно-динамического обоснования учения о тепловых явлениях способствовал развитию динамических методик и их применению к получению уравнений состояния. Клаузиусом было введено понятие вириала силы и доказана теорема вириала, с помощью которой было получено уравнение состояния идеального газа, а затем Ван-дер-Ваальсом и уравнение состояния реального газа. Впоследствии появились работы, посвященные применению теоремы вириала к выводу уравнений состояния твердых тел. Последние рассматривались как наиболее подходящие объекты для применения динамических методик ввиду их регулярного молекулярного строения и сравнительной регулярности движений образующих их атомов.

После этого успешного прояснения первого вопроса оставалось разрешить второй, методологически более сложный, сущность которого сводится к следующему. Теория Карно, как последовательная и непротиворечивая, могла бы быть принята за основу учения о тепловых явлениях, но не связанная с молекулярно-динамическими представлениями. Последнее обстоятельство было неприемлемо для Клаузиуса,

и он отвел место этой теории на обочине учения о теплоте. Однако можно было бы попытаться включить ее в магистральную линию этого учения, более основательно разобравшись в ее понятиях. Две последовательные расчетные схемы не должны противостоять одна другой, а должны находиться в тесной связи. Эта связь длительное время не могла быть установлена, так как между молекулярно-динамическим представлением о теплоте и представлением о ней как о субстанции усматривалось шокирующее несоответствие: субстанция существует сама по себе, а движение присуще субстанции. Если обернуть это утверждение, то получится следующее: движение существует само по себе, а субстанция присуща движению. На вопрос, что в таком случае движется, может быть дан ответ, что субстанция и движение существуют совместно и обуславливают друг друга, т.е. статус движения выше, чем принималось. Известная ленинская формулировка: «материя без движения так же немыслима, как движение без материи» может восприниматься как утверждение об их равноправности. В начале XX века члены Королевского общества Каллендар и Лармор выступили с утверждениями, что энтропия и теплород понятия равнозначные, на что указывало поведение энтропии в идеальной тепловой машине: сколько ее отдал нагреватель, столько же получил холодильник. К этому времени уже были открыты кванты, в которых субстанциальное и движущееся равноправно объединены. При необратимых процессах энтропия не сохраняется, так что ее сходство с субстанцией утрачивается, но и вещество в некоторых явлениях — ядерные реакции — не ведет себя, как субстанция и не сохраняется. Так что не только движение может приобретать черты субстанции, но и субстанция — черты движения. Полемика по этим вопросам значительно активизировалась в середине XX столетия на страницах учебно-методического журнала *American Journal of Physics*. Там же было рассмотрено достаточно большое число простейших механических моделей, которые при воздействии на них обнаруживали поведение, аналогичное фазовому переходу. Источником перехода, таким образом, являлись динамические принципы, так что теория фазового перехода может на них базироваться. Автор настоящего сообщения также представил в этот журнал рассмотрение одной из таких моделей, однако к этому времени состав редколлегии журнала изменился, и она вынесла заключение, что вопрос не заслуживает внимания со-

лидного издания. Все же остается факт, что во второй половине XX столетия твердые тела заняли более значительное место в исследованиях, чем в первой половине. Одна из причин состоит в том, что ранее твердые тела обращали на себя внимание своими механическими свойствами (упругостью, прочностью), впоследствии интерес стали привлекать их электрические и электромеханические свойства, которые у некоторых кристаллов оказывались резко зависящими от температуры. Поэтому возникла задача дальнейшего развития динамических расчетных методик, уже успешно себя зарекомендовавших, что явилось задачей разработок автора. Поскольку решение вопросов развития требует определенного знакомства с уже проведенными рассматриваниями, то представляется целесообразным представить, следуя хронологическому порядку, обзор выполненных во второй половине XIX и первой четверти XX века разработок по динамическому (вернее, молекулярно-динамическому) обоснованию закономерностей поведения твердых тел, испытывающих внешние воздействия.

Отметим еще немаловажное направление развития молекулярно-динамической теории тепловых явлений — теорию адиабатических инвариантов. Эта теория берет начало от разработок П.С. Эренфеста, далее в ее развитии принимали участие Дж.М. Бургерс, В.А. Фок и особенно Ю.А. Крутков, к работам которого всего целесообразнее обращаться для ознакомления с состоянием вопроса. Можно надеяться, что они выйдут в свет специальным изданием. Суть вопроса заключается в том, что энтропия выражается через динамические величины; например, для периодического движения энтропия пропорциональна логарифму произведения средней кинетической энергии на период. Существуют процессы, при которых энтропия сохраняется (адиабатические), следовательно, будет сохраняться и указанное произведение. Это знаменательный факт, поскольку система не предполагается изолированной и производит внешние действия. Энергия в этих условиях не сохраняется, она переходит в действие, но не производит действия, оставаясь самой собой. Сохраняющаяся при адиабатических процессах механическая величина — адиабатический инвариант — принадлежит к субстанции системы, пока процесс адиабатичен, и значит, обратим, квазистатичен. Таким образом, расширяется представление о механике как науке о движении тел под действием сил, включением в нее явлений формирования суб-

станции. Обнаруженная в атомах дискретность движений свидетельствует о субстанциальности таковых, поскольку при слабых воздействиях движение проявляет способность им противостоять и сохраняться, пока при определенной интенсивности воздействия не произойдет переход в другое состояние движения, трактуемый как потеря системой устойчивости. Мерой субстанциальности движения может служить величина адиабатического инварианта, которая полагается дискретной. Для гармонического вибратора средняя кинетическая энергия составляет половину полной, поэтому движение вибратора подчинено условию $E/v = nh$. Заканчиваем введение цитатой из работы Ю.А. Круткова:

«Нахождение тех величин, коим Эренфест дал название адиабатических инвариантов, — задача чисто механическая, это задача о движении системы с конечным числом степеней свободы (только такие системы здесь будут рассматриваться), механизм которой медленно меняется со временем. Очевидно, что механика в тесном смысле этого слова, в том смысле, который придается этому термину Томсоном и Тэтом, не могла поставить этой задачи и потребовать ее решения. Можно, конечно, представить себе, что эта задача, как имеющая некоторый интерес с точки зрения аналитической механики, могла бы возникнуть и без внешнего стимула. Однако это не имело места. Задача возникла при попытках решения одного из наиболее важных вопросов теоретической физики — вопроса о рациональном обосновании термодинамики — и притом уже при первых попытках дать чисто механическое толкование второму началу, связанных с именами Больцмана и Клаузиуса; она имеет значение и для термодинамических аналогий, даваемых Гельмгольцевыми моноциклами, и не теряет его для той комбинации чистой механики с соображениями, названными Максвеллом статистическими, которая дана нам работами Больцмана, Максвелла и Гиббса; наконец, она теснейшим образом связана с теми своеобразными теоретическими построениями, которые носят название теории квантов. Заслуга установления этой последней связи и ясной и законченной постановки "адиабатической" задачи принадлежит Эренфесту».

Ниже представлены в хронологическом порядке работы, посвященные основной задаче — доказательству существования энтропии молекулярных систем на основе динамических предположений.

Обзор

Разработанная Клаузиусом молекулярно-динамическая теория тепловых явлений имела своей задачей обоснование их закономерностей принципами динамики, примененными к движению атомов и молекул вещества. Такая задача формулировалась в отношении обратимых тепловых явлений, необратимость представлялась особым феноменом, на который динамические построения не распространялись. Разработке этих вопросов посвящены многочисленные исследования, в которых принимали участие выдающиеся деятели науки — Больцман, Клаузиус, Гельмгольц, Дж.Томсон, а также исследователи, имена которых за давностью ушли в тень, но результаты их работ явились вкладом в разработку направления. В монографии Полака проводится систематизированное рассмотрение наиболее выдающихся работ по обоснованию закономерностей тепловых явлений на основе вариационных принципов динамики [1. С. 371–445]. В краткой заметке автора настоящей статьи отмечены и некоторые другие работы, дающие представление о размахе исследований [2]. Систематизированные изложения составлялись и ранее, но они не были достаточно полными [3. S. 425–465], [4. S. 27–35].

В настоящей статье мы намереваемся показать все известные нам разработки молекулярно-динамических принципов учения о теплоте с их приложениями к исследованию поведения веществ, подвергающихся внешним воздействиям — тепловым, механическим. Если в первом круге вопросов основной задачей являлось получение выражения для энтропии на основе вариационных принципов механики, то во втором круге вопросов задачей являлось получение уравнения состояния на основе усредненных по времени уравнений движения. Эти два круга вопросов связаны между собой, так как, располагая выражениями для энергии и энтропии молекулярной системы, можно составить уравнение состояния.

Во избежание возможных недоразумений следует обратить внимание на немаловажное обстоятельство. Получаемое из динамических принципов выражение для энтропии относится к движениям атомов, совершающимся за короткое время, характерная величина которого соответствует периоду колебаний в твердом теле или времени свободного пробега в газе (переход к бесконечной длительности производит-

ся для удобства расчетов). Такая энтропия может именоваться молекулярно-динамической и ведет себя как любая динамическая величина согласно наглядным представлениям о поведении динамических величин. Энтропия, определяемая как средний логарифм функции распределения, именуемая статистической энтропией, относится к более значительным промежуткам времени и обнаруживает другое поведение — парадоксально возрастает при смешении одинаковых газов. Фактически за большой промежуток времени даже небольшое различие в свойствах молекул ведет к значительному различию в движениях, и в пределе исчезающего различия в свойствах различия в значениях энтропии сохраняются. Для устранения парадокса и приближения поведения энтропии к поведению динамических величин Гиббсом было предложено деление статистического интеграла на произведение факториалов числа молекул каждого сорта, что уменьшало область рассматриваемого фазового пространства и сокращало время пребывания в ней системы. В результате смешение газов с тождественными молекулами не меняло такого рода энтропии, но различие между молекулами вело к возрастанию энтропии, не зависящему от степени различия, что не согласовывалось с динамическими представлениями. Здесь причина несоответствия с динамикой состояла в том, что различие в свойствах молекул просто декларировалось без рассмотрения роли этого различия в динамическом процессе столкновений. Если рассмотреть столкновения, то можно определить энтропию четвертым способом как логарифм объема цилиндра, основанием которого является площадь поперечного сечения молекулы, а высота соответствует средней длине свободного пробега. Для шарообразной молекулы с радиусом a и длины свободного пробега λ учетверенный (для удобства расчетов) объем имеет величину

$$v = 4\pi a^2 \lambda.$$

Пусть в объеме V содержится N_1 молекул с радиусом a_1 и N_2 молекул с радиусом a_2 . Выделим плоскопараллельный слой толщины dx . Тогда в цилиндре единичной площади сечения с основаниями на сторонах слоя содержится $\frac{N_1}{V} dx$ молекул первого класса и $\frac{N_2}{V} dx$ молекул второго класса. Для падающего перпендикулярно на слой параллельного

пучка молекул первого класса в цилиндре единичной площади будет загорожена площадь

$$\pi \frac{N_1}{V} dx(2a_1)^2 + \pi \frac{N_2}{V} dx(a_1 + a_2)^2,$$

и сталкивающиеся молекулы пучка будут удаляться, а интенсивность пучка ослабляться. Длина свободного пробега пучка молекул первого класса

$$\lambda_1 = \left[4\pi a_1^2 N_1 + \pi(a_1 + a_2)^2 N_2 \right]^{-1} V$$

и аналогично для молекул второго класса

$$\lambda_2 = \left[4\pi a_2^2 N_2 + \pi(a_2 + a_1)^2 N_1 \right]^{-1} V.$$

Для энтропии смеси получается выражение

$$S = N_1 \ln \frac{a_1^2 V}{a_1^2 N_1 + a_{12}^2 N_2} + N_2 \ln \frac{a_2^2 V}{a_2^2 N_2 + a_{12}^2 N_1},$$

где a_{12} есть среднее арифметическое радиусов. Энтропия есть непрерывная функция радиусов и непрерывно приближается к пределу, когда $a_1 \rightarrow a$, $a_2 \rightarrow a$, становясь равной сумме энтропий разделенных газов, если их молекулярные концентрации совпадали.

Дальнейшему ознакомлению с настоящей статьей целесообразно предпослать знакомство с монографией [1], поскольку затронутых там источников мы не будем касаться. Отметим только некоторые детали путей развития исследований. Теория циклических движений Гельмгольца в основных чертах воспроизведена в курсе Пуанкаре [5. Р. 419–430]. Между Больцманом и Клаузиусом имела место полемика по вопросу о приоритете получения выражения для энтропии в случае циклических движений [6,7]. Соответствующее рассмотрение выполнено Больцманом в 1866 г., Клаузиусом в 1871 г., однако построения Клаузиуса отличаются большей общностью, поэтому Рюльман отдает ему предпочтение. Впрочем, Больцман на такую точку зрения не становится, полагая, что изменяться могут только внешние воздействия, но закон межмолекулярных взаимодействий неизменен. Такая точка зрения сохраняется до настоящего времени. К работе Больцмана примыкает разработка Лошмидта, кото-

рый в некоторой мере обобщил рассмотрение Больцмана, отказавшись от требования замкнутости траекторий атомов [8]. Вместо этого требования вводится предпосылка хаотичности движения, а вместо интегрирования по времени движения атома с обнулением внеинтегрального слагаемого применяется суммирование по мгновенным положениям всех атомов системы, т.е. используется эргодический принцип. Лошмидт приходит практически к тому же выражению энтропии, какое представляет Больцман, но интервал времени, по которому производится интегрирование, не фиксирован.

В выполненной несколько небрежно работе Оппенгейма на двух страницах текста получены основные результаты обстоятельных разработок Клаузиуса, но упомянутая работа подверглась заслуженной критике со стороны В.А. Михельсона, поэтому ограничимся лишь упоминанием о ней [9].

В настоящей статье рассмотрены работы исследователей, имена которых перестали встречаться в литературе второй половины XX века, но в соответствующее время они могли занимать в науке высокое положение. В ряде статей, написанных весьма пространно (что может быть связано с новизной вопросов), Ледье несколько своеобразно, но не уходя далеко от Клаузиуса, решает вопрос о нахождении выражения для энтропии молекулярной системы [10, 11]. Движение атомов принимается периодическим с периодом τ ; компоненты внешних сил, действующих на молекулярные переменные, работа которых обуславливает нагревание, обозначаются X_q, Y_q, Z_q ; компоненты внешних сил, действующих на тело и совершающих механическую работу, обозначаются $X_\theta, Y_\theta, Z_\theta$; компоненты сил межатомных взаимодействий обозначаются $X_\varphi, Y_\varphi, Z_\varphi$. Согласно принципу д'Аламбера

$$\sum (X_q \delta x + X_\theta \delta x + X_\varphi \delta x) = \sum m \frac{d^2 x}{dt^2} \delta x, \quad (\alpha)$$

где δx есть изменение координаты атома при переходе от траектории с периодом обращения τ к траектории с периодом обращения $(\tau + \delta\tau)$. Для удобства сопоставления сохранена нумерация формул, принятая в оригинальной работе. Слагаемые в правой части характеризуются своими фазами (положениями атомов), которые с течением времени перераспределяются между слагаемыми, но при большом числе

атомов сумма остается неизменной. Поэтому, поскольку среднее от постоянной равно этой постоянной,

$$\sum m \frac{d^2 x}{dt^2} \delta x = \sum m \frac{1}{\tau} \int_t^{t+\tau} \frac{d^2 x}{dt^2} \delta x dt. \quad (\alpha')$$

Замечаем, что

$$\frac{d^2 x}{dt^2} \delta x = \frac{d}{dt} \left(\frac{dx}{dt} \right) \delta x = \frac{1}{dt} \left[d \left(\frac{dx}{dt} \delta x \right) - \frac{dx}{dt} d(\delta x) \right].$$

Следовательно,

$$\frac{1}{\tau} \int_t^{t+\tau} \frac{d^2 x}{dt^2} \delta x dt = \frac{1}{\tau} \left[\left(\frac{dx}{dt} \delta x \right)_{t+\tau} - \left(\frac{dx}{dt} \delta x \right)_t \right] - \frac{1}{\tau} \int_t^{t+\tau} \frac{dx}{dt} \frac{d\delta x}{dt} dt. \quad (\beta)$$

Квадратная скобка равна нулю, так что остается

$$\frac{1}{\tau} \int_t^{t+\tau} \frac{d^2 x}{dt^2} \delta x dt = - \frac{1}{\tau} \int_t^{t+\tau} \frac{dx}{dt} \frac{d\delta x}{dt} dt. \quad (\beta')$$

Далее, по аналогии со способом действия Клаузиуса, полагается

$$t = C + n\tau,$$

где C — постоянная, а n — доля периода, являющаяся переменной величиной. Таким образом,

$$x = f(t) = f(C + n\tau).$$

Варьирование, по Клаузиусу, выполняется при постоянной фазе n . Получается

$$\delta x = f'(C + n\tau) (\delta C + n\delta\tau).$$

Дальнейшие выкладки являются типовыми и ведут к результату:

Вариация энтропии равна

$$\delta \sum \ln(B^2 \tau^2),$$

где $\frac{1}{2} \sum m B^2$ — средняя кинетическая энергия.

Этим обосновывается существование энтропии динамической системы и находится ее выражение. Ледье подчер-

кивает: «условие обратимости неизбежно для доказательства изложенного здесь принципа».

В появившейся вскоре работе Мутье [12,13] утверждает, что все предыдущие разработки не конкретизировали вида периодического движения атомов, но движение атомов твердых тел представляет собой гармонические колебания. В кратком расчете без рассмотрения варьированных движений вновь находится соотношение Клаузиуса для работы и выводится выражение для теплоты плавления. Можно отметить, что колебания атомов твердого тела могут быть ангармоническими, что существенно при рассмотрении фазового перехода.

В четко выполненной работе Михельсона [14, 15] движение атомов не рассматривается как периодическое. Принимается только, что существуют некоторые не равноотстоящие моменты времени, когда молекулярная система возвращается в первоначальное состояние. Промежутки между этими моментами могут быть достаточно велики в сравнении со временем, которое требуется атому, чтобы повторно пересечь плоскость, проведенную через него вначале. При таких больших промежутках времени свойства вещества предстают в осредненном виде и от величины промежутка времени не зависят.

Задача заключается в определении вариации действия

$$\int_{t_1}^{t_2} T dt = \int_{t_1}^{t_2} \sum \frac{m}{2} \left[\left(\frac{dx}{dt} \right)^2 + \left(\frac{dy}{dt} \right)^2 + \left(\frac{dz}{dt} \right)^2 \right] dt. \quad (1)$$

По правилам вариационного исчисления

$$\delta \int_{t_1}^{t_2} T dt = \int_{t_1}^{t_2} \delta T dt + (T \delta t) \Big|_{t_1}^{t_2} \quad (2)$$

и согласно (1)

$$\begin{aligned} \delta \int_{t_1}^{t_2} T dt &= \int_{t_1}^{t_2} \sum m \left(\frac{dx}{dt} \delta \frac{dx}{dt} + \frac{dy}{dt} \delta \frac{dy}{dt} + \frac{dz}{dt} \delta \frac{dz}{dt} \right) dt + (T \delta t) \Big|_{t_1}^{t_2} = \\ &= \int_{t_1}^{t_2} \sum m \left(\frac{dx}{dt} \frac{d}{dt} \delta x + \frac{dy}{dt} \frac{d}{dt} \delta y + \frac{dz}{dt} \frac{d}{dt} \delta z \right) dt + (T \delta t) \Big|_{t_1}^{t_2} = \end{aligned}$$

$$= \sum m \left(\frac{dx}{dt} \delta x + \frac{dy}{dt} \delta y + \frac{dz}{dt} \delta z \right)_{t_1}^{t_2} - \int_{t_1}^{t_2} \sum m \left(\frac{d^2 x}{dt^2} \delta x + \frac{d^2 y}{dt^2} \delta y + \frac{d^2 z}{dt^2} \delta z \right) dt + (T \delta t) \Big|_{t_1}^{t_2}. \quad (3)$$

Складывая (3) с (2), находим вариацию действия A :

$$\delta A = 2\delta \int_{t_1}^{t_2} T dt = \sum m \left(\frac{dx}{dt} \delta x + \frac{dy}{dt} \delta y + \frac{dz}{dt} \delta z \right)_{t_1}^{t_2} + 2(T \delta t) \Big|_{t_1}^{t_2} + \int_{t_1}^{t_2} \left[\delta T - \sum m \left(\frac{d^2 x}{dt^2} \delta x + \frac{d^2 y}{dt^2} \delta y + \frac{d^2 z}{dt^2} \delta z \right) \right] dt + (T \delta t) \Big|_{t_1}^{t_2}. \quad (4)$$

Полагаем сумму всех внеинтегральных слагаемых равной нулю и рассматриваем это равенство как уравнение для определения интервала времени

$$t_2 - t_1 = i;$$

$$\sum m \left(\frac{dx}{dt} \delta x + \frac{dy}{dt} \delta y + \frac{dz}{dt} \delta z \right)_2 - \sum m \left(\frac{dx}{dt} \delta x + \frac{dy}{dt} \delta y + \frac{dz}{dt} \delta z \right)_1 + 2T_2 \delta t_2 - 2T_1 \delta t_1 = 0.$$

Дальнейшие выкладки являются типовыми и ведут к результату

$$\frac{\delta Q}{\bar{T}} = \delta \ln(i^2 \bar{T}^2).$$

Правая часть равенства есть полная вариация энтропии, переходящая в полученное в работе Ледье выражение, если движение периодическое, причем существенна зависимость от периода движения (слагаемые, зависящие только от температуры, исключаются при минимизации свободной энергии).

Вайнштейн в курсе термодинамики вернулся к задаче вывода выражения для энтропии молекулярной системы из вариационного принципа динамики, однако избрал оригинальный путь выполнения математического расчета [4,

С. 27–35]. Возможно, этот способ рассмотрения содержит подсказку для выполнения такого рода расчетов.

Варьируем полную энергию молекулярной системы E

$$\delta E = \delta T + \delta U,$$

где T , U — кинетическая и потенциальная энергии. Обозначая производные по времени штрихами, имеем для единичных масс

$$\delta U = -\sum (x''\delta x + y''\delta y + z''\delta z).$$

Это выражение представляется в виде

$$\delta U = -\left[\sum (x'\delta x + y'\delta y + z'\delta z)\right]' + \sum [x'(\delta x)' + y'(\delta y)' + z'(\delta z)'].$$

Первое слагаемое справа равно нулю, так как стоящая под знаком производной сумма постоянна во времени, хотя отдельные ее слагаемые изменяются. Таким образом,

$$\delta U = \sum [x'(\delta x)' + y'(\delta y)' + z'(\delta z)'].$$

Координаты полагаются функциями времени следующего вида:

$$x = \alpha u(t) + \xi, \quad y = \beta v(t) + \eta, \quad z = \gamma w(t) + \zeta; \quad \alpha^2 + \beta^2 + \gamma^2 = 1,$$

где u , v , w обозначают тригонометрические функции, а ξ , η , ζ — постоянные средние значения, α , β , γ — коэффициенты.

Далее выполняются типовые операции дифференцирования и варьирования, и окончательный результат совпадает с результатом Михельсона. Рассматриваемая работа завершается положением: «Предполагается, промежуток времени, необходимый для значимости формулы, выбран настолько большим, что всем молекулам тела можно придать одинаковые средние живые силы и одинаковое среднее время обращения».

И далее: «Есть много оснований предполагать, что молекулы твердого тела фактически или, по крайней мере, приблизительно движутся по замкнутым путям, вероятно, это же верно также относительно атомов в каждой молекуле. Для этих случаев доказательство строго».

В приведенном рассмотрении нет упоминания о внешних телах, которые производят работу над системой, однако их движения много медленнее молекулярных. Автор рассматриваемой работы, видимо, полагает их неподвижными в те-

чение цикла молекулярного движения, а изменения внешних координат и совершаемую при этом работу можно ввести после завершения расчетов, относящихся к молекулярным движениям. Такой прием делает вычисления более простыми и не наносит ущерба общности результатов.

Перейдем к рассмотрению построения динамической теории тепла в работах Богуславского [16,17]. Они относятся к более позднему времени, когда предметом физики стали квантовые явления, и цель разработок заключалась не столько в нахождении уравнений состояния, сколько в разработке оснований квантовой теории, где термодинамика является вспомогательным средством. Квантование выделяет из всех возможных движений устойчивые, а критерии устойчивости разработаны в термодинамике. Автор формулирует: «Таким образом, мы найдем способ выделять устойчивые движения, если построим механические функции, соответствующие функциям термодинамическим: температуре, энтропии, свободной энергии и т.д. Такие функции, удовлетворяющие всем требованиям термодинамики, я и привожу в дальнейшем».

Однако делается оговорка: «Если в дальнейшем я прилагаю термодинамические термины к механическим функциям, то это делается лишь до некоторой степени условно. Дело в том, что, найдя две механические функции θ и S , при помощи которых количество сообщенной системе теплоты выражается формулой

$$\delta Q = \theta \delta S,$$

еще нельзя θ и S отождествлять с температурой и энтропией, а можно лишь утверждать, что энтропия есть некоторая функция только от S , а температура получается делением θ на производную от этой функции по S ».

Далее, для периодического движения постулируется, что свободная энергия равна среднему значению функции Лагранжа, взятой с обратным знаком,

$$F = -\frac{1}{\tau} \int_0^t (U - T) dt. \quad (1)$$

Это выражение через посредство полной энергии $\varepsilon = U + T$ представляется в виде

$$F = \varepsilon - \frac{1}{\tau} \int_0^t 2T dt \quad (5)$$

Сопоставлением с термодинамическим выражением свободной энергии

$$F = \varepsilon - S\vartheta \quad (6)$$

находится соотношение

$$S\vartheta = \frac{1}{\tau} \int_0^t 2T dt = 2\bar{T}. \quad (7)$$

«Таким образом, произведение энтропии на температуру равно удвоенной средней кинетической энергии».

Учитывая приведенное выше замечание, этот результат не следует принимать за термодинамический. Далее Богуславский доказывает важную лемму, позволяющую развить вычисления и получить соотношение между температурой и периодом движения, имеющее вид

$$\vartheta = \frac{C}{\tau},$$

где C — постоянная интегрирования. Энтропия получается равной

$$S = \frac{1}{C} \int_0^t 2T dt.$$

Эти выражения для температуры и энтропии существенно отличаются от традиционных, однако данные названия условны. Чтобы прийти к традиционным понятиям, необходимо совершить преобразование к новым значениям энтропии η и абсолютной температуры A :

$$\eta = H(S), \quad A = \frac{\vartheta}{\frac{dH}{dS}}.$$

При выборе

$$\eta = H(S) = kN \ln(CS) = kN \ln \left(\frac{1}{\tau} \int_0^t 2T dt \right) = kN \ln(\tau 2\bar{T}),$$

где N — число степеней свободы, получается

$$A = \frac{2\bar{T}}{kN}.$$

Результаты правильные, но запись преобразования не следует из динамики, напротив, для этой записи необходимо использование результатов динамического рассмотрения поведения атомов.

Этими результатами практически заканчивается разработка общих вопросов динамической теории тепловых явлений, имеющей своей задачей обоснование общих принципов теории теплоты на основе законов молекулярных движений.

Следующей задачей динамической теории являлось применение законов молекулярных движений к определению поведения молекулярных коллективов при воздействиях на них извне или, иными словами, выводу уравнения состояния вещества. Состояние определяется не так, как в динамике — заданием движений всех частичек, а средними величинами, с достаточной практически точностью характеризующими молекулярный коллектив. Поэтому уравнения движения следует преобразовать к такому виду, чтобы они позволяли определять эти средние величины без решения задачи движения молекул. Решающий шаг в этом направлении был сделан Клаузиусом, установившим теорему вириала, опубликованную в ряде журналов [18–21]. Иногда возникает вопрос о приоритете вывода этой теоремы, поскольку аналогичное преобразование проводили математики Якоби [22] и Липшиц [23]. Однако в работе первого не проведено усреднение по времени. Поэтому результат важен только как механическое соотношение. А работа второго ограничена однородными функциями координат, которыми представляется потенциальная энергия. Существенным в расчетах является использование тождества

$$\sum m \left(\frac{d^2 x^2}{dt^2} + \frac{d^2 y^2}{dt^2} + \frac{d^2 z^2}{dt^2} \right) = \sum 2m \left[\left(\frac{dx}{dt} \right)^2 + \left(\frac{dy}{dt} \right)^2 + \left(\frac{dz}{dt} \right)^2 \right] + \sum 2m \left(x \frac{d^2 x}{dt^2} + y \frac{d^2 y}{dt^2} + z \frac{d^2 z}{dt^2} \right).$$

Усреднение по времени приводит к исчезновению левой части равенства, остальные средние обладают физическим содержанием: первое слагаемое представляет кинетическую энергию, второе — вириал.

После появления работы Клаузиуса вышла работа Вилларсо [24], который рекомендует вернуться к натуральному уравнению, содержащему вторую производную от суммы

произведений масс молекул на квадраты их расстояний от начала отсчета. Автор отмечает, что применительно к тепловому движению молекул эта сумма не зависит от времени и производная от нее по времени равна нулю, что оправдывает теорему вириала, но в натуральном виде полученное соотношение является общей механической теоремой (ссылка на работу Якоби отсутствует). Клаузиус после ознакомления с работой Вилларсо опубликовал работу, посвященную выводу новых форм теоремы вириала [25].

Им было рассмотрено использование других видов координат молекул — отнесенных к центру инерции молекулярной системы (отсутствует ссылка на работу Якоби, который ссылается на Лагранжа), относительных взаимных координат молекул и обобщенных координат. Процедура усреднения по времени сохраняется, так что Клаузиус остается на своих позициях. Введение обобщенных координат представляется существенной стороной работы, поскольку некоторые молекулы являются электрическими диполями, и их ориентация определяется углами. В этой работе вводятся обобщенные координаты q_v и импульсы p_v , через которые выражается кинетическая энергия $T = \frac{1}{2} \sum p \dot{q}$, и записываются уравнения Лагранжа

$$\dot{p}_v = \frac{\partial}{\partial q_v} (T - U).$$

После подстановки в тождество

$$p_v \dot{q}_v = -q_v \dot{p}_v + \frac{d}{dt} (p_v q_v)$$

находится выражение

$$p_v \dot{q}_v = q_v \frac{\partial}{\partial q_v} (U - T) + \frac{d}{dt} (p_v q_v).$$

Суммируя по всем координатам, получаем

$$T = \frac{1}{2} \sum q \frac{\partial}{\partial q} (U - T) + \frac{1}{2} \frac{d}{dt} \sum p q.$$

Усреднение по времени приводит к теореме вириала в обобщенных координатах, но не всегда последнее слагаемое обращается после усреднения в ноль; в случае, когда углы являются многозначными функциями положения, необходима осмотренность.

Доказательство теоремы вириала стимулировало появление еще одной теоремы, которая может быть названа теоремой Люка (наименование не узаконено) [26]. Поскольку запись теоремы вириала не меняется при параллельном переносе системы координат, автор записал теорему в двух системах координат, начала которых не совпадают, и сопоставляя их, пришел к результату, что средняя действующая на материальную точку сила равна нулю. Этот результат, впрочем, очевиден, так как закон движения формулируется посредством производных координат по времени, среднее значение которых равно нулю. Однако автору настоящей работы неизвестно использование этой теоремы в конкретных расчетах, выполненных до середины XX века. Решающую роль во всех рассмотренных играла теорема вириала, к некоторым применениям которой и переходим.

С помощью этой теоремы Клаузиус вывел уравнение состояния идеального газа (в цитированных работах расчет не приводится, только результат). Сопоставлением с эмпирическим уравнением состояния он показывал, что средняя кинетическая энергия молекулы пропорциональна абсолютной температуре. Этот результат имеет универсальное значение, поскольку Больцманом было установлено, что при тепловом равновесии кинетические энергии молекул всех тел одинаковы. Подробнее на этом вопросе останавливается В.А. Михельсон. Само уравнение состояния идеального газа находится элементарным образом. Чтобы определить вириал сил реакции стенки на удары молекул, среднее значение которых равно давлению, помещаем внутри сосуда начало координат и проводим из него радиус-вектор к некоторой точке периферии, выделенной на стенке площадки dS . Все такие радиус-векторы образуют боковую поверхность конуса, объем которого

$$dV = \frac{1}{3} r dS \cos(\mathbf{r}\mathbf{n}),$$

где $\mathbf{n}$ — орт нормали к площадке, направленный наружу объема. Вириал давления на площадку, поскольку реакция стенки направлена навстречу радиус-вектору, есть

$$-pdSr \cos(\mathbf{r}\mathbf{n}) = -3pdV.$$

Уравнение состояния принимает вид

$$\sum \frac{1}{2} \overline{mv^2} = \frac{3}{2} pV.$$

Можно заметить, что размещать начало координат внутри объема не обязательно, оно может быть размещено и вне объема, но это ведет только к некоторому усложнению построения.

Теорема вириала была положена Ван-дер-Ваальсом в основание теории реальных газов и жидкостей [27]. Для простой модели реального газа, где молекулы сталкиваются как твердые шары и притягиваются короткодействующими силами, вывод уравнения состояния, как показано в работе Ван-дер-Ваальса младшего, также элементарен [28]. Для расчета вириала сил притяжения принимается, что действующие на молекулу в объеме силы притяжения в среднем компенсируются, но на поверхности возникает сила, направленная внутрь объема. Она добавляется к реакции стенки, в результате на газ действует результирующее давление $p + p_i$. Когезионная добавка p_i пропорциональна плотности молекул в пристеночном слое и плотности в объеме, т.е. квадрату плотности молекул, если эти плотности одинаковы. Из расчета на моль добавка представляется выражением

$$p_i = \frac{a}{V^2}.$$

Для определения вириала сил отталкивания обобщаем расчет, рассматривая объем, содержащий твердые включения, от которых отражаются молекулы газа. Теперь к вириалу реакции оболочки добавляется вириал реакций включений, который рассчитывается аналогичным образом. Надо только учесть, что газ находится не внутри включения, а вне его, поэтому реакция стенки будет иметь противоположное направление, и объем включения войдет с отрицательным знаком. Роль таких включений играют сами газовые молекулы, поскольку центры двух молекул не приближаются на расстояние меньше их диаметра. Поэтому недоступный объем, приходящийся на одну молекулу, составляет ее учетверенный объем. В результате уравнение состояния записывается в виде

$$\left(p + \frac{a}{V^2}\right)(V - b) = \frac{1}{3} \sum \overline{mv^2}.$$

Таким образом, уравнение состояния реального газа последовательно выводится практически без расчетов, чем показывается преимущество динамического подхода по сравнению с другими непростыми методиками расчета, где к

тому же окончательный результат оценивается скептически [29. С. 84–87].

Наиболее успешным является приложение динамического рассмотрения к твердым телам — кристаллам, правильное симметричное строение которых может быть связано с простыми видами движения атомов. Рюльманн замечает:

«Мы имеем все основания принять, что твердые тела являются такими телами; потому что у них встречаются главным образом только чисто колебательные и, возможно, вращательные движения молекул; кроме того, равновесные положения молекул даже при значительных температурных изменениях смещаются исключительно мало. Мы можем принять, что тепловое движение в твердых телах удовлетворяет принципу Гамильтона».

В том же смысле высказывается Сэзерленд [30]: «Разработка кинетической теории твердых тел должна по чисто теоретическим основаниям оказаться более простым делом, чем в кинетической теории газов, потому что в твердых телах каждая молекула пребывает около фиксированного среднего положения».

Попытка построения динамической теории твердого тела предпринималась тогда, когда не были достоверно известны ни строение кристаллических тел, ни закон взаимодействия атомов. Из теоремы вириала оказалось возможным получить общие соотношения между параметрами вещества, которые приблизительно подтверждались экспериментальными данными для ряда металлов. Первая динамическая теория твердого тела была разработана цитированным автором. Кратко представим основные положения расчета, опуская анализ поведения твердого тела. Моделью твердого тела является кубическая решетка атомов, совершающих колебания около узлов решетки, размах которых ограничен столкновениями с соседними атомами. Ячейка решетки имеет размер ребра e , удвоенную амплитуду колебаний атомов α , наименьшее расстояние между центрами атомов при столкновениях E , так что

$$E = e - \alpha.$$

При столкновении между атомами действует сила отталкивания F , а также атомы попарно притягиваются с силой $\phi(r)$, убывающей с увеличением расстояния между ними. Теорема вириала записывается следующим образом:

$$\sum \frac{1}{t} \int_0^t \frac{mv^2}{2} dt = \frac{1}{2} \cdot \frac{1}{2} \sum \sum \frac{1}{t} \int_0^t r \phi(r) dt - \frac{1}{2} \cdot \frac{1}{2} \sum \frac{1}{t} \int_0^t E F dt.$$

Величина E за время τ взаимодействия атомов при столкновении постоянна, при скорости движения атома v за время t происходит $\frac{v}{\alpha}t$ столкновений (атом сталкивается с левым и правым соседями и $\frac{\alpha}{v}$ есть время прохождения пути, на котором происходит столкновение). При ударе атом меняет скорость на противоположную, поэтому имеет место представление вириала отталкивания

$$\int_0^t EF dt = \frac{vt}{\alpha} E \int_0^{\tau} F dt = \frac{vt}{\alpha} E \cdot 2mv.$$

Поскольку суммирование по всем молекулам автоматически ведет к усреднению, то теорема вириала приводит к соотношению

$$\sum \frac{mv^2}{2} \left(1 + \frac{E}{\alpha} \right) = \frac{1}{2} \cdot \frac{1}{2} \sum \sum r\phi(r).$$

Если действует равномерно распределенное по поверхности внешнее давление P , то к правой части добавляется его вириал и из расчета на элементарную ячейку получается

$$\frac{e}{\alpha} \cdot \frac{mv^2}{2} - \frac{1}{2} \cdot \frac{1}{2} \sum r\phi(r) - \frac{3}{2} Pe^3 = 0.$$

В рассмотрение применений уравнения состояния не будем входить, так же как в рассмотрение кристалла с тетрагональными ячейками.

В небольшой заметке Рихарца [31] потенциальная энергия атома твердого тела формально (без рассмотрения взаимодействий) представляется в виде квадратичной функции координат атома, отсчитанных от положения равновесия. Вириал по теореме об однородных функциях равен среднему значению потенциальной энергии. Тогда теорема вириала утверждает равенство средней кинетической и средней потенциальной энергий или равенство полной энергии удвоенной кинетической. Это означает, что, независимо от природы тел, одинаковое количество их атомов при одинаковой температуре обладает одним и тем же запасом полной энергии, так что их теплоемкости одинаковы. Это свойство твердых тел во многих случаях имеет место, а там, где оно отсутствует, по мнению автора заметки, потенциальная энергия

содержит более высокие, чем вторая, степени координат. Их назначение — учитывать удлинившийся между столкновениями пробег атома.

В появившейся позднее работе Ми [32] был устранен очевидный недостаток теории Сэзерленда — представление об отталкивании как о соударении твердых шаров, что допустимо применительно к молекулам газа, где расстояния между молекулами значительно больше их размеров, тогда как в твердых телах силы и отталкивания, и притяжения следует представлять в виде аналитических функций расстояния. Основой расчета служит теорема вириала, примененная к движению атомов кристаллической решетки,

$$\sum m\overline{u^2} + \sum (\overline{xX + yY + zZ}) + \sum \overline{r_{ik}f(r_{ik})} = 0,$$

где X, Y, Z — компоненты внешней силы, сила взаимодействия атомов f принимается положительной при отталкивании, r_{ik} — расстояние между атомами i и k . Значения первых двух слагаемых известны:

$$\begin{aligned}\sum m\overline{u^2} &= 3R\theta, \\ \sum (\overline{xX + yY + zZ}) &= -3pV,\end{aligned}$$

где θ — абсолютная температура. Здесь принято, что внешняя сила является равномерным давлением, действующим по нормали к поверхности. Последнее слагаемое представляется в виде разности

$$\sum rf(r) = \sum rf_1(r) - \sum rf_2(r),$$

где индексы 1, 2 относятся соответственно к силам отталкивания и притяжения. Вириал последних был определен Ван-дер-Ваальсом:

$$\sum rf_2(r) = \frac{3A}{V},$$

где A — постоянная. Для вириала силы отталкивания записывается разложение по степеням отклонения r' от равновесного расстояния r_0

$$rf_1(r) = r_0f_1(r_0) + \left[f_1(r_0) + r_0f_1'(r_0) \right] r' + \left[f_1'(r_0) + \frac{1}{2}r_0f_1''(r_0) \right] r'^2 + \dots$$

Здесь штрихи при f означают производные.

Для энергии отталкивания принимается обратный степенной закон с показателем степени ν

$$\Phi_1 = \frac{a}{r^\nu},$$

так что

$$f_1(r) = \frac{\nu a}{r^{\nu+1}}, \quad f_1'(r) = -\frac{\nu(\nu+1)a}{r^{\nu+2}}, \quad f_1''(r) = \frac{\nu(\nu+1)(\nu+2)a}{r^{\nu+3}}$$

и далее

$$\begin{aligned} r f_1(r) &= \frac{\nu a}{r_0^\nu} - \frac{\nu^2 a}{r_0^{\nu+1}} r' + \frac{\nu^2(\nu+1)}{2} \cdot \frac{a}{r_0^{\nu+2}} r'^2 = \\ &= \nu \left[\Phi_1(r_0) + \left(\frac{\partial \Phi_1}{\partial r} \right)_0 r' + \frac{1}{2} \left(\frac{\partial^2 \Phi_1}{\partial r^2} \right)_0 r'^2 \right]. \end{aligned}$$

При суммировании по всем парам молекул первое слагаемое в скобках преобразуется в

$$BV^{-\frac{\nu}{3}},$$

где B — для данного кристалла постоянная. Второе слагаемое в скобках равно нулю, поскольку r' принимает как положительные, так и отрицательные значения. Последнее слагаемое приводит, как принимается автором, к величине

$$\frac{3}{2} R\theta,$$

что было бы так, если бы рассматривались все силы взаимодействия, под влиянием которых совершаются гармонические колебания; однако силы отталкивания рассматриваются отдельно от сил притяжения. По теореме вириала уравнение состояния есть

$$pV - \frac{\nu}{3} BV^{-\frac{\nu}{3}} + \frac{A}{V} = \frac{\nu+2}{2} R\theta.$$

Можно показать, что изотермы этого уравнения сходны с изотермами уравнения Ван-дер-Ваальса и демонстрируют наличие критической точки, но такое поведение не присуще твердым телам. Видимо, на вид уравнения оказала влияние неточность вычислений.

Рассмотрим фундаментальную работу Грюнайзена [33], в которой задача нахождения уравнения состояния твердого тела получила достаточно полное решение. Здесь энергия взаимодействия двух атомов в зависимости от расстояния между ними r представлена обратными степенными функциями с показателями x для сил притяжения и y для сил отталкивания

$$\phi = -\frac{\alpha}{r^x} + \frac{\beta}{r^y}.$$

При абсолютном нуле температуры и отсутствующем давлении атомы располагаются в узлах кубической решетки с длиной ребра r_0 . Объем, приходящийся на один моль, представляется как

$$v_0 = N r_0^3,$$

где N — число атомов в моле. Потенциальная энергия притяжения, приходящаяся на один атом в структуре,

$$\phi_0 = -\frac{1}{2} \alpha \sum_{\lambda} \frac{\pi_{\lambda}}{(\kappa_{\lambda} r_0)^x},$$

где λ — номер сферы с центром в исходном атоме, проходящей через ячейку, κ_{λ} — целое число, показывающее в длинах ребер радиус сферы, π_{λ} — число атомов на сфере. Суммирование проводится по всем последовательным сферам, хотя практически число сфер ограничено ближайшими к атому.

Потенциальная энергия отталкивания представляется аналогично:

$$\chi_0 = \frac{1}{2} \beta \sum_{\lambda} \frac{\pi_{\lambda}}{(\kappa_{\lambda} r_0)^y}.$$

Суммы зависят только от структуры решетки и показателей степеней энергий парных взаимодействий. Вводятся обозначения

$$\sum_{\lambda} \frac{\pi_{\lambda}}{(\kappa_{\lambda})^x} = \sigma(x); \quad \sum_{\lambda} \frac{\pi_{\lambda}}{(\kappa_{\lambda})^y} = \sigma(y)$$

и далее

$$\alpha \sigma(x) = a; \quad \beta \sigma(y) = b, \quad (1b)$$

так что энергии взаимодействия

$$\phi_0 = -\frac{1}{2} \frac{a}{r_0^x}; \quad \chi_0 = \frac{1}{2} \frac{b}{r_0^y}.$$

Потенциальная энергия моля, если N — число молекул в моле,

$$V_0 = -\frac{N}{2} \cdot \frac{a}{r_0^x} + \frac{N}{2} \cdot \frac{b}{r_0^y}$$

в обозначениях

$$\frac{1}{2} a N^{1+n} = A; \quad \frac{1}{2} b N^{1+m} = B; \quad \frac{x}{3} = n; \quad \frac{y}{3} = m$$

записывается как

$$V_0 = -\frac{A}{v_0^n} + \frac{B}{v_0^m}.$$

В условиях равновесия эта величина минимальна, так что

$$\frac{nA}{v_0^n} = \frac{mB}{v_0^m}$$

и в исходных величинах

$$\frac{xa}{r_0^x} = \frac{yb}{r_0^y}.$$

Если температура отлична от нуля, то средние расстояния между атомами будут отличны от r_0 , кроме того, появляется потенциальная энергия колебательного движения атомов, так что средняя потенциальная энергия представится выражением

$$\bar{V} = -\frac{A}{v^n} + \frac{B}{v^m} + \frac{1}{2} \int_0^T C_v dT,$$

где C_v — теплоемкость при постоянном объеме, при этом принимается, что атомы участвуют в гармонических колебаниях, полная энергия которых представляется написанным выше интегралом. Чтобы установить, какая часть колебательной энергии приходится на силы притяжения, а какая на силы отталкивания, проводится детальное рассмотрение колебаний.

Один атом мы отклоняем на малое расстояние ξ из исходного положения, а остальные атомы остаются на своих местах на расстоянии r один от другого. Тогда потенциальная энергия рассматриваемого атома возрастает на $\frac{1}{2} D \xi^2$, где

D — коэффициент упругости. Собственная частота колебаний атома

$$\nu = \frac{1}{2\pi} \sqrt{\frac{D}{\mu}},$$

где μ — масса атома.

Чтобы определить коэффициент упругости, рассматриваются два атома, ближайших к сместившемуся, расположенных от него по обе стороны на линии смещения на одинаковых расстояниях. Производимая ими сила есть

$$f(r + \xi) - f(r - \xi) = 2\xi f'(r).$$

Учитывая

$$f(r) = -\frac{x\alpha}{r^{x+1}} + \frac{y\beta}{r^{y+1}}, \quad (8)$$

определяется коэффициент упругости

$$D = -2f'(r) = -2x(x+1)\frac{\alpha}{r^{x+2}} + 2y(y+1)\frac{\beta}{r^{y+2}}.$$

Если направление смещения составляет отличный от нуля угол с соединяющей атомы линией, то войдет еще множитель, содержащий косинус этого угла q , так что для коэффициента упругости может быть записано выражение

$$D = 2 \left[y(y+1)\frac{\beta}{r^{y+2}} \sum_{\lambda} \frac{q_{\lambda}}{\kappa_{\lambda}^{y+2}} - x(x+1)\frac{\alpha}{r^{x+2}} \sum_{\lambda} \frac{q_{\lambda}}{\kappa_{\lambda}^{x+2}} \right].$$

Используя (1b) и вводя обозначение

$$\psi(x) = \frac{\sum_{\lambda} \frac{q_{\lambda}}{\kappa_{\lambda}^{x+2}}}{\sum_{\lambda} \frac{\pi_{\lambda}}{\kappa_{\lambda}^x}},$$

и аналогично для $\psi(y)$, находим выражение для коэффициента упругости

$$D = 2 \left[y(y+1)\frac{b}{r^{y+2}} \psi(y) - x(x+1)\frac{a}{r^{x+2}} \psi(x) \right].$$

Эта величина может быть записана как $D = D_y - D_x$, где уменьшаемое обусловлено силами отталкивания, а вычитае-

мое — силами притяжения. Из колебательной энергии $\frac{1}{2}E$ на силы притяжения приходится доля $-D_x/D$, на силы отталкивания доля D_y/D (если действуют две силы, пропорциональные отклонению, то их работы относятся как коэффициенты пропорциональности).

Таким образом, средняя потенциальная энергия притяжения равняется

$$\bar{\Phi} = -\frac{A}{v^n} - \frac{D_x}{2D} E, \quad (8a)$$

а отталкивания —

$$\bar{X} = \frac{B}{v^m} + \frac{D_y}{2D} E. \quad (8б)$$

Запишем теорему вириала

$$\sum \overline{\mu u^2} + \sum \overline{rf(r)} = 3pv.$$

Первое слагаемое есть удвоенная кинетическая или полная энергия атомов E , обусловленная колебаниями. Второе слагаемое, согласно (8), (8a), (8б), а также некоторым результатам расчетов Ми, равно

$$\sum \overline{rf(r)} = -x \frac{A}{v^n} + y \frac{B}{v^m} + \frac{yD_y - xD_x}{2D} E.$$

Окончательно получается следующее уравнение состояния:

$$pv + n \frac{A}{v^n} - m \frac{B}{v^m} = \frac{(y+2)D_y - (x+2)D_x}{6D} E.$$

Это уравнение, корректно полученное при достаточно общих предположениях, нашло широкое применение при исследовании поведения твердых тел при температурных воздействиях и сжатиях.

Затронем несколько своеобразную работу Грюнберга [34], имеющую подзаголовок: «Опыт легкодоступного представления некоторых принципов молекулярной теории, в основу которой положены законы Кеплера для движения планет». Работе предпослан девиз: «Мельчайшим частицам приписываются движения различного рода, прямолинейно распространяющееся, периодическое колебательное, принимаются в этом мире малых телец вращательные движения как у

планет и наряду с ними вращательные движения вокруг собственной оси. В сумме живых сил всех этих движений усматривается общая механическая энергия имеющейся налицо теплоты» [О.Е. Мейер, Кинетическая теория газов. 1899. Гл. I. С. 4].

В работе рассмотрены простейшие модели движения частиц, подчиненные простым закономерностям, поэтому использование сложных теорем динамики не требуется. Моделью является молекула массы M , вращающаяся вокруг центра по окружности радиуса R , имея постоянную скорость G . Центробежная сила, возникающая при движении, есть

$$\frac{MG^2}{R}.$$

Если окружность сама вращается вокруг своего диаметра, то молекула движется по сфере объема

$$v = \frac{4\pi}{3} R^3.$$

Движение по сфере происходит настолько быстро, что центробежная сила создает постоянное давление

$$p = \frac{1}{4\pi R^2} \cdot \frac{MG^2}{R}.$$

Умножая давление на объем сферы, получаем

$$pv = \frac{1}{3} MG^2,$$

величину, зависящую только от кинетической энергии. Последняя связана с температурой, представляющей собой кинетическую энергию частиц эфира. Если молекула одноатомна, то кинетическая энергия частицы эфира и есть соответствующая молекуле температура. Если молекула содержит n атомов, то энергия частицы эфира (скорость g) равномерно распределяется между всеми атомами и температура равняется

$$T = \frac{1}{n} \frac{Mg^2}{2}.$$

Энергия частицы эфира и энергия молекулы связаны соотношением пропорциональности

$$k_1 \frac{Mg^2}{2} = k_4 \frac{MG^2}{2}.$$

Отсюда

$$MG^2 = 2n \frac{k_1}{k_4} T,$$

и при введении новой константы

$$K = 2n \frac{k_1}{k_4}$$

получается

$$pv = \frac{1}{3} MG^2 = \frac{1}{3} KT.$$

Это соотношение было сформулировано Гей-Люссаком в 1816 г. Ранее (Бойлем в 1662 г. и Мариоттом в 1676 г.) оно было открыто для случая постоянной температуры $pv = \text{const}$ и носит название закона Бойля–Мариотта.

Автор рассматривает еще задачу по определению уравнения адиабаты, точнее, по определению показателя в соотношении

$$p_1 v_1^\kappa = p_2 v_2^\kappa.$$

Если частица движется по окружности радиуса R_1 имея скорость v_1 , то при движении сохраняется момент, а если орбита растягивается, то эти значения переходят в R_2 и G_2 , но момент сохраняется:

$$G_1 R_1 = G_2 R_2.$$

Как было показано, давление и объем представляются выражениями

$$p_1 = \frac{MG_1^2}{4\pi R_1^3}; \quad V_1 = \frac{4\pi}{3} R_1^3; \quad p_2 = \frac{MG_2^2}{R_2^3}; \quad V_2 = \frac{4\pi}{3} R_2^3.$$

Эти значения подставляются в уравнение адиабаты, и получается соотношение

$$G_1^2 R_1^{3(\kappa-1)} = G_2^2 R_2^{3(\kappa-1)}.$$

При учете обратной пропорциональности между скоростями и радиусами отсюда следует

$$\left(\frac{R_2}{R_1} \right)^2 = \left(\frac{R_2}{R_1} \right)^{3(\kappa-1)}.$$

Решением этого показательного уравнения является значение $\kappa = \frac{5}{3} = 1,67$.

Таково отношение теплоемкости при постоянном давлении к теплоемкости при постоянном объеме для идеального

одноатомного газа. На дальнейших вопросах, затронутых в рассматриваемом сочинении, не останавливаемся.

Работа Грюнберга предвосхищает третье направление в молекулярно-динамической теории тепловых свойств тел, заключающееся в прямом интегрировании уравнений движения без обращения к теоремам о средних значениях. В настоящее время на электронных вычислительных машинах исследуется поведение коллективов из десятков и сотен частиц. Грюнберг же вынужден был ограничиться более простыми моделями.

Значительный успех молекулярно-динамической теории в разработке уравнений состояния надолго приковал внимание к теореме вириала, публикации по применениям которой встречаются и в XX столетии, даже во второй его половине. Мы отметим здесь важную работу Фока и Круткова, в которой объединены оба направления молекулярно-динамической теории [35], так что эта работа может быть поставлена непосредственно за разработками Клаузиуса. Ее содержание сводится к следующим математическим выкладкам.

В выражении вариационного принципа

$$\delta A = \delta \int_{t_0}^{t_1} L(q_k, \dot{q}_k) dt = 0$$

координаты q_k заменяются на λq_k , $\dot{q}_k$ на $\lambda \dot{q}_k + \dot{\lambda} q_k$ соответственно, где λ есть функция времени, вариация которой на всем интервале движения кроме концов постоянна. Это постоянное значение обозначается $\delta\lambda$, а вблизи концов вариация убывает до нуля. Конкретно, для интервала от t_0 до

$t_0 + \delta t$ полагается $\delta\lambda(t) = \left(\frac{\delta\lambda}{\delta t}\right)(t - t_0)$, а для интервала от

$t_l - \delta t$ до t_l полагается $\delta\lambda(t) = \left(\frac{\delta\lambda}{\delta t}\right)(t_l - t)$. Вариации скорости изменения варьируемого параметра получают соответ-

ственно значения: для первого интервала $\delta\dot{\lambda}(t) = \left(\frac{\delta\lambda}{\delta t}\right)$ и для

второго $\delta\dot{\lambda}(t) = -\left(\frac{\delta\lambda}{\delta t}\right)$, так что

$$\int_{t_0}^{t_0+\delta t} \delta\dot{\lambda} dt = \delta\lambda; \quad \int_{t_l-\delta t}^{t_l} \delta\dot{\lambda} dt = -\delta\lambda.$$

Из вида варьируемой функции Лагранжа

$$\tilde{L} = L(\lambda q_k, \lambda \dot{q}_k + \dot{\lambda} q_k)$$

следует выражение для вариации действия

$$\delta A = \delta \lambda \int_{t_0}^{t_1} \sum_k \left(\frac{\partial L}{\partial q_k} q_k + \frac{\partial L}{\partial \dot{q}_k} \dot{q}_k \right) dt + \int_{t_0}^{t_1} \delta \dot{\lambda} \sum_k \frac{\partial L}{\partial \dot{q}_k} q_k.$$

В первом интеграле нет особенностей поведения вариации на концах интервала, и концевые участки можно стянуть до их исчезновения, во втором интеграле они присутствуют и получается

$$\int_{t_0}^{t_1} \delta \dot{\lambda} \sum_k \frac{\partial L}{\partial \dot{q}_k} q_k dt = -\delta \lambda \sum_k \left[\left(\frac{\partial L}{\partial \dot{q}_k} q_k \right)_{t_1} - \left(\frac{\partial L}{\partial \dot{q}_k} q_k \right)_{t_0} \right].$$

Если разделить обе части равенства на интервал интегрирования и устремить интервал к бесконечности, то для финитного движения все выражение исчезает, и из вариационного принципа следует

$$\overline{\left(\frac{\partial L}{\partial q_k} q_k \right)} + \overline{\left(\frac{\partial L}{\partial \dot{q}_k} \dot{q}_k \right)} = 0,$$

что составляет содержание теоремы вириала.

Это доказательство интересно тем, что содержит подсказку к развитию способов усреднения уравнений движения. Можно ввести более одного варьируемого параметра и получить более одного уравнения, содержащего средние механические величины, т.е. найти более детальную информацию о движении.

Затронем любопытную работу Франка [36], показавшего возможность использования теоремы вириала при рассмотрении необратимого процесса — диффузии. Автор рассматривает процесс за конечное макроскопическое время t , намного превосходящее период колебаний атомов и для последних являющейся бесконечно большой величиной. Сила, действующая на броуновскую частицу, складывается из силы трения, пропорциональной скорости, случайной силы и регулярной внешней силы:

$$X = -\frac{1}{B} \frac{dx}{dt} + S + f.$$

Вириал этой силы имеет значение

$$W = \frac{x^2}{4Bt} - \frac{1}{2t} \int_0^t xSdt - \frac{1}{2t} \int_0^t xfdt,$$

причем второе слагаемое обращается в ноль ввиду беспорядочной разнонаправленности силы S . Приравниванием вириала и средней кинетической энергии $\bar{L}$ получается уравнение Смолуховского

$$x^2 = 4B\bar{L}t + 2B \int_0^t xfdt.$$

Автор приводит общее выражение для вириала, не встречающееся в других работах,

$$W = \frac{1}{2l} \int_0^t \frac{dx}{dt} dx \int_0^t Xdt.$$

Величина справа равна средней кинетической энергии. Это просто увидеть, если внутренний интеграл представить как разность импульсов и заметить, что при неподвижности всей системы средняя скорость равна нулю. Эта формула снимает вопрос об изменении вириала при параллельном переносе системы координат, поскольку координаты в формулу не входят.

Использование теоремы вириала при рассмотрении конкретных вопросов прослеживается на протяжении всего XX века, так же как и полученного на ее основе уравнения Грюнайзена. Интересно, что это уравнение вошло как раздел в систематический курс учения о теплоте, изданный во второй половине XX столетия [37. Р. 531–543]. Новым вопросом, возникшим в начале XX века, являлось рассмотрение квантования движения атомов твердого тела. Процедура квантования была разработана для гармонических колебаний, поэтому внимание исследователей привлекла работа Борна и Кармана [38], посвященная анализу гармонических колебаний кристаллических решеток, и она являлась простейшей (линейной) динамической теорией твердого тела, уравнения которой точно решались математическими средствами. Сложность состояла в нахождении колебательного спектра кристаллической решетки, однако Дебай обошел эту сложность, рассматривая кристалл как сплошную среду [39]. В дальнейшем Грюнайзен усовершенствовал свой вывод уравнения состояния, представляя энергию решетки как

сумму потенциальной энергии атомов, покоящихся в своих средних положениях, и энергии гармонических колебаний относительно средних положений (не совпадающих с узлами не затронутой воздействиями решетки) [40. Р. 243–301]. Дебай принял эти разработки и несколько их расширил [41. S. 19–46]. Таким образом, если задачей Грюнайзена являлось нахождение уравнения состояния и следующих из него превращений, отчего линеаризация уравнений не являлась целью разработок, то задачей Дебая являлось определение поведения теплоемкости при низких температурах, отчего он пользовался линеаризованными уравнениями и квантованием движения решетки. В дальнейшем пути этих исследователей пересеклись.

Браунбек [42] предпринял прямое интегрирование уравнений движения двух жестких подрешеток кристалла структуры хлористого натрия, когда потенциальная энергия представляется квадратом синусоидальной функции их взаимного положения. Амплитуда представляет высоту потенциального барьера, разделяющего колебательное состояние и монотонное разбегание (плавление, по представлениям автора работы). Задав энергию системы, он находит кинетическую энергию, которая усредняется по периоду. Эту величину он полагает пропорциональной температуре, а полную энергию отождествляет с внутренней энергией. Расчет представляет температуру как функцию внутренней энергии, и для колебательного движения график представляет кривую с максимумом, а график разбегания представляет монотонно возрастающую кривую, так что расчет демонстрирует скачок состояния при изменении температуры. Для вычисления встречающихся в работе эллиптических интегралов использована подстановка $k \sin v = \sin w$, где k^2 есть отношение высоты потенциального барьера к внутренней энергии. Работа Браунбека в физическом плане рассмотрена в монографии Борна и Гепперт-Майер [43. С. 237–243], поэтому ограничимся изложенным выше.

Развитие методов молекулярно-динамической теории кристаллических тел стимулировалось открытием в XX столетии сегнетоэлектрических кристаллов, обнаруживавших своеобразное изменение теплоемкости и диэлектрической проницаемости с изменением температуры. Одна из первоначальных теоретических разработок базировалась как на теореме вириала, так и на теореме Люка, посредством которых было получено уравнение состояния для модели ангар-

монического вибратора, описывавшей поведение титаната бария [44]. Впоследствии динамическая процедура была усовершенствована применением вариационного принципа. За основу расчетов принимался способ вывода теоремы вириала, использованный в работе Фока и Круткова, но он был детализирован введением набора варьируемых величин, позволявшего характеризовать состояние более значительным числом средних величин, т.е. более детально, но за счет усложнения расчетов. Известное продвижение по этому пути оказалось возможным, поэтому высказывавшиеся ранее соображения, что кристаллы являются объектами, представляющими благоприятное поле приложения молекулярно-динамических процедур, имеют достаточные основания.

Литература

1. Полак Л.С. Вариационные принципы механики, их развитие и применения в физике. — М.: ГИФМЛ, 1960. 599 с.
2. Козловский В.Х. Развитие динамических представлений в термодинамике // Сборник научно-методических статей. Физика. 1991, Вып.16. — М.: МПИ. С. 151–160.
3. Rühlmann R. Handbuch der mechanischen Wärmetheorie. Bd.I. — Braunschweig: Vieweg und Sohn, 1876. 800 s.
4. Weinstein B. Thermodynamik und Kinetik der Körper. Bd.I. — Braunschweig: Vieweg und Sohn, 1901. 484 s.
5. Poincare H. Thermodynamique. — Paris: Gautier-Villars. 1892. 432 p.
6. Boltzmann L. Zur Priorität der Auffindung der Beziehung zwischen dem zweiten Hauptsatz der mechanischen Wärmetheorie und dem Prinzip der kleinsten Wirkung // Ann. Phys. Chem. 1871. Bd.143. S. 211–230.
7. Clausius R. Bemerkungen zu der Prioritätsreclamation des Hrn. Boltzmann // Ann. Phys. Chem. 1872. Bd.144. S. 265–275.
8. Loschmidt J. Der zweite Satz der mechanischen Wärmetheorie // Sitzungsber. Akad. Wiss. Wien. II Abt. Math.-Naturwiss. Classe. 1869. Bd. 59. S. 395–418.
9. Oppenheim S. Zur Theorie der stationären Bewegung // Ann. Phys. Chem. 1882. Bd. 15. S. 495–496.
10. Ledieu A. Demonstration direct des principes fondamentaux de la Thermodynamique // Comptes Rendus. 1873. V. 77. P. 163–167, 260–264, 325–328, 414–417, 455–460, 517–520.
11. Ledieu A. Demonstration direct de l'équation $\int \frac{dQ}{T} = 0$ pour tout cycle ferme et reversible // Comptes Rendus. 1874. V. 78. P. 221–229. 309–313.

12. *Moutier J.* Sur expression du travail relatif a une transformation elementaire // *Comptes Rendus.* 1875. V. 80. P. 40–44.
13. *Moutier J.* On the expression of the work relative to an elementary transformation // *Phil. Mag.* 1875 V. 49. P. 154–156.
14. *Михельсон В.А.* Второй закон термодинамики с точки зрения аналитической механики // *Матем. сборник.* 1886. Т. 13. С. 229–244
15. *Михельсон В.А.* Собрание сочинений. Т.1. — М.: Новый агроном, 1930.
16. *Богуславский С.А.* К термодинамике периодических движений // *ЖРФХО, физ. отд.* 1918. Т.49. С. 144–164.
17. *Богуславский С.А.* Избранные труды по физике. — М.: ГИФМЛ, 1961. 436 с.
18. *Clausius R.* Sur une quantite analogue au potentiel et sur une theoreme y relatif // *Comptes Rendus.* 1870. V. 70. P. 1314–1319.
19. *Clausius R.* Ueber einen auf die Wärme andwendbaren mechanischen Satz // *Ann. Phys. Chem.* 1870. Bd. 141. S. 124–130.
20. *Clausius R.* Sitzungsber. Niederrhein. Gesellsch. Natur-Heilkunde. Bonn. 1870. S. 114–119.
21. *Clausius R.* On a Mechanical Theorem applicable to Heat // *Phil. Mag.* 1870. V. 40. P. 122–127.
22. *Jacobi C.G.* Vorlesungen über Dynamik. Gehalt. Univ. Königsberg im Wintersem. 1842–1843. Vierte Vorl. Herausgeg. A.Clebsch. // *Gesammelte Werke. Suppl. Band.* — Berlin: G.Reimer. 1884. 300 s.
23. *Lipschitz R.* Über einen algebraischen Typus der Bedingungen eines bewegten Massensystems // *Journ. rein. angew. Mathem.* 1866. Bd. 66. S. 363–374.
24. *Villarceau Y.* Sur un nouveau theoreme de Mecanique generale // *Comptes Rendus.* 1872. V. 75. P. 232–240.
25. *Clausius R.* Über verschiedene Formen des Virials // *Ann. Phys. Chem.* 1874. Jubelband. S. 411–423.
26. *Lucas F.* Note relative au viriel de M.Clausius // *Comptes Rendus.* 1874. V. 79. P. 103–105.
27. *Van-der-Waals J.D.* Die Continuität des gasformigen und flüssigen Zustands. — Leipzig: J.A.Barth, 1881. 168 s. (Übersetzung in die deutsche Sprache. Original 1873)
28. *Van-der-Waals J.D. (jr.)* Zustand der gasformigen und flüssigen Körper // *Handb. Phys.* 1926. Bd. 10. S. 126–140.
29. *Ландау Л.Д., Лифшиц Е.М.* Статистическая физика. — М.-Л.: ГИТТЛ, 1940. 223 с.
30. *Sutherland W.* A Kinetic Theory of Solids, with an Experimental Introduction // *Phil. Mag.* 1891. V. 32. P. 524–553.
31. *Richarz F.* Über das Gesetz von Dulong und Petit // *Ann. Phys. Chem.* 1893. Bd. 43. S. 708–716.
32. *Mie G.* Zur kinetischen Theorie der einatomigen Körper // *Ann. Phys.* 1903. Bd. 11. S. 658–697.
33. *Grüneisen E.* Theorie des festen Zustandes einatomiger Elemente // *Ann. Phys.* 1912. Bd.39. S. 257–306.

34. *Grünberg V.* Hypothese zur Thermodynamik. — Leipzig: J.A.Barth, 1903. 73 s.
35. *Fock V., Krutkow G.* Bemerkungen zum Virialsatz der klassischen Mechanik // Phys. Zs. Sow. 1932. Bd. 1. S. 756–758.
36. *Frank P.* Der Virialsatz und die Theorie der Brownschen Bewegung // Ann. Phys. 1917. Bd. 52. S. 323–332.
37. *Roberts J.K., Miller A.K.* Heat and Thermodynamics. — London and Glasgow: Blackie and Son, 1954. 593 p.
38. *Born M., Karman Th.* Über Schwingungen in Raumgittern // Phys. Zs. 1912. Bd. 13. S. 297–309.
39. *Debye P.* Zur Theorie der spezifischen Wärmen // Ann. Phys. 1912. B.39. S. 789–839.
40. *Grüneisen E.* Theorie moleculaire des corps solide / Structure de la Matiere. Conseil de Physique 1913. P. 243–301. — Paris: Gautier-Villars. 1921
41. *Debye P.* Zustandsgleichung und Quantenhypothese mit einem Anhang über Wärmeleitung / Vorträge über die kinetische Theorie der Materie und Elektrizität. S. 19–46. — Leipzig und Berlin: B.G.Teubner, 1914.
42. *Braunbek W.* Zur Gitterdynamik des Schmelzvorgangs // Zs. Phys. 1926. Bd. 38. S. 549–572.
43. *Борн М., Геннепт-Майер М.* — Теория твердого тела. — Л.-М.: ГРТТЛ, 1938. 364 с.
44. *Смоленский Г.А., Козловский В.Х.* Температурная зависимость диэлектрической проницаемости при учете ангармоничности колебаний ионов // Журн. тех. физики. 1953. Т.23. С. 445–457.

А.А.СОНИН

*Московский государственный технический университет
«МАМИ»
Российский государственный гуманитарный университет*

ПЬЕР-ЖИЛЬ ДЕ ЖЕН И ЖИДКИЕ КРИСТАЛЛЫ

«Возвеселись на море и земле!
Несчастлив будешь в славе
И богатстве: все это — ложный блеск,
Он блеску мыльных пузырей подобен...»

*Подпись к гравюре Жана Долле 1758 г.
с утерянной работы Франсуа Буше
«Женищина, пускающая мыльные
пузыри» (рис. 1) — заключительные слова
Нобелевской лекции Пьера-Жиля де Жена [1]*

Введение

Работы известного французского физика-теоретика, Нобелевского лауреата Пьера-Жиля де Жена оставили заметный след практически во всех разделах физики конденсированного состояния. Это — магнетики, сверхпроводники, жидкие кристаллы, полимеры, явления перколяции, смачивания, адгезии и трения, гранулированные вещества, биофизика...

Статья начинается с краткого изложения биографии ученого, которое, думается, будет полезно для лучшего понимания его личности и творчества. Биографические сведения почерпнуты главным образом из [2–7].

Далее излагается история создания и деятельности группы жидких кристаллов Орсе и анализируется вклад де Жена в физику этих веществ. Таким образом, показывается его роль в этой области и как организатора науки, и как ученого.

Рис. 1. Гравюра Жана Долле (Jean Daullé) 1758 г. с утерянной работы Франсуа Буше (François Boucher) «Женщина, пускающая мыльные пузыри» («La souffleuse de savon») [1]

Различные аспекты научной деятельности де Жена кратко освещаются, опираясь в основном на источники [2–4, 8].

Биография

Пьер-Жиль де Жен (Pierre-Gilles de Gennes) родился 24 октября 1932 г. в Париже. Его отец, Робер (Robert) де Жен, — выходец из древнего дворянского рода, граф и католик по вероисповеданию, — так же как и его отец, и брат Люсьен, был врачом. Мать Пьера-Жиля, Ивон Морен-Пон (Yvonne Morin-Pons), происходила из семейства вначале небогатых буржуа-протестантов из Женевы, ставших впоследствии преуспевающими банкирами в Лионе (см. рис. 2).

Родители Пьера-Жиля разошлись вскоре после его рождения. Робер де Жен умер рано — от сердечного приступа, — в

Рис. 2. Пьер-Жиль с матерью, июль 1938 г. (а) и с отцом, октябрь 1939 г. (б) [2]

1941 г. Во время второй мировой войны мальчик жил с матерью в Альпах, в основном в городке Барселонетте (Barcelonnette). Из-за слабости здоровья (у него были проблемы с легкими) до одиннадцати лет Пьер-Жиль получал домашнее образование. Осенью 1944 г. де Жен вместе с матерью вернулся в освобожденный от немцев Париж. В столице он учился в лицее Клода Бернара (Claude Bernard), где вначале в равной степени проявлял интерес и к гуманитарным, и к точным наукам. Тяга к последним стала со временем преобладать, в частности, благодаря многократным посещениям Дворца открытий (Palais de la découverte) — парижского музея науки, открытий и изобретений — и встречам с приятелем его мамы, известным французским физиком, академиком Эдмоном Боэром (Edmond Bauer), а также знаменитым физиком-ядерщиком Джузеппе Оккиалини (Giuseppe Occhialini).

Получив степень бакалавра, де Жен перешел в лицей Сен-Луи (Saint-Louis) для подготовки к конкурсным экзаме-

нам в самое престижное высшее учебное заведение Франции, воспитывавшее будущую элиту страны, — Высшую нормальную школу (École normale supérieure). Он с блеском сдал вступительные экзамены туда в 1951 г.

Во время учебы в Нормальной школе Пьер-Жиль в 1954 г. женился на Анн-Мари Руэ (Anne-Marie Rouet) (близкие называли ее просто Анни). Впоследствии у них с Анни родилось трое детей.

Готовясь к выпускным экзаменам в Нормальной школе, де Жен проштудировал многие «базовые» книги по физике. Среди них был знаменитый курс теоретической физики Ландау и Лифшица. Его тома стали настольными для Пьера-Жиля. В течение всей своей жизни он возвращался к различным разделам курса для того, чтобы «прояснить мысли» и всегда рекомендовал своим ученикам делать то же самое. Вообще, стиль работы Л.Д. Ландау, его манера упрощать сложные физические проблемы стали образцом для де Жена.

Другим его кумиром был американский физик-теоретик Ричард Фейнман (Richard Feynman), у которого он научился глубоко вникать в физический смысл явлений.

Впоследствии Пьер-Жиль часто сожалел о том, что ему не удалось лично встретиться ни с Ландау, ни с Фейнманом... Сам де Жен ощущал в своем характере больше сходства с последним, — фантазером и оригиналом...

С 1955 г. де Жен работал в Центре ядерных исследований (Centre d'études nucléaires (CEN)) в Сакле при Комиссариате атомной энергетики (Commissariat d'Énergie Atomique (CEA)). Там он занимался теорией рассеяния нейтронов на различных магнитных материалах. Результатом этой деятельности явилась диссертация на тему «Вклад в исследование магнитного рассеяния нейтронов», которую он написал всего за два года и защитил в декабре 1957 г. на факультете науки Сорбонны в Париже.

В то же время (в 1958 г.) де Жен занимался и моделями тогда еще практически не описанного явления — перколяции (распространения (протекания) одной фазы в другую).

Молодому де Жену повезло. В те годы Центр Сакле был одним из самых динамичных исследовательских институтов во Франции. Там работала целая плеяда талантливых физиков, получивших свое образование за границей сразу после второй мировой войны. Среди них были Клод Блох (Claude Bloch), Анатолий Абрагам (Anatole Abragam) и Жак Фридель (Jacques Friedel). Дискуссии с ними и их советы сыграли

большую роль в становлении де Жена как ученого. Для Пьера-Жиля было также очень полезно участие в многочисленных научных конференциях, которое стало возможным благодаря его работе в Центре Сакле.

В январе 1959 г. де Жен (по рекомендации Жака Фриделя) отправился вместе с Анни, оставив троих детей на попечение бабушек и дедушки, на постдокторскую стажировку в Калифорнийский университет в Беркли, в группу крупного специалиста в области физики твердого тела, профессора Чарльза Киттеля (Charles Kittel).

Пьер-Жиль провел в Калифорнии всего десять месяцев (весьма плодотворных с точки зрения научной деятельности). Несмотря на то что Киттель предлагал ему постоянную позицию в Калифорнийском университете, де Жен с женой решили срочно вернуться во Францию, так как его призвали на военную службу.

Первые три месяца армейской службы Пьера-Жиля прошли на военном корабле «Ришелье», базировавшемся у берегов французского Бреста. Далее, получив звание офицера запаса, он служил еще два года, но живя уже дома и работая в военном отделении СЕА в Париже. Там де Жен занимался теоретическими вопросами, связанными с ядерным оружием. Параллельно ему было разрешено продолжать и свои исследования в гражданском отделении Комиссариата — Центре Сакле, где он по-прежнему числился на должности инженера-исследователя.

Во время службы Пьер-Жиль несколько раз командировался в алжирскую Сахару, где проходили первые испытания французской атомной бомбы. Ему было поручено измерять параметры наземных атомных взрывов.

В 1961 г. демобилизованный де Жен получил должность доцента, а затем — профессора на недавно созданном факультете науки парижского Университета в Орсе (Orsay), впоследствии ставшего южным парижским Университетом 11 (Université Paris-Sud 11). Пьер-Жиль работал в только что организованной (в 1959 г.) лаборатории физики твердого тела, которую возглавил Жак Фридель.

Своим главным достижением за первые годы работы в Университете Орсе де Жен считал создание совместной группы экспериментаторов и теоретиков, ведущих исследования в области сверхпроводимости.

Пьер-Жиль основательно изучил работы русской и американской школ по сверхпроводимости, а также сумел по-

лучить и финансирование под новую тему исследования — грант от военно-воздушных сил США.

Заметим, что еще во время своей службы в армии де Жен самостоятельно изучил русский язык, для того чтобы читать статьи советских физиков. В то время советские работы по сверхпроводимости были практически неизвестны на Западе. Поэтому их детальное знание давало де Жёну существенные преимущества.

В плане теории он сделал попытку (одновременно с Л.П. Горьковым) объединить микроскопический подход к проблеме сверхпроводимости американцев (теорию Бардина–Купера–Шриффера) с макроскопическим подходом Ландау–Гинзбурга–Абрикосова, а также Боголюбова. Полученные им упрощенные формулы теперь носят название выражений Боголюбова–де Жёна. Этот подход позволил Пьеру-Жюлю и его коллегам рассмотреть поверхностные эффекты и вихри в сверхпроводниках. Вместе с Даниэлем Сен-Жамом (Daniel Saint-James) — своим коллегой из Центра Сакле — де Жен предсказал существование критического магнитного поля (так называемого H_{c3}), при котором уже отсутствующая в объеме образца сверхпроводимость исчезала и на его поверхности. Это поле впоследствии наблюдалось экспериментально сотрудником группы де Жёна Алексисом Мартине (Alexis Martinet). Де Жен совместно с Сен-Жамом также теоретически описал (практически одновременно с А.Ф. Андреевым) явление, которое в западной литературе называют «отражением Андреева–Сен-Жама». Это отражение электрона, падающего из нормального металла, от поверхности сверхпроводника, при котором электрон превращается в дырку, а появившаяся при этом новая куперовская пара участвует в процессе проводимости в сверхпроводнике.

В период работы над проблемой сверхпроводимости Пьер-Жиль принимал участие во многих международных конференциях, а также выступал на семинарах и читал лекции в университетах и научных центрах по всему миру. Группа сверхпроводимости Орсе приобрела известность, и ее работы получили международное признание.

Однако начиная с 1965 г. интерес де Жёна к изучению сверхпроводимости постепенно угасал. Он стал задумываться над новыми темами для исследования...

Ученый подытожил свои размышления о сверхпроводимости в книге [9].

К концу 1968 г. де Жен принял решение заняться жидкими кристаллами и организовал объединенную группу экспериментаторов и теоретиков, получившую название группы жидких кристаллов Орсе (подробнее об истории создания группы и о вкладе де Жена в физику жидких кристаллов см. в двух следующих параграфах).

Начало 1970-х годов (см. рис. 3а) было переломным для Пьера-Жиля как в профессиональном плане, так и в личной жизни. Его карьера претерпела существенные изменения — он покинул Университет Орсе, так как в 1971 г. был избран на престижную должность профессора в парижском Коллеж

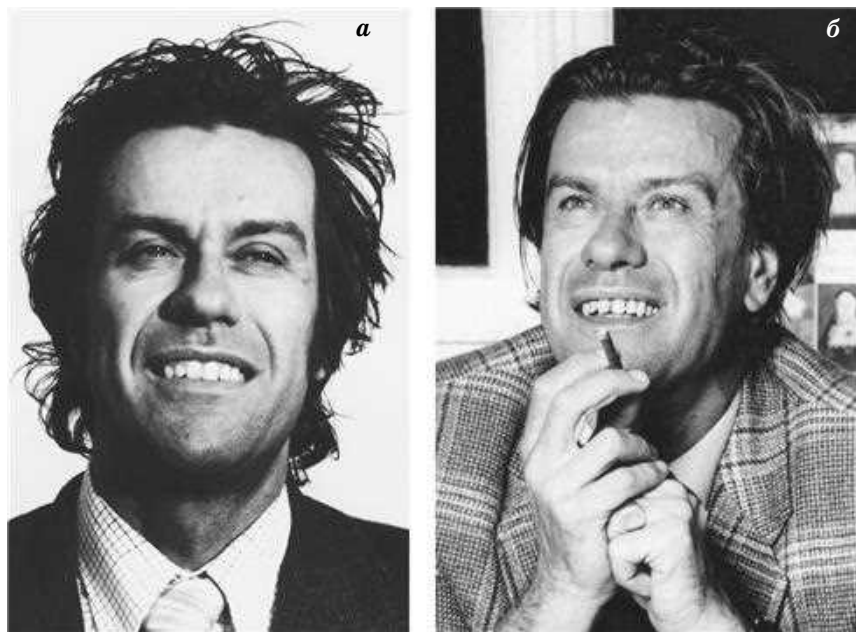

Рис. 3. Пьер-Жиль де Жен: 1972 г. [8] (а); 1991 г. [2] (б)

де Франс (Collège de France). Этот пост он занимал вплоть до 2002 г.

В Коллеже де Жен читал студентам различные специальные курсы по интересовавшим его разделам науки. Лекции де Жена, проводимые в большой аудитории Коллежа, неизменно пользовались огромной популярностью среди студентов и его коллег (см. рис. 4а). Именно тогда коллеги с почтением стали называть Пьера-Жиля де Жена «ПЖЖ» («PGG»).

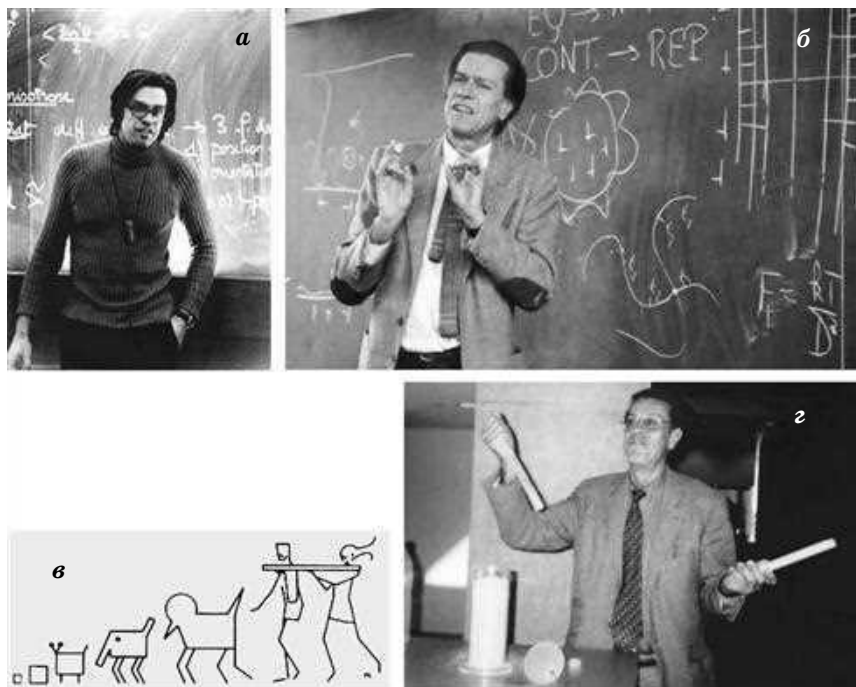

Рис. 4. Во время лекции о жидких кристаллах в Коллеж де Франс, 1970-е годы [3] (а); де Жен рассказывает об адсорбции полимеров, 1980-е годы [3] (б); рисунок де Жена из книги [10]: различные животные, пытаются следовать закону скейлинга (в); опыт с «приклеившейся палкой» [3] (г)

Де Жен также организовал в стенах Коллежа собственную экспериментально-теоретическую лабораторию, которая успешно занималась многими проблемами физики конденсированного состояния: коллоидами, поверхностями, адгезией, смачиванием, полимерами.

Сам Пьер-Жиль в это время работал преимущественно над макроскопическими теориями полимеров, явлений смачивания и адгезии.

Прежде всего де Жен описал динамику полимерных цепей. Для этого он разработал модель «рептации» (от англ. reptation — ползание), согласно которой полимерная макромолекула может свободно двигаться (ползать) внутри очерченной вокруг нее воображаемой трубки, не испытывая затруднений из-за взаимодействия с соседними молекулами.

Далее де Жен развил теорию Пола Флори (Paul Flory) для полуразбавленных полимерных растворов, в которых уже нельзя было пренебречь взаимодействием между макромолекулами.

Несомненно, что одним из самых крупных научных достижений де Жена была идея применить для описания полимеров только что открытые тогда Кеннетом Вильсоном (Kenneth Wilson) ренормализационные (или ренорм-) группы. Де Жен ввел в физику полимеров понятие «блобов» (от англ. blobs — капельки), размер которых равен максимальному расстоянию взаимодействия мономеров (т.е. радиусу корреляции), а также — среднему расстоянию между двумя соседними полимерными цепями. Полученные де Женом теоретические результаты были проверены и подтверждены в нескольких экспериментальных группах, в том числе и в его лаборатории в Коллеж де Франс.

В 1978 г. во время пребывания в Корнелльском университете Пьер-Жиль подытожил свои работы по полимерам в книге [10]. В ней он подчеркивал важность законов скейлинга (масштабной инвариантности), т.е. повторяемости частей системы при рассмотрении их в разных масштабах, в физике полимеров. Эти законы универсальны и проявляются во многих системах, — с ними, в частности, связана обобщенная фрактальная размерность физических объектов (см. рис. 4б, в).

Практически на протяжении всей своей жизни де Жен интересовался полимерами и сделал еще немало работ в этой области. Например: по прохождению полимеров (и, в частности, молекул ДНК) через трубки (и поры в мембранах); по адсорбции полимерных цепей из раствора на твердую поверхность; по свойствам полиэлектролитов — полимеров с заряженными цепями, и т.д.

В начале 1970-х годов завязались его отношения с аспиранткой Франсуазой Брошар-Вьяр (Françoise Brochard-Wyart), племянницей знаменитого французского кристаллографа Жана Вьяра (Jean Wyart).

Переживая из-за сложившейся непростой семейной ситуации, жена ученого, Анни, решила заняться бизнесом. В 1976 г. она открыла ресторан под названием «Настоящая кровяная колбаса» («Le Boudin Sauvage») прямо в их доме в Орсе. Это заведение быстро стало очень популярным и существует и процветает до сих пор.

У Франсуазы и Пьера-Жиля родилось четверо детей. Постепенно он стал проводить все больше времени в ее доме в

парижском пригороде Сен Клу (Saint Clou) и, в конце концов, стал жить на две семьи — половину свободного времени бывал с Анни, а половину — с Франсуазой.

В 1973 г., сразу же после первого нефтяного кризиса, инженеры компании Elf обратились к де Жёну с просьбой помочь им решить проблему более эффективной откачки нефти из месторождений. При обычной откачке извлекалось не более 15 % процентов запаса нефти. Делались попытки закачивать в нефтесодержащие породы воду, а также растворы поверхностно-активных веществ (ПАВ), что заметно увеличивало количество добытой нефти.

Пьер-Жиль не был знаком с этими проблемами, но они сразу заинтересовали его. Он занялся изучением смесей воды, масла и ПАВ, что естественным образом привело его к исследованию микроэмульсий.

Рассмотрение движения жидкостей внутри нефтесодержащих пород заставило его вспомнить и о явлении перколяции, которым он занимался за 20 лет до этого. В 1976 г. он написал научно-популярную статью о перколяции [11], где суммировал свои работы в этой области. Он подчеркивал универсальность явления перколяции и возможность моделирования с помощью него таких различных физических процессов, как: полимеризация, переходы микроэмульсий в проводящее состояние, магнетизм в частицах и кластерах сверхпроводников в несверхпроводящей матрице, течение суспензий; а также некоторых явлений в человеческом обществе: распространение идей, эпидемий, и т.д. Его популярная статья, написанная для широкой публики, постепенно стала одной из базовых работ по теории перколяции и до сих пор широко цитируется специалистами.

В 1976 г. де Жён стал директором парижской Высшей школы инженерной физики и химии (École supérieure de physique et chimie industrielle de Paris (ESPCI)) и пребывал на этом посту вплоть до 2003 г.

В 1979 г. его избрали членом французской Академии наук. Затем последовала череда премий и наград (среди которых, например, Орден почетного легиона), избраний почетным профессором различных университетов. Де Жён стал научным консультантом нескольких крупных промышленных компаний.

От исследования капелек, взвешенных в растворе (эмульсий), де Жён в 1983 г. естественным образом перешел к изу-

чению вопросов смачивания. В то время проблемы растекания капли жидкости по твёрдой подложке были еще не полностью поняты. При растекании капли по поверхности происходил выигрыш в энергии. Де Жен понял, что эта энергия уходит на формирование так называемой прекурсионной плёнки (субмикронной толщины), расстилающейся (подобно ковровой дорожке) перед видимым фронтом капли. О существовании прекурсионных плёнок было известно уже давно (они впервые наблюдались Уильямом Харди (William Hardy) в 1919 г.), однако их структура и механизмы распространения не были детально изучены. Де Жен развил макроскопическую теорию смачивания и динамики прекурсионных плёнок.

Он продемонстрировал наличие прекурсионной плёнки, распространяющейся впереди растекающейся по гладкой твёрдой поверхности капли, с помощью простого и изящного эксперимента. В поверхность легонько втыкали иголку, а вблизи неё помещали каплю смачивающей поверхность жидкости. Наблюдения велись в обычный оптический микроскоп. Как только прекурсионная плёнка достигала острия иглы, то последняя падала.

Подобные красивые и не требующие специального оборудования эксперименты были в духе де Жена. Он любил демонстрировать что-нибудь похожее на лекциях (см. далее об опыте с «приклеившейся палкой»).

Де Жен (совместно с Франсуа Жоани (François Joanny)) описал так называемый гистерезис смачивания. Если в находящуюся в равновесии на твёрдой подложке каплю жидкости добавить (например, с помощью шприца) избыточную жидкость, то контактный угол капли увеличится и будет оставаться таким в дальнейшем. И наоборот, если из капли убрать часть жидкости, то контактный угол уменьшится и также будет в дальнейшем оставаться стабильным. Де Жен и Жоани показали, что такой гистерезис связан с дефектами твёрдой поверхности (механические неровности, химические примеси и т.д.).

Де Жен также продемонстрировал существенную роль дальнедействующих сил Ван-дер-Ваальса в процессе растекания капли по твердой поверхности (полное смачивание). Действие этих сил приводило к тому, что капля не растекалась в молекулярный монослой, а формировала на твердой поверхности макроскопическую плёнку («блин»).

Затем учёный увлекся «мыльными пузырями». Его интересовал процесс утончения их стенок (мыльных плёнок) с

течением времени. Важным вкладом де Жена в теорию утончения мыльных пленок было нахождение аналогии между появлением в пленке области меньшей толщины (так называемого стратификационного домена) и ухода капли жидкости (например, воды) с гидрофобной поверхности (так называемое «dewetting» (англ.) — явление, противоположное смачиванию, «wetting»). Оказалось, что в обоих случаях избыточная жидкость уходит в краевые вспучивания (пузырьки), и граница стратификационного домена в мыльной пленке, так же как и отступающий с гидрофобной поверхности фронт капли, распространяется с постоянной скоростью. Впервые на возможность такой аналогии де Жена указала Франсуаза в 1987 г.

Полученные теоретические закономерности динамики стратификационных доменов в мыльных пленках впоследствии неоднократно подтверждались экспериментально (в частности, и автором этой статьи совместно с Доминик Ланжевен (Dominique Langevin), см., например, [12, 13]).

Свои работы по смачиванию и тонким жидким пленкам де Жен вместе с Франсуазой Брошар-Вьяр и Давидом Кере

Рис. 5. Де Жен в окружении своих друзей во время вручения ему Нобелевской премии в Стокгольме 10 декабря 1991 г. *Слева направо:* Шломо Александер (Schlomo Alexander), Этьен Гийон (Étienne Guyon), лауреат, Фил Пинкус (Phil Pincus), Мадлен Вейссье (Madelaine Veyssie), Кэрол Майселз (Karol Mysels) и Жан Жак (Jean Jacques) [2]

(David Quéré), одним из своих аспирантов, подытожил в книге [14].

В 1989 г. Пьер-Жиль начал заниматься проблемами адгезии. Его интересовали практические вопросы, связанные с клеями (в которых часто применялись полимеры), например механизмы упрочнения и разрушения области склеивания. Свою деятельность в этом направлении ученый расценивал скорее, как неудачу, так как стоящие здесь задачи были слишком сложны. В частности, ему не удалось подготовить доступный для понимания курс по вопросам адгезии, который «направлялся бы идеями, а не рецептами» [2]. Успешным он считал только объяснение разрыва склеенной полимерным клеем области с применением концепции скейлинга. Тем не менее, после получения де Женом Нобелевской премии его нередко представляли в прессе и на телевидении как «Месье клей» или «Месье суперклея».

В 1991 г. ему была присуждена Нобелевская премия по физике за то, что он показал, что «методы, развитые для изучения явлений упорядочения в простых системах, могут быть обобщены для описания более сложных форм материи, в особенности жидких кристаллов и полимеров» (см., например, [2]). То есть — за нахождение многочисленных аналогий между физикой твердого тела и физикой конденсированного состояния (см. рис. 3б и 5).

Де Жен называл физику конденсированного состояния наукой о «мягкой материи» («la matière molle»). Такое наименование пришло в голову Франсуазе, когда она читала книгу Лорана де Брюноффа (Laurent de Brunhoff) «Бабар на мягкой планете» («Babar sur la planète molle») их младшему сыну Марку. В книге рассказывалось о том, как маленький слоненок Бабар был похищен инопланетянами и отвезен на космическом корабле на мягкую планету. Выйдя из корабля, Бабар моментально приклеился к липкой поверхности планеты. Найденная аналогия была тем более интересной, что французское издание книги вышло в 1974 г., задолго до возникновения этой новой области физики (в середине 1980-х годов).

В 1990-е годы Пьер-Жиль брался за решение многих задач в области мягкой материи, но главным его научным интересом в это время была физика песка, или, в более широком смысле, физика гранулированных (сыпучих) веществ. Такие вещества окружают нас повсюду и находят многочисленные применения. Например, это — гравий, зер-

но, соль, сахар, кофе, различные концентраты и т.п. Характерным для гранулированных веществ является их специфическая динамика, отличная от динамики жидкости и твердого тела.

В решении сложных задач, связанных с гранулированной материей, де Жен пошел по привычному для себя пути упрощения (что не всегда приветствовалось механиками, решавшими подобные задачи традиционными методами). Так, он существенно упростил уже существовавшую теорию схода снежных лавин и обвалов песчаных дюн. Он также занимался смесями гранул, например состоящими из гранул разного размера или из гранул с различными поверхностными свойствами. В рамках этих исследований де Жен объяснил некоторые явления сегрегации, т.е. спонтанного разделения гранул в смеси, подверженной движению или вибрациям.

Пьер-Жиль не создал (как он это обычно делал) экспериментальной группы по проблемам гранулированной материи. Экспериментами в этой области впоследствии занималось только несколько его учеников.

В 1997 г. ученый прочитал в Коллеж де Франс специальный курс лекций, посвященный проблемам гранулированных веществ. Иногда на лекциях он показывал интересный и простой опыт с песком — так называемую «приклеившуюся палку». Де Жен брал длинный цилиндрический сосуд и помещал туда (по его оси) цилиндрическую палку так, чтобы ее конец торчал наружу. Затем он понемногу насыпал в сосуд песок и сильно бил со всех сторон по сосуду другой такой же цилиндрической палкой, утрясая песок. Эту процедуру он проделывал несколько раз, пока сосуд полностью не заполнялся песком. Затем Пьер-Жиль брался за палку, торчащую из сосуда, и поднимал сосуд вместе с ней. Палку уже невозможно было вытащить, — песок намертво удерживал ее, словно превратившись в бетон... (рис. 4г) [3].

Де Жему очень нравилась гранулированная материя, но он считал, что не смог многого добиться в ее объяснении. В целом, ученый рассматривал период с 1995 по 1999 гг., как наименее продуктивный в своей карьере. Он вспоминал: «Я брался за многие вещи, но мало где действительно преуспел» [2].

В 1996 г. известный кинорежиссер Клод Пиното (Claude Pinoteau) снимал одноименный фильм по популярной театральной пьесе Жана-Ноэля Фенвика (Jean-Noël Fenwick) «На-

Рис. 6. Два нобелевских лауреата: Жорж Шарпак и Пьер-Жиль де Жен в эпизоде фильма Клода Пиното «Награда доктора Шутца», 1997 г.

града доктора Шутца» («Les palmes de M. Schutz»). Это была история об открытии радия Пьером и Марией Кюри в ESPCI. Съёмочная группа изучала архивы Школы, для того чтобы по возможности более точно восстановить на киностудии лабораторию, в которой работали Кюри. Возникла идея снять в эпизодических ролях двух кучеров, которые привозят смоляную обманку чете Кюри, — нобелевских лауреатов де Жена и Шарпака (также работавшего в ESPCI). Оба ученых с успехом справились с этой задачей (см. рис. 6).

Уйдя в отставку со своих административных постов, де Жен с 2002 г. и до конца своих дней работал консультантом президента Института Кюри (рис.7). В последние годы жизни он занимался преимущественно биофизикой.

Рис. 7. Де Жен во дворе Института Кюри, 2000-е годы [3]

Де Жен был широко одаренным человеком. Прежде всего — выдающимся ученым: он опубликовал более 600 статей (большую часть из которых — без соавторов) и более десятка отличных монографий и научно-популярных книг (см. [7, 9, 10, 14–22]). Он повлиял на становление научной карьеры многих молодых исследователей, был превосходным лектором, организатором и популяризатором науки. Например, после получения Нобелевской премии он в течение почти двух лет ездил по различным средним учебным заведениям Франции с популярными лекциями по физике.

Ученый всегда занимал активную гражданскую позицию по многим вопросам жизни и политики и не боялся высказывать ее. В частности, он с неистощимой энергией отстаивал интересы ESPCI, которой руководил, всячески поддерживал французскую науку и научные журналы, выступал за увеличение финансирования конкретных небольших научных проектов и был противником сооружения крупных международных исследовательских центров (ядерных реакторов, ускорителей элементарных частиц и т.д.).

Кроме того, де Жен глубоко разбирался в живописи и сам прекрасно рисовал (см. рис. 8). Его кумирами в области владения цветом были Сандро Боттичелли и Николя де Сталь (Nicolas de Staël), а в технике рисунка — Альбрехт Дюрер. Ученый любил и понимал музыку, увлекался горными лыжами и походами на байдарках. Он был заботливым отцом для своих детей и дедом для многочисленных внуков.

Пьер-Жиль де Жен умер после долгой борьбы с раком 18 мая 2007 г. в своем доме в Орсе.

Он похоронен на парижском кладбище Монруж, в семейном склепе, вместе со своим отцом и дедом.

На этом кладбище покоится много известных людей. Среди них и де Сталь — один из любимых художников Пьера-Жиля — сын русского генерала-эмигранта, последнего коменданта Петропавловской крепости. В 1955 г. художник в возрасте 41 года выбросился из окна своей антибской мастерской. Картина де Жена, воспроизведенная на рис. 82, навеяна живописью де Сталя.

5 июля 2007 г. Академией наук, Национальным центром научных исследований (Centre national de la recherche scientifique (CNRS)) и Елисейским дворцом была устроена

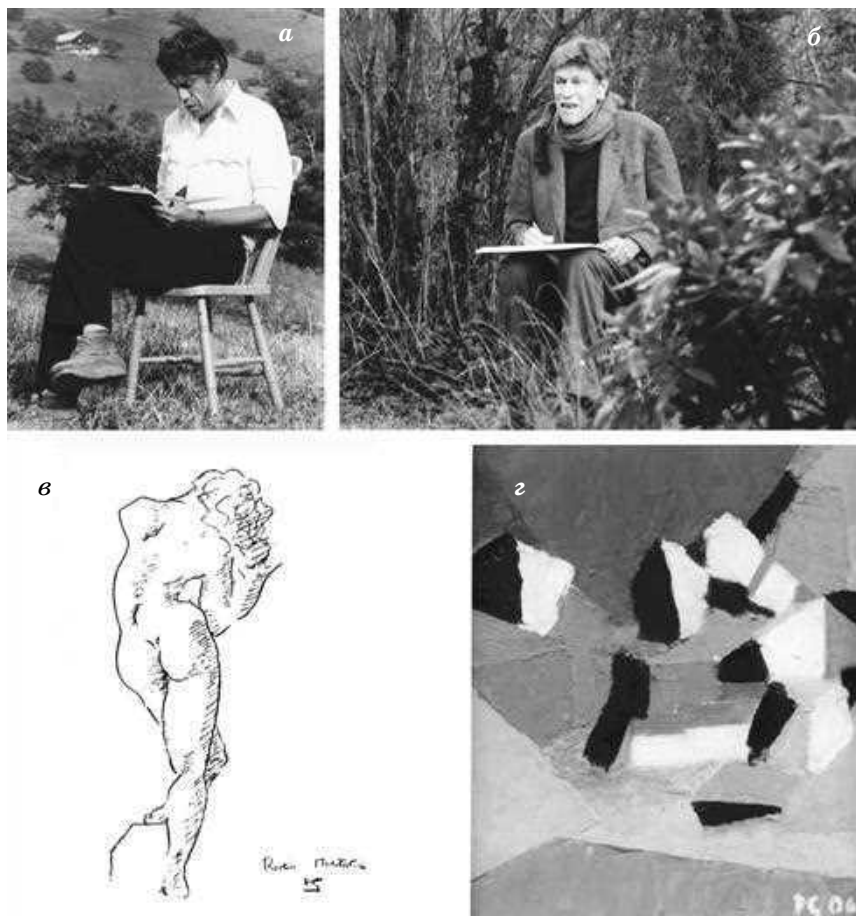

Рис. 8. Де Жен рисует, 1978 г. [2] (а); 2000-е годы [3] (б); рисунок де Жена (на рождественской поздравительной открытке, полученной автором статьи) (в); картина маслом, написанная де Женом в 2006 г. [3] (г)

официальная церемония памяти Пьера-Жиля де Жена. Место мероприятия — парижский музей открытий и изобретений — было выбрано не случайно, так как сам де Жен (как мы знаем) любил там бывать еще с молодости и впоследствии приводил туда своих детей и внуков. На церемонии присутствовали семья покойного, наиболее известные французские ученые, администраторы науки, коллеги де Жена, а также только что избранный (6 мая) президент Франции Николя Саркози.

Жидкие кристаллы

Жидкие кристаллы (или мезофазы, т.е. промежуточные фазы, как их еще называют) действительно представляют собой некоторые пограничные состояния между жидкостью и твердым телом (кристаллом). Они могут течь, подобно жидкостям, но одновременно обладают ориентационным и даже, в отдельных случаях, позиционным порядком, присущим твердым кристаллам. Различаются две большие группы жидких кристаллов: термотропные, которые претерпевают фазовые переходы при изменении температуры, и лиотропные, испытывающие фазовые превращения при изменении концентрации раствора.

Термотропные жидкие кристаллы состоят из удлинённых органических молекул, стремящихся расположиться параллельно друг другу. Существует большое количество фаз таких веществ, например: нематики, в которых молекулы ориентируются в одном направлении; холестерики, где они параллельны в плоскостях, но вся структура закручена по спирали; смектики, где молекулы сгруппированы во взаимно параллельные плоскости (см. рис. 9, например, [13]).

Лиотропные жидкие кристаллы состоят из так называемых амфифильных молекул, полярная головка которых в водных растворах ориентируется к воде (т.е. она гидрофильна), а длинный углеводородный хвост уходит от воды (т.е. он гидрофобен). Такие молекулы могут образовывать различные фазы в растворах, например, слоистые (ламеллярные) или мицеллярные (состоящие из круглых или цилиндрических образований — мицелл). Типичными лиотропными жидкими кристаллами являются концентрированные растворы мыла.

Термотропные мезофазы были впервые обнаружены и исследованы в соединениях холестерина австрийским ботаником Фридрихом Рейнитцером (Freidrich Reinitzer) и немецким физиком Отто Леманом (Otto Lehmann) в 1888 г. (см., например, [23, 24]).

Открытие лиотропных жидких кристаллов приписывается шведскому химику Х. Сандквисту (H. Sandquist). В 1916 г. он (с помощью Лемана) установил, что концентрированный водный раствор 10-бромфенатрен-6-сульфокислоты обладает всеми свойствами жидкого кристалла (см. [23]). Лиотропным мезофазам сначала не было придано должного значения, и большинство исследований проводилось на тер-

моторопных жидких кристаллах. Они активно изучались в годы, прошедшие между первой и второй мировыми войнами, однако затем были на время забыты. Интерес к ним стал снова возобновляться лишь в 1960-х годах.

Начало французской школе изучения жидких кристаллов положил визит О. Лемана в Париж в 1909 г., где он встретился со многими физиками, интересовавшимися этими необычными веществами. Среди них были известный кристаллограф Жорж Фридель (Georges Friedel), дед уже упоминавшегося Жака Фриделя, директор Высшей национальной школы горных инженеров Сен-Этьена (École nationale supérieure de mines de Saint-Étienne). Он-то и стал первым и, пожалуй, самым крупным исследователем жидких кристаллов во Франции (см. [4]). В 1920-х годах Фридель предложил общепринятую сейчас классификацию термотропных мезофаз, разделив их на три группы: нематики, холестерики и смектики [25].

Значительная роль, сыгранная дедом старшего товарища в науке о жидких кристаллах, был достаточно символична для де Жена.

Среди других французских пионеров изучения жидких кристаллов следует также отметить Шарля Могена (Charles Mauguin) из парижской ENS, ученика Ж. Фриделя — Франсуа Гранжана (François Grandjean), сына Ж. Фриделя — Эдмона (Edmond Friedel) и ученика Ш. Могена — Пьера Шателена (Pierre Chatelain), работавшего в Университете Монпелье. Последний в 1941 г. придумал широко использующийся сейчас на практике метод ориентации нематиков. Он показал, что стекло, натертое в одном направлении каким-либо мягким материалом (тканью, бумагой), дает однородную («монокристаллическую») ориентацию молекул контактирующей с ним нематической мезофазы [26].

Группа жидких кристаллов Орсе

Де Жен называл всю более чем вековую историю исследования жидких кристаллов «одиссеей». Его собственная жидкокристаллическая одиссея, как мы уже знаем, была достаточно короткой, но очень плодотворной. Ученый пришел к мысли заняться жидкими кристаллами почти случайно. Один из коллег порекомендовал ему только что вернувшегося со стажировки в Гарвардском университете молодого

исследователя Жоржа Дюрана (Georges Durand), занимавшегося там оптическими свойствами этих тогда еще мало известных даже в научных кругах веществ. Знакомство с Дюраном подтолкнуло Пьера-Жиля к размышлениям о жидких кристаллах и чтению соответствующей литературы. Изучив, в частности, обзорную статью талантливого советского физика И.Г.Чистякова в «Успехах физических наук» (1966 г.) [27], де Жен увидел «...насколько жидкие кристаллы были еще мало поняты...» [2]. Увлечшись жидкими кристаллами, Пьер-Жиль уже не мог отпустить от себя Дюрана, имевшего опыт экспериментальных измерений в этой области; и предложил тому работу в своей лаборатории.

Начиная с сентября 1968 г., Дюран стал собирать вокруг себя экспериментальную группу по исследованию мезофаз. Довольно быстро новая группа добилась заметных успехов в изучении этих веществ. Был опубликован ряд статей, многие из которых подписывались не именами авторов, а фразой «Группа исследований жидких кристаллов (Орсе)».

Узнав об успехах только что созданной команды, некоторые сотрудники Университета Орсе присоединились к группе де Жена. Среди них были Морис Клеман (Maurice Kléman), специалист по дефектам, и Этьен Гийон, который оставил из-за жидких кристаллов свои работы по сверхпроводимости, а также многие другие: специалисты по оптике, кристаллографии и т.д. Для решения задач разработки и синтеза новых жидkokристаллических соединений де Жен пригласил в свою группу трех химиков. Он привлек для работы в группе и целый ряд молодых теоретиков, а также нескольких аспирантов.

Менее чем за три года ученый стал «звездой» в области жидких кристаллов. Его работы во многом стимулировали интерес к исследованию мезофаз, которое стало модным направлением физики конденсированного состояния. Теперь сотни ученых по всему миру стремились, по примеру де Жена, приложить свои усилия в этой области.

В описываемый период Пьер-Жиль участвовал в работе многих международных конгрессов, и его доклады встречались с неизменным интересом. Сам он всегда выделялся из толпы других исследователей, — высокий (1 м 93 см [3]), обычно сопровождаемый двумя молодыми, очаровательными дамами (своими аспирантками): Елизабет Дюбуа-Виолетт (Élisabeth Dubois-Violette) и Франсуазой Брошар-Вьяр. Последнее особенно поражало американцев, так как тогда в

США женщин в науке практически не было. Де Жен также принимал у себя в лаборатории немало иностранных гостей. Во время этих визитов завязывались тесные научные контакты и даже дружеские отношения. Так, например, другом де Жена стал Роберт Мейер (Robert Meyer), который во время своей пост-докторской стажировки в группе Орсе теоретически предсказал существование сегнетоэлектрических (имеющих спонтанную поляризацию p) смектиков C^* (см. рис. 9d). Впервые, такое вещество (ДОБАМБЦ (DOVAMBC)) было чуть позже с успехом синтезировано химиками из команды де Жена

В начале 1970-х годов лаборатория физики твердого тела сильно разрослась. В ней насчитывалось уже более 150 исследователей, и управлялась она довольно инертным административным советом. Работа среди такого количества коллег начала тяготить де Жена, и он стал подумывать о том, чтобы покинуть Университет Орсе и закончить заниматься жидкими кристаллами. Этому во многом способствовало его назначение в 1971 г. профессором Коллеж де Франс, давшее ему возможность создать уже упоминавшуюся выше собственную лабораторию. Уйдя из Университета Орсе, ученый, тем не менее, продолжал участвовать в конференциях по жидким кристаллам и опубликовал много статей по этой тематике в 1970-х годах, и даже одну (последнюю) в 1990 г.

Де Жен подытожил исследования по жидким кристаллам в своей, ставшей классической, непревзойденной книге [19]. Ее второе (существенно дополненное) издание [20] было написано им в соавторстве с Жаком Простом (Jacques Prost) — талантливым физиком-теоретиком из Бордо, приглашенным Пьером-Жилем в 1987 г. в ESPCI (в 2003 г. Прост сменил де Жена на посту директора этого заведения).

Вклад де Жена в физику жидких кристаллов

За исключением отдельных работ по лиотропным мезофазам (например, [28]), де Жен в основном занимался изучением термотропных жидких кристаллов. Им он посвятил около 60 статей. Здесь будут подробнее рассмотрены его основные работы в этой области.

Тензорный параметр порядка и континуальная теория жидких кристаллов [19, 20, 29–31]. Для описания упорядочения жидких кристаллов де Жен ввел тензорный параметр

порядка. Он первоначально связал его с компонентами тензора магнитной восприимчивости. Вообще, для вычисления параметра порядка можно использовать любую физическую характеристику жидкого кристалла, описывающуюся полярным тензором второго ранга. Часто бывает удобнее работать с компонентами директора $\mathbf{n}$ — единичного вектора, указывающего направление средней ориентации молекул в данном объеме (см. рис. 9а).

Де Жен пользовался тензорным параметром порядка для континуального описания жидких кристаллов. Он имеет вид

$$Q_{ij} = Q(n_i n_j - 1/3 \delta_{ij}). \quad (1)$$

Здесь $Q = 1/2 \langle (3 \cos^2 \theta - 1) \rangle$ — скалярный параметр порядка (впервые введен В.Н. Цветковым (например, [32])), угловые скобки означают усреднение, θ — угол между выделенной осью (ось z на рис. 9а) и ориентацией директора, n_i и n_j — компоненты директора ($i, j = 1, 2, 3$), δ_{ij} — символ Кронекера. Q_{ij} является полярным симметричным тензором второго ранга. Параметр Q — это скалярная величина, дающая долю молекул, которые ориентированы своими длинными осями в заданном направлении (ось z). Он равен нулю в случае хаотического расположения молекул и увеличивается с ростом степени их упорядочения, достигая своего максимального значения, $Q = 1$, в полностью упорядоченной фазе.

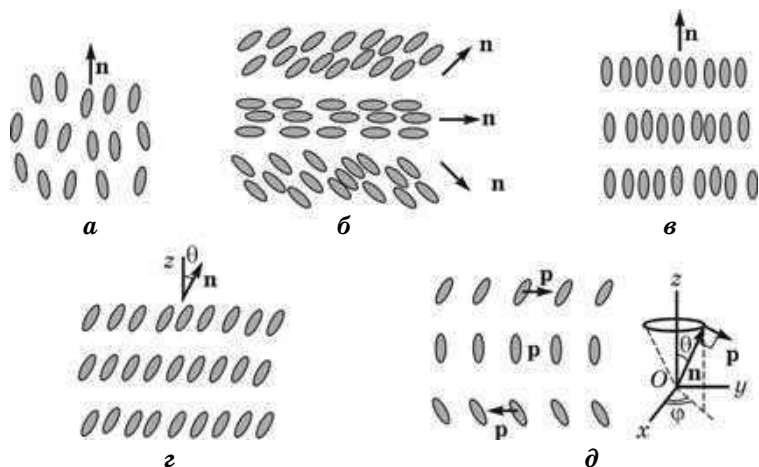

Рис. 9. Основные фазы термотропных жидких кристаллов (адаптировано из [13]): нематик (а); холестерик (б); смектик А (в); смектик С (г); смектик С* (д)

Записывая деформации, возникающие в жидком кристалле, как частные производные тензорного параметра порядка по координатам ($\partial Q_{ij}/\partial x_k$, где $k = 1, 2, 3$), де Жен существенно упростил континуальную теорию (теорию упругости) жидких кристаллов.

Рассеяние света в нематиках [19, 20, 33–35]. Де Жену удалось убедительно ответить на вопрос, почему нематические жидкие кристаллы выглядят мутными. В рамках континуальной теории он доказал, что это происходит из-за сильного рассеяния света на тепловых флуктуациях ориентации молекул нематиков. В частности, он показал, что отношение дифференциальных сечений рассеяния в нематике (σ_N) и в изотропной жидкости (σ_I) имеет вид

$$\sigma_N/\sigma_I \sim 1/(qa)^2, \quad (2)$$

где $q = 2\pi/\lambda$ — волновое число для рассеянного света, a — диаметр молекулы нематика; $q \sim 10^7 \text{ м}^{-1}$ (для видимого света) и $a \sim 10^{-10} \text{ м}$, следовательно, $\sigma_N/\sigma_I \sim 10^6$, т.е. рассеяние света в нематике на 6 порядков больше, чем в обычной изотропной жидкости.

Первоначально существовало два взгляда на структуру нематиков. Одна группа ученых (например, голландский физик Леонард Орнштейн (Leonard Ornstein)) считала, что эти мезофазы состоят из так называемых «роев» (областей с параллельной ориентацией молекул) и, таким образом, не являются непрерывной средой. Другие исследователи (среди них выделялся немецкий физик Ганс Цохер (Hans Zöcher)) отстаивали континуальную теорию, согласно которой нематик — это непрерывная среда (континуум), в которой средняя ориентация молекул плавно варьируется от точки к точке. Результаты расчетов де Жена по рассеянию света в нематиках явились еще одним убедительным аргументом в пользу уже окончательно утвердившейся в 1960-х годах теории континуума. Его теория находилась в хорошем согласии с экспериментами, проведенными, в частности, в группе жидких кристаллов Орсе.

Раскрутка холестерической спирали внешним полем [19, 20, 36]. Де Жен рассмотрел раскрутку спирали холестерического жидкого кристалла во внешних магнитных и электрических полях.

Геометрия раскрутки спирали в магнитном поле для холестерика с диамагнитной анизотропией $\chi_a > 0$ приведена

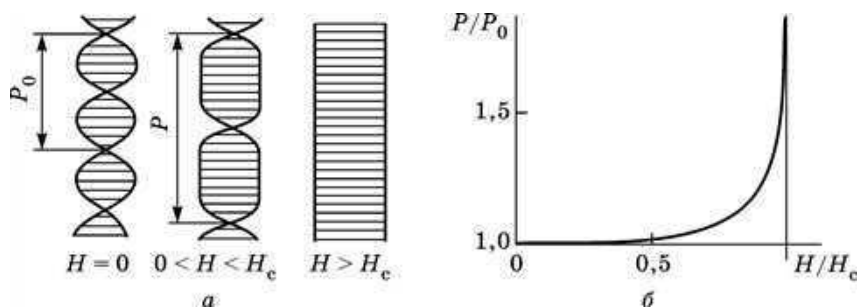

Рис. 10. Схема, показывающая этапы раскручивания холестерической спирали (для $\chi_a > 0$) во внешнем магнитном поле [37] (а); теоретическая зависимость P/P_0 от H/H_c [36] (б)

на рис. 10а (см., например, [37]). Планарная текстура холестерика в поле, параллельном опорным плоскостям жидкокристаллической ячейки, трансформируется в планарную текстуру нематика. При этом происходит увеличение шага холестерической спирали P и полная ее раскрутка ($P \rightarrow \infty$) при $H = H_c$ (H_c — критическое поле) (рис. 10б). Раскрутка сопровождается деформацией спирали и появлением так называемых 180° -градусных стенок, разделяющих области спирали, где молекулы уже развернулись по направлению поля. Эти стенки исчезают при $H = H_c$, и образуется обычный нематик (рис. 10а).

В рамках континуальной теории де Жен нашел следующее выражение для критического магнитного поля раскрутки:

$$H_c = \pi^2 (K_{22}/\chi_a)^{1/2} / P_0. \quad (3)$$

Здесь K_{22} — упругая постоянная кручения холестерика, P_0 — шаг спирали неискаженной структуры.

Де Жен отмечал [19, 20], что формула (3) была независимо выведена и упоминавшимся выше Р. Мейером [38].

Де Жен также рассчитал зависимость P/P_0 от H/H_c (см. рис. 10б), которая хорошо совпадала с экспериментальными данными, полученными группой Орсе.

Динамика нематиков и явления электрогидродинамической неустойчивости [8 (Pieransky P., С. 131–158), 19, 20, 34, 35, 39, 40]. Де Жен внес существенный вклад в развитие макроскопической теории динамики нематиков. В частности, он описал с помощью уравнений нематодинамики длинноволновые динамические флуктуации в нематиках.

Это было сделано с целью интерпретации экспериментов по неупругому светорассеянию, проводимых в группе Орсе. Эти работы позволили найти соотношения между коэффициентами вязкости Лесли.

Де Жен развил модель Карра–Хельфриха (например, [41, 42]) для описания электрогидродинамических (ЭГД) неустойчивостей в нематиках (доменов Капустина–Вильямса, шевронов) — пороговых эффектов, возникающих в постоянных и переменных электрических полях. Эти явления также детально экспериментально исследовались в группе Орсе. В своей модели де Жен учел динамические процессы релаксации ориентации молекул.

Некоторые фазовые переходы в жидких кристаллах

Переход нематик–изотропная жидкость [19, 20, 29, 30]. Используя феноменологический подход Ландау, основанный на разложении плотности свободной энергии F в ряд по степеням малого (вблизи точки фазового перехода) параметра порядка, де Жен описал фазовое превращение нематик–изотропная жидкость.

В этом случае разложение F по степеням тензора Q_{ij} (см. формулу (1)) имеет вид

$$F = F_0 + \frac{1}{2} A Q_{ij} Q_{ji} + \frac{1}{3} B Q_{ij} Q_{jk} Q_{ki} + \frac{1}{4} C Q_{ij} Q_{jk} Q_{km} Q_{mi} + \dots \quad (4)$$

Здесь F_0 — плотность свободной энергии изотропной фазы, коэффициент $A = \alpha(T - T^*)$, где T^* — некоторая температура, немного меньшая температуры фазового перехода T_{NI} , $\alpha = \text{const}$, коэффициенты B и C являются функциями температуры и давления. Суммирование в (4) ведется по повторяющимся индексам.

Используя (1), выражение (4) можно также записать и через скалярный параметр порядка Q .

Рассчитанные из (4) зависимости F от Q для различных температур изображены на рис. 11. При $T > T_{NI}$ абсолютный минимум F соответствует $Q = 0$ (изотропной фазе). При $T < T_{NI}$ F имеет минимум для $Q \neq 0$ (нематическая фаза). При $T = T_{NI}$ могут сосуществовать изотропная и нематическая фаза с конечным параметром порядка $Q = Q_c$, т.е. переход в точке T_{NI} является фазовым переходом первого рода. Более низкая температура T^* соответствует обращению в ноль члена с Q^2 в выражении (4). Ниже T^* изотропная фаза

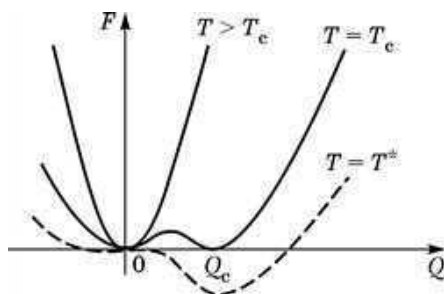

Рис. 11. Плотность свободной энергии нематика как функция параметра порядка Q при различных температурах [19]

полностью неустойчива относительно нематического упорядочения.

Переход смектик А–нематик [8 (Lubensky T.C., С. 98-126), 19, 20, 43]. Опять же в рамках феноменологического подхода Ландау де Жен рассмотрел фазовый переход между нематической и смектической А фазами.

В нематической фазе плотность ρ является величиной постоянной (рис. 12а). В смектике А плотность ρ становится периодической функцией координаты z , нормальной смектическим слоям (рис. 12б):

$$\rho(z) = \rho(z + l). \quad (5)$$

Здесь l — расстояние между слоями.

Функцию (5) можно разложить в ряд Фурье по косинусам, ограничившись двумя первыми членами ряда (см., например, [37]):

$$\rho(z) = \rho_0 + |\psi| \cos(qz). \quad (6)$$

Здесь ρ_0 — средняя плотность, $|\psi|$ — амплитуда волны плотности в смектике А, $q = 2\pi/l$ — волновое число.

В смектике А $|\psi| \neq 0$, тогда как в нематической фазе $|\psi| = 0$, поэтому де Жен использовал $|\psi|$ в качестве параметра порядка для описания фазового перехода смектик А–нематик.

Де Жен [43] и Уильям МакМиллан (William McMillan) (например, [44]) независимо друг от друга отмечали, что такой параметр порядка (если его представить в комплексном виде) аналогичен периодической функции распределения в жидком гелии (при бозе-конденсации).

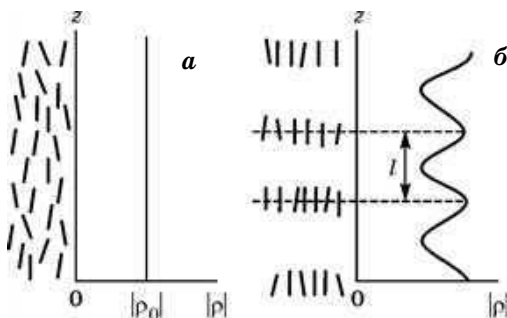

Рис. 12. К определению параметра порядка для описания фазового перехода нематик–смектик A : в нематике плотность ρ постоянна (a); в смектике A наблюдается периодическая модуляция ρ по координате z , нормальной к слоям (b) (адаптировано из [37])

Если считать, что параметр нематического порядка имеет фиксированное значение Q_0 , то разложение плотности свободной энергии смектика A по малому $|\psi|$ вблизи температуры перехода в нематическую фазу имеет вид

$$F_A = \alpha_0 |\psi|^2 + \beta_0 |\psi|^4 + \dots \quad (7)$$

Здесь $\alpha_0 = \alpha(T - T_{AN})$ и $\beta_0 \neq f(T) > 0$ — коэффициенты разложения, T_{AN} — температура фазового перехода.

Очевидно, что в рамках данного упрощенного рассмотрения при $T = T_{AN}$ будет иметь место фазовый переход второго рода.

Однако между смектическим и нематическим параметрами порядка имеется некоторое взаимодействие. Если нематическое (ориентационное) упорядочение, увеличивается, то растет и среднее притяжение между соседними молекулами в смектическом слое. При переходе из нематической в смектическую A фазу ориентационный параметр порядка в каждом из смектических слоев возрастает до значения Q на некоторую величину $\delta Q = Q - Q_0$. Тогда в (7) надо добавить следующий член, описывающий взаимодействие $|\psi|$ и Q ,

$$F_{SN} = -C |\psi|^2 \delta Q, \quad (8)$$

где C — положительная постоянная.

Наконец, необходимо включить в суммарную плотность свободной энергии F и плотность энергии нематика F_N , которая минимальна для $\delta Q = 0$:

$$F_N = F_N(Q_0) + 1/(2\chi) \delta Q^2 \quad (9)$$

Здесь $\chi(T)$ — функция отклика, которая велика, хотя и конечна, вблизи точки перехода нематик–изотропная жидкость, но которая мала для температур, меньших T_{NI} , поскольку при этом Q_0 практически достигает насыщения и не может сильно флуктуировать.

Полную плотность свободной энергии $F = F_S + F_{SN} + F_N$ затем следует минимизировать по δQ , что дает

$$\delta Q = \chi C |\psi|^2, \quad (10)$$

$$F = F(Q_0) + \alpha_0 |\psi|^2 + \beta_0 |\psi|^4, \quad (11)$$

$$\beta = \beta_0 - \frac{1}{2} C^2 \chi. \quad (12)$$

Порядок перехода критически зависит от знака β (для $T \sim T_{AN}$):

1. Если $T_{AN} \sim T_{NI}$, то χ велика, и из (12) следует, что $\beta < 0$. Тогда, чтобы обеспечить устойчивость, нужно добавить в уравнение (6) слагаемое, содержащее $|\psi|^6$. В этом случае для $T = T_{AN}$ минимум F уже соответствует ненулевому $|\psi|$. Переход происходит при более высокой температуре $T_c > T_{AN}$ и будет переходом первого рода.
2. Если $T_{AN} \ll T_{NI}$, то χ мала, и из (12) видно, что $\beta \sim \beta_0 > 0$. Тогда при $T = T_{AN}$ будет происходить переход второго рода.

Таким образом, изменение рода перехода со второго на первый вызвано взаимодействием параметров порядка $|\psi|$ и Q .

Де Жен показал [43], что фазовое превращение смектик А–нематик описывается так же, как и переход сверхпроводник–обыкновенный металл (рассмотренный Л.Д. Ландау и В.Л. Гинзбургом, см., например, [8, 45]): выражение для свободной энергии в обоих этих случаях аналогичны.

На рис. 13 изображена смектическая А фаза, подверженная продольному изгибу. Так как смектик стремится сохранять расстояния между слоями, то в нем возникают краевые дислокации. В случае деформации кручения появляются винтовые дислокации. Такие дефектные жидкокристаллические фазы аналогичны шубниковской фазе в сверхпроводниках. В этом случае в сверхпроводящий материал частично, в виде квантовых вихрей (вихрей Абрикосова), проникает магнитное поле.

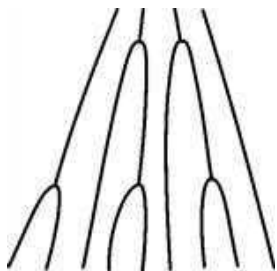

Рис. 13. Краевые дислокации в продольно изогнутом смектике *A* — аналог шубниковской фазы в сверхпроводниках [43]

Подобно тому, как сверхпроводники стремятся вытолкнуть наружу магнитное поле (эффект Мейснера), так и смектики стремятся вытеснить из себя дислокации.

Данная аналогия, найденная де Женом, позволили понять структуру так называемых закрученных зернограницных (twist grain boundary (TGB) — англ.) мезофаз, содержащих упорядоченные массивы стенок винтовых дислокаций.

Поверхностные явления в жидких кристаллах [46, 47]. Де Жен и Е. Дюбуа-Виолетт теоретически описали взаимодействие нематических жидких кристаллов с анизотропными (твёрдокристаллическими) подложками, ориентирующими молекулы мезофазы дальнодействующими ван-дер-ваальсовыми силами. Они предсказали интересный поверхностный эффект — так называемый локальный переход Фредерикса. Это явление было названо, по аналогии с переходом Фредерикса, переориентацией нематического директора во внешнем магнитном или электрическом поле (см., например, [19, 20, 37]).

Заметим, что одними из первых, кто наблюдал ориентацию жидких кристаллов на твёрдокристаллических сколах, были уже упомянутые выше Ш. Моген [48] и Ф. Гранжан [49].

Де Жен и Дюбуа-Виолетт рассмотрели следующую конкретную задачу. Полубесконечный слой нематика находился в контакте с тонкой изотропной пленкой, которая ориентировала директор короткодействующими силами сцепления планарно (параллельно поверхности, угол между нормалью к поверхности и директором $\theta = \pi/2$). Эта пленка покрывала (экранировала) анизотропную (кристаллическую) подложку, ориентирующую нематический директор дальнодействию.

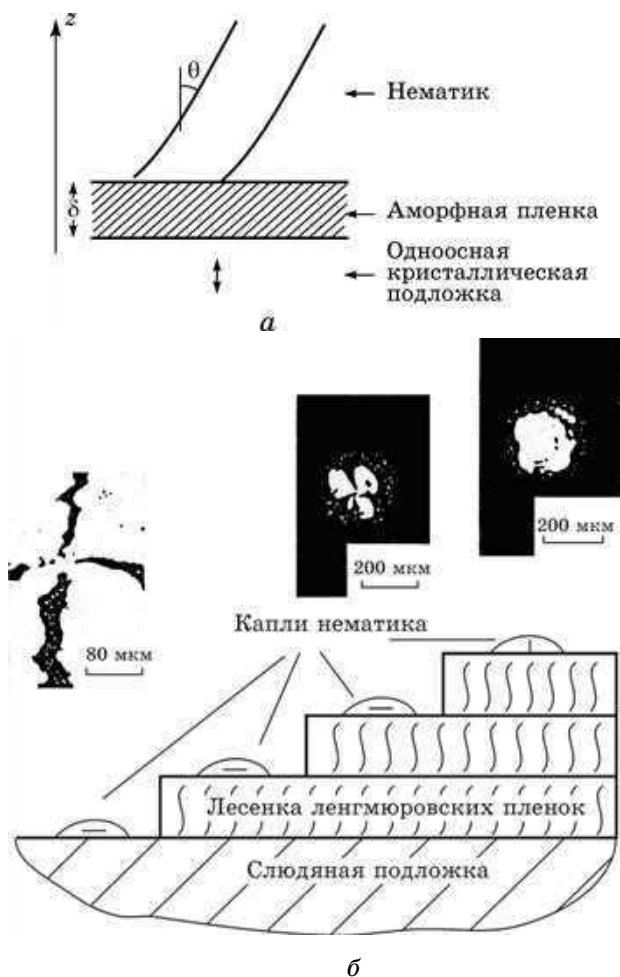

Рис. 14. Схема, показывающая геометрию задачи о локальном переходе Фредерикса (адаптировано из [46]) (а); экспериментальная реализация этого эффекта (адаптировано из [52]) (б)

ющими дисперсионными силами гомеотропно (перпендикулярно поверхности, $\theta = 0$) (рис. 14а).

Свободные энергии для планарной, $F_{\pi/2}$, и гомеотропной, F_0 , ориентаций становятся равными между собой при следующем критическом значении, W_c , энергии сцепления (анизотропии поверхностного натяжения) нематика с аморфной пленкой:

$$W_c = \int U(z) \delta z. \quad (13)$$

Здесь δ — толщина изотропной пленки, $U(z) = A/z^3$ — ван-дер-ваальсов потенциал анизотропной подложки, A — константа Гамакера, z — координата, нормальная подложке.

При выполнении условия (13) реализуется резкий (первородный) переход между планарной и гомеотропной ориентациями нематического директора. Если же условие (13) не выполняется, то (в зависимости от толщины экранирующей пленки) возможны плавные (второродные) переходы между планарной и наклонной и между гомеотропной и наклонной ориентациями.

По-видимому, первые экспериментальные наблюдения локального перехода Фредерикса были осуществлены в [50]. Здесь слой нематика экранировался от стеклянной подложки тонкой углеродной пленкой. Энергия сцепления между нематиком и пленкой варьировалась при изменении температуры. При низких температурах наблюдалась планарная ориентация директора, которая при повышении температуры переходила в наклонную, а затем — в гомеотропную.

Более детальное исследование этого эффекта было осуществлено в [51] (см. также [52]). Здесь изменялась не энергия сцепления нематика с экранирующей пленкой, а толщина самой пленки. На свежий скол слюды наносилась лесенка ленгмюровских пленок (моно- или бислоев амфифильных молекул), на каждую ступеньку которой помещалась маленькая капелька нематика (рис. 14б). Высота ступеньки такой лесенки составляла примерно 25 Å для монослойных и 50 Å для бислойных пленок. Слюда ориентировала нематик (ван-дер-ваальсовыми) силами планарно, а ленгмюровские пленки (короткодействующими силами сцепления) — гомеотропно. В результате, для критической толщины экранирующей пленки δ_c , порядка нескольких сотен Å, в нематических каплячках происходили ориентационные переходы из первоначальной планарной текстуры в наклонную или гомеотропную. Величина δ_c соответствовала эффективному радиусу действия дисперсионных сил.

Завершим эту статью словами Пьера-Жиля де Жена, которые могли бы стать его жизненным девизом: «Меня притягивает неизвестное. Когда я вижу сильно запутанный клубок, то говорю себе, что неплохо было бы найти “путеводную нить”» [53].

Автор признателен Жаку Просту и Доминик Ланжевен за внимание к этой работе и за уточнение некоторых вопро-

сов, а также А.С. Сониному, прочитавшему рукопись статьи и сделавшему ряд полезных замечаний.

Литература

1. *Де Жен П.Ж.* Мягкие вещества (Нобелевские лекции по физике — 1991 г.) // *Успехи физических наук.* 1992. Т. 162. № 9. С. 125–132.
2. *Plévert L.* Pierre-Gilles de Gennes. Gentleman physicien. — Paris: Éditions Belin, 2009.
3. Pierre-Gilles de Gennes. L'enchantement de la physique // *Pour la Science.* Les génies de la science. 2009. № 40.
4. Un savant nommé Pierre-Gilles de Gennes // *Science et Vie.* 1995. Hors série. № 192.
5. *Pieransky P., Guyon E.* Pierre-Gilles de Gennes // *Liquid Crystals.* 2007. V. 34. №. 8. P. 995–1000.
6. *Sluckin T.J.* Appreciation. Pierre-Gilles de Gennes (1932–2007) // *Liquid Crystals.* 2009. V. 36. №. 10–11. P. 1019–1022.
7. De Gennes Special Issue // *J. Phys. Chem.* 2009. V. B113. № 12.
8. P.G. de Gennes' Impact on Science / Ed. J. Bok, J. Prost, F. Brochard-Wyart. V. I. Solid State and Liquid Crystals; V. II. Soft Matter and Biophysics. — Singapore: World Scientific, 2009.
9. *De Gennes P.-G.* Superconductivity of Metals and Alloys. — N.Y.–Amsterdam: W.A.Benjamin, 1966. [Русский перевод: *де Жен П.Ж.* Сверхпроводимость металлов и сплавов / Ред. Л.П. Горьков. — М.: Мир, 1968.]
10. *De Gennes P.-G.* Scaling Concepts in Polymer Physics. — Ithaca–London: Cornell University Press, 1979; 2nd edition (1985) [Русский перевод: *де Жен П.Ж.* Идеи скейлинга в физике полимеров / Ред. И.М. Лифшиц. — М: Мир, 1982.]
11. *De Gennes P.-G.* La percolation: un concept unificateur // *La Recherche.* 1976. V. 72. P. 919–927.
12. *Sonin A.A., Langevin D.* Stratification Dynamics of Thin Films Made from Aqueous Micellar Solutions // *Europhys. Lett.* 1993. V. 22(4). P. 271–277.
13. *Sonin A.A.* Freely Suspended Liquid Crystalline Films. — Chichester: Wiley, 1998.
14. *De Gennes P.-G., Brochard-Wyart F., Quéré D.* Gouttes, Bulles, Perles et Ondes. — Paris: Éditions Belin, collection Échelles, 2002.
15. *De Gennes P.-G., Veyssie M.* La matière molle. Physique des objets de tous les jours. — CD ROM: Arte Éditions, 1998.
16. *De Gennes P.-G.* Soft Interfaces. The 1994 Dirac Memorial Lecture. — Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
17. *De Gennes P.-G.* Introduction to Polymer Dynamics. — Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
18. *De Gennes P.-G.* Simple Views on Condensed Matter. — Singapore: World Scientific, 1992; расширенная версия, 1998.

19. *De Gennes P.-G.* The Physics of Liquid Crystals. — Oxford: Oxford University Press, 1974. [Русский перевод: *де Жен П.-Ж.* Физика жидких кристаллов / Ред. А.С. Сонин. — М: Мир, 1976.]
20. *De Gennes P.-G., Prost J.* The Physics of Liquid Crystals (2nd edition). — Oxford: Oxford University Press, 1993.
21. *De Gennes P.-G., Badoz J.* Les objets fragiles. — Paris: Éditions Plon, 1994. [Русский перевод: *де Жен П.-Ж., Бадос Ж.* Хрупкие объекты / Ред. А.Д. Литманович, А.Р. Хохлов. — М: Мир, 2000.]
22. *De Gennes P.-G.* Petit point : Un scientifique croque ses pairs. — Paris: Le Pommier, 2002. [Английская версия: *De Gennes P.-G.* Petit point: A Candid Portrait on the Aberrations of Science. — Singapore: World Scientific, 2004.]
23. *Сонин А.С.* Дорога длиною в век. — М: Наука, 1988.
24. *Sluckin T.J., Dunmur D.A., Stegemeyer H.* Crystals that Flow. — London-New York: Taylor & Francis, 2004.
25. *Friedel G.* Les états mésomorphes de la matière // *Ann. Phys.* 1922. V. 18. P. 273–474.
26. *Chatelain P.* Sur l'orientation des cristaux liquides par les surfaces frottées : étude expérimentale // *C. R. Acad. Sci. (Paris).* 1941. V. 213. P. 875–876.
27. *Чистяков И.Г.* Жидкие кристаллы // *УФН.* 1966. Т. 89. С. 563–602.
28. *Brochard F., de Gennes P.-G.* Hydrodynamic Properties of Fluid Lamellar Phases of Lipid/Water // *Prāmaḍa Suppl.* 1975. № 1. P. 1–21.
29. *De Gennes P.-G.* Phenomenology of Short-Range-Order Effects in the Isotropic Phase of Nematic Materials // *Phys. Lett.* 1969. V. 30A. P. 454–455.
30. *De Gennes P.-G.* Short Range Order Effects in the Isotropic Phase of Nematics and Cholesterics // *Mol. Cryst. Liq. Cryst.* 1971. V. 12. P. 193–214.
31. *De Gennes P.-G.* Conjectures sur l'état smectique // *J. Phys. (France) Colloq. C4.* 1969. V. 30. P. 65–71.
32. *Zwethoff W.* Über die Molekulanordnung in der anisotrop-flüssigen Phase // *Acta Physicochim. URSS.* 1942. Bd. 15. S. 132–147.
33. *De Gennes P.-G.* Fluctuations d'orientation et diffusion Rayleigh dans un cristal nématique // *C. R. Acad. Sci. (Paris).* 1968. V. 266. P. 15–17.
34. *Groupe d'études des cristaux liquides (Orsay)* Dynamics of Fluctuations in Nematic Liquid Crystals // *J. Chem. Phys.* 1969. V. 51. P. 816–822.
35. *De Gennes P.-G.* Long Range Order and Thermal Fluctuations in Liquid Crystals // *Mol. Cryst. Liq. Cryst.* 1969. V. 7. P. 325–345.
36. *De Gennes P.-G.* Calcul de la distorsion d'une structure cholesterique par un champ magnetique // *Solid State Commun.* 1968. V. 6. P. 163–165.
37. *Сонин А.С.* Введение в физику жидких кристаллов. — М: Наука, 1983.

38. *Meyer R. B.* Distortion of a Cholesteric Structure by a Magnetic Field // *Appl. Phys. Lett.* 1969. V. 14. P. 208–209.
39. *Dubois-Violette E., de Gennes P.-G., Parodi O.* Hydrodynamic Instabilities of Nematic Liquid Crystals Under A.C. Electric Fields // *J. Phys. (France)*. 1971. V. 32. P. 305–317.
40. *De Gennes P.-G.* Nematodynamics, in: *Molecular fluids — lecture notes of the XXVth session of the Les Houches Summer School on Physics* (Ed. *R. Balian, G. Weill*). — L.: Gordon and Breach, 1976. P. 373–400.
41. *Carr E.F.* Influence of Electric and Magnetic Fields on the Dielectric Constant and Loss of the Liquid Crystal Anisaldazine // *J. Chem. Phys.* 1963. V. 38. P. 1536–1540.
42. *Helfrich W.* Conduction-Induced Alignment of Nematic Liquid Crystals: Basic Model and Stability Considerations // *J. Chem. Phys.* 1969. V. 51. P. 4092–4105.
43. *De Gennes P.-G.* An Analogy Between Superconductors and Smectics A // *Solid State Commun.* 1972. V. 10. P. 753–756.
44. *McMillan W.L.* X-Ray Scattering from Liquid Crystals // *Phys. Rev. A*. 1972. V. 6. P. 936–947.
45. *Гинзбург В.Л., Ландау Л.Д.* К теории сверхпроводимости // *ЖЭТФ*. 1950. Т.20. С.1064–1081.
46. *Dubois-Violette E., De Gennes P.-G.* Local Frederiks Transitions Near a Solid/Nematic Interface // *J. Phys. (France) Lett.* 1975. Т. 36. P. 255–258.
47. *Dubois-Violette E., De Gennes P.-G.* Effects of Long-Range van der Waals Forces on the Anchoring of a Nematic Fluid at an Interface // *J. Colloid Interface Sci.* 1976. V. 57. P. 403–410.
48. *Mauguin Ch.* Orientation des cristaux liquides par les lames de mica / *C. R. Acad. Sci. (Paris)*. 1913. V. 156. P. 1246–1247.
49. *Grandjean F.* L'orientation des liquides anisotropes sur les cristaux / *Bull. Soc. Fr. Min.* 1916. V. 39. P. 164–213.
50. *Ryschenkow G., Kléman M.* Surface Defects and Structural Transitions in Very Low Anchoring Energy Nematic Thin Films // *J. Chem. Phys.* 1976. V. 64. P. 404–412.
51. *Блинов Л.М., Давыдова Н.Н., Сонин А.А., Юдин С.Г.* Локальный переход Фредерикса в нематических жидких кристаллах // *Кристаллография*. 1984. Т. 29. С. 537–541.
52. *Sonin A.A.* The Surface Physics of Liquid Crystals. — Amsterdam-Reading: OPA-Gordon and Breach, 1995.
53. *Dufour J.-P., Augereau J.-F.* L'effet de Gennes Touche-à-tout génial et médiatique, le dixième Prix Nobel de physique français fascine tout autant le public que ses collègues et ses étudiants // *Le Monde*. 1991. 23 octobre.

IV. ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Г.М. ИДЛИС

К РУССКОЯЗЫЧНОМУ ПЕРЕИЗДАНИЮ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ РАБОТЫ РУДОЛЬФА ШТЕЙНЕРА «ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ СОЧИНЕНИЯ ГЁТЕ»

Среди людей *посредственных*, как правило, в чести
Лишь те, кто всем им и во всем, увы, *сродни*.
А **ГЕНИИ**, по сути, так редки!..
Тем паче, ежели **ОНИ**
Настолько **ТАКОВЫ**,
Насколько *мы* –
Увы!..

Как правило
(Не правда ли?),
Нет правила
Без исключения...
Есть, правда, мнение!..

Да! Но

Оно

Одно:

«Гёте представляет, быть может, единственный в истории человеческой мысли пример сочетания в одном человеке великого поэта, глубокого мыслителя и выдающегося ученого»

К.А. Тимирязев

Иоганн Вольфганг Гёте (1749–1832), безусловно, был одним из истинных гениев XVIII–XIX веков и остается таковым на все времена!

Обычно Гёте заслуженно ценится всеми прежде всего как поэт-философ, создавший гениальную трагедию «Фауст» [1]. Менее известно у нас то, что Гёте был и гениальным мыс-

Григорий Моисеевич Идлис

лителем, ученым, натуралистом. Хотя его «Избранные сочинения по естествознанию» [2] опубликованы в 1957 г. — к 40-летию СССР — в академическом издании в серии «Классики науки» (в переводе И.И. Канаева с наиболее полного Веймарского немецкого издания, которое первоначально поручалось подготовить к печати и прокомментировать еще молодому тогда Рудольфу Штейнеру, ставшему затем основоположником антропософии — антропософски ориентированной духовной науки).

Кстати, в публикации И.И. Канаева содержится не только приведенное выше — в моем эпиграфе — высказывание К.А. Тимирязева о Гёте [2, с. 419], но и сеговения самого Гёте, уже в глубокой старости, за год до смерти, в статье по истории своих ботанических занятий, в которой он сообщает публике о своей неустанной научной деятельности в связи с открытием им метаморфоза растений: «Больше полувек известен я на родине и за пределами ее как поэт или, по крайней мере, слышу за такового; а что я с большим вниманием и усердием изучал природу, ее общие физические и фактические феномены и постоянно со страстью проводил серьезные наблюдения — это еще далеко не столь общеизвестно и еще менее внимательно обдумывалось» [2, с. 418].

И.И. Канаев опубликовал, кроме того, специальную монографию «Гёте как естествоиспытатель» [3]. Но русскоязычным читателям, даже ознакомившись с этими ценными публикациями [2, 3], трудно составить адекватное представление о всем значении мировоззрения Гёте без ознакомления с должным переизданием фундаментальной работы Штейнера «Естественнонаучные сочинения Гёте» [4], которое подготовила к печати моя дочь Р.Г. Идлис, а я снабдил своим Послесловием с рядом примечаний, частично приводимых ниже.

Ныне широко распространено представление о существовании двух принципиально различных культур — *естественнонаучной* и *гуманитарной*, разделенных чуть ли не «непроходимой» пропастью. Кроме того, даже внутри каждой из этих *двух культур* отдельные специалисты фактически подразделяются еще по своим частным и, как правило, весьма разобщенным специальностям.

Чтобы преодолеть эту «пропасть» и соответствующее тотальное *разобщение*, необходимо прежде всего *двустороннее движение* и *всестороннее общение*, т.е. не только систематическое общее гуманитарное образование всех специалистов, включая ученых-естественников, но и приобщение всех гуманитариев, по крайней мере, не к каким-то частным историческим достижениям отдельных естественных наук, а именно к **КОНЦЕПЦИЯМ СОВРЕМЕННОГО ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ (КСЕ)**, которые ныне составляют один из общих курсов, входящий в программу всех российских вузов по всем гуманитарным специальностям (и который, кстати, целесообразно было бы ввести в качестве необходимого общего курса в программу всех наших вузов и по всем естественнонаучным специальностям, наряду с уже введенным общим кандидатским экзаменом по истории и философии науки для всех аспирантов).

При этом сам я — в противоположность Гёте — прошел так называемый обратный путь: не «от искусства к науке», а, напротив, от собственно естественных наук к сугубо гуманитарным дисциплинам. Причем не только в смысле своего образования и своих занятий, но и по характеру целесообразного изложения результатов, используя наряду с, казалось бы, универсальным и предельно точным, но по сути чуть ли не бессодержательным — «иллюзионистским» — математическим языком непосредственно связанный с нашим бытием более содержательный и живой язык обыденного общения или даже наиболее образный и живой поэтический язык [5].

За 60 лет своей творческой деятельности я, перейдя после I курса физического факультета ЛГУ на ф.-м. факультет КазГУ и окончив одновременно оба его отделения по специальностям теоретическая физика и математика, защитил в МГУ кандидатскую и докторскую диссертации по ф.-м. наукам, работая в Астрофизическом институте АН КазССР, а став его директором, занялся и науковедением, преобразуя его из аморфного состояния типа расплывчатого «обществоведения» в настоящее — аксиоматизированное — *наукознание*, родственное точному *естествознанию* [6]. Но затем, перейдя в ИИЕТ АН СССР/РАН, погрузился в поиски основ всего естествознания, включая в него, наряду с такими собственно естественными фундаментальными — относительно самостоятельными — науками, как физика, химия и биология, еще и психологию, составляющую фундамент всех гуманитарных дисциплин и относящуюся уже, по сути, к наиболее фундаментальному ментальному миру. В итоге, исходя из так называемой «атомной гипотезы», как бы пронизывающей все естествознание и всю его историю, но оставаясь в рамках логически допустимых внутренне непротиворечивых и полных — конечных — аксиоматических систем соответствующих элементов, удалось обосновать принципиальное единство всего естествознания и всей природы вплоть до ее ментальной — наиболее фундаментальной — составляющей всего бытия, что нашло своё непосредственное отражение прежде всего в моей работе [7], а также в моём вкладе в подготовленные совместно с другими авторами монографии [8, 9], изданные в качестве одних из первых учебных пособий к только что введённому тогда общему курсу КСЕ, который я сразу же начал преподавать в РГГУ. А ныне — после издания ещё одной специальной совместной монографии [10] — преподаю по своей программе [11], рекомендуя в качестве основного учебного пособия прежде всего мою близкую к мировоззрению и идеям Гёте монографию [12], в которой особого внимания заслуживает следующий её фрагмент:

Фактическое преодоление традиционного противопоставления материи и сознания, или естественных — точных — наук гуманитарным, относящимся не к внешнему миру, а к самому человеку, к его интеллектуальной деятельности, возникло полвека тому назад, когда автор в 1957 г. на Всесоюзной конференции по проблемам внегалактической астрономии и космологии, по существу, впервые ввёл в современную космологию так называемый **АНТРОПНЫЙ**

КОСМОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП (АКП), а в 1958 г. детально проанализировал этот принцип [13], пророчески предвосхищенный еще Протагором (V век до н.э.) в дошедшем до нас афористическом высказывании, которым начиналось его сочинение о Природе: *«Человек есть мера всем вещам — существованию существующих и не существованию несуществующих»* [14, с. 167].

В свете рассматриваемых ВОЗМОЖНЫХ НАЧАЛ ВСЕГО (ВНВ) этот АКП оказывается справедливым не только как «слабый» АКП (объяснение возможных специфических особенностей нашего Мира возможностью нашего существования в нем) или как «сильный» АКП (объяснение необходимых характеристик всей Вселенной необходимостью нашего возникновения и существования в ней), но и как так называемый «сверхсильный» АКП (существование Мыслящего Универсума, или Высшего Разума — Бога, — как необходимого предельного и вместе с тем исходного *ментального* элемента Вселенной, наиболее *фундаментального, фундирующего* все остальные ее фундаментальные структурные элементы) [15].

Поэтому вполне естественно, что хотя естествознание в ходе своего исторического развития последовательно стремилось преодолеть подобный *антропоцентризм* («*субъективизм*», или как бы изначально присущий нам — врожденный — «*самоцентризм*»), становясь всё более и более объективной наукой о природе (о *материальных объектах*), этот эгоцентризм, или антропоцентризм, казалось бы, окончательно выдворенный прочь за пределы науки, за наглухо захлопнувшиеся за ним ее врата, но всегда маячивший перед не зашоренным — свободным от всяких шор — взором наиболее вдумчивых учёных, в конце концов всё-таки вернулся в неё (через её, к счастью, не зашторенное окно) в виде введенного в современную космологию АКП.

Вслед за автором, но независимо от него, к этому АКП обратились Дикке в США, Картер в Англии и многие другие [14, с. 58]. На пионерскую работу автора [13] затем обратили внимание такие известные физики, как Я.Б. Зельдович и А.Д. Сахаров. Барроу и Типлер специально отметили ее в предисловии к своей монографии [16], а К.А. Томилин посвятил ей целую главу «Антропная программа» в монографии [17].

Все естествоиспытатели, вплоть до такого сугубого теоретика, как Эйнштейн, критерием истинности рассматривае-

мой теории всегда считали прежде всего опыт. Правда, сам Эйнштейн, считая требование согласованности теории с опытом тривиальным и практически всегда легко выполняемым за счёт специального — искусственного — введения в неё необходимых дополнительных параметров, основным критерием истинности искомой им предельно общей теории считал ее «внутреннее совершенство» (единственность и отсутствие каких бы то ни было произвольных — вводимых руками — дополнительных параметров).

Однако понятие опыта нуждается в уточнении, осуществленном Рудольфом Штейнером (1861–1925). Еще в своем раннем «Очерке теории познания Гётевского мировоззрения, составленном, принимая во внимание Шиллера» (1886) [18], а затем в других своих основополагающих работах, таких как «Истина и наука. Пролог к “Философии свободы”» (1892) [19] и «Философия свободы — основные черты одного современного мировоззрения. *Результаты душевных наблюдений по естественнонаучному методу*» (1893) [20], он обосновал необходимость включить в опыт наряду с нашими непосредственными ощущениями и непосредственно воспринимаемые нами мысли, а также сам факт мышления, тем самым устраняя, в частности, предполагавшуюся Кантом «априорность» понятий пространства и времени, превращая его так называемые «вещи в себе» в «вещи для нас» и позволяя нам, не опираясь на какие бы то ни было предпосылки, выносить вполне определённые беспредпосылочные суждения о непосредственно доступном нам макром мире — косном (неорганическом, минеральном), живом (органическом, одушевлённом) или даже разумном (сознательном, одухотворённом). Правда, такие суждения в каждом из этих трех случаев имеют свой характерный предмет: необходимые *законы природы* для сугубо причинно-следственных отношений косных минеральных объектов; определённые *типы живых организмов*; возможные — реализующиеся — *идеи*.

А умозрительно доступный нам физический микромир и все положенные в его основу так называемые фундаментальные структурные элементы материи, т.е. соответствующие элементарные и субэлементарные частицы и античастицы физической «первоматерии», как, впрочем, и характерные уже для макромира атомные химические элементы, субмолекулярные биоорганические «кирпичики жизни» и введенные нами «ментальные элементы», лежащие в основе наших единообразных взаимосвязанных периодических си-

стем физики, химии, биологии и психологии, фактически представляют собой продукты мышления.

Штейнер выявил роль мышления (которое тоже есть опыт, причём особый, более высокий опыт в опыте, при помощи которого сам опыт углубляется), затем роль чувственных восприятий, затем суть науки, затем показал, как естественным образом (исходя из мыслимой закономерности) членится вся область научных исследований. При этом он и показал, где коренятся предпосылки (т.е. догматика) у Канта, которые оказались затем забетонированы и в фундамент всех последующих научных теорий, ставших в результате этого догматическими построениями, своего рода материалистической религиозной догматикой, материалистическим оккультизмом. Штейнер же показал возможность беспредпосылочного, т.е. основанного на чистом мышлении истинного познания, которое, собственно, есть новое творение.

Проследив познавательную жизнь Гёте во всех областях, Штейнер основал свою теорию познания, которая в своих основных принципах совпадает с гётевским мировоззрением (которое, однако, тот сам не сформулировал, не дойдя до мышления о мышлении, из-за чего оно ещё не было полным), заключает:

«Преодоление чувственности духом есть цель искусства и науки. Последняя побеждает чувственность, превращая её всецело в дух, первое — тем, что прививает ей дух. Наука смотрит *сквозь* чувственность на *идею*, искусство же видит последнюю в чувственности. Закончим наши рассуждения словами Гёте, выражающими исчерпывающим образом эту истину: “Я думаю, что наукою можно назвать познание всеобщего, знание отвлечённое, искусство же — её механизм; поэтому его можно бы назвать также практической наукой. Таким образом, наука могла бы быть названа теоремой, а искусство — проблемой”» [18, с. 94].

Здесь — уже в первой книге Штейнера — переход от чистого познания к практике, которая должна быть искусством. Отсюда в дальнейшем родилась практика антропософии: искусство воспитания, искусство врачевания, искусство земледелия, социальное искусство — всё то, в чём реализуются моральная интуиция, моральная фантазия и моральная техника (в отличие от догматических теоретических наук, породивших аморальные технологии)...

По разделяемому мною замечанию моей дочери Р.Г. Идлис: «Вышеупомянутые три философские книги Штейнера

[18–20] — это не информация, это школа мышления, это “хорошо темперированный клавир” для начинающих мыслителей. Пройдя вместе со Штейнером весь путь и научившись самостоятельно разыгрывать эти мыслительные цепочки, подобно гаммам, можно развить способность к самостоятельному беспредпосылочному мышлению, а также видеть и исправлять мыслительные предпосылки у себя и у других. Это и есть путь к истине, предложенный 120 лет тому назад для всех, кто не поленится упражняться в музыке чистого мышления. А кто *не упражняется*, тот неизбежно будет фальшивить чуть ли не в каждой ноте... во всём, что не является голым описанием наблюдений».

Мышление существенно дополняет наши непосредственные наблюдения, ощущения, мысли и зачастую даже опережает их. Формулировки естественных проблем, как правило, опережают их решение. В частности, творчески мыслящие математики обычно формулируют свои теоремы до их доказательства. Впрочем, сам вывод тех или иных утверждений, теорем, следствий из принятой исходной системы аксиом ещё не есть собственно творчество. Скорее настоящим творчеством оказывается возможное и необходимое изменение или дополнение привычных исходных положений, установок, аксиом.

Это особенно наглядно проявляется в олимпиадах — при порой мгновенном неожиданном решении по-настоящему олимпиадных задач. Такой феномен я неоднократно непосредственно наблюдал на примере своей дочери Р.Г. Идлис, успешно участвовавшей в своё время во многих всесоюзных олимпиадах, но не заиклившейся затем даже на своём эффективном участии вместе с Л.Б. Меклером в, казалось бы, весьма успешном и перспективном развитии традиционного естествознания в наиболее сложной области — в биологии [21], [13, с. 173–177].

Не могу оставить без существенного замечания раздел «Метеорологические представления Гёте» с соответствующим основным тезисом Штейнера:

«Относительно метеорологии заблуждаются так же, как и относительно геологии, когда исходят от действительно достигнутого Гёте, и это считают за главное. Его метеорологические опыты нигде не завершены. Повсюду мы видим только замыслы. Его мышление всегда направлено на то, чтобы найти опорный пункт, исходя из которого внутренне можно упорядочить весь ряд явлений. Все объяснения, ко-

торые вводят внешнее, случайное, чтобы получить закономерный ряд феноменов, не соответствовали его духовному складу. Когда перед ним вставал какой-нибудь феномен, он старался связать с ним всё родственное ему, всё принадлежащее этому же кругу явлений, так, чтобы возникло целое, тотальность. В этом круге явлений нужно было найти принцип, при котором все закономерности, все родственные феномены, принадлежащие этому кругу явлений, проявились бы как необходимость. Пытаться объяснить явления этого круга, привлекая вне его лежащие отношения, представлялось ему неестественным. В этом мы должны искать ключ к пониманию принципа, установленного им в метеорологии. “С каждым днём я всё более ощущаю недопустимость приписывать неизвестным потокам и течениям воздуха влияние планет, Луны...” “Мы отклоняем все такие влияния, погодные явления на Земле мы не считаем ни за космические, ни за планетные, но мы должны объяснять их чисто земным”.

Гёте хотел атмосферные явления привести к причинам, лежащим в существе земного. Вопрос заключался в том, чтобы найти пункт, при котором непосредственно заговорят все остальные обуславливающие основные закономерности. Одним из таких феноменов является показание барометра. Также и Гёте рассматривал его как прафеномен и надеялся из него вывести всё остальное. Он изучал таблицы Шарона и нашёл, что “подъём и падение в различных, ближе или дальше лежащих, не слишком различных по широте и высоте местах наблюдения, показывают *почти параллельные результаты*”. Поскольку ему подъём и падение представлялись непосредственными явлениями силы тяжести, то он надеялся в изменениях показания барометра найти непосредственное выражение для качества силы тяжести. Но не следует только в это гётевское объяснение вносить ничего лишнего. Гёте ведь отклонил всякую постановку гипотез. Он не хотел ничего иного, как только найти выражение наблюдаемых явлений, а не собственные фактические причины, в смысле сегодняшнего естествознания. В отношении к этому явлению должны быть взяты и все остальные атмосферные явления. Более всего интересовало Гёте образование облаков. Для этого он нашёл метод в учении Говарда: постоянно меняющиеся образования устанавливать в определённых основных состояниях и так, чтобы то, “что живёт в переменных явлениях”, “утвердить в пребывающих мыслях”.

Он искал лишь средство объяснить преобразование формы облаков, так же как он в той духовной направляющей нити нашёл средство объяснить преобразование типичного облика листа растения. Так же, как там — та духовная нить, так и в метеорологии — различные “свойства” атмосферы на различных высотах давали ему нить, на которую он нанизывал отдельные образования. И так же, как там, мы должны установить, что Гёте никогда не было свойственно рассматривать такую нить как действительное образование. Он ясно осознавал, что лишь отдельные образования могут рассматриваться как существующие для чувств *в пространстве*, а все высшие принципы существуют только для *духовного глаза*. Поэтому сегодняшние возражения в отношении Гёте напоминают борьбу с ветряными мельницами. В его принципы вкладывают форму действительности, которую он отрицал сам, и надеются таким образом его ниспровергнуть. Но той формы реальности, которую он положил в основу конкретной идеи, сегодняшнее естествознание не знает. С этой стороны Гёте остается для него чуждым».

По-моему, следует заметить, что искомое так называемое «качество силы тяжести» на Земле, которое имел в виду Гёте, непосредственно связано — по закону всемирного тяготения Ньютона — с тем, что на собственно земную «силу тяжести» накладываются приливные гравитационные воздействия вообще всех мировых тел, причём прежде всего — именно «планет, Луны...», а также Солнца!

Аналогичным образом, на все «метеорологические явления», происходящие в атмосфере Солнца, вплоть до всевозможных «солнечных бурь» в виде возникающих время от времени «пятен» на Солнце и других проявлений солнечной активности, несомненно, должны оказывать определяющее влияние приливные гравитационные воздействия, вообще говоря, всех планет Солнечной системы (вплоть до самой Земли), но прежде всего наиболее массивной из них, а именно — Юпитера [12].

Для систематической регистрации солнечной активности обычно используются сводимые в единую цюрихскую систему среднегодовые значения суточных относительных величин так называемых чисел Вольфа W .

Вероятной исходной физической причиной циклических вариаций солнечной активности могут и должны служить приливные гравитационные возмущения Солнца обращаемыми вокруг него планетами. Планетные приливные воз-

мущения Солнца, прямо пропорциональные массам планет и обратно пропорциональные кубам их средних расстояний от Солнца, имеют один и тот же порядок величины для Меркурия, Венеры, Земли и Юпитера, а для всех остальных планет — существенно меньший порядок величины. Кроме того, с так называемыми внутренними планетами (Меркурием и Венерой), которые по сравнению с Землёй располагаются ближе к Солнцу и обращаются вокруг него быстрее, непосредственно могут быть связаны лишь сравнительно краткосрочные вариации, практически не сказывающиеся на рассматриваемых среднегодовых значениях чисел Вольфа. Поэтому основной вклад в их среднесрочные и долгосрочные вариации, обусловленные планетными возмущениями Солнца, может и должен вносить — наряду с Землёй — Юпитер, который обращается вокруг Солнца с сидерическим периодом (относительно неподвижных звёзд) около 12 лет ($T_{\text{Ю}} \approx 12$ лет).

Кстати, именно 12-летний календарный цикл лежит в основе традиционной астрологии — эллинистической, индийской и китайской.

При интерференции такого рода сравнительно долгосрочных 12-летних вариаций с обусловленными самой Землёй годовыми гравитационными возмущениями Солнца, вообще говоря, могут и должны возникать вариации с периодом, равным разности периодов обращения Юпитера и Земли вокруг Солнца, т.е. $T = T_{\text{Ю}} - T_{\text{З}} \approx 12 \text{ лет} - 1 \text{ год} = 11 \text{ лет}$, что как раз совпадает со средним 11-летним периодом фактических вариаций солнечной активности, а также систематические долгосрочные периодические вариации с периодом, который равен наименьшему целочисленному общему кратному этих двух периодов (12-летнего и 11-летнего), или, как правило, регулярно повторяющиеся всплески солнечной активности через очередные $12 \cdot 11 \text{ лет} = 132 \text{ года}$ (несмотря на всевозможные вариации её текущего периода). Это позволяет экстраполировать известные фактические данные о солнечной активности на прежние и будущие исторические эпохи.

«Земное эхо солнечных бурь» (возбудителем которых наряду с Юпитером является, кстати, и сама Земля) проявляется не только в рассмотренных ещё А.Л. Чижевским таких глобальных мировых катаклизмах, как засухи, неурожаи, эпидемии, пандемии, психозы, войны, революции, катастрофы, которые, как правило, повторяются в среднем именно

через 11 лет (по 9 раз за столетие) [22], но и в том, что со всплесками солнечной активности, как удалось установить мне, явно коррелируют и всплески творческой активности известных учёных, по крайней мере, наиболее выдающихся физиков [23,12].

Кстати, вышеупомянутые фундаментальные работы Р. Штейнера «Истина и наука. Пролог к “Философии свободы”» (1892) [19] и «Философия свободы — основные черты одного современного мировоззрения. *Результаты душевных наблюдений по естественнонаучному методу*» (1893, 1918) [20], а также немецкий оригинал его работы «Естественнонаучные сочинения Гёте» (1883) и предваряющий эту работу Штейнера его «Очерк теории познания Гётевского мировоззрения, составленный принимая во внимание Шиллера» (1886, 1923) [18], подготовленный, судя по предисловию к первому изданию (1886), ещё до того (по крайней мере, в 1885 г.), вместе с упомянутой в предисловии к новому изданию (1923) неопубликованной тогда статьёй об атомизме (1882), — все они относятся именно к годам повышенной активности Солнца: 1882, 1883, 1885, 1892, 1893, 1918!

Аналогичным образом обстоит дело с самим Гёте, знаковые этапы жизни которого, отмеченные, в частности, И.И. Канаевым [2, с. 464–87], а именно такие, как первый замысел Фауста (1770–1771), участие в движении «Буря и Натиск» (1771–1772), начало выхода в свет первого собрания сочинений Гёте (1786), изучение инфузорий и других беспозвоночных (1786), разработка идеи метаморфоза растений (1786–1788), работа над Фаустом (1787–1788), издание «Метаморфоза растений» (1790), концепция позвоночной теории черепа (1790), «Опыт о форме тела животных» — фрагмент (1790), издание «Фауста» в виде фрагмента (1790), начало подготовки своего научного архива к изданию (1806), стихи «Метаморфоз животных» (1806), окончание I ч. «Фауста» (1806), возобновление интереса к метеорологии в связи с описанием форм облаков Говардом (1815), сборник «Вопросы естествознания вообще, преимущественно морфология» (Т. I. Вып. I, 1817), публикация «Елены», фрагмента II ч. «Фауста» (1826), издание переписки с Шиллером (1828–1829), стихотворение «Завещание» (1829), автобиографическая книга «Анналы» (1830), окончание II ч. «Фауста» (1831), окончание IV ч. «Из моей жизни. Поэзия и правда» (1831), «О спиральной тенденции роста у растений» и другие ботанические статьи в связи с изданием «Метаморфоза растений» на фран-

цузском языке в переводе Соре (1831), итоговая статья «Автор сообщает историю своих ботанических занятий» (1831), — все они приходится именно на годы повышенной солнечной активности: 1770, 1771, 1772, 1786, 1787, 1788, 1790, 1806, 1815, 1817, 1826, 1828, 1829, 1830, 1831!!

Судя по всему, с фазами солнечной активности, на которые приходится такие особенно знаковые для каждого мыслящего человека события, как его рождение и кончина, связана традиционная тетрада психологических типов людей [12].

При этом Штейнер (1861–1925), родившийся и скончавшийся в годы повышенной солнечной активности, как, кстати, и Шиллер (1769–1805), оказывается отнесенным к группе крайних «максималистов», или как бы принципиальных «сангвиников» полнокровного — «летнего» — типа, которые формулируют и ценят наиболее общие основы всего, а Гёте (1749–1832), родившийся в год повышенной солнечной активности, но скончавшийся в год ее пониженной активности, оказывается отнесённым к переходной группе от крайних «максималистов» к крайним «минималистам», т.е. попадает в группу принципиальных «меланхоликов» итогового — «осеннего» — типа, склонных прежде всего к дедуктивному нисхождению от общего к частному.

Показательно, что Ньютон (1643–1727), родившийся в год пониженной солнечной активности, но скончавшийся в год ее повышенной активности, оказывается отнесённым к переходной группе от крайних «минималистов» к крайним «максималистам», или как бы принципиальным «холерикам» пробуждающегося — «весеннего» — типа, склонным прежде всего к чисто индуктивному восхождению от частного к общему без измышления, как утверждал он, «каких бы то ни было гипотез».

Тот самый «индуктивный осёл Ньютон» [по известной характеристике Энгельса (1820–1895), относящегося, кстати, к той же переходной группе!], классическим основам естествознания которого дерзнул противопоставить свои *идеи* Гёте, сам относящийся, по моей классификации, к прямо противоположной переходной группе от крайних «максималистов» к крайним «минималистам»!!

Русские космисты К.Э. Циолковский (1857–1935), В.И. Вернадский (1863–1945) и А.Л. Чижевский (1907–1964), родившиеся и скончавшиеся в годы пониженной солнечной активности, относятся к группе крайних «минималистов», или к «флегматикам» холодного расчетливого — «зимнего» —

Г.М. Идлис и Г.Е. Куртик возле ГАИШ. Ноябрь 2008 г.

типа, в которую входит, кстати, Эйнштейн (1879–1955), сопоставлявший начало и конец всех исследований прежде всего не столько с тривиально необходимым согласием теоретических выводов с соответствующими непосредственными наблюдательными данными, сколько с внутренним совершенством самой используемой или искомой и формулируемой предельно общей теории. А вместе с Эйнштейном — целая когорта корифеев релятивистской и квантовой физики: Эренфест (1880–1933), Шрёдингер (1887–1961), Фок (1898–1974), Сциллард (1898–1964), Ферми (1901–1954), Гейзенберг (1901–1976), Дирак (1902–1984), Вигнер (1902–1995), наряду с такими политическими деятелями, как Черчилль (1874–1965), Сталин (1879–1953), Чан Кайши (1887–1975) и Гитлер (1889–1945) [12].

Сам я, будучи однолетником со своей покойной женой А.А. Зильберберг (1928–1999) и принимая во внимание характер своих работ, склонен относить себя к противоположной психологической группе крайних максималистов, в которую входят, наряду с Шиллером (1769–1805) и Штейнером (1861–1925), Маркс (1818–1883) и ... Иисус [12, с. 82–88].

Кстати, эта традиционная тетрада психологических типов вместе с известной триадой разделения мышления на логическое, образное (эмоциональное) и интуитивное (инстинктивное) составляют не что иное, как теоретически получаемые 12 равноправных типов мышления, характерных для обычных разумных индивидуумов с конечными индивидуальными потенциальными интеллектуальными возможностями, равноотстоящих по кругу друг от друга и аномально равноудалённых от особого центрального (нулевого или тринадцатого!) типа, характерного для Высшего Разума (Бога) с бесконечными возможностями, а также для так называемых «убогих» индивидуумов с, напротив, крайне ограниченными возможностями, причём в двух врожденных ипостасях — экстравертной или интровертной [12].

Литература

1. *Гёте И.В.* Фауст. Трагедия. Первая и вторая части / Пер. К.А. Иванова. — Санкт-Петербург: Имена, 2005. 648 с.
2. *Гёте Иоганн Вольфганг.* Избранные сочинения по естествознанию / Пер. с комментариями И.И. Канаева. — Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 556 с. (Серия «Классики науки»).
3. *Канаев И.И.* Гёте как естествоиспытатель. — Л.: Наука, 1970. 408 с.
4. *Штейнер Р.* Естественнаучные сочинения Гёте (1883) / Перепечатка самиздатовской копии русского перевода, сделанного неизвестным переводчиком. Редактор и наборщица, восстановившая нечитабельные места и отсутствовавшие строки по английскому переводу, — Р.Г. Идлис. С современным послесловием Г.М. Идлиса. В печати.
5. *Идлис Г.М.* В поисках истины: поэтические наброски творческой автобиографии... — М.: Агар, 2004. 190 с.
6. *Идлис Г.М.* Математическая теория НОТ и оптимальной структуры НИИ. — Алма-Ата: Наука Каз. ССР, 1970. 336 с. См. также 2-е изд. — М.: URSS (ЛКИ), 2007. 368 с.
7. *Идлис Г.М.* Единство естествознания по Бору и единообразные взаимосвязанные периодические системы физики, химии, биологии и психологии. I; II / Исследования по истории физики и механики. 1990; 1991–1992. — М.: Наука, 1990; 1997. С. 37–78; 101–187.

8. Кузнецов В.И., Идлис Г.М., Гутина В.Н. Естествознание. — М.: Агар, 1996. 384 с.
9. Буравихин В.А., Егоров В.А., Идлис Г.М. Биография электрона и его родословная. — М.: Агар, 1997. 240 с.
10. Кузнецов В.И., Идлис Г.М. Естествознание и образование: итоги перемен и неотложные задачи. — М.: Агар, 2005. 184 с.
11. Идлис Г.М. Концепции современного естествознания. Программа курса. — М.: РГГУ, 2008. 44 с.
12. Идлис Г.М. Космический — солнечный — пульс Жизни и Разума: Всему своё время... (Концепции современного естествознания). — М.: URSS (ЛИКИ). 2008. 216 с.
13. Идлис Г.М. Основные черты наблюдаемой астрономической Вселенной как характерные свойства обитаемой космической системы // Известия Астрофизического института АН КазССР. 1958. Т. VII. С. 39–54.
14. Идлис Г.М. Революции в астрономии, космологии и физике. 2-е изд. — М.: URSS («ЛИБРОКОМ»), 2009. 336 с.
15. Идлис Г.М. Высший Разум или Мыслящий Универсум как необходимый особый (предельный и вместе с тем исходный) эталонный фундаментальный структурный элемент материи / Взаимосвязь физической и религиозной картин мира (физики-теоретики о религии). Вып. 1 / Ред. д. ф.-м. н., проф. Ю.С. Владимиров. — Кострома: МИИЦАОСТ, 1996. С.126–127.
16. Barrow John D., Tipler Frank J. The Anthropic Cosmological Principle. With a foreword by John A. Wheeler. — Oxford: Clarendon Press, 1986. 706 + XX p.
17. Томилин К.А. Фундаментальные физические постоянные в историческом и методологическом аспектах. — М.: Физматлит, 2006. 368 с.
18. Штейнер Р. Очерк теории познания гётевского мировоззрения, составленный, принимая во внимание Шиллера (1886, 1923) / Разрешенный автором перевод [с немецкого] Н. Боянуса. — М.: Парсифаль, 1993. 144 с.
19. Штейнер Р. Истина и наука. Пролог к «Философии свободы» (1892) / Разрешенный автором перевод [с немецкого] Б.П. Григорова. — М.: Московский центр вальдорфской педагогики, 1992. 56с.
20. Штейнер Р. Философия свободы — основные черты одного современного мировоззрения. *Результаты душевных наблюдений по естественнонаучному методу* (1893, 1918) / Пер. Б.П. Григорова. Сверка и редакция, а также вступительная статья «Книга — мистерия» К.А. Свасьяна. — Ереван: Ной, 1993. 229 с.
21. Меклер Л.Б., Идлис Р.Г. Общий стереохимический генетический код — путь к биотехнологии и универсальной медицине XXI века уже сегодня // Природа. 1993. № 5. С. 24–63. Данная статья опубликована с предисловием академика В.Т. Иванова (с. 24), вместе с послесловием академика Д.Г. Кнорре и проф. М.А. Мокульского «Уникальная концепция. О работах Л.Б. Меклера и Р.Г. Идлис» (с. 63–65) и приложением д.б.н. и к.ф.-м.н. А.А. Замятнина «Протоколы испытаний теории нового кода» (с. 65–66), с заключением

авторов «Постскриптум — ответ акад. В.Т. Иванову» (с. 67–70) и вынесенными на внешние страницы обложки журнала цветными иллюстрациями! Воистину беспрецедентная для «Природы» — естественнонаучного журнала РАН — публикация!!

22. *Чижевский А.Л.* Земное эхо солнечных бурь. 2-е изд. — М.: Мысль, 1976. 368 с.
23. *Идлис Г.М.* Закономерная повторяемость скачков в развитии науки, коррелирующая с солнечной активностью // История и методология естественных наук. Вып. XXII. Физика. — М.: МГУ, 1979. С. 63–76.

Л.М. ГИНДИЛИС

*Государственный астрономический институт
им П.К. Штернберга, МГУ*

**ГРИГОРИЙ МОИСЕЕВИЧ ИДЛИС —
ЧЕЛОВЕК, УЧЕНЫЙ, МЫСЛИТЕЛЬ
(воспоминания о старшем товарище)**

С Григорием Моисеевичем Идлисом я познакомился в 1954 г. Я тогда учился на астрономическом отделении МГУ, и меня вместе с Димой Куртом (Владимир Гдальевич Курт) после окончания 4-го курса направили на преддипломную практику в Алма-Атинскую обсерваторию, которую в то время возглавлял Василий Григорьевич Фесенков. Там я и познакомился с Гришей Идлисом и его супругой Аней Зильберберг. Наше общение, в основном, происходило на волейбольной площадке, также в стенах института; иногда Идлисы приглашали нас, студентов-практикантов, к себе домой. Гриша только что закончил аспирантуру и, насколько я помню, уже завершил работу над диссертацией, которую он успешно защитил в ГАИШе в 1955 г. После окончания университета мне пришлось работать на Алма-Атинской обсерватории, где был установлен спектрограф Н.Н. Парийского для наблюдений противостояния и зодиакального света. Так что знакомство с Идлисом было продолжено. Не прекращалось оно и позже, когда спектрограф был перенесен в Высокогорную экспедицию ГАИШ, близ Алма-Аты. Мне часто приходилось бывать на обсерватории, а Гриша и Аня иногда приезжали в гости в экспедицию. Казалось бы, после успешной защиты кандидатской диссертации можно было немного расслабиться, отдохнуть, заняться обустройством жизни. Но Гриша сразу же сел за пишущую машинку (большая редкость в то время!) и начал писать докторскую. Пишущая машинка — не компьютер, и, если человек

садится за нее, чтобы писать диссертацию, значит, он уже все продумал и уверен, что исправлений будет немного.

В те годы Идлис выполнил серию блестящих работ по астрофизике, увенчавшихся защитой докторской диссертации (1964 г.). Одним из оппонентов по диссертации был Иосиф Самуилович Шкловский, которому было нелегко угодить. Но он очень высоко оценил эту работу. (Правда, впоследствии Шкловский довольно скептически относился к работам Идлиса, содержащим философские обобщения.)

В то время большинство ученых были убеждены, что задача науки, и астрономии в частности, объяснить, КАК устроен Мир. Идлис задался вопросом, ПОЧЕМУ он устроен так, а не иначе. Надо сказать, что он не один задумывался над этим вопросом. Известно высказывание А. Эйнштейна: «Что меня действительно глубоко интересует, так это — могли Бог создать мир иным?» Также и К.Э. Циолковский спрашивал себя: «Почему же все проявляется в той, а не в другой форме, почему существуют те, а не другие законы природы? Ведь возможны и другие...» Идлис попробовал решить этот вопрос, исходя из самого факта нашего существования. Анализ этой проблемы привел его к выводу, что мы наблюдаем не произвольную область Универсума, а ту, в которой существует познающий ее субъект, и в которой реализовались необходимые для его существования условия (1958). По существу, это была первая формулировка *антропного принципа*. Приблизительно в те же годы Абрам Леонидович Зельманов сформулировал этот принцип в виде следующего афоризма: «Мы являемся свидетелями процессов определенного типа потому, что процессы другого типа протекают без свидетелей». Надо признать, что обоснование антропного принципа с астрономических позиций было дано Г.М. Идлисом. Лишь десять лет спустя появилась известная статья Б. Картера, в которой и был введен термин «антропный принцип». Она послужила истоком для целой лавины работ, где антропный принцип был распространен за пределы астрономии как фундаментальный принцип мироздания, относящийся к самым его основам, включая и микромир.

В 1964 г. после переезда Василия Григорьевича Фесенкова в Москву Идлис был назначен директором Астрофизического института АН КазССР. Он продолжал свои научные исследования в области астрофизики, динамики звездных систем и космологии. В то же время, по необходимости, он должен был заниматься решением научно-организационных

проблем. Как теоретик Идлис не ограничился их практическим решением. Он стремился найти оптимальные стратегии научной организации труда (НОТ). К этому периоду относятся его первые статьи по НОТ, а также монография «Математическая теория научной организации труда и оптимальной структуры научно-исследовательских институтов» (Алма-Ата, 1970). Именно в этой работе, насколько я могу судить, Идлис впервые подошел к проблеме деления разумных индивидуумов на 12 типов по уровню их потенциальных интеллектуальных способностей. Впоследствии он использовал этот результат при развитии концепции единства законов материи на всех уровнях ее организации — от физического до ментального. Но эти работы выполнялись уже в Москве, в Институте истории естествознания и техники (ИИЕТ РАН).

После переезда Григория Моисеевича в Москву мы встречались с ним на семинарах, иногда перезванивались. Григорий Моисеевич дал согласие войти в Ученый совет Научно-культурного центра SETI, активно участвовал в работе семинара НКЦ SETI в ГАИШе, а в последнее время — в семинаре Секции проблем космического мышления и Живой Этики при Московском космическом клубе. Я не берусь судить о многогранной деятельности Идлиса в ИИЕТ. На меня наибольшее впечатление произвели его работы о единстве законов материи на всех уровнях ее организации. Впервые я услышал об этом в его докладе на симпозиуме в Вильнюсе в 1987 г., а уже позднее познакомился с его работами в этой области. Попытаюсь изложить, как я понял его идеи.

Следуя за Ньютоном, Идлис вводит в самые общие метафизические рассуждения о Природе математические начала, но уже с учетом квантовых представлений современной науки. Это позволило ему установить принципиальное единство фундаментальных законов строения материи на различных уровнях ее организации (физическом, физико-химическом, химико-биологическом и психологическом). Он показал, что все многообразие структурных форм материи на всех уровнях ее организации можно описать с помощью трех (и только трех!) универсальных характеристик, каждая из которых принимает ряд квантованных собственных числовых значений. Идлис называет их: интегральная I , дифференциальная D и спинальная S . На каждом уровне самоорганизации материи общее число значений для всех трех универсальных характеристик тождественно равно числу

фундаментальных структурных элементов материи на данном уровне, которые как раз и реализуют эти собственные значения. Такое удивительное соответствие, по-видимому, является одним из проявлений разумной, предопределенной гармонии Вселенной.

На физическом уровне фундаментальными структурными элементами являются лептоны, кварки и антикварки. Кварки и антикварки различаются электрическими и цветовыми зарядами. Имеется шесть типов кварков, шесть антикварков и четыре лептона (электронное нейтрино и антинейтрино, электрон и позитрон). Общее число фундаментальных структурных элементов равно $6 + 6 + 4 = 16$. Дифференциальная характеристика D сводится к цветовому заряду, интегральная I — к электрическому заряду, а спинальная характеристика S — к спину. Дифференциальная и интегральная характеристики принимают по 7 собственных значений каждая, а спинальная характеристика имеет два собственных значения. Общее число собственных значений $7 + 7 + 2 = 16$.

На химическом уровне фундаментальными структурными элементами являются эталонные химические элементы. Начиная с нейтрона и кончая идеальным элементом Id с атомным номером $Z = 118$: n , H, He, Li, Be, B, C, N, O, F, Ne, Ar, Kr, Xe, Rn, Id. На биологическом уровне фундаментальными структурными элементами являются стандартные генетически значимые аминокислотные и нуклеотидные основания, выступающие в качестве эталонных субмолекулярных биоорганических блоков. Наконец, на ментальном уровне это типичные разумные индивиды (психологические типы), различающиеся по характеру мышления — соотношением интуиции, логики и эмоций.

Существенно, что число возможных основных последовательных уровней организации материи не может быть произвольным. Их должно быть четыре (и только четыре!). А именно рассмотренные выше: физический, химический (точнее, физико-химический), биологический (или химико-биологический, биохимический) и четвертый, которому Идлис не сразу подобрал название: человеческий, биосоциальный, антропный, сознательный, разумный, психологический. Если три универсальные характеристики можно рассматривать как выражение троичности Мира, то четверку уровней самоорганизации материи можно ассоциировать со знаменитой тетрадой пифагорейцев. А в совокупности

они дают число семь. В соответствии с четырьмя уровнями организации материи Идлисом разработаны четыре *взаимосвязанные* периодические системы эталонных фундаментальных структурных элементов материи.

Первая (исходная) система, как мы видели, действует на физическом уровне и целиком основа на существующей классификации элементарных (точнее, фундаментальных) частиц — лептонов и кварков; она теоретически обосновывает все характерные величины всех элементарных лептонов и кварков исходного электронного поколения. Вторая система, действующая на химическом уровне, представляет собой модернизированную периодическую систему химических элементов Д.И. Менделеева; она подводит необходимые общетеоретические физические основы под периодическую систему элементов Д.И. Менделеева. Существенно, что на основе циклически замыкающейся системы атомных химических элементов Идлис предсказал существование *идеально*-го элемента Id с предельным атомным номером $Z_{\max} = 118$, который был впоследствии синтезирован в Дубне. Две последние системы фундаментальных структурных элементов, действующие на биологическом и психологическом уровнях, созданы Идлисом заново и представляют собой совершенно новый феномен в науке.

На каждом уровне имеются *ключевые элементы*, «открывающие» и «замыкающие» систему эталонных фундаментальных структурных элементов на этом уровне. Идея о ключевых элементах хорошо иллюстрируется стихотворением Идлиса с длинным названием: «Закон природы как некое необходимое общее правило со вполне возможными закономерными исключениями из него или особыми ключами к нему»:

Для всех бесспорных истин много ль, мало ли?
Воистину, как правило, нет правила
Без всяких *исключений* из него!
Во-первых, *исключения* того,
Которое, по самым общим правилам,
Не только *подтверждает* это правило,
Но служит одновременно *ключом*
Само же для *открытия* его —
Искомое закона или правила,
Всего их *Зámка* и *замкá*, как правило!!
А во-вторых, в конце концов, того,
Что *Зáмок* замыкает на *замóк!!!*

В физике *ключевыми элементами*, «открывающими» и «замыкающими» систему эталонных фундаментальных структурных элементов физической первоматерии, являются нейтрино и антинейтрино исходного электронного поколения.

В химии аналогичными ключевыми элементами являются нейтрон и антинейтрон, Идлис обращает внимание на то, что Д.И. Менделеев с самого начала считал, что периодическая система химических элементов должна начинаться *не с водорода*, а с некоего гипотетического наилегчайшего «эфирного» элемента. Однако он не решился обременить свою систему, не всеми и не сразу признанную, еще допущением о существовании гипотетического элемента.

В биологии ключевыми элементами являются простейший глициновый аминокислотный остаток и особый пролиновый аминокислотный остаток. Из этой системы также вытекает, что общими жизненно необходимыми элементами, входящими в состав каждого из стандартных — генетически значимых — биоорганических блоков, могут и должны быть *только* водород (H), углерод (C), азот (N) и кислород (O). Кроме того, в некоторые функционально выделенные блоки могут входить (и действительно входят!) фосфор (P) или сера (S).

Наконец, на ментальном уровне организации материи, еще по существу незатронутым наукой, Идлис подвел необходимые общетеоретические (биофизические) основы под единую периодическую систему эталонных ментальных элементов, обосновав существование периодической циклически замыкающейся системы ментальных элементов. Ключевым элементом в этой системе является, «божественно всемогущий Высший Разум (Бог)» с бесконечными потенциальными возможностями, которым соответствует нулевое значение характеристик $D(0) = I(0) = 0$. Остальные теоретически предсказанные типы мышления, числом 12, циклически замыкаются вокруг исходного (нулевого) уровня, образуя двенадцатиугольник. Число 12 является совершенным в пифагорейской математике. Как подчеркивает Идлис, Высший Разум «необходим для полной гармонии всех фундаментальных структурных элементов материи». Но в отличие от последних, он «заведомо не может быть продуктом ее естественной самоорганизации, а выступает в качестве всеобщего *первоначала* и *предела*, оставаясь, однако, несмотря на эти две свои ипостаси, принципиально единым, самотож-

дественным и неизменяемым». Важно подчеркнуть, что все выводы, относящиеся к Высшему разуму, получены Идлисом без всяких ссылок на какие бы то ни было философские системы, исключительно на основе строго научного математического подхода.

Интересно отметить, что по суммарному числу собственных значений для всех трех универсальных характеристик, а также по тождественно равному ему числу структурных элементов материи рассматриваемые уровни разделяются на две пары. Два нижних уровня, не имеющих непосредственного отношения к Жизни и Разуму, и два верхних, связанных с Жизнью и Разумом. Для первой пары уровней эти суммарные числа равны 16, а для второй 28.

Когда в СССР начались работы по поиску внеземных цивилизаций, Идлис, по складу своего ума, не мог остаться в стороне от этой проблемы. Помню наши плодотворные беседы на эту тему. Идлис был участником первой советско-американской конференции SETI в Бюракане (1971), участником Зеленчукской школы-семинара SETI (1975), Всесоюзного симпозиума «Вильнюс: SETI-87». Его немногочисленные, но очень глубокие работы по проблеме внеземных цивилизаций сохраняют свое значение до настоящего времени.

В 1975 г., анализируя закономерности развития космических цивилизаций, Идлис развил идеи об информационной экспансии цивилизаций в другие макромиры. Поскольку экстенсивное техническое развитие цивилизаций, даже в случае их экспансии в космическое пространство, не может продолжаться достаточно долгое время, возникает трудность с реализацией их познавательной деятельности. По мнению Идлиса, познавательная функция цивилизаций является основополагающей, по мере развития цивилизаций она должна усиливаться. Если на ранних стадиях цивилизация познает окружающий мир, чтобы обеспечить себе выживание в этом мире, то в дальнейшем она переходит «от познания ради жизни к жизни ради познания». Познавательная функция должна развиваться экспоненциально. Идлис видит глубинное обоснование этого закона в теореме Геделя. Но как обеспечить постоянное экспоненциальное развитие познавательной функции, учитывая ограниченность технического развития цивилизаций? Идлис предлагает нетривиальное решение: цивилизации должны развиваться не «наружу» в космическое пространство, а «внутрь». В глубины материи, в другие соприкасающиеся с нашим

миром квазизамкнутые миры, используя в качестве «туннелей» для проникновения в эти миры элементарные частицы нашего мира. Конечно, в этом случае речь может идти только об *информационном* проникновении. На основании этих идей Идлис пришел к выводу, что жизнь на Земле, по всей вероятности, возникла не случайно, а в результате разумной деятельности (информационного проникновения) некоторой неизмеримо более развитой цивилизации из соседнего квазизамкнутого макромира. Это очень интересная конкретизация идей К.Э. Циолковского о посеве жизни, а также идей Ф. Крика и Л. Оргела о направленной панспермии.

Изложенные представления основаны на концепции *макро-микросимметрии* Мира, согласно которой каждый квазизамкнутый макромир, подобный нашей Вселенной, при наблюдении извне (из другого подобного макромира) представляется элементарной частицей этого мира, а сам этот мир, в свою очередь, является элементарной частицей первого мира. Получается система «взаимопроникающих» миров. В Едином, Вечном и Беспредельном Космосе содержится неисчислимое множество таких миров-вселенных. И каждая частица любого такого мира потенциально содержит в себе весь структурно неисчерпаемый материальный Космос. Опираясь на идеи М.А. Маркова о фридмонах, Идлис развивает концепцию макро-микросимметрии Мира в ряде своих работ (см., например, Г.М. Идлис. «Революция в астрономии, физике и космологии»).

В заключение мне хотелось бы остановиться на последней книге Г.М. Идлиса «Космический — солнечный — пульс жизни и разума: всему свое время...». Первое издание ее вышло в 2008 г., а второе в 2010 г., незадолго до ухода Григория Моисеевича из жизни.

Формально книга посвящена проблеме корреляции творческой активности людей (на примере ученых) и физической активности Солнца (*солнечной активности*). Но фактически в ней рассматривается такое множество вопросов, что тематику книги определить трудно. В ней, в частности, затрагивается и проблема единства законов материи на всех уровнях ее организации, о которой говорилось выше [соответствующий раздел в книге называется: «На пути от всех естественных — так называемых точных — наук к их ключевой (исходной и заключительной) метанауке и к истинной духовной науке»]. В какой-то мере, книга подводит итог большого творческого пути, пройденного автором.

Книга открывается несколькими стихами автора: «Memento Mori», «Credo ученого», «Молитва автора», «Все начиналось с Библии», «Время». Последнее стихотворение позволяет понять смысл подзаголовка к книге: «всеу свое время...». Речь идет о времени разбрасывать и времени собирать камни. Идлис говорит о том, что время разбрасывать камни недавно минуло в прошлое. Наступает новое время, время синтеза, время собирать камни. «Вычленишь камни из глины, освободить их от тины, соединить воедино! Мастерски!! Несокрушимо!!!».

Переходя к сути проблемы, Идлис обращает внимание на два обстоятельства: 1) всплески особой *творческой активности* наиболее выдающихся ученых, как правило, совпадают с циклически повторяющимися всплесками *солнечной активности*; 2) даты рождения и кончины таких ученых приходятся, в зависимости от их психологического склада (типа мышления), на различные фазы солнечной активности. Как уже отмечалось выше, Идлис подразделяет разумные индивидуумы по психологическому складу мышления на 12 типов, которые, как он отмечает, невольно перекликаются с 12 знаками Зодиака или с 12 месяцами *лунно-солнечного* календарного года. Их можно разбить на 4 группы (по три типа в каждой группе), сопоставляя каждую группу с соответствующим сезоном года: весна, лето, осень, зима. Каждый из выделенных таким образом *четырёх* основных психологических типов можно связать с уровнем солнечной активности, приходящимся на даты рождения и смерти рассматриваемых разумных индивидуумов.

К первому типу относятся люди, родившиеся в эпоху минимума солнечной активности и скончавшиеся в эпоху максимума. Это первый переходный тип от крайних минималистов к крайним максималистам. Их можно ассоциировать с пробуждающимся «весенним» типом (I). Эти люди склонны к чисто индуктивному восхождению от частного к общему. Типичным примером является И. Ньютон.

Ко второму типу Идлис относит людей, родившихся и скончавшихся в годы максимума солнечной активности. Это крайние максималисты «летнего» типа (II). Они ценят и формулируют прежде всего наиболее общие исходные принципы (аксиоматические основы) всего естествознания. Примером является М. Планк.

Третий тип образуют люди, родившиеся в эпоху максимума солнечной активности и скончавшиеся в эпоху мини-

му. Это второй переходной тип от крайних максималистов к крайним минималистам — «осенний» тип (III). Люди этого типа склонны прежде всего к дедуктивному нисхождению от общего к частному. Типичный представитель — Н. Бор.

Наконец, к четвертому типу относятся люди, родившиеся и скончавшиеся в годы минимума солнечной активности. Это крайние минималисты «зимнего» типа (IV). Для них не столь важно сопоставление теоретических выводов с наблюдательными данными, сколько внутреннее совершенство используемой или искомой и формулируемой предельно общей теории. Типичный представитель А. Эйнштейн.

Сопоставляя выделенные им типы с четырьмя традиционными психологическими типами (первый тип — холерики, второй — сангвиники, третий — меланхолики, четвертый — флегматики), Идлис подчеркивает, что такое сопоставление следует понимать условно.

Для статистики Идлис использовал выборку из 132 выдающихся ученых, из которых 49 являются лауреатами Нобелевской премии. Распределение их по четырем психологическим типам определяется соотношением: $N = N_1 + N_2 + N_3 + N_4 = 33 + 25 + 32 + 42 = 132$, что с точностью до 10 % совпадает с математически ожидаемой их численностью. Чрезвычайный интерес представляют комментарии автора к выборке ученых. В результате анализа Идлис приходит к выводу, что ученые, входящие в ту или иную группу, соответствуют необходимым критериям не только по факту своего рождения и смерти, но и по существу — по соответствующим психологическим особенностям своей научной деятельности.

Для изучения корреляции творческой активности ученых с солнечной активностью Идлис использовал выборку из 757 научных достижений, отмеченных в биографическом справочнике Ю.А. Храмова «Физики». Из них 438 падают на период повышенной солнечной активности. Детальный математический анализ показывает, что отклонение относительной величины $438/757 = 0,579$ от математического ожидания превосходит утроенную дисперсию соответствующего нормального распределения. То есть корреляция является статистически надежной.

Очень интересен раздел о когортах корифеев естествознания. Идлис рассматривает матрицу из 25-и корифеев естествознания:

Пифагор	Анаксагор	Сократ	Платон	Аристотель
Галилей	Кеплер	Декарт	Гюйгенс	Ньютон
Лейбниц	Кант	Гаусс	Фарадей	Максвелл
Менделеев	Пуанкаре	Планк	Резерфорд	Эйнштейн
Нильс Бор	Шредингер	Гейзенберг	Дирак	Гедель

Он дает лаконичную характеристику основных идей каждого из них. Данная последовательность корифеев естествознания, отмечает Идлис, является вполне обоснованной, по крайней мере, в двух отношениях. Во-первых, *исторически*, как хроника, во-вторых, *логически*, так как члены этой последовательности, как правило, в чем-то прямо противостоят своим непосредственным предшественникам, но в результате выдвигают все более глубокие концепции.

В ряде разделов рассматриваются: взаимоотношения поколений, учителя и ученики; психологические типы некоторых государственных и общественных деятелей и др. Я не буду останавливаться на этих вопросах. Вернемся к статистике.

Идлис рассмотрел статистику рождаемости, смертности и продолжительности жизни для рассматриваемой выборки выдающихся ученых. Установленные им связи солнечной активности с продолжительностью жизни позволяют дать прогноз окончания жизни. Давать такой прогноз для ныне живущих ученых Г.М. Идлис считал неэтичным, но он попытался проверить его на себе, определив критический год своей жизни $t_{кр} = 2013 \pm 1$ г. Он немного не дожил до этого срока. Отдадим же должное мужеству ученого и отсутствию у него предрассудков: ведь не каждый согласится обсуждать сроки своей жизни.

В книге дается и анализ собственной творческой активности автора, в том числе ее циклических вариаций. Идлис считает, что генеральная линия его научной деятельности — от частного к общему и обратно. Свой путь в науке он делит на пять периодов.

В первый период (1951–1961) он занимался астрофизикой, космогонией, космологией.

Во второй период (1962–1972) после назначения заместителем директора, а потом директором Астрофизического института в Алма-Ате он продолжал свои научные исследования в области астрофизики, динамики звездных систем и космологии. В то же время, по необходимости, он должен был заниматься решением научно-организационных проблем. Идлис не ограничился их практическим решением,

стремясь теоретически найти оптимальные стратегии научной организации труда (НОТ), о чем уже говорилось выше. Занимаясь науковедением, Идлис стремился превратить его в настоящую науку, аксиоматически оформленное наукознание, родственное точному естествознанию.

В *третий период* (1972–1985) Идлис занимался в ИИЕТ традиционными историко-научными исследованиями.

В *четвертый период* (1985–1997), который Идлис считает наиболее продуктивным, он сосредоточил все свои творческие усилия на выявлении и обосновании единых начал всего естествознания.

В *последний, пятый, период* он занимался внедрением единых начал естествознания в читаемый им курс «Концепция современного естествознания» и созданные при его участии учебные пособия по этому курсу.

Анализируя собственное творчество, Идлис признается, что, если ему доведется активно функционировать в течение следующего периода солнечной активности, то он хотел бы посвятить следующий — шестой — период своей творческой активности «необходимому переходу от традиционного естествознания и его истории к непосредственно осознаваемой духовной метанауке...». Но ему не суждено было осуществить эти планы.

В ряде поздних работ Идлиса строгое математическое изложение соседствует со стихами автора, которые призваны оттенить и ярче выразить его мысль. О стихах Идлиса следует сказать особо. Начиная с юношеских стихов 1944 г., посвященных девушкам партизанкам, стихи сопровождали его всю жизнь. Красивые по форме и глубокие по содержанию. Он посвящал их своим учителям, отдельным ученым, разнообразным научным и философским проблемам. И это неудивительно. Ибо поэтический язык с его образностью, иносказаниями, метафорами, сокровенными смыслами, порой позволяет проникнуть в суть вещей глубже, чем строгий язык науки.

Чрезвычайно интересны его глубокие комментарии к известному четверостишью Киплинга (см. *Идлис Г.М.* Универсальные материальные и ментальные основы Вселенной / Космический разум: проблемы и суждения. — М.: 2008. С. 95–126):

I have six honest serving men.
They taught me all I knew.

Their names are What, and Why, and When,
And How, and Where, and Who.

Русскоязычному читателю это стихотворение известно в литературном переводе С. Маршака, не вполне точном. Идлис дает собственный точный перевод, сохраняя принятую Кипплингом последовательность вопросов:

Шесть слуг, которыми всегда
Мне все вокруг дано,
суть ЧТО, ИЗ-ЗА ЧЕГО, КОГДА
и КАК, и ГДЕ, и КТО.

Стихотворение, несомненно, имеет глубокий философский смысл. Идлис придает ему большое значение и подробно обсуждает его содержание. В конце концов, он останавливается на варианте, содержащем не шесть, а семь вопросов:

Семь слуг, которыми мне так
Все непосредственно дано —
ЧТО, ПОЧЕМУ, ЗАЧЕМ и КАК,
КОГДА и ГДЕ, и КТО.

Приведу еще заключительные строки из его «Credo ученого»:

Хочешь дерзать
Знать —
Должен уметь
Сметь!

Задумываясь об итогах жизни, Григорий Моисеевич написал такие слова:

Я сделал
Что мог.
Кто может,
Пусть сделает лучше.
Так все же,
Каков на сегодня итог?
Над целым
Господствует Бог,
А не случай.

Чем закончить эти воспоминания? Всегда уравновешенный, доброжелательный, готовый к обсуждению научных и философских проблем, ищущий истину, Григорий Моисеевич Идлис являл пример настоящего ученого.

Вл.П. ВИЗГИН

*Институт истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН*

Г.М. ИДЛИС И ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ¹

Переоценка всех теорий:
Универсальный статус СТО,
Спасаящий нас от апорий,
И лишь локальный смысл ОТО.

Г.М. Идлис [1. С.9]

Введение

Мне очень хотелось, чтобы в подборке материалов, посвященных памяти Григория Моисеевича Идлиса (в дальнейшем — Г.М.), была и моя статья. Но время воспоминаний еще не пришло, а от большинства проблем, которые его волновали в последние десятилетия, я достаточно далек. И я решил написать о том, как он понимал релятивистскую, или, как он говорил, эйнштейновскую революцию. Беглый же просмотр текстов Г.М. прежде всего его монографии «Революции в физике, астрономии и космологии» (1985) [2], показал, что собственно историю релятивистской революции Г.М. не изучал и понимал ее достаточно стандартно. Тогда я подумал, что было бы интересно обсудить его отношение к специальной и общей теориям относительности (СТО и ОТО), тем более, что мне казалось, что здесь у меня с ним были какие-то расхождения. Я надеялся, что удастся сделать это, не вникая в проблематику, связанную с антропным принципом, его космологическими представлениями и,

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 09-06-00246а).

«Королевский гамбит» (Г.М. Идлис и Вл.П. Визгин, 2003 г.)

особенно, с его периодическими системами основных структурных элементов в физике, химии, биологии и психологии. Вскоре я увидел, что позицию Г.М. в отношении теории относительности нельзя понять, не рассмотрев его ранние работы, особенно по космологии и антропному принципу. Очень важными оказались также некоторые научно-биографические обстоятельства, прежде всего его принадлежность к тому направлению в интерпретации теории относительности, которое представляли В.А. Фок и А.Д. Александров, и начало его работы в Астрофизическом институте АН КазССР под руководством В.Г. Фесенкова, которого он, как и Александрова, считал своим учителем. Кроме того, Г.М. был весьма склонен к философско-методологическому анализу научного знания, как и его учителя Фок и Александров. И здесь он, как и они, был приверженцем «просвещенного диалектического материализма», не вступающего в противоречие с новейшими научными теориями. И это тоже оказалось существенным при рассмотрении обсуждаемого вопроса. Поэтому центр тяжести моего очерка, фактически сместился от «эйнштейновской революции» в сторону «пост-эйнштейновской революции», которую Г.М. во многом связывал со своими собственными, в основном космологическими, представлениями. В итоге это привело к разъяснению его взглядов на теорию относительности и соотношение СТО и ОТО, а заодно —

к выявлению некоторых факторов его научного творчества в целом. Забегая вперед, замечу, что основной вывод, касающийся этого соотношения, к которому пришел Г.М., кратко и четко сформулирован в четверостишии из его «Поэтических набросков творческой автобиографии. Итоги» (см. эпиграф). Этот вывод выглядел достаточно парадоксально. В дальнейшем мы попытаемся понять, как Г.М. пришел к нему.

Эйнштейновская революция

Г.М. считал, что в физике, астрономии и космологии были четыре научные революции: «аристотелевская (геоцентризм), ньютоновская (гелиоцентризм или даже полицентризм), эйнштейновская (преодоление всякого центризма) и пост-эйнштейновская (антропоцентризм)» [3. С. 321]. Эйнштейновская революция, заключающаяся прежде всего в создании СТО и ОТО, стала беспрецедентным триумфом теоретико-физической мысли. Она радикально преобразовала классические представления о пространстве, времени, массе, энергии, гравитации. В итоге эти теории стали мощным теоретическим ресурсом не только в физике, но и в астрономии и космологии. При этом основные общерелятивистские космологические модели (Эйнштейна, де Ситтера, А.А. Фридмана и др.) не имели каких-либо общих центров или осей вращения. Именно это имел в виду Г.М., когда говорил о преодолении всякого центризма «в эйнштейновской» революции [2. С.54].

После признания теории горячей Вселенной Г.А. Гамова, в 1950–1960-е годы, большинство физиков и космологов стали говорить не столько о Метагалактике (как наблюдаемой части Вселенной), сколько о самой Вселенной. Имеется интересный фрагмент воспоминаний Л.П. Грищука об этом важном терминологическом аспекте космологии, касающийся Я.Б. Зельдовича и его астрофизической школы в 1960–1970-е годы: «Помню, в одной нашей давней совместной работе Яков Борисович предлагал везде заменить слово “Метагалактика” на “Вселенная”... Он предлагал не бояться сразу говорить о Вселенной и т.д.» [4. С. 301]. Большинство теоретиков считало фридмановскую «расширяющуюся Вселенную», основанную на ОТО, фундаментом учения о Вселенной в целом. И это было венцом эйнштейновской революции.

Итак, в астрофизике и космологии, где господствовало одно из четырех фундаментальных взаимодействий, а имен-

но гравитация, ОТО, пришедшая на смену классической механике и классической теории тяготения, а также породившая теорию «расширяющейся Вселенной», считалась единственной теоретической основой. СТО определяла лишь локальное устройство общерелятивистского четырехмерного псевдориманова пространства-времени.

В макро- и микромирах структура пространства-времени определялась СТО, а законы движения микрообъектов — квантовой механикой. Говоря об эйнштейновской революции в физике, Г.М., фактически, отодвинул на второй план квантовую часть этой революции, в которую Эйнштейн также внес существенный вклад, особенно на ранней стадии формирования квантовой теории.

Об астрономических применениях теории относительности

Когда Г.М. пришел в ИИЕТ, он предполагал заниматься науковедческой и наукометрической тематикой [5], но ему пришлось обратиться к истории астрономии и космологии. Я же в это время занимался историей теории относительности. Тогда же он подарил мне несколько оттисков своих ранних работ по применению этой теории в астрономии, которые мне показались несколько специальными и далекими от магистрального направления эйнштейновской революции. Не без труда разыскав и заново прочитав их, я увидел, что Г.М. вполне профессионально как физик-теоретик владел ОТО и применял ее для изучения ряда астрономических явлений [6–10]. Так, в конце 1950–середине 1960-х годов он вместе со своими учениками (дипломниками и аспирантами) на основе двух общерелятивистских эффектов — отклонения световых лучей и красного смещения спектральных линий в гравитационном поле — рассчитывал массы космических объектов (прежде всего галактик) [6], изучал силовое взаимодействие массивных излучающих тел [7], а также видимое сжатие далеких сферических компонент кратных галактик [8]. Фактически уже в этих работах он (с соавторами) использовал идею Ф. Цвикки о возможности рассматривать галактики как гравитационные линзы и использовать гравитационное линзирование во внегалактической астрономии [8, 10]. В 1979 г. впервые наблюдался эффект гравитационной линзы: был обнаружен квазар, который благодаря этому эффекту поначалу считался двойным.

На юбилейной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения О.Д. Хвольсона, Г.М. выступил с докладом «Эффекты гравитационных линз (от Эйнштейна и Хвольсона до современности)», в котором также рассказал о своих работах (вместе со своими учениками) по изучению возможностей метода гравитационной линзы в астрономии [11]. В этом же докладе он рассказал о том, что, когда на семинаре В.Л. Гинзбурга в ФИАНе обсуждалось открытие упомянутого квазара, воспринятое как научная сенсация, «руководитель семинара искренно удивился, когда я заметил, что сам по себе эффект гравитационной линзы для галактик был обнаружен и использован нами для определения их масс задолго до этого — еще в 1962 г.» [Там же. С.196].

Космология — «фундамент всего теоретического естествознания»

Более точно и развернуто это утверждение Г.М. таково: «Именно космология должна стать (и становится!) постоянно совершенствуемым фундаментом — систематически развиваемой логической основой — всего теоретического естествознания» [12. С. 125]. Эти слова относятся к середине-концу 1990-х годов, но эта же мысль содержалась в одной из первых его работ по космологии, опубликованной в 1961 г. [13]. Конечно, такая точка зрения достаточно необычна. Более распространена, является почти стандартной, противоположная позиция: теоретической основой космологии всегда были и являются фундаментальные физические теории, в настоящее время это прежде всего релятивистские теории пространства, времени и тяготения, фактически ОТО. Правда, в последние десятилетия астрономия и космология привели к ряду открытий (ускоренное расширение Вселенной, темные материя и энергия и т.п.), которые могут радикально преобразовать основы теоретической физики.

Первая космологическая работа Г.М. «Теория относительности и структурная бесконечность Вселенной» (1956) [14] была в русле того направления, которым с 1920–1930-х годов занимался его учитель В.Г. Фесенков, а именно, в русле так называемой иерархической концепции Ламберта–Шарлье [15. С. 340–344]. Основной вывод работы Г.М. сформулировал в аннотации: «Анализируется гравитационная космологическая проблема, приводятся аргументы против концепции однородной Вселенной (основанной на модели

А.А. Фридмана. — В.В.). Показывается, что, с точки зрения теории относительности (именно СТО. — В.В.), Вселенная без каких-либо априорных ограничений типа условий Шарлье или Эйгенсона может быть *бесконечной в пространстве и во времени, не приводя ни к какому гравитационному парадоксу* (курсив мой. — В.В.)» [14. С. 622]. Этот результат достигался благодаря учету суммарного релятивистского дефекта масс. Бесконечность иерархической системы в пространстве и времени при использовании релятивистского соотношения между массой и энергией означала принятие в качестве основной пространственно-временной структуры бесконечного «плоского» мира Минковского в качестве фундамента космологии, т.е. не ОТО, а СТО. «Конечные однородные релятивистские модели с отличной от нуля плотностью массы, — добавлял Г.М., — могут претендовать на приблизительное описание Метагалактики, но отнюдь не всей Вселенной в целом» [Там же. С. 626].

Отношение Г.М. к фридмановским однородным моделям вполне согласуется с соответствующей позицией В.А. Фока, высказанной им в вышедшей в 1955 г. монографии «Теория пространства, времени и тяготения»: «Прежде всего неправильно видеть в нем (пространстве Фридмана–Лобачевского. — В.В.) какую-то «модель мира в целом»: такая точка зрения представляется неудовлетворительной в философском отношении... Самый же факт «разбегания» галактик настолько хорошо установлен, что сомневаться в нем не приходится... Поэтому нам представляется несомненным, что изложенная здесь теория Фридмана является важным шагом в изучении пространств космических масштабов» [16. С. 464–465].

Цитированная выше первая космологическая работа Г.М. примечательна во многих отношениях:

1) она открыла путь к концепции бесконечной во времени и пространстве Вселенной и соответственно множественности миров, одним из которых является «наш мир», отождествляемый с нашей Метагалактикой и описываемый моделью «расширяющейся Вселенной» Фридмана;

2) эта концепция вела к проблеме выделенности именно нашей Метагалактики среди множества других миров и, таким образом, к антропному принципу, к которому Г.М. пришел в следующем, 1957 г.;

3) именно эта работа послужила космологическим основанием для пересмотра соотношения СТО и ОТО, согласно которому СТО приобретала более универсальный статус по

сравнению с ОТО, получающей лишь локальный (метагалактический, но не вселенский!) смысл;

4) новая космологическая концепция, по мнению Г.М., лучше согласовывалась с принципами диалектического материализма, что было прямо отмечено в статье;

5) и статья Г.М., и космологическая концепция, намеченная в ней, свидетельствовали прямо или косвенно, о том, что он развивал идеи своих учителей В.А. Фока, А.Д. Александрова и В.Г. Фесенкова.

Первые три пункта, лежащие в основе космологической концепции Г.М., составили ядро того, что он называл пост-эйнштейновской революцией. К нему несколько позже добавилась идея макро-микросимметричной Вселенной. Последующие два пункта позволяют понять генезис этой концепции. Остановлюсь на них несколько более подробно.

Ученик и последователь

В.А. Фока, А.Д. Александрова и В.Г. Фесенкова

Г.М. считал себя непосредственным учеником двух выдающихся ученых, академиков — математика А.Д. Александрова (член-корр. АН СССР с 1946 г., академик с 1964 г.) и астронома В.Г. Фесенкова (академик с 1935 г.). Косвенно же, через посредство А.Д. Александрова, который в области теоретической физики и ее философской проблематики был учеником замечательного отечественного физика-теоретика, академика В.А. Фока, а также ученицы Фока Н.М. Петровой, которая в конце 1940–начале 1950-х годов заведовала кафедрой теоретической физики Казахского университета и руководила дипломной работой Г.М. по математике. Он был, если и не учеником Фока, то, несомненно, его последователем [17, 18].

В.А. Фок внес значительный вклад и в квантовую теорию, и в ОТО [19–22]. Решив, параллельно с Эйнштейном и его соавторами Л. Инфельдом и Б. Гоффманом, задачу о получении уравнений движения массивных тел из уравнений гравитационного поля, он пришел к нескольким важным выводам принципиального характера в отношении ОТО. Прежде всего физическую относительность он связал не с общим принципом относительности, а с наличием в этой теории целого класса привилегированных систем координат, названных им гармоническими, которые всегда можно ввести в случае островного распределения масс (что, как прави-

ло, имеет место в задачах астрономии). Он также подверг критике и принцип эквивалентности, подчеркнув его локальность, а также эвристический, а вовсе не аксиоматический характер [23–25]. Фок не нашел понимания среди большинства теоретиков, по крайней мере, в 1940–1950-е годы. А.Д. Александров же был одним из немногих, кто с самого начала полностью разделял эти взгляды Фока на основы ОТО [26]. Одновременно Фок боролся с огульным отрицанием теории относительности и квантовой механики механически мыслящими физиками и философами [19–23]. А.Д. Александров со студенческих времен изучал теоретическую физику под руководством В.А. Фока в ЛГУ и ГОИ и только во второй половине 1930-х переключился на математику, занимаясь, в основном, геометрией. С конца 1940-х годов он вовлекается в обсуждение принципиальных и теоретико-познавательных проблем квантовой механики и теории относительности. «На время войны, — вспоминал он, — моя связь с Фоком прервалась, и она восстановилась, когда после войны мы вместе действовали в философском семинаре на физическом факультете» [27. С.278]. Под влиянием Фока Александров занялся математическими и методологическими вопросами СТО и разработал ее абсолютистскую интерпретацию. Сначала он дал новый вывод преобразований Лоренца «из представления о том, что в 4-мерном пространстве распространение света представляется конусом с вершиной в источнике» [Там же], показав, отчасти совместно со своей аспиранткой В.В. Овчинниковой, что «пространственно-временная структура мира есть не что иное, как его причинно-следственная структура, взятая лишь в соответствующей абстракции» [30. С. 117]. А затем более обстоятельно развил на этой основе СТО «как теорию абсолютного пространства-времени», сделав пространственный доклад на знаменитом Всесоюзном совещании по философским вопросам естествознания (1958) [31]. Этой работой, как считали сам Александров и впоследствии Г.М., был заложен не только философско-методологический, но и аксиоматический фундамент СТО. Как писал ученик А.Д. Александрова А.К. Гуц в своих воспоминаниях о нем: «Когда же придет время построения аксиоматической теории (СТО. — В.В.), то в основу достаточно будет положить идеи, предложенные в работах А.Д. Александрова [11, 15] (т.е. [31–32]. — В.В.)» [33. С. 115].

Таким образом, и Фок, и Александров были увлечены философско-физической проблематикой, оставаясь при этом

безусловными сторонниками диалектического материализма, или, лучше сказать, просвещенного диалектического материализма, стоящего на страже современных физических и математических теорий [19, 21, 26, 27]. Заметим, что в эти годы труды Александрова получают признание и растет его авторитет: в 1946 г. его избирают членом-корреспондентом АН СССР, в 1951 г. он вступает в КПСС, получает престижную премию им. Н.И. Лобачевского, в 1951 г. назначается ректором ЛГУ.

Г.М. как раз в 1946 г. поступает на физфак ЛГУ; затем, переехав вместе с родителями в Алма-Ату, продолжает свое образование на физмате КазГУ и заканчивает его в 1951 г., выполнив две дипломные работы: по теоретической физике — о геомагнитных эффектах космических лучей и по математике — о гармонических системах координат в ОТО [29. С. 37–38]. Вторая работа выполнялась под руководством доцента Н.М. Петровой, в то время заведующей кафедрой теоретической физики, а ранее ученицы и аспирантки Фока, защитившей кандидатскую диссертацию по выводу уравнений движения из уравнения гравитационного поля в 1940 г. (эта работа впервые была опубликована в ЖЭТФе в 1949 г.).

Работа Идлиса «Об инерциальности гармонических систем координат в общей теории относительности» была оценена очень высоко и рекомендована к публикации. В «Заключении» Г.М. выражал благодарность Петровой и Фоку за обсуждение и критические замечания. Выводы, сделанные в работе, подтверждали «кардинальное утверждение В.А. Фока о существовании привилегированного класса координатных систем в ОТО», «переходящих на бесконечности и в плоском пространстве в обычные инерциальные декартовы координаты с евклидовой метрикой» [29. С. 49]. Три последних вывода, сделанных Г.М., подтверждали фоковскую интерпретацию ОТО (ОТО «не является теорией относительности ускорения», «спор между системой Коперника и системой Птолемея... однозначно решается в пользу системы Коперника» и привилегированные системы координат позволяют отделить гравитационное поле от поля фиктивных сил, вызванных неинерциальностью систем координат) [Там же].

«Первая любовь» (теоретико-физическая, релятивистская) и верность учителям во многом определили отношение Г.М. к теориям относительности и его космологические воззрения, которые он неоднократно формулировал в 1980–2000-е годы [2, 3, 12].

«Фактически теория относительности, — говорилось в последней совместной статье Г.М. и Александрова о Фоке, увидевшей свет вскоре после смерти Александрова, — может и должна рассматриваться как теория абсолютного пространства-времени, которое, вообще говоря, является неоднородным (искривленным), но в среднем (при отвлечении от возможных локальных особенностей, т.е. при усреднении по всей бесконечной структурно неисчерпаемой Вселенной) или, во всяком случае, в пределе (на бесконечности) становится максимально однородным («плоским»), причем пространственно-временная структура мира определяется его причинно-следственной структурой, т.е. системой отношений воздействия одних мировых явлений или событий на другие» [18. С. 37].

Конечно, благодаря своему второму учителю, В.Г. Фесенкову, Г.М. стал астрономом, под его руководством защитил кандидатскую диссертацию «Космические силовые поля и некоторые вопросы структуры и эволюции галактической материи» (1954). Несомненно, что под влиянием Фесенкова Г.М. обратился к космологии, именно к иерархическим моделям типа Ламберта–Шарлье, которые его учитель разрабатывал с 1918 г. [15. С. 340–344]. Кроме того, Фесенков с 1920-х годов проявлял большой интерес к применениям ОТО в астрономии; именно эта тематика, как мы видели, успешно разрабатывалась Г.М. в конце 1950-х годов [7–10].

«Диалектический материализм как необходимая методологическая основа космологии» [34. С. 12]

И в философско-методологическом плане Г.М. оставался верен своим учителям В.А. Фоку и А.Д. Александрову, которые, как мы уже отмечали, были приверженцами диалектического материализма. Свое диалектико-материалистическое кредо они сохраняли и во времена идеологически вполне «вегетарианские», т.е. поздние 1950–1970-е, а Александров и в 1980–1990-е годы [25. С. 18; 26. С. 339–340; 35. С. 73–75, 95, 140].

Г.М. уже в своей первой космологической статье 1956 г. ссылается на Ленина, Энгельса и диалектический материализм: «Учет принципиальной структурности Вселенной не только устраняет «аргументы» против бесконечности Вселенной во времени и пространстве, но и вполне соответствует общему положению диалектического материализма о том,

что «случайность... резюмируется в необходимости» (концовка из «Диалектики природы» Энгельса. — В.В.) [14. С. 626]. А в начале статьи, обосновывая тезис о бесконечности Вселенной, он ссылается на ленинский тезис о «неисчерпаемости электрона»: «Природа бесконечна, неисчерпаема и не только вглубь («электрон так же неисчерпаем, как и атом», — В.И. Ленин...), но и вширь» [Там же. С. 622]. И далее: «Совершенно очевидно, что и наша Метагалактика, являясь лишь историческим пределом обозреваемой нами части Вселенной, отнюдь не исчерпывает всю бесконечную Вселенную: кроме Метагалактики, за ее пределами безусловно существует бесчисленное множество как подобных ей, так и отличных от нее космических систем» [Там же. С. 623].

Диалектико-материалистическое ядро своей мировоззренческой концепции Г.М. сохранил на протяжении всей жизни. Наиболее подробно он изложил ее в своей монографии «Революции в астрономии, физике и космологии» (1985) и оставил соответствующий раздел без изменений во 2-м (исправленном и дополненном) издании 2008 г. [2. С. 11–19; 34. С. 11–19]. В заново написанном «Послесловии ко второму...изданию» он также не упомянул о каком-либо изменении своего философского кредо (и, тем более, об отказе от него), несмотря на то, что уже с 2003 г. проявлял повышенный интерес к далекой от диамата антропософии Р. Штайнера [36. С. 344–348].

И Фок, и вслед за ним и Г.М. ценили однородные нестационарные модели Фридмана и за то, что они объясняли «разбегание галактик», и за то, что в них устранялся гравитационный парадокс. Но они не считали возможным их распространение на Вселенную в целом, так как «такая точка зрения представляется неудовлетворительной в философском отношении» (Фок) [25. С. 464]. А «общефилософская сторона наших взглядов на теорию пространства, времени и тяготения, — писал Фок во «Введении» к цитированной книге, — сложилась под влиянием философии диалектического материализма» [Там же. С. 16]. Г.М. считал важным показать, что бесконечная иерархическая модель тоже устраняет гравитационный парадокс, а в философском, диалектико-материалистическом, плане она более удовлетворительна, чем фридмановские модели (см. его высказывания, цитированные на предыдущей странице настоящей работы).

Антропный принцип и идея множественности миров

Г.М. одним из первых сформулировал знаменитый ныне антропный космологический принцип (АКП) [37, 38]. Особенности нашей Вселенной связывались с существованием в ней жизни (и даже разумной жизни). При этом были мыслимы аналогичные Вселенные, в которых не могли бы появиться не только жизнь, но и вообще какие-либо структуры. Таким образом, идея множественности миров логически следовала из АКП. С другой стороны, исторически ситуация была обратной. Будучи приверженцем идей Фока и Александрова, Г.М. считал, что Вселенная имеет островной характер и должна быть евклидовой на бесконечности и поэтому опираться в большей степени на СТО, чем на ОТО. К этому же его подталкивали и диалектико-материалистические представления о бесконечности Вселенной и пространства-времени, в частности, и о структурной неисчерпаемости ее. Вместе с тем, Г.М. понимал, что наша Метагалактика хорошо описывается фридмановской моделью «расширяющейся вселенной», основанной на ОТО. Благодаря отказу от отождествления Вселенной с Метагалактикой Г.М. фактически предложил такую модель Вселенной, которая была бесконечной и в среднем удовлетворяющей СТО. Ее заполняли миры — метагалактики, расширяющиеся по одному из фридмановских сценариев. Наша Метагалактика при этом обладала, помимо всего прочего, таким набором свойств, который смог обеспечить в ней возникновение разумной жизни. Последнее утверждение и было первой формулировкой антропного космологического принципа, сформулированного в тезисной форме в докладе Г.М. «Структурная бесконечность Вселенной и Метагалактика как типичная обитаемая система» на VI совещании по вопросам космогонии (5–7 июня 1957 г., опубликовано в 1959 г.). Прочитируем четыре (из шести) главных, космологических, тезиса:

«1. Вселенная в целом принципиально не может быть однородной в каком бы то ни было смысле, а должна обладать структурной бесконечностью.

2. Островной характер распределения масс в структурно бесконечной Вселенной позволяет в известной степени привлекать методы классической механики к решению космологических проблем (и, добавим, СТО. — В.В.).

.....

5. Схема бесконечной структурной иерархии Вселенной при учете релятивистского дефекта масс космических систем устраняет гравитационный парадокс в пространственно бесконечной Вселенной без каких бы то ни было геометрических ограничений на распределение этих систем.

6. Анализ условий, необходимых для возникновения и эффективного развития жизни, дает аргументы в пользу того, что космическая система наверняка (независимо от каких бы то ни было начальных условий) становится обитаемой лишь в том, как правило, случае, если эта космическая система включает в себя планеты, обращающиеся вокруг звезд, составляющих целые звездные системы, входящие в “расширяющуюся метagalактику”, которая, подобно нашей Метagalактике, оказывается “замкнутой”, т.е. ее размеры, по крайней мере, сравнимы с радиусом кривизны ее пространства, и ее свойства описываются в первом приближении релятивистскими космологическими моделями “мира”» [38. С. 270–271].

Таким образом, согласно логике Г.М., бесконечная в пространстве и времени иерархическая модель Вселенной вела к идее множественности миров — метagalактик, устроенных, по Фридману. И тогда возникает вопрос: «...Не являются ли основные черты наблюдаемой астрономической Вселенной простым следствием того, что перед нами не произвольная часть бесконечной в своем многообразии Вселенной, а такая конкретная конечная область, в которой жизнь заведомо имела возможность возникнуть и существует в настоящее время налицо?» [37. С. 39]. Положительный ответ на этот вопрос и ведет к АКП. Именно 6-му тезису (собственно к АКП) предшествуют тезисы 1, 2 и 5.

Постэйнштейновская революция

Теперь мы в состоянии воспринять тот комплекс идей, который Г.М. связывал с постэйнштейновской революцией. Бросаются в глаза некоторые характерные черты этой революции и соответствующей картины мира:

- 1) прежде всего это — революция в космологии;
- 2) фундаментальные физические теории, в первую очередь обе теории относительности, а также квантовая механика и теория поля этой революцией непосредственно не затрагиваются;

3) возврат к антропоцентризму благодаря приданию фундаментального значения АКП;

4) ключевые идеи этой картины мира принадлежат, в основном, самому Г.М.

Теперь — слово Г.М. Прочитируем с некоторыми сокращениями несколько фрагментов из его работ, в которых он описывает характерные черты постэйнштейновской революции: «Четвертая (постэйнштейновская) общая естественно-научная революция, начавшаяся с осознания того, что непосредственно данный нам фридмановский макромир (астрономическая наблюдаемая безграничная систематически расширяющаяся Метагалактика) еще не есть вся Вселенная, и сопровождающаяся поисками возможных следов существования хотя бы некоторых внеметагалактических макромиров (например, в виде так называемых черных дыр в нашем макромире) уже привела к необходимому, по существу, постулату о макро-микросимметрии уникальной всеобъемлющей материальной вселенной, а также к основанному на ней необходимому космологическому заключению о структурной неисчерпаемости ее, но еще не завершилась созданием единой физической теории, которая окончательно оправдала бы этот фундаментальный постулат» [2. С. 72–73]. Несколько ранее Г.М. так поясняет существо «постулата о макро-микросимметрии»: «...Вселенная является структурно неисчерпаемым многосвязным многообразием всевозможных односвязных квазизамкнутых макромиров, которые связаны друг с другом посредством элементарных частиц материи. Иными словами, рассматриваемые безграничные макромиры, с одной стороны внешне эквивалентны элементарным частицам, а с другой стороны, сами состоят в конечном счете из своих элементарных частиц, которые в свою очередь скрывают за собой или как бы содержат в себе аналогичные собственные макромиры, внешне эквивалентные им, и т.д. до бесконечности, благодаря чему оказывается, что каждая из элементарных частиц материи потенциально содержит в себе всю структурно неисчерпаемую Вселенную» [Там же. С. 63–64].

Этой концепции Г.М. придерживался до своих последних дней. Прочитируем несколько характерных мест из его большой статьи, опубликованной в 2008 г. Оставив почти без изменения представления о постэйнштейновской революции, он выдвинул на первый план антропный космологический принцип, который «придал всей последовательности

глобальных естественнонаучных революций циклический характер, замкнув последнюю из них (четвертую современную, постэйнштейновскую) с первоначальной (аристотелевской)» [36. С. 318]. Основная же часть постэйнштейновской картины мира осталась без изменения: «Если пространственно-временные свойства уникальной всеобъемлющей Вселенной как целого, при отвлечении от всех ее локальных особенностей, описываются именно специальной теорией относительности (приобретающей тем самым абсолютный статус), то всевозможные отдельные квазизамкнутые макромиры, по крайней мере изнутри, описываются столь же адекватно, напротив, как раз соответствующими общерелятивистскими — так называемыми космологическими — моделями» [Там же. С. 338].

Отмеченная выше цикличность глобальных научных революций побудили Г.М. «к поискам и обоснованию циклически замыкающихся — периодических — систем структурных элементов материи» на всех уровнях ее самоорганизации от физического до психологического, или ментального [Там же. С. 318]. Эту концепцию он также склонен был включить в постэйнштейновскую картину мира, расширяя при этом АКП до его «сверхсильной» формы: «Существование мыслящего Универсума, или Высшего Разума как необходимого предельного и вместе с тем исходного *ментального* элемента Вселенной, наиболее фундаментального, фундирующего все остальные его структурные элементы» [Там же. С. 344].

Что касается идеи макро-микросимметрии, которую Г.М. считал важнейшим элементом постэйнштейновской картины мира и которую почти одновременно в середине 1960-х годов выдвинул он сам и М.А. Марков [39, 40], то, в отличие от Г.М., Марков подчеркивал ее весьма гипотетический характер: «Но отождествляя элементарные частицы с фридмонными системами (т.е. квазизамкнутыми микромирами. — В.В.), мы вступаем на путь гипотетических утверждений, которые мы пока не можем сопоставить с соответствующей теорией элементарных частиц, хотя а priori нельзя утверждать, что подобная теория принципиально не может быть построена» [40. С. 458]. И далее: «Подобная возможность делает Вселенную в целом симметричной в отношении «большого» и «малого», макро- и микроструктур. Такой вариант «Мира в целом» естественно назвать «Микро-Макро-Симметрической Вселенной». В этом

варианте Вселенной осуществляется дальнейшая релятивизация наших понятий «макро» и «микро». Именно для нас окружающий мир представляется макросистемой, но если наш мир является своего рода фридмоном, то для наблюдателя «вне» его эта система может относиться к микромиру» [Там же. С. 460].

Несмотря на философскую привлекательность фридмонной концепции Вселенной [2. С. 72–73], М.А. Марков полагал, что в настоящее время «нет никакого основания считать, что Вселенная в целом обладает именно такой структурой — это просто одна из возможностей в наших экстраполяциях, которая в принципе могла бы оказаться соответствующей действительности» [Там же. С. 460]. И хотя последующие достижения космологии и фундаментальной физики не были связаны с развитием этой концепции и отодвинули ее на периферию, Г.М. оставался верным ей. Более того, поскольку фридмонные макромиры могли рассматриваться погруженными в пространство-время Минковского, то, по его мнению, «сочетать квантовые представления о дискретном строении материи... необходимо не столько с ОТО, сколько как раз с СТО» [41. С. 307]. Но последнюю проблему можно считать решенной, так как существующая стандартная модель основана на лоренц-ковариантной квантовой теории поля в ее калибровочном варианте. И поэтому, согласно Г.М., синтез ОТО и квантов и связанный с ним суперструнный подход оказываются, по меньшей мере, вовсе не центральной проблемой постэйнштейновской революции.

Важнейшей же чертой постэйнштейновской революции, особенно в последние годы, Г.М. считал возврат к антропоцентризму, на первый взгляд, полностью преодоленному эйнштейновской революцией: «Антропоцентризм, казалось бы, окончательно выдворенный прочь за пределы науки,... в конце концов все-таки вернулся в нее (через ее, к счастью, не зашторенное окно) в виде фактически впервые введенного автором в современную космологию... так называемого Антропного Космологического Принципа (АКП)» [36. С. 315–316].

Два замечания по поводу концепции макро-микро-симметрии. Во-первых, Г.М. всегда при ее изложении ссылался на М.А. Маркова, хотя считал, что сам выдвинул ее несколько раньше. Марков, насколько мне известно, никогда не упоминал о работах Идлиса. Кстати говоря, близкие идеи

развивал примерно тогда же К.П. Станюкович, на которого не ссылались ни Марков, ни Идлис. А.Л. Зельманов в своем блестящем очерке развития космологии (1967) упомянул всю тройку (планкеоны Станюковича, максимоны Маркова, «аналогия между Метагалактикой и некоей частицей, которая с внешней стороны является элементарной» Идлиса) [15. С. 389]. Добавим, что Марков одним из главных истоков идеи «микро-макро-симметричной Вселенной» считал статью О. Клейна, опубликованную в 1961 г. [42. С. 317]. Во-вторых, хотя эта концепция в дальнейшем не получала развития, связанная с ней идея множественности миров, которой Г.М. был верен с 1950-х годов, в настоящее время стала если и не общепринятой, то весьма распространенной. «Концепция множественности вселенных, — как отмечает Н.С. Кардашев и, добавим, как пишет Ю.Н. Ефремов во «Введении» к вышедшей в 2007 г. книге «Астрономия: век XXI», — единственное непротиворечивое объяснение Мироздания. Она возникает неизбежно и в инфляционной космологии, и в современной теории черных дыр. Она давно уже высказывалась и физиками (М.А. Марков и др.), и поэтами. Далеко не все специалисты ее принимают потому, что считают рассуждения на эту тему спекулятивными. Однако слово «спекуляция» в науке означает не обман и не махинацию, а умозрение...» [43. С. 31]. Здесь Ю.Н. Ефремов в числе провозвестников идеи множественности вселенных, наряду с М.А. Марковым, мог бы назвать и Г.М. Идлиса.

Заметим, что М.А. Марков, хотя и в более гипотетической форме, чем Г.М., незадолго до своей кончины неоднократно напоминал об идее микро-макро-симметричной вселенной [42. С. 317–318; 44. С. 620].

Парадокс Идлиса, касающийся соотношения СТО и ОТО

ОТО локально устроена, как СТО, подобно тому, как поверхность локально эквивалентна плоскости. К тому же, согласно Эйнштейну, специальный принцип относительности (и связанные с ним инерциальные системы отсчета) включается в общий принцип относительности (и связанные с ним произвольно движущиеся системы отсчета). Наконец, ОТО переходит в СТО (соответственно, псевдориманово пространство — в пространство Минковского), когда основная

мера кривизны, тензор Римана–Кристоффеля устремляется к нулю (или становится равным ему). Поэтому ОТО общее СТО (так же, как квантовая механика общее классической механики).

Однако космологические соображения, в том числе неприемлемость для Г.М. отождествления расширяющейся фридмановской вселенной с Вселенной вообще или в целом (последнюю он представляет себе как бесконечную совокупность фридмановских миров, погруженных в плоское, псевдоевклидово пространство-время СТО), вели его к переоценке статуса и соотношения СТО и ОТО.

В своей работе 1956 г. [14] он показал совместимость такой модели (СТО справедлива глобально, ОТО описывает отдельные миры, которых много, а потому ОТО справедлива только локально) как с устранением гравитационного парадокса, так и с диалектико-материалистической философией. В итоге, СТО и ОТО в космологическом плане поменялись местами. Кстати говоря, «спасение от апорий» (см. эпиграф) означало как раз устранение в такой модели гравитационного парадокса.

Но это ведет к своеобразному парадоксу. СТО, при наличии гравитации справедливая лишь локально и потому являющаяся своеобразным частным случаем ОТО, в космологическом отношении охватывает всю бесконечную Вселенную, оставляя ОТО место для описания отдельных миров типа нашей Метагалактики.

Это напоминает необходимость прибегать к классической механике, классическим приборам при интерпретации квантовой механики, согласно Н. Бору [45], несмотря на то, что квантовая механика общее классической, так как последняя получается из первой при $\hbar$ (постоянная Планка), стремящейся к нулю [46. С. 163].

В 1956 г. Г.М. так писал об этой инверсии соотношения СТО и ОТО: «Конечные однородные релятивистские модели с отличной от нуля плотностью масс (описываемые ОТО. — В.В.) могут претендовать на приблизительное описание Метагалактики, но отнюдь не всей Вселенной в целом. Учет принципиальной структурности Вселенной... устраняет «аргументы» против бесконечности Вселенной во времени и пространстве (фактически, в ее простейшем спецрелятивистском варианте. — В.В.)» [14. С. 626]. Такое парадоксальное понимание соотношения СТО и ОТО Г.М. сохранял и в последние годы.

В работе 2008 г. он писал об этом следующим образом: «Если пространственно-временные свойства уникальной всеобъемлющей Вселенной как целого, при отвлечении от всех ее локальных особенностей, описываются именно специальной теорией относительности (приобретающей тем самым абсолютный статус), то всевозможные отдельные квазизамкнутые миры, по крайней мере изнутри, описываются столь же адекватно, как раз соответствующими общерелятивистскими — так называемыми космологическими — моделями» [36. С. 338].

Итак, чтобы осмыслить идлисовскую «переоценку всех теорий», прежде всего парадоксальный пересмотр соотношения СТО и ОТО, нам пришлось вникнуть в особенность творческой биографии Г.М., в его достижения в области астрофизики и космологии, рассмотреть его концепцию научных революций и философские взгляды. В становлении Г.М. как ученого (физика, астронома, космолога) огромную роль играли его учителя В.А. Фок, А.Д. Александров и В.Г. Фесенков. Именно их понимание обеих теорий относительности и космологии, а также их приверженность к «просвещенному диалектическому материализму» решающим образом повлияли на работы Г.М. по космологии и применениям теории относительности в астрономии. Ключевой при этом была первая космологическая работа Г.М. (1956), в которой он показал, что иерархическая модель многих миров-метagalактик, погруженных в глобальное бесконечное плоское пространство-время, непротиворечива и более удовлетворительна с диалектико-материалистической точки зрения. Фридмановские модели сохраняли лишь локальное значение, претендуя на описание лишь отдельных метagalактических миров.

Идея множественности миров стимулировала поиск критериев выделенности среди них именно нашей Метagalактики. На этом пути Г.М. пришел к антропному принципу (1957–1958), одному из своих главных космологических достижений. Идея макро-микро-симметричной Вселенной, выдвинутая им (а также независимо М.А. Марковым и К.П. Станюковичем), соединила космологию с микромиром и привела Г.М. к мысли, что проблема синтеза ОТО и квантов не является актуальной, поскольку Вселенная в целом основана на СТО, а синтез СТО и квантовой теории уже осуществлен в квантовой теории поля. Считая космологию «фундаментом всего теоретического естествознания», Г.М. разрабатывает концепцию четырех научных революций

(аристотелевская, ньютоновская, эйнштейновская и пост-эйнштейновская), в основе которой лежит радикально преобразующееся космологическое ядро. В еще не законченной пост-эйнштейновской революции, как считал Г.М., именно СТО применима к Вселенной в целом, в то время как ОТО и основанные на ней фридмановские модели описывают лишь отдельные метагалактические миры. Соответствующая переоценка статуса СТО и ОТО, основанная на их значении для космологии, до некоторой степени, подтверждалась интерпретациями этих теорий В.А. Фоком и А.Д. Александровым. Это ведет к противоречивой ситуации, поскольку СТО в теоретико-физическом отношении является частным случаем и локальным приближением ОТО («парадокс Иддиса»).

Что касается пост-эйнштейновской революции, как ее понимал Г.М., то она отражает уровень развития космологии середины 1960–1970-х годов и не включает достижения последних десятилетий, связанных с инфляционной концепцией и открытием темной энергии. Вместе с тем, некоторые ее особенности в известной степени созвучны современной космологии (множественность миров, антропный принцип, плоский характер метрики пространства и т.д.). Кстати говоря, сохраняет свое гипотетическое значение и идея макро-микро-симметрии Вселенной. Так, в современном учебнике по космологии (2010) при обсуждении полузамкнутых миров авторы замечают: «В частности, можно выбрать такие начальные условия, что для внешнего наблюдателя масса будет равна нулю или очень мала (например, равна массе электрона), а для внутреннего — это будет огромная вселенная. Может быть, мы живем в таком мире» [47. С. 68].

За пределами этой статьи остается еще один парадокс, характерный для Г.М., — это его философская позиция, в которой приверженность к диалектическому материализму [34] сочеталась с увлечением антропософией Р. Штейнера [36].

Литераура

1. *Иддис Г.М.* В поисках истины: Поэтические наброски творческой автобиографии. — М.: Агар, 2004. 189 с.
2. *Иддис Г.М.* Революции в астрономии, физике и космологии. — М.: Наука. 1985. 232 с.
3. *Иддис Г.М.* Онтология естествознания и антропный космологический принцип в свете антропософии / Исследования по истории физики и механики (ИИФМ). 2007. — М.: Наука, 2008. С. 314–352.

4. *Грицук Л.П.* Он жил наукой / Яков Борисович Зельдович (воспоминания, письма, документы). Изд. 2-е, доп. — М.: Физматлит, 2008. С. 299–306.
5. «Я пришел в ИИЕТ...» Вспоминают ветераны / Авторы-составители С.С. Илизаров, М.В. Мокрова. — М.: Янус-К, 2008. С. 46–50.
6. *Идлис Г.М., Гриднева С.А.* Новые методы определения масс космических систем на основе эффектов теории относительности // Известия Астрофизического института (АФИ) АН Казахской ССР. 1959/1960. Т. IX. С. 78–85.
7. *Идлис Г.М.* Силовое взаимодействие массивных излучающих тел // Известия АФИ АН Казахской ССР. 1960. Т. X. С. 3–14.
8. *Идлис Г.М., Гайнуллина Р.Х., Курмакаев З.Х.* О видимом сжатии далеких сферических компонент кратных галактик из-за эффекта Эйнштейна // Известия АФИ Казахской АН ССР. 1962. Т. XIV. С. 3–18.
9. *Идлис Г.М.* О рациональных основах и актуальных проблемах теоретических моделей галактик // Труды АФН Казахской ССР. 1965. Т. V. С. 105–178.
10. *Идлис Г.М., Курмакаев З.Х.* Об астрономических применениях теории относительности // Там же. С. 179–190.
11. *Идлис Г.М.* Эффекты гравитационных линз (от Эйнштейна и Хвольсона до современности) / ИИФМ. 2003. — М.: Наука, 2003. С. 190–204.
12. *Идлис Г.М.* Релятивистская космология и структурная неисчерпаемость Вселенной: их физико-математические и метафизические (философские) основания // ИИФМ. 1995–1997. — М.: Наука, 1999. С. 125–140.
13. *Идлис Г.М.* Причинность как основа космологии // Известия АН Казахской ССР. 1961. Т. XII. С. 37–55.
14. *Идлис Г.М.* Теория относительности и структурная бесконечность Вселенной // Астрономический журнал. 1956. Т. XXXIII. Вып. 4. С. 622–626.
15. *Зельманов А.Л.* Космология // Развитие астрономии в СССР. — М.: Наука, 1967. С. 320–390.
16. *Фок В.А.* Теория пространства, времени и тяготения. — М.: ГИТТЛ, 1955. 504 с.
17. *Идлис Г.М.* Учитель / Академик Александр Данилович Александров. Воспоминания. Публикации. Материалы. — М.: Наука, 2002. С. 240–256.
18. *Александров А.Д., Идлис Г.М.* Вклад В.А. Фока в релятивистскую теорию пространства, времени и тяготения / ИИФМ. 1998–1999. — М.: Наука, 2000. С. 36–50.
19. *Горелик Г.Е.* Владимир Александрович Фок: философский урок истории физики / ИИФМ. 1998–1999. — М.: Наука, 2000. С. 50–71.
20. *Владимиров Ю.С.* В.А. Фок и принципиальные вопросы теории пространства-времени и взаимодействий / Там же. С. 26–36.

21. *Владимирова Л.Ф.* В.А. Фок. Жизнь и творчество. — СПб.: СПбГУ НИИХ, 2000. 236 с.
22. *Фок Н.В.* Владимир Александрович Фок (биографический очерк) / ИИФМ. 1998–1999. — М.: Наука, 2000. С. 5–25.
23. *Фок В.А.* О движении конечных масс в общей теории относительности / Альберт Эйнштейн и теория гравитации. Сборник статей. — М.: Мир, 1979. С. 232–284.
24. *Фок В.А.* Некоторые применения идей неевклидовой геометрии Лобачевского к физике / *А.П. Котельников, В.А. Фок.* Некоторые применения идей Лобачевского в механике и физике. — М.-Л.: ГИТТЛ, 1950. С. 43–87.
25. *Фок В.А.* Теория пространства, времени и тяготения. Изд. 2-е. дополн. — М.: ГИФМЛ, 1961. 564 с.
26. *Александров А.Д.* Владимир Александрович Фок / Академик Александр Данилович Александров. Воспоминания. Материалы. — М.: Наука, 2002. С. 339–344.
27. *Александров А.Д.* Из записей устных воспоминаний А.Д. Александрова / Там же. С. 271–285.
28. *Залгаллер В.А.* Воспоминания об А.Д.Александрове и его ленинградском геометрическом семинаре (1945–1963) / Там же. С. 15–33.
29. *Идлис Г.М.* Об инерциальности гармонических систем координат в общей теории относительности (1951) / Приложение II к [18]. С. 40–50.
30. *Александров А.Д.* Пространство и время в современной физике / *А.Д. Александров.* Проблема науки и позиция ученого: Статьи и выступления. — Л.: Наука, 1988. С. 92–119.
31. *Александров А.Д.* Философское содержание и значение теории относительности / Философские проблемы современного естествознания. Труды Всесоюзного совещания по философским вопросам естествознания. — М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 93–136.
32. *Александров А.Д.* Пространство и время в современной физике в свете философских идей Ленина / Физическая наука и философия / Отв. ред. М.Э. Омельяновский. — М.: Наука, 1973. С. 102–140.
33. *Гуц А.К.* Семинар «Хроногеометрия» Новосибирского университета и исследования по основам теории относительности / Академик Александр Данилович Александров. Воспоминания. Материалы. — М.: Наука, 2002. С. 106–120.
34. *Идлис Г.М.* Революции в астрономии, космологии и физике. Изд. 2-е. испр. и дополн. — М.: Либроком, 2009. 336 с.
35. *Александров А.Д.* Проблема науки и позиция ученого: Статьи и выступления. — Л.: Наука, 1988. 510 с.
36. *Идлис Г.М.* Онтология естествознания и антропный космологический принцип в свете антропософии / ИИФМ. 2007. — М.: Наука, 2008. С. 314–352.
37. *Идлис Г.М.* Основные черты наблюдаемой астрономической Вселенной как характерные свойства обитаемой космической системы // Известия АФИ АН Казахской ССР. 1958. Т. VII. С. 39–54.

38. *Идлис Г.М.* Структурная бесконечность Вселенной и Метагалактика как типичная обитаемая космическая система (тезисы доклада) / Труды VI совещания по вопросам космогонии (Москва, 5–7 июня 1957 г.). Внегалактическая астрономия и космология. — М.: АН СССР, 1959. С. 270–271.
39. *Идлис Г.М.* О структуре и динамике Метагалактики / Философские проблемы теории тяготения Эйнштейна и релятивистской космологии. — Киев: Наукова думка, 1965. С. 302–312.
40. *Марков М.А.* Макро-микро-симметрическая Вселенная / *Марков М.А.* Избранные труды. Т. 1. — М.: Наука, 2000. С. 452–460.
41. *Идлис Г.М.* Закономерная «хронология» (хроника–история–логика) радикального пересмотра взаимоотношений и собственного характера основных категорий естествознания / ИИФМ. 2005. — М.: Наука, 2006. С. 292–345.
42. *Марков М.А.* О возможном существовании в природе асимптотической свободы гравитационных взаимодействий // *Марков М.А.* Избранные труды. Т. 2. — М.: Наука, 2001. С. 300–326.
43. *Ефремов Ю.Н.* Введение. Астрономия — от века к веку / Астрономия: век XXI / Ред.-сост. В.Г. Сурдин. — Фрязино: Век-2, 2007. С. 11–32.
44. *Марков М.А.* Размышляя о Вселенной (последняя работа М.А. Маркова) / *Марков М.А.* Избранные труды. Т. 2. — М.: Наука, 2001. С. 600–627.
45. *Алексеев И.С.* Концепция дополнительности (Историко-методологический анализ). — М.: Наука, 1978. 277 с.
46. *Киселев В.В.* Квантовая механика. Курс лекций. — М.: МЦНМО, 2009. 560 с.
47. *Лукаш В.Н., Михеева Е.В.* Физическая космология. — М.: Физматлит, 2010. 404 с.

П.Н. АНТОНЮК

*Московский государственный технический университет
им. Н.Э.Баумана*

ОТ ТЕОРИИ ОСКОЛКОВ К СТРОЕНИЮ ВСЕЛЕННОЙ...

Широта научных интересов Григория Моисеевича Идлиса (Г.М.) и его разносторонняя эрудиция всегда поражали и удивляли. С ним можно было говорить обо всем, он был в курсе новейших научных идей и всегда имел свою особую точку зрения. Во многом наши интересы совпадали. Он занимался теорией осколков, и я посвятил этой проблеме много лет. Особенно важными для меня как исследователя были его знания в области астрономии и строения Вселенной. Статью Г.М. «Бесконечность Вселенной с точки зрения теории множеств» я прочел еще в 1969 г. Поэтому неслучайно эти небольшие заметки посвящены некоторым волновавшим нас обоих вопросам.

1. В 1953 г. Г.М. вывел вероятностный закон распределения по размерам или массам осколков, образующихся при случайном дроблении твердых тел. Число осколков n данного размера r или данной массы m описывается соответственно формулами

$$dn \sim dr/r^4, \quad dn \sim dm/m^2.$$

Закон выполняется при достаточно больших размерах и массах осколков. Этому закону соответствуют наблюдательные данные для астероидов, метеоритов и метеорных частиц. Если вместо числа осколков n рассмотреть их общую массу M , то закон примет «гиперболический» вид:

$$dM \sim dr/r, \quad dM \sim dm/m.$$

В этом случае средний размер осколков c в некотором скоплении равен среднему логарифмическому минимального размера a и максимального размера b :

$$c = (b - a) / (\ln b - \ln a).$$

Через среднее логарифмическое выражается и средняя масса осколков. Свой вывод закона осколков Г.М. показал известному математику А.Н. Колмогорову, заявившему, что с математической точки зрения все сделано правильно.

Существуют также другие варианты закона распределения осколков по размерам или массам. Первый такой закон предложили в 1933 г. немецкие инженеры Пауль Отто Розин и Эрих Раммлер. Аналогичный закон предложил в 1939 г. шведский инженер Эрнст Яльмар Валодди Вейбулл. В 2007 г. мною предложен закон χ -распределения с пятью степенями свободы.

2. Анализируя иерархическую модель Вселенной Ламберта, Григорий Моисеевич пришел к выводу, что Вселенная одновременно имеет бесконечную массу и нулевую среднюю плотность.

Аналогичные утверждения делали независимо друг от друга и другие исследователи. Первым, кто пришел к подобному выводу, был французский математик Поль Пьер Леви, построивший в 1904 г. такую иерархическую модель Вселенной, в которой устранялись гравитационный и фотометрический парадоксы. Спустя 25 лет Леви рассказал о своей Вселенной известным французским физикам Перрену и Ланжевену, а в 1930 г. он, наконец, опубликовал свой результат. Позже Джон фон Нейман говорил: «Мне думается, я понимаю, как работают все остальные математики, но Леви — это словно пришелец с другой планеты. Создается впечатление, что у него есть какие-то свои, особенные методы докапываться до истины, от которых мне, если честно, становится не по себе». Сегодня иерархическую модель часто называют фрактальной, а любая модель Вселенной должна как-то учитывать такие новые понятия, как темная материя и темная энергия.

3. Особенно интересным является предсказание Г.М. существования в периодической системе элементов Менделеева «идеального» химического элемента с максимально возможным номером 118. В последние годы жизни Г.М. такой элемент был открыт. Через несколько дней после ухода Г.М. объявили об открытии предыдущего 117-го элемента.

Элементы же с большими номерами пока открыть никому не удалось. В основе предсказания Г.М. лежит последовательность так называемых магических чисел:

2, 8, 20, 28, 50, 82,...,

определяющая существование магических и дважды магических особо устойчивых атомных ядер.

В ядерной физике предсказывается также существование магических ядер, в которых число протонов равно 120, т.е., другими словами, предсказывается существование 120-го элемента.

Я.И. ГРАНОВСКИЙ

*Институт физики горных процессов
Национальной Академии наук Украины, г. Донецк*

МОЙ ДРУГ ГРИША¹

О милых спутниках, которые наш век
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: «их нет»,
Но с благодарностью — «были»...

В.А. Жуковский

Весна 2010-го года принесла ошеломляющую весть — в Москве скончался мой лучший друг, ГРИГОРИЙ МОИСЕЕВИЧ ИДЛИС (для меня просто Гриша). Мы с ним дружили более 60 лет и, хотя жили в разных городах, регулярно встречались. Не буду говорить об этом, а просто поделюсь воспоминаниями о нашей юности, учебе в КазГУ — уже больше некому рассказать об этом.

Начало, оно очень важно, в нем — зерно будущего...

Время и место. Преподаватели

Это началось в 1948 г., когда я поступил на 1-й курс физико-математического факультета Казахского университета (КазГУ) в Алма-Ате. Тяжкое было время, всего полгода назад отменили продуктовые карточки, мы донашивали шинели, гимнастерки и сапоги отцов. А езда... я жил на Алма-Ате I (Кагановичский район), в 15 км от университета, и

¹ Прошу простить столь панибратский заголовок, но ведь называть друга по имени-отчеству — нонсенс.

каждое утро в 6 часов уходил на «горветку» — пригородный поезд, который приходил на Алма-Ату II (в «город») в 7:30 утра — до начала лекций можно было поспать на задней парте. И так — пять лет...

Наш факультет состоял из двух отделений, физического и математического.

У математиков «царил» профессор Персидский Константин Петрович, академик Казахской АН, крупный специалист в теории устойчивости решений дифференциальных уравнений. Его окружал сонм учеников, диссертации которых были написаны «на персидском языке», т.е. все по теории устойчивости отдельных уравнений, обыкновенных, в частных производных, их систем (конечных и даже счетных) и т.п. Со временем многие стали докторами наук, среди них Вадим Александрович Харасахал, в ту пору наш ассистент по матанализу (и, кстати, чемпион Алма-Аты по боксу!).

У физиков тоже был свой профессор, Виктор Викторович Чердынцев (у студентов — ВикВик), ученик Я.И. Френкеля. Переехав из Ленинграда в Алма-Ату (не по своему желанию), он бросил теорию («не с кем общаться», по его словам) и углубился в исследование радиоактивности, заведовал кафедрой экспериментальной физики, ездил в экспедиции: там он обнаружил следы урана-233, редчайшего изотопа, установил «предка» четвертого радиоактивного семейства, назвал его серкением². Оба эти открытия отмечены соответствующими дипломами и увековечены на его памятнике в Москве, на Введенском (Немецком) кладбище в Лефортове. Это был удивительный человек, о нем следовало бы написать много и отдельно, но не буду отвлекаться...

Нас, молодых студентов, вводил в курс физики доцент Ершов Алексей Данилович. Как он читал! Я часто забывал, что пишу конспект, заслушиваясь его вдохновенной речью... «Это — как песня!» — сказал однажды кто-то. В 1951 г. его вынудили уехать из Алма-Аты (интриги...), но он не пропал — был проректором по науке во Владивостоке, а потом в Куйбышеве, где создавался новый университет³.

Вспомню и о Надежде Михайловне Петровой, ученице академика В.А. Фока. Она читала электродинамику и кван-

² В память о своем репрессированном брате Сергее и в честь Великого Шелкового пути, по которому пролегали его экспедиции (шелк по-казахски «серике»).

³ В 70-х гг. я дважды по приглашению АД побывал там с лекциями.

товую механику строго в духе учителя, с которым не порывала связи. Несколько позже в Алма-Ату переехал профессор Л.А. Вулис, специалист по газодинамике, он быстро создал целую школу, в которую влились многие «бесхозные» сотрудники.

В общем, у нас были квалифицированные преподаватели, хотя и не блиставшие высокими учеными степенями. Впрочем, со временем они и этого достигли.

Студенты

КазГУ в то время был единственным на весь Казахстан университетом, к нам съезжались отовсюду — в моей группе были двое из Актюбинска (В. Кизнер и П. Усик), а ведь до него — вся республика по диагонали! Было много демобилизованных ребят, старше нас, школьников. Им было труднее учиться, школьную премудрость для них заслонила война.

Вот Коля Сыромятников, Гришин соученик, офицер-артиллерист, коммунист — он стал профессором, зав. отделом в Геологическом институте, ведущем институте Академии, где директором К.И. Сатпаев, президент Академии и «все-союзный академик».

На их курсе училась красавица Майя Лишак, известная всей Алма-Ате женщина-адвокат, — она бросила юстицию (отдала мужу) и взялась за любимую математику, закончила аспирантуру в Москве у проф. А.Г. Куроша и вернулась домой преподавать в КазГУ, увы, ненадолго (рак...).

Однако всех ярче блистал Гриша: он учился тогда на 3-м курсе, был Сталинским стипендиатом и уже опубликовал свою первую научную работу (увы, по математике).

Я совсем не помню, как мы познакомились, скорее всего, на почве шахмат, которыми тогда увлекалась вся страна: Ботвинник — чемпион мира, его окружала когорта гросс'ов — Керес, Смыслов, Бронштейн. На нашем факультете были сильные шахматисты Брижак, Цай, Голяк — кандидаты в мастера. Тогда это был высокий класс. Их знали и ценили известные мастера Уфимцев, Каталымов, позже М. Таль. Гриша сохранил интерес к шахматам на всю жизнь, любил играть острые варианты, я же постепенно остыл (хотя играл по 1-му разряду) — для хорошей игры надо было осваивать груды литературы, а где же взять время...

Как бы то ни было, но к зиме 1949 г. мы уже сдружились: нас было трое — Гриша, его сокурсник Саша Костри-

ца и я, третий, надеюсь, не лишний. С Сашей мы потом работали в Институте ядерной физики, но это было уже в 60-х годах. На их 3-м курсе (так он и остался в памяти третьим) я вскоре стал совсем «своим», иногда ходил на их лекции, просто послушать (позже вместе с ними сдавал теорию Дирака, по лекциям Ершова, так как уже знал, что он уезжает).

О других студентах тоже можно многое рассказать...⁴

Вот, к примеру, Нурлан Исаев, очень изобретательный студент; он скрывал, что его отец, председатель СНК Казахстана, погиб в 1937 г. Или Витя Стафеев, после КазГУ уехал в Ленинград, там вырос в доктора физики, работал с Ж. Алферовым, был директором института в Зеленограде, нашей Силиконовой долине. Оба талантливые ребята, но... водка...

Мечты

О чем мы говорили, о чем мечтали? О науке — время было горячее, на устах у всех была атомная бомба, физики были в почете, а какие конкурсы были на физических факультетах... Вот тогда-то и родилась проблема «физики-лирики». Для Гриши никакой такой проблемы не было — он писал стихи, и это знали все безо всяких публикаций. Вик-Вик тоже писал стихи и даже давал их читать Анне Ахматовой (он же ленинградец), и она их вроде бы не отвергала.

А о чем мечталось? Вовсе не об открытиях, а просто о хороших задачах. Меня всю жизнь манили элементарные частицы, проблема лэмбовского сдвига, а Гриша был на перепутье — как раз в это время к нам начал приезжать проф. А.Д. Александров: его, альпиниста, манил Тянь-Шань и Зайлийский Ала-Тау, а КазГУ был в этом плане хорошей базой. Параллельно с альпинизмом он создал группу студентов-математиков и увлек их своими выпуклыми многогранниками. Окончив университет, часть этой группы (М. Квачко, Л. Погодина, Е. Сенькин) уехали в аспирантуру в Ленинград и вскоре стали кандидатами наук.

Гриша и Аня (они к этому времени поженились) хотя и входили в эту группу, но никуда не поехали. Аня преподавала, была заочной аспиранткой и тоже вскоре защитилась...

Вот вспомнился один случай: сидим, разговариваем и Гриша говорит: «А ведь мы живем под гравитационным ра-

⁴ Я не касаюсь моих сокурсников, из них выросли вполне достойные ученые — но не о них здесь речь.

Григорий с молодой женой в горах, начало 1950-х годов

диусом!» Я: «Как так?» Он: «Гравитационный радиус Вселенной больше ее размера, Вселенная извне (!) выглядит недоступной черной дырой (правда, тогда этого термина еще не было). Можно сказать, как элементарная частица. И у нее тоже несколько параметров, как у частицы. Только они не совсем произвольные — надо их так подогнать, чтобы была возможна жизнь». Вот так, в этом разговоре возник тот самый «антропный принцип»... Спасибо Я.Б. Зельдовичу, который своим авторитетом отстоял Гришин приоритет!

Много разного обсуждали мы в те годы...⁵

Реальность

А в жизни было всякое... В 1951 г. Г.М. Идлис окончил учебу, защитив две дипломные работы — по математике и по физике (не мог выбрать!), и получил два диплома!

И тут его, лучшего студента, Сталинского стипендиата, отправили не в науку, а в школу — учить детей. Хотя другие сокурсники пошли в аспирантуру — да тот же Саша Кострица, — став для этого членами партии...

Поймите меня правильно — школа это очень и очень важно, но надо же понимать — человека с таким научным потенциалом делать школьным учителем...

⁵ Об одном таком событии Гриша рассказал в примечании к моей статье в сборнике «Исследований по истории физики и механики. 2008».

Многие студенты были просто ошарашены: выходит, ни к чему хорошо учиться, для комиссии по распределению важны *другие* критерии. Вот так, на таких примерах «воспитывали» молодых специалистов! Им демагогически отвечали: «Ваш кумир, Эйнштейн, тоже был учителем и даже добивался этого».

Да, Эйнштейн некоторое время был школьным учителем, но он быстро попал в патентное бюро и там, а не в школе, нашел себя. Было это в Швейцарии, в начале века, а в наше время (1951 г.) в СССР расстреляли весь Еврейский антифашистский комитет! Идлис — еврей, а его сталинская стипендия — это уже прошлое...⁶

Но мир не без добрых людей — Гриша случайно (!) встречает проф. Л.В. Гульницкого (из Горного института), заместителя директора Института физики и астрономии, и тот советует ему подать заявление в аспирантуру к академику В.Г. Фесенкову. Так он и сделал⁷. Гриша успешно сдал экзамены, и Гороно был вынужден его отпустить, хотя шел уже октябрь месяц! Так закончилась школьная карьера будущего профессора...

Фесенков не пожалел о своем поступке — уезжая из Алма-Аты, он вместо себя оставил директором Астрофизического института профессора (!) Идлиса.

Гриша и здесь был верен себе: став директором, он придумал математическую теорию оптимального научного института и написал об этом книгу в духе НОТ (тогда модной «научной организации труда»). Эта книга сыграла позже важную роль и помогла ему переехать в Москву.

Future in the Past

Тривиальна истина, что будущее заложено в прошлом, но не будем упускать из виду, что для реализации этого будущего необходима регулярная, подчас нелегкая работа. Все

⁶ Интересно, что сам «виновник» этой кутерьмы готовился к сентябрьским занятиям в школе, думал о школьном кабинете физики и о постановке демонстраций на уроках.

⁷ Эту версию мне поведал Гришин сын Боря. Мне известна и другая история: один из наших преподавателей — доц. М. Маркович — поговорил с академиком В.Г. Фесенковым и порекомендовал ему взять хорошего студента в аспирантуру. Не знаю, какая история верна.... А может, обе? Эта история задела многих, многие в городе знали о талантливом студенте и о его «деле».

те 20 лет (вторая четверть его жизни), что Гриша провел в Астрофизическом институте, были заполнены такой работой. Здесь он написал многие статьи по астрофизике, защитил обе диссертации, издал «Динамику звездных систем» и «НОТу» (как ее шутя называла Аня), стал Заслуженным деятелем науки КазССР (однако в Академию его не пропустили!).

Административная деятельность начала его тяготить, но уйти от директорства столь же сложно, как и достичь его... Помог случай: президент «нашей» Академии наук увидел Гришу беседующим с М.В. Келдышем, президентом АН СССР, и сразу сделал «соответствующие» выводы — значит, Идлис вхож в верха, знаком с «самим»...

И вот в 1972 г. Гриша появляется в московском Институте истории естествознания и техники в качестве научного сотрудника. Здесь в полной мере проявилась его широкая эрудиция, но об этом лучше меня расскажут его коллеги по работе, я наблюдал за нею издалека. Хочу только обратить внимание на простой факт — этому институту отдано полжизни (38 лет)!

Эпилог. Попытка портрета

Каким же представляется мне мой друг теперь, когда жизнь прожита, а идеи воплощены в книги и статьи?

Прежде всего и главным образом, исключительно добрым человеком. Это мнение не только мое. Это его качество бросалось в глаза с первых минут знакомства и только укреплялось в дальнейшем, а уж за многие годы — тем более! Эта доброта в нем естественно сочеталась с доверчивостью, подчас просто детской. Он не мог (или не хотел) отделять слова от поступков.

И его счастьем было то, что рядом с ним была его жена Аня (Анна Абрамовна Зильберберг), вполне владевшая этим жизненным умением. Она впитала образ жизни в панской Польше (родилась в Люблине и 11 лет жила там вместе с родителями), как и способ бытия в СССР, и разбиралась в людях куда лучше своего романтического мужа. Но послушает он с улыбкой возражения Ани или мои, а сделает все равно по-своему. Что это? Упрямство, уверенность в своей правоте? Не знаю...

Доброта в сочетании с обаятельностью делали его неотразимым в глазах многих женщин, в изобилии окружавших его⁸.

И вторая сторона — глубокая основательность, то, что называется солидностью. Все его мысли были продуманы до конца и широко обоснованы. Простейший пример — огромная статистика выдающихся ученых, собранная и проанализированная в связи с влиянием солнечной активности на их деятельность.

А вот мнение авторитетного ученого, академика Н.С. Кардашева, близкого знакомого Гриши еще с алматинских времен: «Во-первых, — широта интересов. Во-вторых, — стремление и умение доводить все до конкретных результатов. В-третьих, — фундаментальность соответствующих выводов». Насколько мне известно, никаких ошибок в его работах нет! А посвящены эти работы весьма серьезным вещам. Я не буду перечислять его достижения — он сам описал их в форме поэмы «Итоги» в одной из своих книг («В поисках истины»).

* * *

Что остается после нас? Трудный вопрос...

Уж если о великом Эйнштейне широкие массы помнят только $E = mc^2$ (да и то не все понимают, как показал Л.Б. Окунь), то что говорить о нас, грешных.

И все же, что? «Чтобы, умирая, воплотиться в пароходы, строчки и другие долгие дела», — Маяковский. Да нет, какие там пароходы! Возражает мудрая Ахматова: «Ржавеет золото и истлевает сталь.... *Всего прочнее* на земле печаль и долговечней царственное Слово». С нею солидарен Пушкин: «Я памятник себе воздвиг *нерукотворный*», а Державин прямо спорит с Маяковским: «Металлов *тверже* он и выше пирамид».

Короче, остается Слово, которое «в Начале было» и которое останется навсегда!

Для ученого, каким был Гриша, — это его Мысли, воплощенные в Слова.

⁸ Когда прежний Институт астрономии и физики разделился на Астрофизический и Физико-технический, ВикВик написал короткую эпиграмму: «ИАФ разбился как арбуз/ на две неравных половины./ В одной — весьма солидный груз,/в другой — прелестные блондинки!»

И.Л. ЗИЛЬБЕРБЕРГ

Институт катализа им. Г.К. Борескова СО РАН

ДЯДЯ ГРИША

Перед Вами несколько штрихов к образу Григория Моисеевича Идлиса (ниже «дядя Гриша») в его домашней «системе координат», в которой в основном и делалась его наука.

Работа д. Гриши создавала особый настрой и ритм жизни семьи. Все попадавшие к Идлисам ощущали, мне кажется, притягательную силу этой семьи, для которой наука была своего рода религией и в которой научное творчество «по гамбургскому счету» было основным состоянием. Тетя Аня¹ безусловно поддерживала своего «Григория» и во многом сама создавала такую атмосферу. Ей первой д. Гриша рассказывал о своих научных идеях и фактически посвящал свои работы. Имея острый ум и совершенно трезвый взгляд на реальность, т. Аня давала точные оценки научным затеям мужа и перспективам признания научным сообществом.

Даже такой большой ученый, как акад. А.Д. Александров, испытывал на себе притяжение семьи своих учеников и друзей, Ани и Гриши, судя по его многочисленным остановам у них по случаю приездов в Москву на сессии Академии. И это, несмотря на возможность А.Д. останавливаться в гораздо более комфортных академических гостиницах.

А внешне все выглядело довольно обыденно. В скромно обставленной квартире со множеством книг вдоль стен обычно было тихо. Слышен только ровный гул электрической печатной машинки. Внезапно раздаются несколько громких и резких ударов машинки. Родилось слово. Минут через

¹ Анна Абрамовна Зильберберг — жена Г.М. Идлиса.

пять следующее слово. И так час за часом, день за днем, год за годом. (Проблем с черновиками в семье не было...)

Житейские дела д. Гриша решал вместе с т. Аней, от которой обычно и исходила «постановка задачи». Так они и всплывают в памяти вдвоем: высокий и статный, ласково улыбающийся своей маленькой «Анче», которая что-то оживленно рассказывает. Они всегда были вместе, хотя решения принимала обычно тетя.

Дяде Грише и т. Ане было дано чудесным образом пройти через все трудности сурового времени, в котором прошло их детство, чтобы встретиться и счастливо и достойно прожить совместную жизнь. При этом их семьи и судьбы были настолько похожи, что они, казалось, были рождены друг для друга. Неужели это просто цепь случайностей? Судите сами. Оба из простых и очень сплоченных семей. Гришин папа — зубной техник. Анин папа, по-видимому, на правах политэмигранта работал в Алма-Ате в международной организации помощи борцам революции (МОПР). Мамы — домашние хозяйки. Война привела обе семьи в Алма-Ату, где Гриша и Аня и встретились в университете.

У Гриши была старшая сестра, у Ани — старший брат, к которым они были сильно привязаны всю жизнь. Связи эти были, по-видимому, сильны из-за трагических событий, пережитых вместе в детстве. А было вот что. Летом 1941 г. двенадцатилетнего Гришу со старшей сестрой родители из Ленинграда послали в пионерский лагерь на Украину. Началась война. Неразбериха на транспорте. Никакой связи с родителями. Дети около месяца ехали на поездах домой и когда приехали, на перроне их ждали родители. Оказывается, они приходили каждый день в течение месяца на вокзал встречать приходящие поезда.

Для Зильбербергов война началась на два года раньше. В сентябре 39-го одиннадцатилетнюю Аню ее тринадцатилетний брат Леня² вытаскивал из подвала разбомбленного немцами дома в польском Люблине. Охваченный паникой город. Чудесная встреча с родителями, которые как раз в это время вышли из городской тюрьмы³ благодаря тому, что ох-

² Леонид Адамович (Абрамович) Зильберберг (1926–1982) — брат Анны Абрамовны. Работал инженером на алма-атинском заводе тяжелого машиностроения.

³ За участие в деятельности запрещенной в Польше еврейской коммунистической организации. Интересно, что Леня и Аня в Польше были подпольными пионерами.

рана бежала от немцев. Бог хранил и эту семью, и они смогли беспрепятственно бежать в СССР, жить два года на Украине, а потом эвакуироваться в Алма-Ату⁴.

Университетские годы в Алма-Ате прошли довольно легко и счастливо, ведь они были вместе чуть ли не с первого курса. Припоминается один эпизод, рассказанный д. Гришей. Молодые студенты — Аня с подругой и Гриша — гуляли в парке Горького в Алма-Ате. К девушкам начинает приставать пьяный хулиган. Гриша бросается на выручку, но оказывается повержен агрессивным хамом. И тут уже девушки, спасая Гришу от побоев, как фурии, бросаются на помощь и обращают врага в бегство.

Уже в Москве мне довелось видеть проявления этого бесстрашия т. Ани, которая могла сразу же резко одернуть какого-нибудь хама на улице или в метро, в ситуациях, когда большинство людей старается поскорее ретироваться.

В начале 50-х студенческой семье жилось не очень легко. После окончания университета у сталинского стипендиата были проблемы с получением работы в Академии, которые, однако, удивительным образом вскоре решились сами собой. Тетя Аня и дядя Гриша особо не сетовали на эту пору. Больше вспоминали какие-то забавные моменты. Папа как-то, например, рассказывал, что в Алма-Ате в первые годы семейной жизни д. Гриши и т. Ани молодого человека посылали с ведрами за водой. До колонки с водой была одна или пара остановок на трамвае. Дядя Гриша садился в трамвай, проезжал одну, вторую остановку и, делая полный круг, возвращался без воды. На него не сердились. Напротив, Зильберберги, которые сами из-за бедности не смогли получить образование, уважали и любили своего зятя и рассматривали такие эпизоды как подтверждение его учености.

⁴ Абрам Исаакович Зильберберг и Блюма Беньяминовна Альфабет — родители Ани и Лени — бежали из оккупированного в сентябре 1939 г. польского Люблина. Это было поразительным решением, учитывая отсутствие денег, родственников или друзей в СССР и представления о будущем. Инициатором исхода, как рассказывала т. Аня, была бабушка, которая просто взяла их за руки и повела семью, как Моисей народ израилев.

А проблемы по дороге решал дедушка, который, например, как-то умудрился убедить (при отсутствии образования он достаточно свободно говорил по-немецки и по-русски) немецкого солдата, уже стоявшего на границе, пропустить их на советскую сторону, якобы, в гости к родственникам.

В дяде Грише удивительным образом сочетались неизменное спокойствие (ни разу не слышал, чтобы он повышал на кого-нибудь голос) и внутренняя страстность, которая изредка прорывалась наружу, например, в игре в шахматы, а в последние годы в его стихах. В шахматы д. Гриша играл в атакующем стиле. Если удавалось навязать ему позиционную игру, он скучнел и терял интерес к игре. Также азартно и активно он играл в пинг-понг, держа ракетку особым «китайским» способом. У него был шикарный по тем временам набор для игры (сетка с пластиковыми креплениями к столу и ракетки с гладким резиновым покрытием), привезенный, кажется, из Англии. И мы играли с Борей⁵ и д. Гришей во дворе их дома в Москве на Островитянова. Он вообще страстно любил игру, соревнование с кем-то, что было удивительно для внешне очень уравновешенного, даже немного суховатого и немногословного человека.

Дядя Гриша до конца жизни сохранял живой интерес к новым для себя занятиям и предметам. Показательна в этом отношении история с бильярдом. В каком-то доме отдыха в Подмоскowie, в который они поехали с т. Аней где-то в конце 90-х, д. Гриша «открыл» для себя бильярд. Буквально все свободное время там он проводил за бильярдным столом и постепенно обыграл всех тамошних постояльцев, хотя единственный опыт игры в бильярд у него был в детстве: у него с сестрой был детский бильярд. Еще один аналогичный выезд на отдых был испорчен кубиком Рубика, который как-то случайно попал в руки д. Грише. После первых неудачных попыток собрать кубик и, несмотря на призывы жены бросить эту детскую затею, д. Гриша потерял покой и интерес к окружающему миру на те пару недель, которые потребовались для поиска решения. Так, незаметно и легко прошли дни в доме отдыха. Он, по-видимому, был так устроен, что ему все время просто необходима была пища для ума, и отдых в общепринятом понимании д. Грише был чужд. Это мне стало ясно из его как-то мельком высказанного недовольства по поводу отдыха на море: «там голова совершенно не работает из-за шума волн».

В отличие от многих ученых д. Гриша никогда не отстранялся от семейных забот, а, наоборот, стремился к поддержанию «огня» в семейном очаге вместе с тетей Аней и тратил на это много сил. И, отдавая, получал сторицей. Мне

⁵ Борис Григорьевич Идлис — сын Григория Моисеевича.

кажется, что именно безусловная поддержка жены и созданный ею душевный домашний комфорт немало способствовали научным успехам д. Гриши. В семейном общении он был внимательным слушателем и мудрым советчиком для детей, внуков и родственников. Интересно, что и младшее поколение, в свою очередь, стимулировало д. Гришу на творчество. Так, его идея периодической системы аминокислот и другие его периодические системы возникли под влиянием разговоров о принципах самоорганизации белка, которыми занималась Роза. Другой пример — поэтический «источник», иссякнувший казалось бы навсегда еще в юности, неожиданно для многих забил с еще большей силой и страстью в конце жизни, когда у его внучки Юли⁶ — единственного гуманитария в семье — начали появляться сборники стихов.

Дядя Гриша с удовольствием общался с близкими на разные темы, занимался внуками и даже успел понянчиться с правнуком Сашей в Израиле⁷. В этой семье родители стремились всех собрать, все обсуждать и делать вместе большие и малые дела. Например, Идлисы любили все вместе играть в слова, когда из букв одного большого слова составляются другие.

А когда было необходимо, профессор спокойно выполнял и физическую работу. Не могу забыть, как он возил через всю Москву из Ленинки рюкзаки книг по биологии для дочери, поддерживая ее первые научные работы. Мне довелось быть свидетелем того, как он вставлял стекла в окно в квартире Розы⁸. И это был не единичный случай «рукоделия». В последние годы жизни т. Ани, когда они купили небольшую дачу, д. Гриша удивил нас желанием и умением что-то мастерить своими руками и очень гордился своими дачными надворными постройками.

Счастливым периодом в жизни Идлисов, как мне кажется, была их обсерваторская⁹ жизнь в Алма-Ате в 1960–70 годы. Вспоминаются зимние дни, когда мы с папой и мамой приезжали к ним зимой кататься на горных лыжах.

⁶ Юлия Борисовна Идлис — редактор отдела культуры в журнале «Русский Репортер».

⁷ Сын внучки Григория Моисеевича — Тани Идлис.

⁸ Розалия Григорьевна Идлис — дочь Григория Моисеевича.

⁹ Г.М. Идлис был директором Астрофизического института АН КазССР в Алма-Ате.

Там в окрестностях обсерватории, которая расположена в предгорьях Заилийского Алатау (как в Алма-Ате говорят: «на прилавках») раскинулись яблоневые сады, изрезанные террасами поперек склонов. По этим террасам и катались. Поскольку склоны там довольно крутые, меня (лыжника 6–7 лет) для безопасности доверяли только опеке спокойного д. Гриши. Он ставил меня между своих громадных лыж, и мы с ним катились по террасе с крейсерской скоростью. Потом отогревались и пили чай в служебном домике, где у д. Гриши была комната на втором этаже с большим балконом. С этого балкона мы рассматривали лунную поверхность с помощью небольшого телескопа¹⁰. Благодать!

На этих счастливых моментах и закончить бы сии заметки, но было бы нечестно по отношению к такому сильному и смелому во всех отношениях человеку, как Григорий Моисеевич, не сказать и о самой трудной для каждого теме. В конце жизни д. Гриша стойчески переживал мучительное для него одиночество из-за преждевременного ухода т. Ани, которая была центром семьи и источником ее тепла, и пытался решить последнюю свою задачу объяснения смысла собственной жизни и предсказания ее конца. В ноябре 2009, когда мне довелось последний раз с ним пообщаться, д. Гриша спокойно рассказывал о своей последней идее — о корреляции солнечной активности и сроков жизни крупных ученых — и намекнул, что жить ему осталось года два-три не более. За этими словами чувствовалась не обреченность пожилого человека, а мужество интеллектуала, для которого нет запретных для размышлений тем. Тогда я вспомнил, что задолго до этого, еще при жизни т. Ани, как-то в разговоре д. Гриша обронил, что «нужно тратить жизнь не на “проходные” задачи, а браться за самые трудные проблемы». Сейчас понятно, что это был один из главных жизненных принципов дяди Гриши.

Да упокоится в мире душа его.

¹⁰ Этот телескоп был предназначен для наблюдения солнечных затмений и был подарен Григорию Моисеевичу иностранцами, приехавшими наблюдать полное затмение под Алма-Атой. Однако в те режимные годы их не пустили на место наблюдения органы КГБ, и они уехали расстроенные, но, тем не менее, благодарные Г.М. за теплый прием.

АННОТАЦИИ

А.С. Сонин

Пьер Кюри и физика кристаллов

Работа посвящена 150-летию со дня рождения П. Кюри, выдающегося французского физика. После краткого введения, в котором рассказано о жизни ученого, подробно рассматриваются его работы, посвященные симметрии и асимметрии кристаллов. Также анализируется обобщение найденных закономерностей на симметрию физических явлений в кристаллах. Далее рассказывается об открытии Пьером и Жаком Кюри прямого пьезоэлектрического эффекта. Затем рассматриваются работы П. Кюри по росту кристаллов и, наконец, исследования в области магнетизма.

М.И. Каганов

Professor David Shoenberg — Давид Исаакович Шёнберг (К 100-летию со дня рождения: из воспоминаний)

4 января 2011 г. исполнилось 100 лет со дня рождения крупного физика-экспериментатора Давида Шёнберга. Вся его творческая жизнь связана с Кембриджским университетом (Англия), где он прошел путь от аспиранта Петра Леонидовича Капицы до директора Мондовской лаборатории. Главная его заслуга — исследования осцилляций магнитного момента в металлах, превратившие эффект де Гааза–ван Альфена в надежный источник сведений об энергетической структуре металлов. Интерес Шёнберга к работам И.М. Лифшица, его коллег и учеников по электронной теории нормальных металлов послужил причиной нашего знакомства и способствовал сближению. Воспоминания основаны на личных встречах (иногда необычных) и переписке, в основном деловой (в связи переводом монографии Д. Шёнберга «Магнитные осцилляции в металлах», пер. с англ. В.С. Эдельман, Д.Ю. Шарвин, ред. М.И. Каганов. — М.: Мир), но частич-

но и дружеской. Заметное место в тексте занимает описание обстановки в Советском Союзе в 30-е годы прошлого века, основанные на постсоветских публикациях и рассказах очевидцев.

Б.М. Болотовский

Воспоминания о В.Л. Гинзбурге

Автор воспоминаний познакомился с В.Л. Гинзбургом в конце 1950 г. С февраля 1951 г. по настоящее время (2011) автор работает в Физическом институте Российской Академии наук (ФИАН). По работе он постоянно общался с Виталием Лазаревичем Гинзбургом. В воспоминаниях рассказывается о ФИАНе того времени, о Теоретическом отделе, где В.Л. работал (а затем в течение 15 лет возглавлял его), об обстановке в Институте, в советской науке, и о том, как в этой обстановке жил, работал и поступал выдающийся физик нашего времени.

В.С. Савчук, Е.А. Щербак

Лев Яковлевич Штрум — отечественный физик-теоретик новой волны: мировоззрение ученого и идеи современной физики

Рассмотрена жизнь и деятельность Льва Яковлевича Штрума, забытого отечественного физика-теоретика. Детально изучен его жизненный путь, проведен анализ его публикаций в отечественных и зарубежных изданиях, рассмотрены ключевые физические идеи Л.Я. Штрума, найден ряд новых архивных материалов, что в совокупности дало возможность более полно осветить жизнь и деятельность этого ученого, репрессированного в 1930-е годы.

А.В. Кессених, С.В. Семенов

Юрий Владимирович Гапонов — ученый и гражданин

Юрий Владимирович Гапонов (1934–2009), теоретик, известен работами в области физики атомного ядра и нейтринной физики. Память о нем хранят неформальное сообщество выпускников физфака МГУ, коллектив РНЦ «Курчатовский институт», семинар по истории Атомного проекта СССР, известный коллектив художественной самодеятельности физиков — студия «Архимед».

В 1964 г. Ю.В. Гапонов стал соавтором работы, сыгравшей ключевую роль в понимании природы нейтрино и решении существовавшей 30 лет проблемы дефицита солнечных нейтрино. В ней впервые в мире рассмотрена реакция диссоциации дейтрона на протон и нейтрон в нейтринном потоке, имеющая важнейшее значение для нейтринных исследований.

Юрий Владимирович был признанным экспертом в области нейтринной физики в Институте молекулярной физики РНЦ «Курчатовский институт», в Лаборатории ядерных проблем ОИЯИ, куда он был приглашен совместителем, и в Институте Нильса Бора в Копенгагене. Теоретические оценки масс майорановского нейтрино, полученные Гапоновым, адекватны космологическим данным, полученным к настоящему времени.

Активное участие в общественных процессах и тесное сотрудничество со многими физиками — от своих студентов до самого Нильса Бора — не могли не вовлечь Юрия Владимировича в создание истории современной физики. В 2003 г. Московский художественный театр под руководством О.П. Табакова поставил пьесу Майкла Фрейна «Копенгаген» о драматической встрече В. Гейзенберга и Н. Бора в оккупированном нацистской Германией Копенгагене. Гапонов стал научным консультантом этого спектакля. Замечательный многогранный образ Ю.В. Гапонова — физика, историка, режиссера опер физического факультета МГУ останется навсегда в памяти его коллег и последователей.

Л.Л. Зиновьева

Как родилась релятивистская ядерная физика

Статья посвящена истории рождения релятивистской ядерной физики (РЯФ). Это направление развивалось на дубненском синхрофазотроне под руководством А.М. Балдина. Мало известно, что инициатором нового направления был Г.Н. Флеров, а возникло оно в результате экспериментов по ускорению дейтронов на дубненском синхрофазотроне, предложенных В.И. Морозом.

Для развития релятивистской ядерной физики в Объединенном институте ядерных исследований был создан новый ускоритель — нуклотрон.

В.А. Ерошенко

Механический эквивалент теплоты. Об «анатомии» и фундаментальности экспериментов Джоуля

Джоуль при определении механического эквивалента теплоты (МЭТ) скрупулезно учитывал многие факторы, могущие повлиять на точность экспериментов. Вместе с тем до сих пор остаются недостаточно изученными причины разброса экспериментальных данных о МЭТ у Джоуля и его последователей. За полуторавековой промежуток времени произошли «заиливание» сущности экспериментов Джоуля и недопустимое упрощение сложных термомеханических процессов, протекающих в его установке «падающий груз — мешалка в адиабатическом сосуде с жидкостью».

Впервые выполнен физико-математический анализ работы установки как ярко выраженной диссипативной системы. Показаны теоретические и экспериментальные истоки возможных ошибок при определении МЭТ, что могло привести к система-

тическому завышению величин МЭТ в экспериментах Джоуля и его последователей. Предложена формула для более корректного расчета МЭТ и сформулированы рекомендации по оптимальным условиям проведения экспериментов на установке Джоуля. Приведена аргументация о необходимости ревизовать принятое в качестве физической константы значение $\text{МЭТ} = 426,935 \text{ кГм/ккал}$, или $4,1868 \text{ Дж/кал}$.

В.Х.Козловский

Развитие молекулярно-динамических расчетных методик в учении о тепловых явлениях и их приложений к формулировке уравнений состояния жидких и твердых тел

Больцманом и Клаузиусом было установлено, что уравнения стационарных движений молекул вещества могут быть основой рассмотрения их тепловых свойств и доказательства соотношения, известного как второе начало термодинамики для обратимых процессов. Этот вопрос привлек к себе внимание ряда исследователей, предлагавших оригинальные приемы вывода выражения для энтропии молекулярной системы.

Программа Клаузиуса, состоящая в приложении уравнений динамики молекулярных движений, представленных в усредненной по времени форме, к определению поведения веществ, подвергающихся тепловым и механическим воздействиям, реализовывалась в ряде работ, посвященных выводу уравнений состояния жидких и твердых тел. В ряде курсов, изданных в XIX и в XX веках, встречается рассмотрение отдельных разработок, но они не дают представления о размахе исследований по этим вопросам, который был значительным.

В настоящей работе представлены труды многочисленных исследователей, показывающие, что вопросы молекулярно-динамической теории тепловых явлений решались в широком плане и привели к существенным результатам, особенно в вопросах формулировки уравнений состояния твердых тел.

В XX веке были открыты твердые тела, весьма своеобразно ведущие себя при тепловых, механических и электрических воздействиях, построение теории которых потребовало дальнейшей разработки динамических расчетных методик. Представленная работа имеет как историческую, так и актуальную значимость.

А.А. Сонин

Пьер-Жиль де Жен и жидкие кристаллы

В статье излагается биография знаменитого французского физика-теоретика, Нобелевского лауреата, Пьера-Жиля де Жена (Pierre-Gilles de Gennes). Описывается история создания ученым группы по исследованию жидких кристаллов в Университете Орсе, а также анализируется вклад де Жена в физику этих веществ.

Л.М. Гиндилис

**Григорий Моисеевич Идлис — человек, ученый, мыслитель
(воспоминания о старшем товарище)**

Автор статьи анализирует творчество и делится воспоминаниями о своем коллеге Г.М. Идлисе, с которым его связывала более чем полувековая дружба. Особое внимание автор воспоминаний обращает на фундаментальность и стремление Идлиса понять мир как единое целое, какой бы конкретной проблемы это ни касалось.

Проанализированы астрофизические идеи и работы Идлиса — формулировка антропного принципа и проблема внеземных цивилизаций, которыми он занимался еще в 1960-е годы, но сохраняющие свое значение до настоящего времени.

Даже при решении научно-организационных проблем (в качестве директора Астрофизического института АН КазССР) он не ограничивался их практическим решением, а стремился найти оптимальные стратегии научной организации труда. Именно в монографии «Математическая теория научной организации труда и оптимальной структуры научно-исследовательских институтов» Идлис впервые подошел к проблеме деления разумных индивидуумов на 12 типов по уровню их потенциальных интеллектуальных способностей. Впоследствии он использовал этот результат при развитии концепции единства законов материи на всех уровнях ее организации — от физического до ментального.

Подробно обсуждаются концепция Идлиса о принципиальном единстве фундаментальных законов строения материи на различных уровнях ее организации (физическом, физико-химическом, химико-биологическом и психологическом) и его последняя книга «Космический — солнечный — пульс жизни и разума: всему свое время...», формально посвященная проблеме корреляции творческой активности людей (на примере ученых) и физической активности Солнца, но фактически рассматривающая множество самых разнообразных проблем.

Особое место в творчестве Идлиса занимают стихи, которые часто соседствуют со строгим математическим изложением. Он справедливо считал, что поэтический язык с его образностью, иносказаниями, метафорами, сокровенными смыслами, порой позволяет проникнуть в суть вещей глубже, чем строгий язык науки.

Вл.П. Визгин

Г.М. Идлис и теория относительности

Статья посвящена памяти Г.М. Идлиса. Обсуждается его парадоксальное отношение к теории относительности, согласно которому специальная теория относительности (СТО) является более общей, глобальной теорией, чем общая теория относительности (ОТО), имеющая локальный характер. Чтобы понять этот вывод, пришлось рассмотреть работы Г.М. Идлиса в области

астрофизики и космологии, его концепцию научных революций и его философские взгляды. Показано, что большую роль при этом играло понимание теории относительности его учителями В.А. Фоком и А.Д. Александровым.

П.Н. Антонюк

От теории осколков к строению Вселенной...

Рассматриваются три научных результата Г.М. Идлиса: вероятностный закон распределения по размерам или массам осколков, образующихся при случайном дроблении твердых тел, иерархическая модель Вселенной и предсказание существования 118-го элемента в таблице Менделеева.

ABSTRACTS

A.S. Sonin

Pierre Curie and physics of crystals

This work is dedicated to the 150th anniversary of P. Curie, the eminent French physicist. A short biographical essay of the scientist is given in an introduction. Further on, his works on symmetry and asymmetry of crystals are considered in detail. In addition, the generalization of laws, found by him, on the symmetry of physical phenomena in crystals is analyzed. Next, the discovery of the direct piezoelectric effect by Pierre and Jacques Curie is described. Further on, P. Curie's works on the crystal growth are considered. And, finally, his investigations in the area of magnetism are reviewed.

M.I. Kaganov

Professor David Shoenberg — David Isaakovich Shoenberg (To the centenary of his birth: from the memoirs)

On January 4, 2011 we celebrate 100 years from the birth of an outstanding experimental physicist David Shoenberg. All his creative life was tied to the Cambridge University (England), where he advanced from a post-graduate student of Peter Leonidovich Kapitza to the head of the Mond Laboratory. His main scientific contribution is the extensive study of magnetic oscillations in metals, which turned the effect of de Haas-van Alphen into a reliable source of knowledge about the energy structure of metals. We got acquainted and became close based on Shoenberg's interest in the works of I. M. Lifshitz, his colleagues and students on the electron theory of normal metals. These memories are based on our personal encounters (sometimes unusual) and on our correspondence. The latter was mainly business-related (on the subject of translation of the monograph by D. Shoenberg "Magnetic oscillations in metals", translated by V. S. Edelman,

D. Yu Sharvin, edited by M. I. Kaganov, M.: Mir), but partially it was private. A significant portion of the text is devoted to the description of the atmosphere in the Soviet Union in the 1930s. These parts are based on post-Soviet publications and the stories told by the eye-witnesses.

B.M. Bolotovskiy

Reminiscences about Vitaliy Ginzburg

The author of these reminiscences made acquaintance with V.L. Ginzburg at the end of 1950. Beginning from February 1951 and up to now (2011), the author is a Fellow of Lebedev Physical Institute, Ac. Sc., Russian Federation (FIAN). In his reminiscences he tells of FIAN in past, of Theoretical Department where V.L. Ginzburg worked (during 15 years he was the Head of Department). Also, the situation in FIAN and in Soviet science is touched upon, and it is shown how the outstanding physicist and outstanding personality of our time worked and behaved.

V.S. Savchuk, E.A. Shcherbak

Lev Yakovlevich Strum — domestic physicist-theorist of new wave: world outlook of scientist and modern physics ideas

The article examines the life and work of Lev Yakovlevich Strum. The authors have analyzed the works of L.Ya Strum poring over his life, found a number of new archival materials, which gave an opportunity to illuminate the life and work of this scientist more fully. The publications of the authors in a number of physics journals, which considered the key physical ideas by L.Ya. Strum, an analysis of the social aspects of his activities and the new archival materials led to the idea of a detailed publication in which all these issues would be represented properly.

A.V. Kessenikh, S.V. Semenov

Yury Vladimirovich Gaponov as a scientist and a freeman

The theoretical physicist Jury Vladimirovich Gaponov (1934–2009) is known because of his works in the physics field of atomic nucleus and neutrino. The informal community of graduates of Physical Department, the Moscow State University, the collective of Russian Scientific Center (RSC) «Kurchatovsky institute», members of the seminars on the history of the Soviet Atomic Project, and the well-known collective of amateur performances of physicists the studio «Archimedes» revere his memory.

In 1964 Ju.V. Gaponov had participated as a co-author in the work which played a key role in understanding of the neutrino nature and in the solution of a problem of solar neutrino deficiency which existed for 30 years. For the first time in the world in

this work there is considered a deuteron dissociation reaction for a proton and a neutron in a neutrino stream, having the paramount importance for neutrino researches.

Jury Vladimirovich was recognized as an expert in neutrino physics in the Institute of molecular physics of RSC «Kurchatovsky Institute», in Laboratory of nuclear problems JINR where he has been invited as a part-time worker and in Niels Bohr Institute in Copenhagen. Theoretical estimations of Majorana neutrino mass, received by Gaponov, are adequate to the cosmological data received by now.

Active participation in public processes and close collaboration with many physicists starting with his own student right up to Niels Bohr should get Jury Vladimirovich to take part in making the modern physics history. In 2003 there was put the play «Copenhagen» by Michael Frayn at the Moscow Art Theatre presided by O. Tabakov. This play narrates about a dramatic meeting of W. Heisenberg and N. Bohr in Copenhagen occupied by Nazi. Gaponov became a scientific adviser of this performance. Ju.V. Gaponov is a marvelous many-sided figure as a physicist, historian, and director of operas at the Physical Department of the Moscow State University and he remains such forever in memory of his colleagues and followers.

L.L. Zinovyeva

How relativistic nuclear physics came into the world

The article is devoted to a history of relativistic nuclear physics (RNP) appearance. This direction was developed at the synchrophasotron in Dubna under A.M. Baldin's leadership. It is poorly known that the initiator of a new direction was G.N. Flerov, and it was aroused due to realization of experiments on deuterons acceleration at the synchrophasotron in Dubna posed by V.I. Moroz.

For the relativistic nuclear physics development there was made a new accelerator, named nuclotron, at the Joint Institute for Nuclear Research.

V.A. Eroshenko

Mechanical equivalent of heat. On the «anatomy» and fundamentality of Joule's experiments

During the determination of the mechanical equivalent of heat (MEH) Joule meticulously took into account many factors that can influence the accuracy of experiments. At the same time the reasons of MEH experimental data variation obtained by Joule and his followers remain not studied enough up to now. During one hundred and fifty years the main point of Joule's experiment was slurred over and an impermissible simplification of complex

thermomechanical processes that occur in his aggregate called «falling load-mixer in an adiabatic vessel with a liquid» was made.

The physics-mathematical analysis of aggregate operating as a pronounced dissipative system was carried out. The theoretical and experimental sources of possible errors during determination of MEH which could lead to the systematic overstatement of MEH values in Joule's and his followers' experiments are showed. A formula for more correct calculation of MEH is offered and recommendations about optimal conditions for running experiments on Joule's aggregate are formulated. Reasoning for necessity to inspect the value of MET which is accepted as a physical constant and equal to 426,935 kgm/kcal or 4,186 J/cal is provided.

V.Kh. Kozlovsky

Development of molecular dynamical methods of calculation in heat phenomena studies with application to the formulation of state equations for fluid and solid corps

Boltzmann and Clausius have shown that the equations for steady motion of molecules of matter could be a basis for consideration of their heat properties and for the proof of correlation, known as the second law of thermodynamics for reversible processes. This question attracted attention of some investigators, which proposed original ways to deduce the expression for the entropy of a molecular system.

The Clausius' programme, consisting in application of dynamical equations in the mean-time form for molecular motion to the determination of behaviour of various substances under heat and mechanical action, was realised in some articles, devoted to the derivation of state equations for fluid and solid corps. In some courses, published in the XIX and XX centuries, it can be found the examination of separate elaborations, but they do not give an idea of the scope of investigations, which was considerable.

In this article there are presented works of numerous investigators which show that the questions of the molecular dynamical theory for heat phenomena were solved in the wide plan and led to essential results, especially in the field of formulating of state equations for solid corps.

A.A. Sonin

Pierre-Gilles de Gennes and liquid crystals

A biographical essay about the famous French physicist-theorist, Nobel Prize winner, Pierre-Gilles de Gennes is given in this article. Further on, the history of creation the group for investigation of liquid crystals by this scientist at the University of Orsay is

described, and the analysis of de Gennes' impact on the physics of these substances is given.

L.M. Gindilis

Grigory Moiseevich Idlis as a person, a scientist, a thinker (reminiscences the senior colleague)

The author of the paper analyzes creativity and shares memories on his colleague G.M. Idlis with which more than semi-centennial friendship connected him. the author of memoirs turns special attention on Idlis' fundamentality and tendency to understand the world as a unit to what a concrete problem it concerned.

Idlis' astrophysical ideas and works: the formulation of an an-tropic principle and a problem of extraterrestrial civilizations in which he was engaged in 1960-s years, but keeping the value till now, — are analyzed.

Even for the decision of scientifically-organizational problems (as a director of Astrophysical institute of AN Kaz. SSR) he did not content himself with their practical decision, but aimed to find optimum strategy of the scientific organization of work. In the monograph «the Mathematical theory of the scientific organization of work and the optimum structure of scientific research institutes» Idlis has pioneered in the method of attack to a problem of parceling of reasonable individuals onto 12 types through a level of their potential mental abilities. Subsequently he used this result for development of the concept of unity of laws of matter at all levels of its organization — from physical up to mental.

Idlis' concept about basic unity of fundamental laws of a structure of matter at various levels of its organization (physical, physics-chemical, chemistry-biological and psychological) and his last book «Space — solar — pulse of a life and mind: to all its time ...», formally devoted to a problem of correlation of people creative activity (scientists as an example) and physical activity of the Sun, but actually considering the set of the diversified problems are in detail discussed.

There are verses which often adjoin to a strict mathematical statement occupy the special place in Idlis creativity. He fairly believed that poetic language with its figurativeness, allegories, metaphors, secret senses sometimes let to get into an essence of things more deeply, than strict language of science.

Vl.P. Vizgin

G.M. Idlis and the theory of relativity

The paper is devoted to the memory of G.M. Idlis. It is analyzed his paradoxical relation to the theory of relativity, according to which the special theory of relativity (STR) is a more general,

global theory than the general theory of relativity (GR) which has a local character. It was necessary to consider the work of G.M. Idlis in astrophysics and cosmology, his conception of scientific revolutions and his philosophical views for the comprehension of this conclusion. It is shown that at the same time the understanding of the theory of relativity by his teachers V.A. Fock and .D. Aleksandrov has played an important part.

P.N. Antonyuk

From the fragments theory to a structure of the Universe ...

We discuss three results of G.M. Idlis: the fragments distribution law for sizes and masses, the hierarchical model of the Universe and the prediction of last 118-th element existence in Mendeleev table.

Научное издание

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ
ФИЗИКИ И МЕХАНИКИ**

2011

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института истории
естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН*

Редактор *Л.А. Панюшкина*
Компьютерная верстка
и оформление *М.Н. Грицук*

ИД № 01389 от 30.03.2000
Гигиеническое заключение № 77.99.10.953.Д.005466.07.03
от 25.07.2003

Подписано в печать 23.12.2011
Формат 60х90/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная
Усл. печ. л. 24,0. Уч.-изд. л. 26,4. Тираж 400 экз.

Заказ №

Издательство физико-математической литературы
123182 Москва, ул. Щукинская, д. 12, к. 1

Отпечатано с готовых pdf-файлов ГП «Облиздат»
248640 Калуга, пл. Старый торг, 5

Замеченные ошибки

В сборнике «Исследования по истории физики и механики. 2009–2010» (М.: Физматлит, 2010) в статье Л.Л. Зиновьевой «История создания дубненского синхрофазотрона» (с. 263–286) по вине автора допущены следующие ошибки в ссылках:

Стр. 266 вместо ссылки 33 должно быть 27

Стр. 269 вместо ссылки 26 должно быть 24

Стр. 272 вместо ссылки 29 должно быть 25

Стр. 278 вместо ссылки 38 должно быть 32

Стр. 279 вместо ссылки 32 должно быть 26

Стр. 279 вместо ссылки 33 должно быть 27

Стр. 281 вместо ссылки 37 должно быть 34

Стр. 282 вместо ссылки 40 должно быть 33

Автор приносит свои извинения за допущенные ошибки.